

«Романы Шайлы Блэк – чистое волшебство.
Захватывающие, чувственные и очень вкусные»
Джейн МакГрей

СОБЛАЗНИ МЕНЯ

ТЬМОЙ

СМОЖЕТ ЛИ ОДНА НОЧЬ
ЛЮБВИ СНЯТЬ МНОГОВЕКОВОЕ
ПРОКЛЯТИЕ, ДЕРЖАЩЕЕ
СЕКСУАЛЬНОГО ВОИНА В ПЛЕНУ?

БРАТСТВО СУДНОГО ДНЯ

ШАЙЛА БЛЭК

Он — бессмертный рыцарь, жаждущий удовлетворения.... Увидев впервые Оливию Грей, Маррок уверен, что они встречались в прошлой эре. Он до сих пор помнил ее мягкую и нежную кожу, помнил как она извивалась под его сильным телом..... Морганна! В течение многих столетий, высокий и статный Маррок, был когда-то одним из самых могущественных воинов короля Артура, но однажды, его прокляла ведьма, которую он отверг. Она современная девушка, на пороге таинственного мира магии... Она разделяет мистическую и неодолимую связь с задумчивым Марроком. Вскоре после того, как сексуальный воин посещает ее эротические сны, он похищает ее, требуя снять с него проклятье. Но их напряженная страсть оборачивается более захватывающей и глубокой, чем они себе представляли. Оливия может послужить ключом к его спасению, она сможет прочесть дневник Морганны, чтобы разрушить проклятье, связывающего его жизнь. Но попав не в те руки, книга может нанести непоправимый ущерб всему человеческому и мистическому миру. Один безжалостный колдун возвращается из изгнания и собирает армию тьмы, пока герои ищут ответы. В борьбе против колдуна, Маррока и Оливию может спасти только их любовь и помощь магического Братства.

Глава 1

АНГЛИЯ НАШИ ДНИ

Женщина на пышущем зеленью берегу пруда, показалась ему очень отдаленно знакомой, хотя, до этого момента Маррок Кэдбери никогда ее не встречал. Сочная трава и цветы всевозможных оттенков окружили девушку своим буйством красок. Фоном этой невероятно чувственной картины служил виднеющийся вдали наполненный суетой город.

Однако ничто не могло отвлечь мужчину от созерцания молодого женского тела. Ее в равной степени красивая и опасная нагота оказывала на него совершенно обратное воздействие.

Черные, как смоль, волосы сбились на одну сторону, обрамляя ее бледное плечо и едва скрывая грудь, не давали обделит своим вниманием напоминающий спелую ягоду сосок. От взгляда мужчины также не укрылось и родимое пятно, которое было ему слишком хорошо знакомо.

Она больше не обладала теми платиновыми локонами, в которые он когда-то зарывался своими пальцами. Ее новое лицо было утонченным — более высокие скулы, немного вздернутый нос, мягкие губы... Но бездушная соблазнительница, которую он когда-то знал, не могла обмануть его своим новым обликом. Черные ресницы обрамляли ее фиалковые глаза, до сих пор преследующие его в кошмарах.

Морганна.

Вожделение мгновенно заполонило его разум, плавно продвигаясь к низу живота. Чувственная жажда заставила его член окрепнуть. Он хотел ее с каким-то пугающим отчаянием, как будто никогда до этого не обладал ее телом.

Чушь собачья! Неужели он был настолько глуп, чтобы позволить ей соблазнить себя и

обречь на гибель еще раз?

Всепоглощающая ненависть смешалась с разрывающим на части желанием. Он попытался отвести взгляд, но его глаза, как и прежде, нежно ласкали ее тонкую талию, округлые бедра и влажную плоть между ними. Ее манящая светом улыбка как будто молила о прикосновении к хрупкому телу хозяйки, бросая вызов его намерению уйти.

И Маррок поддался — не смог удержаться.

Морганна околдовала его еще больше, чем в ту ветреную, наполненную сокрушительным удовольствием ночь целую вечность назад. Красноватое родимое пятнышко в ложбинке между грудями возвратило ему воспоминания о бледной луне, под светом которой он уступил искушению и любил ее до бесчувствия.

И за эту ошибку он дорого заплатил. Последними пятнадцатью столетиями своей бессмертной жизни.

Туман клубился вокруг ее тела так нежно, будто ласкал его. Хоть она была красива броской, но смертельной красотой, Морганна в новом облике снова его очаровала.

Н-да, в наши дни такую одержимость лечат разве что в психушке. Но ему было наплевать. Хотелось лишь заполучить коварную сучку, которая освободит его от собственного ада... остальное — до лампочки.

Легкими призывными движениями своих пальчиков девушка подозвала его к себе. Маррок стиснул зубы. Эта уступка будет означать для него лишь продолжение пыток. Но собственное тело больше ему не подчинялось. Скрытый под плотной тканью брюк, его член болезненно напрягся. Ругнувшись, он закрыл глаза. Если ради своей свободы ему придется ей сопротивляться, то он обречен заранее.

Маррок открыл глаза, и новая волна возбуждения завлекла его в свой водоворот. Желание было непозволительной роскошью, но он нуждался в этой женщине. Это чувство было новым, как первый вздох младенца... и столь же радушно принимающим в свои объятия, как чума.

Хотя, наверняка, это иллюзия — очередная уловка Морганны.

Даже когда он впился пальцами в свои бедра, ее взывающие к нему глаза, казалось, выражали мольбу. Маррок уже практически поддался желанию к ней прикоснуться.

Но спустя мгновение она махнула рукой.

Неожиданно она прижала к своей обнаженной груди богато украшенную и до боли знакомую ему красную книгу, которая служила разделяющей полосой между его жизнью и смертью. Девушка отступила.

Нет!

Маррок набросился на нее. Они вместе повалились на землю, путаясь в руках и ногах друг друга. Книга упала рядом, ее злосчастный замок все еще был закрыт. Прежде чем он смог схватить книгу, девушка обвила тонкими ручками его шею и слегка выгнулась, отвлекая мужчину своими пышными изгибами.

— Маррок, люби меня.

Ее просьба буквально пронзила его насквозь стрелой лихорадочного вожделения. Он изнывал от желания глубоко войти в нее, но ему все еще нужно сопротивляться этой роковой женщине.

— Освободи меня, — прорычал он.

Она крепче прижалась к его телу, задевая его эрекцию. Господь свидетель, она уже текла. И мужчина горел для нее ответным желанием. Еще один удар сердца и произойдет

взрыв. Всего лишь пара секунд отделяла его от погружения в теплые волны забытья, где он не помнил, насколько вероломной была эта девушка.

— Открой книгу!

— Ты хочешь меня!

Ее шепот откликнулся легкой дрожью в его теле. К чему сопротивление? Пустая трата времени и сил.

Когда девушка начала извиваться под ним, по его телу побежали вспышки желания. Словно загипнотизированный, он толкнулся ей навстречу и застонал. Потребность обладать ею во что бы то ни стало заполнила мужчину, заглушая крики разума, твердившие об обратном.

Позже. Позже он вспомнит все те причины, о которых сейчас, казалось, совершенно забыл.

Маррок грубо схватил ее ноги и развел их шире.

— Собираешься соблазнять меня, значит, будь готова взять все, что я тебе дам. Все.

— Все, что угодно.

Соски Морганны оставили невидимые ожоги на его груди, когда мужчина поднял ее ноги, удобно располагая их на своих плечах и сокращая расстояние между их телами. Через несколько мгновений его одежда уже валялась ненужными тряпками рядом, и мужчина занял выжидательную позицию у ее лона. Издав преисполненный удовольствия стон, он уткнулся лицом в изгиб ее шеи. Невероятно. Неизбежно. Пьянит как никогда.

Маррок клялся самому себе, что больше никогда не прикоснется к Морганне вновь. Эту клятву он сдерживал веками. Но сейчас... он хотел быть в ней. Снова.

— Все... — повторила она, распаляя его страсть.

Когда он подался вперед, Морганна схватила книгу. Желание оставило его безоружным. Он не мог сдвинуться с места даже для того, чтобы выхватить ту у нее из рук.

Сделав едва заметное движение рукой, Морганна щелкнула замочком книги. Ее красная обложка раскрылась, открывая взору мужчины пожелтевшие от времени страницы. Но спустя мгновение Морганна вместе с книгой исчезли.

— Отдай мне ее! — прокричал он в туман.

Но как девушки, так и книги уже давно и след простыл. Снова. Она снова использовала против него свою силу.

Желание продолжало точить его изнутри, но действующее проклятье никуда не делось. Чувство опустошения безжалостно прокатилось по его душе, оставляя за собой кровоточащие раны. Его страдания бессмысленны. Он никогда не будет оплакивать уход Морганны. Наоборот, он с превеликим удовольствием плюнет на ее могилу, если, конечно, у нее таковая когда-нибудь будет.

— Я ключ, — донес ветер ее мягкий шепот.

— Найди меня.

Маррок вскочил на ноги, подавляя разъяренный рык. Он должен ее выследить. В городском пейзаже, виднеющемся вдаль, он узнал Лондон. Там он сможет ее найти. Его мучения никогда не закончатся без этой книги. И без вкуса ее плоти.

Что-то загрохотало.

С широко раскрытыми глазами Маррок резко вздохнул и сел. На его кровати царил полнейший беспорядок. Делая рваные вдохи, он окинул взглядом окружающее пространство.

Голые стены, резная кровать. Меч под рукой. Пистолет марки "Глок" под подушкой. Его

дом без каких-либо следов недавно занимающего голову тумана. И никакой Морганны.

Книга! Маррок мгновенно вновь окинул комнату взглядом. На прикроватном столике в кожаном переплете лежала виновница его мучений. Книга — источник его нескончаемых страданий, ключ к его свободе — все еще находилась здесь и все еще была закрыта. Это был всего лишь сон. Или послание?

Хотя, прошло уже множество столетий, Морганна не прекращала над ним издеваться, преследуя во сне. Он не посмел отмахнуться от очевидного предостережения — она вернулась в реальность брюнеткой, в чьих силах раскрыть и, возможно, даже украсть книгу.

Полный решимости найти колдунью в ее новом облике, он поднялся с кровати. Его пытку длительным существованием на этой земле может прекратить только она. Он будет преследовать и мучить ее до тех пор, пока она не сделает то, чего он хочет больше всего на свете.

Смерти.

Резкий стук в окно заставил Маррока отвлечься. Такой же звук заставил его проснуться. У него не было гостей уже около десяти лет, и мужчина был бы очень рад, если бы так оно и оставалось. Все гости были для него неожиданными и нежеланными.

Маррок спрятал книгу в сейф, находящийся под половицами в его спальне, и затем, взяв меч, прошел в гостиную. Когда он медленно обогнул угол, его сердце заколотилось с невероятной скоростью, предвкусывая предстоящее сражение. Утренние лучи солнца проникали сквозь стекольную преграду, отражая в воздухе частички пыли и огибая контуром тень неизвестного человека. Если кто-то пришел отнять у него книгу, он будет рад встретить вора кровопролитием. Маррок прокрался вперед и приготовился к атаке. Но тень исчезла. Силуэт сменился слабым звуком шагов снаружи.

Он тихо проскользнул к двери, сжимая в руке свое оружие.

— Эй, чудо природы, — знакомый мужской голос раздался с улицы, сопровождая слова размеренным стуком.

— Ты дома?

Раздраженно вздохнув, Маррок резко распахнул дверь, обнаруживая на крыльце кошмар, по силе воздействия равный тому, что заставил его проснуться. Золотистые волосы спадали на изгиб бровей, под которыми порочной искоркой блестели голубые глаза. Ослепительная голливудская улыбка противоречила той громадной силе, которой обладал этот колдун.

Брэм Рион. Маррок чуть не застонал от внезапно возникшего чувства обреченности. Теперь о покое можно забыть.

— Это ты назвал меня чудом природы? От тебя это звучит настоящим комплиментом.

— Если сегодня у тебя безбашенное настроение, и под «безбашенным» я подразумеваю «сносить головы направо и налево всем и каждому», то я не играю.

Брэм блеснул улыбкой на миллион долларов, которая оставалась все такой же соблазнительной и загадочной, как и четыреста лет назад. Маррок нахмурился и прислонил свой меч к стене. Брэм все также стоял снаружи.

— Ты вообще собираешься пригласить меня, чтобы я смог пройти в твой магический круг, которым ты огородил свой дом? Или мне так и полагается стоять на пороге?

— А что, если я этого не сделаю? — с вызовом в голосе произнес Маррок, слегка приподняв бровь. Он, конечно же, склонялся к последнему варианту.

Мистер Самодовольство, владеющий магией, временами был неплохой компанией... Но Маррок все еще не мог ему доверять.

— Если ты не разрешишь мне войти, я не смогу рассказать тебе кое-что очень занимательное...

Брэм не ушел бы до тех пор, пока не рассказал бы свой секрет. Хотя Маррока мало заботило то, что может поведать ему этот колдун. Ему необходимо найти Морганну в ее новом обличье, затем заставить, вынудить или попросить открыть книгу с проклятьем и, наконец, освободить его.

— Входи, — раздраженно проворчал он.

Брэм вошел в дом и закрыл за собой дверь.

— Дерьмово выглядишь. Ты что, спал во вчерашних брюках?

Маррок уставился на свои помятые хлопчатобумажные брюки.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы стать моей мамочкой?

— Ну, если ты так в этом нуждаешься... — в ответ Брэм пожал плечами, стараясь скрыть искорки озорства в своих глазах.

— Какого черта тебе нужно? Говори и проваливай, — возмутился Маррок, возвращаясь в свою комнату, чтобы захватить свежую футболку и старые джинсы. Затем через гостиную он прошел в ванную.

Брэм последовал за ним, но ему пришлось резко остановиться, так как Маррок захлопнул дверь прямо перед его носом.

Надев чистую одежду, хозяин дома повернулся к зеркалу и пробежался расческой по своим черным волосам. Оттуда на него смотрели глаза древнего существа, наполненные страданиями, гневом и неутоленной жадой. Он действительно выглядел дерьмово.

— Я всего лишь хотел поговорить с тобой, — сказал Брэм через дверь.

— Ты же знаешь, что только что-то действительно важное может затащить меня в этот жуткий лес.

— Важное для тех, кто не понаслышке знаком с магией.

Но не для него.

— Так как я твой единственный друг, это важно и для тебя.

— У меня нет друзей.

Маррок представил, как Брэм стиснул зубы. Этот образ заставил его улыбнуться.

— Тогда, так. Я единственное живое существо, которое знает о твоём бессмертии и все еще разговаривает с тобой.

Маррок пробормотал что-то невнятное и потянулся за своей зубной щеткой.

— Мне это не интересно. Я должен охотиться.

— А местный рынок что, слишком цивилизован для такого пещерного человека, как ты?

Маррок резко открыл дверь ванной, уставившись на Брэма так, как будто тот был кровососущим паразитом.

— Неужели вашей братии так сильно не хватает клоунов, что ДАЖЕ ТЫ удовлетворил требования для открывшей вакансии?

Брэм вздохнул.

— У меня действительно веская причина для визита.

Хоть колдун и любил делать все наперекор ему, Маррок знал, что этот любитель магии не посетит его просто так.

— Ты все равно по-хорошему не отстанешь. Зачем пришел?

— У меня было видение.

Видение. Находиться в одной комнате с чем-то или кем-то магическим было вполне

достаточно для того, чтобы он почувствовал, как его кожа покрывается сыпью. А находиться рядом с Брэмом было сродни пожизненному заключению в лепрозории.

— И при чем здесь я? У тебя должен быть волшебный врач на этот случай.

— Потому что когда мое видение осуществится, ты станешь ключевой фигурой во всем происходящем.

— Но я не собираюсь ни в чем участвовать.

Он прошел мимо Брэма, задев его плечом, и направился на кухню.

— И это ни для кого не секрет. Слышал когда-нибудь о Книге Судного Дня?

— Нет.

— Ее еще называют Дневником Апокалипсиса.

Его незваный гость положил руку на плечо Маррока. Тот сразу же почувствовал едва заметное давление в переносице, а затем и в висках. Мать вашу! Да этот ублюдок пытался залезть в его мысли.

Маррок дернулся и мысленно захлопнул дверь между ними. Брэм отстранился, на его лице отразилось удивление. Очевидно, люди в большинстве своем были не способны скрыть от него свои мысли. Но Маррок не прожил бы и половины своей вечности, если бы не знал пары-тройки уловок.

— Никогда не слышал об этой проклятой книге. Еще раз прикоснешься ко мне или снова попытаешься залезть ко мне в голову, я разрублю то, что у тебя вместо головы, напополам.

— Будет забавно понаблюдать за твоими попытками, человек, — фыркнул колдун. — Ты никогда не видел этой книги? Красная, с позолоченной инкрустацией. Маленькая, богато украшенная и очень старая.

Это очень похоже на... Маррок отбросил эту мысль подальше, прежде чем Брэм смог ее прочитать. Нет причин подливать масло в огонь.

— Ты что-то знаешь.

На лице Брэма отразилось волнение.

— Каждый колдун знает о Книге Судного Дня. Это часть наших преданий. Я думал, ты должен знать что-то о книге, потому что она была создана врагами моего деда.

— Я не особо хорошо знал Мерлина. Почему я должен знать его врагов?

— Ну, Морганна была твоей любовницей.

Маррок скривился лишь при одном упоминании ее имени.

— Ты перепутал девушку для однократного удовлетворения похоти с реальной связью.

— Именно из-за нее ты бессмертен. Она прокляла тебя этой книгой, не так ли?

Ад и все черти, как Брэм узнал об этом?

— Понятия не имею о чем ты.

— Лжец.

— Проваливай! — произнес Маррок и, пройдя к двери, распахнул ее настежь, тем самым указывая, в каком направлении стоит пойти парню.

— Минуточку...

Колдун пристально посмотрел на него.

— Я хочу показать тебе свое видение.

— О чем?

— О будущем. Смотри.

— Держи свои видения при себе, мужик.

Брэм, проигнорировав возражения, схватил его за руку и сделал плавное движение второй рукой перед его лицом. Перед глазами Маррока неожиданно возникло изображение. Он погрузился в него, не имея возможности вернуться в реальность.

Ночь. Темный дом, некогда прекрасный и цветущий, теперь был разрушен. Небольшая группа людей медленно приближалась к запустевшему зданию. Часть присутствующих была одета в серые с красной окантовкой мантии. Другие же — в нормальную одежду, но их глаза были совершенно пустыми. Невольно заинтересовавшись, Маррок попытался более четко рассмотреть происходящее, но спустя мгновение в шоке отшатнулся. Люди в мантиях вели других к дому, используя веревки, туго завязанные на их шеях. Дух предвкушения чего-то значимого царил в глазах сопровождающих.

— Кто эти люди в монашеском облачении? — спросил он.

— Определенно не духовенство. Они являются частью Анарки.

Маррок вздрогнул.

Даже находясь в стороне от основных событий, он был наслышан о хаосе и страхе, который они принесли со своим приходом к власти два века назад. В захудалом особняке в одной из его пустующих комнат, в кругу мерцающих свечей стоял человек в мантии. Его лицо находилось в тени, он нависал над неподвижным обнаженным телом мужчины, которому (если конечно он был человеком) было не больше тридцати лет.

— Как зовут того, что лежит? — спросил Маррок у Брэма.

— Матиас д'Арк.

Даже такой опытный воин, как Маррок содрогнулся при упоминании его имени. Матиас служил магическим воплощением Чингисхана, Калигулы, Влада Дракулы и Ганнибала Лектора в одном лице. Жестокий, умный, хищный. Наслаждение — основной мотив всех его поступков. Истинный дьявол. Колдун, имеющий большую власть и не имеющий ни капли совести, Матиас не мог чувствовать себя счастливым, пока все, кто оказался на его пути, не были поработаны или мертвы.

— Кто такие Анарки? — прошептал Маррок.

— Смотри.

Когда люди вошли в комнату, они образовали круг, подобно расставленным свечам, оставляя некоторых из приведенных силой людей внутри круга, ближе к Матиасу, который все также лежал на полу без движения.

Колдун, который ожидал их, встал над головой Матиаса и поднял свои руки в воздух.

— Мы, называющие себя Лишенными, ждали эту ночь несколько веков. Избранные услышат нашу злость и ярость и будут ощущать лишь ужас и страх, пока не вернут нам все то, что отняли, когда отвергли наш вид. Пока все законы об Общественном порядке, которые запрещают кому-либо с "нежелательными" связями и кровными линиями занимать высокие должности, не будут отменены, они познают лишь войну, боль и смерть. Они не знают, что мы, преданные нашему повелителю, все это время ждали спасения. Сегодня ночью наше терпение будет вознаграждено.

Произносящий речь подошел к людям в мантиях. Другие все также вели себя тихо. В отдаленной части дома начали бить часы... Бом, бом, бом... Двенадцать раз.

Казалось, все находящиеся в комнате люди задержали дыхание. Тишина.

Глаза Матиаса широко раскрылись. Свет свечей дрогнул в это мгновение. Его последователи вздохнули с облегчением. Ведущий церемонии почтительно встал на колени перед Матиасом и прошептал:

— Вы вернулись!

— Мои верные Анарки..., - голос Матиаса был слабым и напряженным.

— Мой сон обманул ожидания Братства, но вы верили в меня. Они считают, что я мертв?

— Именно так, — ответил колдун.

— Превосходно. Они все начали новую жизнь?

— В течении первых нескольких дней Вашего сна.

— Как тебя зовут?

— Зейн Дэнзелл.

— Твой отец служил мне верой и правдой. — улыбнулся Матиас.

— Ты принес то, что мне необходимо?

Зейн с радостью кивнул и затем, прошел по контуру круга загипнотизированных людей. В завершение своего шествия он схватил пузатого человека средних лет и молодую женщину со светлыми локонами в халате и вытолкнул их вперед.

— Прекрасно. МакКиннет? — спросил Матиас.

— Да. Брат члена Совета и его дочь. Вы должно быть страдаете от голода.

Матиас кивнул.

— Пожалуй, да. Приведите женщину в мою комнату. Я скоро к ней присоединюсь.

Один из приспешников послушно выполнил требование. Маррок, наблюдая за происходящим, затаил дыхание. С едва слышным стоном, прилагая большие усилия, Матиас обернулся лицом к старику. Потянувшись к его груди, он резко щелкнул пальцами. Мужчина часто заморгал и едва не задохнулся при виде колдуна.

— О, боже! — он попытался отойти назад, чтобы вновь слиться с кругом.

— Вы!

— Я. - слабо улыбнулся Матиас.

Двое в мантиях схватили старика под руки.

— Нам его поддержать? — спросил один из них. Его голос был сочился низменным желанием услужить.

— Да. Мы должны доказать, что законы ведьм и колдунов меняются.

МакКиннет продолжал сопротивляться, когда Матиас сделал несколько невероятно сложных для него шагов и схватил старика за горло.

— Нет. Нет! — закричал мужчина.

— Пожалуйста...

— Умолкни! Не нуждался бы я так в энергии, я бы, возможно, не стал тебя наказывать. Твоя ненависть и страх слегка поддержат мои силы. А твоя племянница с молодым и сочным телом даст мне намного больше. Восхитительно.

— Пожалуйста, нет, — залепетал МакКиннет.

— Орофа очень милая девочка и у нее еще вся жизнь впереди. Она ничего не знает об опасности и боли...

— Тогда я с радостью прослежу за ее обучением.

Сделав знак отпустить его, Матиас одарил МакКиннета торжествующим взглядом. С безумной усмешкой на губах, он положил свою руку старику на грудь. Не прошло и секунды, как стены комнаты содрогнулись от крика. Из его пор брызнула кровь, моментально впитываясь в его желтую рубашку. Старик побледнел, стараясь оттолкнуть колдуна или нанести ему хоть один ответный удар. Но спустя мгновение его глаза закрылись. Мужчина

резко упал. Мертвый.

Плавным движением руки Зейн снял рубашку с тела старика, предъявляя взгляду присутствующих расплывшуюся по груди жертвы метку Матиаса, напоминающую собой мелкие многочисленные ожоги.

— Хорошая работа, — произнес Матиас, обращаясь к Зейну.

— Теперь я покину вас на некоторое время и, пожалуй, познаю вкус уединения с девушкой. Ее страх и гнев прямо таки опьяняют меня своей силой.

— Господи Боже! Он что, собирается убить девушку так же, как и ее дядю? — потрясенно произнес Маррок.

— Подобная смерть — рай, по сравнению с тем, что ей предстоит перенести. Ее мучения будут хуже. Гораздо хуже.

Маррок прошелся взглядом по всем последователям колдуна.

— И никто ей не поможет?

— Кто? Лишенные «наказывают ее», потому что она Избранная. Матиас использует ее для восстановления своих сил и сделает это так, чтобы ее смерть послужила предостережением для остальных.

Отскочив в сторону, Маррок потянулся за своим мечом. Он никогда не был сторонником пыток и насилия над невинными. Матиаса нужно остановить. Но когда он уже было хотел сорваться с места, Брэм дернул его обратно.

— Ты не можешь перенестись в мое видение. Оно пока еще не произошло. Смотри. Дальше интересней.

— Крошка МакКиннет очень непокорна, — сказал Зейн Матиасу.

— Она одарит Вас сторицей.

— Превосходно. Завтра отправишь труп ее семье. Настало время Избранным узнать о том, что их наихудший кошмар вернулся.

— Я прослежу за этим.

— Что с другой целью?

— Мы все еще ищем.

— Мне нужна эта книга. С ней я смогу делать все, что угодно.

— Анарки сделают все, что для этого потребуется. Я обещаю.

Видение подошло к концу. Брэм медленно отпустил Маррока. Он моргнул, возвращаясь к настоящему. Затем его взгляд переместился на Брэма.

— Вот черт! Значит, по твоим словам, это еще не произошло?

— Пока нет.

Маррок облегченно выдохнул.

— Тогда этого может и не произойти. У тебя нет никаких доказательств, что это действительно случится.

— Кроме того факта, что за всю свою жизнь я никогда не ошибался.

Маррок надеялся, что это было лишь самонадеянное хвастовство, и поэтому ужасно возмутился из-за того, что Брэм заставил его почувствовать к бедным МакКиннетам.

— Почему ты думаешь, что мне не все равно?

— Такая же проблема постучится и к тебе. Очень скоро.

— Потому что Матиас ищет этот Дневник Апокалипсиса, который, как ты думаешь, находится у меня?

— Да. Никакая другая книга не сможет дать ему и половины такой силы. Имея ее все,

что ему нужно будет сделать, так это записать свои желания на ее страницах, чтобы воплотить в реальность любую трагедию, которую он только захочет — даже сам Апокалипсис.

Возможно, Брэм говорил правду... Но, может быть, он создал ужасную сцену для того, чтобы манипулировать Марроком и тем самым заполучить книгу для себя. Ведь он мог использовать ее для своих собственных желаний. Ни для кого ни секрет, что Брэм был искусным мошенником.

А Матиасу вначале нужно будет открыть книгу, чтобы он смог использовать ее сам... И, возможно с магией, которая у него была, он был в состоянии это сделать.

— Уверен, ты понимаешь, что нам необходимо найти и сохранить книгу, — продолжил Брэм.

— Ты поможешь мне?

— Матиас — такой же колдун, как и ты. Наложил заклинание, чтобы удостовериться в том, что он никому не сможет навредить.

— Хорошая мысль, но магия так не работает. Матиас происходит от сильнейшей кровной линии, потомки которой рождаются с высокой предрасположенностью к поглощению чужой энергии. Как ты уже видел, он питается болью других — и даже может заставить жертву насильно испытать наслаждение. Такие вещи делают его очень сильным. И если он вернулся, значит, у него есть такая магическая защита, о которой мы можем только догадываться. Поэтому, пожалуйста. Отдай мне книгу.

Маррок схватил его за воротник дизайнерской рубашки и прижал к стене. Он не поверил ни единому слову Брэма. Как внук Мерлина, этот колдун был наделен могущественной магической силой. К тому же Маррок никогда не был приверженцем теории «враг моего врага — мой друг»

— Больше ни слова о книге, иначе ты почувствуешь, как мой меч проделывает в тебе дыру!

Брэм сбросил с себя его руки и совершенно невозмутимо поправил рубашку.

— Я так понимаю, это означает "нет"! Жаль. В таком случае многим людям суждено умереть. Но ты ведь рассматриваешь смерть как благословение, не так ли?

— Даже если книга бы находилась у меня в руках, с какой такой радости я должен тебе ее отдать?

— Потому что это спасет тебя от боли. Матиас придет за тобой, как только поймет, что она у тебя.

Брэм прошел в гостиную и удобно устроился на одном из мягких стульев, закинув ноги в ботинках прямо на стол. Маррок заскрипел зубами.

— Я ничего не знаю.

— Ага, давай! Продолжай и дальше строить из себя идиота.

Лицо Брэма озарила слабая улыбка.

— Но у меня также есть и вторая причина для того, чтобы напроситься к тебе в гости. Есть кое-кто, с кем я хотел бы тебя познакомить. Владелица новой художественной галереи.

В период своей вечной погони за Морганной общение значилось последним в списке его дел, на которое он мог потратить свое время.

— Нет!

— Это — великолепная возможность. Место называется "Магическое прикосновение".

Спустив ноги на пол, он немного подался вперед, локтями опираясь о колени.

— Галерея еще совсем новая. Недавно открылась...

— Ничего из этого меня не интересует. Мне нужно съездить в Лондон.

— Ты? Лицом к лицу с цивилизацией? По доброй воле? — челюсть Брэма чуть не повстречалась с полом.

— Я ищу женщину.

— Хочешь еще разок проверить насколько далеко простирается твое проклятие?

Как Брэм узнал об этом? Любопытный засранец.

Маррок едва ли сдержался от того, чтобы не оторвать этому волшебнику голову.

— Заткнись, пока я не предложил тебе свою помощь в этом деле.

Брэм лишь рассмеялся в ответ.

— Последняя женщина, которую ты затащил в постель, пропала на целых два дня. Это было десять лет назад, не так ли?

— Еще хоть одно слово...

Скрестив руки на груди, Брэм улыбнулся.

— Я слышал, что ты доводишь людей до безумия и даже колдунов заткнул за пояс в этом деле. Но ведь ты никогда не остаешься... удовлетворенным, ведь так?

Маррок отказывался признаваться Брэму в том, что не может найти удовлетворения в сексе независимо от того, со сколькими женщинами он переспал и скольких довел до оргазма. Или же как близко он сам подходил к той заветной черте, за которой он сам смог бы получить наслаждение.

Это лишь даст колдуну еще одну причину его мучить.

— Когда ты встретишься с хозяйкой галереи, ты захочешь снова попытать свою удачу. Оливии Грей понравились твои резные фигурки и она довольно соблазнительна. А ее магический дар весьма... своеобразен.

— Она одна из вас? Тем более, нет! Я ищу конкретную женщину.

— Оу! А это интригует. Ты еще помнишь, что такое женщина? Ты ведь не покидал это место годами. Или ты познакомился с ней в чате "Горячие цыпочки"?

Брэм снова похлопал его по плечу, и Маррок почувствовал, как колдун попытался пробраться в его мысли. Скинув его руку, он взял меч и пару раз взмахнул им в воздухе. Свист лезвия должен был послужить достаточной угрозой для любителя совать нос не в свои дела.

— Прекрати мельтешить в моей голове!

Брэм отступил на несколько шагов назад.

— Расскажи мне об этой женщине. Возможно, я смогу помочь.

Единственное, чем Брэм мог ему помочь, так это пойти на хер.

— Я знаю, как она выглядит. И даже если она сменила имя, я найду ее.

— Хм. Страсть из прошлого?

Страсть из прошлого, враг из прошлого.

— Отвези меня в Лондон.

— Я отвезу тебя туда, куда захочешь. — произнес Брэм и, сделав небольшую паузу, продолжил:

— После того, как ты встретишься с Оливией. Она очень заинтересована в твоём творчестве, поэтому я пообещал ей встречу с тобой.

Маррок расстроился, больше всего на свете жалея о том, что Брэм не выбрал другой день для своей феноменальной упертости. А лучше другую цель. Его сон, означающий

возможность стать свободным, наконец, нашел своего адресата. Морганна находилась где-то в Лондоне. Он сможет заставить ведьму освободить его от этого ада.

— Знаю, тебе доставляет удовольствие мучить меня своим противодействием, но сегодня я не в форме.

— Это мое предложение. Прими его или откажись. — пожал плечами Брэм, приняв совершенно бескомпромиссный вид.

— Может, ты все-таки хочешь отдать мне книгу?

Крепче обхватив рукоятку меча, Маррок слегка приподнял бровь. Эта чертова Книга Судного Дня не покинет его владений, пока он не разберется, как именно он должен ее использовать, чтобы снять свое проклятие. Исходя из послания Морганны, существовал только один способ решить этот вопрос, и он найдет его. Кроме того, отдать книгу в руки кому-то из магов означало тоже самое, что пустить козла в огород.

— Дай угадаю. Конечно же, нет, — натянуто улыбнулся Брэм.

— В таком случае, я надеюсь, ты в полной мере насладишься встречей с Мисс Грей. Я показал ей несколько фотографий твоих предыдущих работ. Они произвели на нее неизгладимое впечатление. Я как раз назначил для вас встречу сегодня утром. Это не займет много времени. Зато остаток дня весь твой.

Когда Маррок уже хотел было возразить, Брэм добавил:

— Ну же! У тебя ведь, должно быть, точно завалилось несколько резных фигурок на продажу.

Ага. За последние три месяца он вырезал, возможно, самую лучшую свою работу. Пристальный взгляд Маррока прошелся по комнате, и застыл на трех футовом воплощении Короля Артура и его врага Мордреда, сражающихся в смертном бою. Мэрлин и Морганна стояли каждый позади своего союзника, призывая магию им на помощь. Осматривая пол, взгляд Маррока переместился к скульптуре, в изгибах дерева которой просматривалось необычайно точное сходство с Морганной. Страх, ярость и вспышка желания заставили его желудок сжаться. Каким же нужно было быть идиотом, чтобы связаться с этой ведьминской сучкой?

Но скоро все закончится. Сегодня он выследит ее и узнает то, что ему нужно, даже если придется сломать ее очаровательную шейку. Однако он не был уверен в том, откуда именно нужно начать поиски, но так или иначе он знал, что ощущение ее присутствия приведет его к желаемому. Оторвав свой взгляд от резной фигуры, он повернулся к двери.

— Пятнадцать минут. Не более.

— Вот это размах! Но до тех пор, пока ты не отдашь мне Дневник Апокалипсиса..., — Брэм улыбнулся. — Я твой новый лучший друг.

Как только Брэм припарковался в трех кварталах от Оксфорд стрит, Маррок буквально выскочил из ненавистного маленького закрытого пространства, которое создавал автомобиль. Господи! Настоящие воины не передвигались в коробках смерти с моторчиком.

Они прошли сквозь мрак серого лондонского утра к небольшому заведению с фиолетовой вывеской "Магическое прикосновение". С циничным ворчанием, Маррок уставился в окно художественной галереи. Глиняное изваяние Пегаса занимало большую часть выставочного пространства. Он продолжил изучать фигуру взглядом критика. Скульптура была симметричной, но лишенной жизни и движения.

Когда Брэм открыл дверь, перезвон колокольчиков оповестил об их прибытии. Сделав

несколько шагов, они почувствовали мускусный запах ладана. Он и звуки страстной баллады проникли в его сердце. По коже пробежались мурашки. В помещении находилась женщина. Об этом подсказало ему соблазнительное сочетание легкого аромата духов и естественного запаха ее тела. Эта смесь также включала в себя отголоски персика и нотки ванили.

В задней части магазина послышался глухое постукивание бусинок, что заставило мужчину перевести свой взгляд к дверному проему. Появившаяся женщина несла в руках несколько коробок. Он мельком увидел слегка взъерошенные темные волосы и хрупкий профиль, прежде чем она повернулась и положила свою ношу на столик у дальней стены.

Знакомые движения заставили его затаить дыхание.

Маррок желал, чтобы женщина повернулась к нему лицом. Но вместо этого, она стала распаковывать коробки, слегка пританцовывая в такт Кельтским мотивам, разливающимся по зале. Опасная вспышка возбуждения заставила его желудок сжаться.

— Оливия? — произнес Брэм, пытаясь перекричать музыку.

Она обернулась и улыбнулась колдуну. Открывшийся перед ним вид, будто невидимым кулаком ударил Маррока под дых.

— Брэм, спасибо, что заглянул.

Ее отчетливо американский акцент отдавался в голове Маррока, в то время, как девушка отключила музыку.

— Я ведь знаю как ты занят. Ты получил мое сообщение на прошлой неделе?

— Получил. Извини. Но я больше ничего не слышал о твоём отце. Я спрошу снова. От следователя никаких новостей?

Ее плечи резко опустились.

— Нет. Только адрес сумасшедшего человека, который утверждает что ему около пятисот лет. Я продолжу свои поиски. Ведь я переехала сюда для того, чтобы найти его, поэтому я не сдамся.

Как будто только заметив, что они не одни, Оливия перевела взгляд на Маррока. Приветственная улыбка сползла с ее лица. Она прикрыла свои пышные губки рукой и потрясенно оглядела его с ног до головы.

Он сам был в не меньшем потрясении. Хрупкие щечки, немного резкий подбородок и эти чертовы преследующие его глаза. Глаза Морганны в облике из утреннего сна. Осознание, казалось, задело каждый нерв его тела.

Она вновь посмотрела на Брэма.

— Это...?

— Именно. Я ведь обещал.

Брэм слегка подтолкнул его к ней.

В любое другое время, Маррок стал бы ворчать на колдуна за то, что тот вновь к нему прикоснулся. Но сейчас его внимание было полностью сосредоточено на Оливии. Или скорее, Морганне. Единственная женщина, которая могла снять с него проклятие. Он даже не предполагал, что она могла сделать себя столь же красивой, как та женщина из его сна.

Он недооценил своего противника.

Это само по себе делало ее более смертоносной, не говоря уже о силе, которую она, конечно же, накопила спустя несколько веков. Она выглядела такой молодой, будто ей не было и двадцати лет. Хотя ее молодость была всего лишь иллюзией, девушка заставила его почувствовать давление своего возраста.

Брэм обернулся к нему.

— Маррок. Это — Оливия Грей.

Она молчала. Ее ручка вновь опустилась вниз, и Маррок увидел, как девушка закусил губу. Для такой продуманной неуверенности этот жест выглядел слишком естественно. Но ведь Морганна никогда не показывала своей уязвимости без заведомо подготовленного плана.

В конце концов, она протянула свою руку в приветственном жесте. Маррок замер, уставившись на нее, умирая от желания прикоснуться к ней и ненавидя себя за потребность в большем. Маленькие капли пота проступили на его коже. Ох, как же она, должно быть, насмехается над ним. Но прошедшие века научили Маррока правилам ее игры. Нацепив хищную улыбку, он обхватил ее ручку своей. Электрический разряд прошелся сквозь его ладонь, вверх по его руке, пробираясь к его душе. В это мгновение он почувствовал, как его член стал твердеть.

Черт возьми! Одним простым прикосновением она вновь околдовала его, совсем как в его сне... Только сильнее.

Глаза Оливии распахнулись немного шире.

По его телу пробежалась вспышка мрачного удовлетворения.

— Мисс Грей.

Она быстро, насколько позволяли правила приличия, отдернула свою руку.

— Я... Очень приятно познакомиться. Брэм рассказывал мне о Вас. Точнее, о Вашем таланте, — уточнила она.

— Фотографии, которые мне посчастливилось увидеть, крайне меня впечатлили.

Морганна никогда не заботилась о его творчестве, лишь его репутация, заработанная на поле боя и в постели, имела для нее значение. Ее притворный интерес практически привел его в бешенство. В какую игру играла эта ведьма?

Будучи якобы взволнованной, она вновь посмотрела на Брэма.

— Где та работа, что ты взял? — спросил его Брэм.

Он был так сосредоточен на Морганне, что и забыл о ней.

— В машине.

Взгляд Брэма перекочевал от Маррока к Оливии и обратно.

— Хорошо. Тогда я... пойду принесу ее. А вы... знакомьтесь пока.

Дверные колокольчики разрезали тишину комнаты и громко оповестили присутствующих о том, что Брэм вышел. Но Оливия не отрывала своего взгляда от Маррока. Ее сердцебиение ускорило свой ритм. Он смотрел на нее так, как будто знал ее, мог видеть то, что происходит внутри девушки. Как будто он был в курсе того, как буквально этим утром, она видела сон, в котором она была абсолютно обнаженной и влажной вместе с ним. Сон, в котором она молила его о прикосновении.

Когда его настойчивый взгляд нашел отклик где-то внизу ее живота, у девушки сложилось впечатление, будто Маррок знал, что сегодня играл главную роль в ее эротической фантазии. Его испытующий взгляд определенно не казался сексуальным. Однако, она почувствовала небольшие вспышки и покалывания в некоторых интересных местах.

Конечно же, он не разделил ее интереса.

Большинство мужчин не были заинтересованы в странно выглядящей женщине с почти-черными волосами и фиалковыми глазами, напоминающая своей внешностью Эльвиру из

семейки Аддамсов, а точнее ее искаженную копию, в качестве костюма для Хэллоуина.

Было бы очень странно, если бы Маррок поддался ее чарам.

Он стоял в паре метров от нее. Контуры его широких, размером с дверной проем, плечей четко очерчивала черная футболка. Руки, сжатые в кулаки и опущенные вдоль его тела, были невероятно огромными. Лохматая грива темных волос обрамляла его худое лицо со слегка впалыми щеками. Его скулы подчеркивала аккуратно подстриженная борода, а главным акцентом были бездонные серо-голубые глаза. Его губы скривились в загадочной улыбке, как будто он знал, что заставлял ее нервничать.

Оливия подавила желание потеревить браслеты на своем запястье.

Маррок был темпераментным художником. И точка.

Ей принадлежала картинная галерея, ее мечта с тех пор, когда она была еще капризным подростком, ведущим кочевой образ жизни с ее строгой и помешанной на опеке матерью. Если она хотела удержать это место на плаву, то должна перестать летать в облаках и заняться делом.

— Я бы хотела выставить Ваши работы по дереву здесь, — произнесла она. — Думаю, у Вас определенно есть талант. Я бы могла помочь Вам заработать кругленькую сумму.

Он слегка взволнованно приподнял бровь.

— Деньги меня не интересуют.

Неужели?

— Престиж? Признание? Вы этого хотите?

Он подошел ближе, практически нависая над девушкой. Если его цель состояла в том, чтобы запугать ее своим размером..., то у него это прекрасно получилось. Каждый из его бицепсов был размером с ее бедро.

— Я не ищу признания.

Его тон был опасен и груб. Она еще никогда не находилась в такой близости наедине с мужчиной. Конечно же, она никогда и не мечтала о том, что ее сон, в котором она была совершенно голой и изнывающей от желания к огромному качку, воплотится в жизнь в виде реальной встречи. Но у них была деловая встреча, поэтому ей стоит сосредоточиться.

Подавив дрожь, она расправила плечи.

— Вы, должно быть, хотите что-то взамен своих работ. Скажите мне, что именно, и я...

— Ты знаешь, чего я хочу.

Он обхватил большими горячими пальцами ее бедра. Неожиданный прилив энергии ворвался в ее тело так, словно ее ударило током. Пугающе. Сексуально.

Нет, вряд ли он имел в виду именно это.

Ее голова откинулась назад. Эти светлые глаза, обрамленные густыми черными ресницами, беспощадно ее соблазняли. Его аромат, лесной и дикий, заставил ее ноги подкоситься.

Проклятье! Она ведь совершенно не знала его, а он уже к ней прикасался.

Но почему она не боялась? Или по крайней мере не почувствовала раздражения из-за четко ощутимой безответной страсти?

— Нет. Не знаю.

— Врешь.

Его пальцы сжались крепче, и он притянул ее ближе к себе. Их тела соприкоснулись. Его жар передался ее телу. Он был...? Да, возбужден. О, Господи! Возможно, страсть не была такой уж безответной...

Приподнявшись на носочки, она подняла трясущуюся руку к его груди, чтобы оттолкнуть его. Но он походил на каменную стену. Везде.

— Прекратите, — вздохнула она.

Его губы изогнулись в опасной ухмылке.

— Прекратить что?

— Прикасаюсь ко мне.

Смущать меня.

— Не надо.

Маррок отпустил ее. Невероятным образом магическое воздействие на ее чувства испарилось. Некая волшебная энергия моментально покинула ее тело. Здравый смысл и гнев вернулись.

— Мы ведь обсуждаем деловые вопросы.

Она попыталась вновь вернуть в себе образ хладнокровного и расчетливого профессионала, а не дрожащую девственницу.

— Я предлагаю заключить сделку. Но это не дает Вам право распускать руки.

Откровенно говоря, она была ошеломлена тем, чего он желал.

Скрестив руки на своей накаченной груди, Маррок осмотрел ее задумчивым взглядом.

— Прикосновение к тебе было ошибкой.

Ага, еще какой.

Прозвучал дверной колокольчик, заставив Оливию встрепенуться.

Когда Брэм вошел, она резко отвела свои глаза в сторону, тихо проклиная тот факт, что он вернулся на шестьдесят секунд позже.

— Нашел фигурку, — победоносно произнес Брэм, держа деревянную статуэтку, которую Оливия никак не могла рассмотреть из-за его больших рук.

— Обыскал всю машину, забыв, что мы положили ее в багажник.

Но ни Маррок, ни Оливия не отреагировали на Брэма.

Девушка знала, что ей следует принять статуэтки, но она продолжала настороженно наблюдать за Марроком. Его сверкающие глаза, были прикованы к ней. Гнев и что-то еще... Страсть? буквально сочились из него.

Это сочетание было настолько мрачным, сильным, необъяснимым, невозможным... что она сделала несколько шагов назад.

— Теперь, когда Вы слышали мое предложение, скажите, Вы принимаете его? — спросила Оливия.

Маррок снова наклонился ближе.

— Я бы предпочел лечь в постель с дьяволом. Ему я доверяю больше.

Развернувшись, он прошел через всю комнату и распахнул дверь. Звучание колокольчиков было заглушено грохотом двери, ударившейся о стену.

Оливия вздрогнула, когда Маррок буквально вылетел на улицу. Она нахмурилась.

Неужели у него были сложные отношения с предыдущим владельцем галереи? Или его возмутило то, что, всего лишь на мгновение, он нашел необычную женщину привлекательной?

Подобные мысли не должны была причинять боль... но причиняли.

— Это было чертовски странно, — воскликнул Брэм.

— О чем вы спорили?

— Я не знаю.

Брэм нахмурился, отдавая ей фигурку.

— Вот, возьми. Я поговорю с ним. Не беспокойся.

Оливия начала было говорить Брэму о том, что ему не стоит об этом волноваться. Но затем она посмотрела на деревянную фигурку в своей руке. Олененок. Она могла поклясться, что в этот момент она почти видела, как его ножки начали двигаться так, будто умели ходить. Эти проникновенные глаза поразили ее. Талант Маррока...просто вау.

А ведь это было лишь крошечной частью его коллекции.

Она закрыла рот.

Он заставит трепетать любителей искусства. Их с ним личные отношения не имеют совершенно никакого значения.

Слава Богу, она смогла приспособиться к различным причудам художников. Она разместит его работу на одном из постаментов... в противном случае ее бизнес вскоре пойдет на дно. Ей нужны эти деньги, чтобы остаться в Англии и платить детективу за поиски своего отца, которого раньше она никогда не видела. Ну, а после того, как она поймет мотивы Маррока, она будет работать с ним, несмотря на то, насколько сложно это будет.

— Прекрасно. Я хочу увидеться с ним снова. И как можно скорее.

Глава 2

— Какого черта ты творишь? — заорал Брэм, следуя по пятам за Марроком.

Тот повернулся к нему лицом.

Где был его проклятый меч, когда ему так нужно пронзить этого коварного колдуна?

— Ты знал. Черт возьми, ты знал.

— То, что Оливия происходит из рода ле Фэй? Да.

— Не просто ле Фэй. Она Морганна в другом обличье.

Брэм замолк.

— Этого я не могу тебе сказать. Она жила задолго до меня. Поэтому я понятия не имею, как она выглядела. В данный момент магическая подпись Оливии говорит мне только о ее родословной.

— Магическая подпись?

— Это как... аура, но магическая. Большинство полностью обращенных ведьм и колдунов могут ее видеть. Подпись Оливии слаба. Девушка выглядит примерно на двадцать пять лет. Тот самый возраст, когда ведьма приобретает силу. Если это так, то я не могу ее прочитать.

— Залезь ей в голову, как проделывал это со мной. Выясни, кто она на самом деле.

Брэм отрицательно замотал головой.

— Так я смогу прочитать только те мысли, которые на этот момент окажутся у нее в голове. Вряд ли она станет думать о том, что она не Морганна. Я смогу прочитать это, только находясь ближе. Если я... буду касаться ее более интимно.

— В смысле?

— Чем глубже прикосновение, тем глубже я смогу проникнуть в ее разум.

Другими словами, если бы Брэм погрузился в женщину до самого основания, он мог бы рассказать ему всю ее биографию, начиная с младенчества. Рассуждая логически, позволить Брэму переспать с этой дьяволицей должно было прозвучать заманчиво, но эта мысль лишь

вызвала желание набить колдуну морду.

Несмотря на то, что ненавидел Морганну в ее новом обличье, он не мог отрицать одного любопытного факта: он хотел, чтобы она принадлежала только ему.

— Не смей ее и пальцем тронуть, — прорычал Маррок.

— Я и не планировал. Девушка милая... не более того. Но если я залезу в ее женский разум, то смогу прочесть способы, с помощью которых можно ее обезоружить, я имею в виду в сексуальном плане.

Что? Он серьезно?

Он мог узнать, как убедить любую женщину поддаться плотским утехам? Тогда не удивительно, что в магическом мире у него репутация Казановы.

— Если первые мысли женщины не говорят тебе о том, что хочешь узнать, ты просто прислушиваешься к ее фантазиям, и она начинает вести себя распутно?

— Именно так, — лицо Брэма озарила его фирменная улыбочка, — я потратил очень много времени для того, чтобы развить в себе эту способность.

— Держись подальше от Морганны.

— Маррок! Не думаю, что она — Морганна. Почему тогда ее подпись так слаба? Мой дед рассказывал мне, что мог увидеть ее за километр, ядовито фиолетовую и переливающуюся по краям всеми цветами радуги.

— Вздор. Когда в последнее время ты видел кого-нибудь из рода ле Фэй живым?

Брэм кивнул, соглашаясь с другом.

— Да, с тех пор прошло несколько столетий. Но ее сын менял любовниц как перчатки, которые, в свою очередь, также производили на свет детей. Это возможно...

— Но с той же степенью вероятности она может выдать себя за другую. Уже давно ходят слухи о том, что Морганна может менять обличья. Возможно, она воссоздала себя в образе молодой ведьмы и заглушила свою подпись.

— В любом другом случае я бы с тобой не согласился, но с ней возможно все, — выдохнул Брэм.

— Если она вернулась и вновь привлекает тебя к себе, то ее цель нам ясна.

Книга Судного Дня. Однажды она уже была ее источником силы. Когда Мерлин изгнал ее, книга каким-то образом закрылась. Она остается закрытой и по сей день.

— Книга Судного Дня обладает необычайной силой.

Маррок познал это на собственном опыте. За прошедшие века он так и не смог ее открыть. Хотя не раз в порыве злости он пытался разорвать и уничтожить ее. Но через несколько мгновений та начинала обретать прежнюю форму, вновь наполняясь силой. Как вещь может хранить столько магии на протяжении всего времени даже после того, как его любовница покинула земное царство?

— А ведь она у тебя. Спаси себя от этого безумия и отдай ее мне. Я буду ее оберегать.

— Отвали, — он продолжил свое шествие по тротуару.

Брэм последовал за ним.

— Я поднялся с постели этим утром для того, чтобы помочь. Хотя я не очень верю в то, что ты попросишь о помощи или же применишь ее.

— Слова настоящего мудреца.

Брэм резко оказался перед ним. Маррок был вынужден остановиться, иначе ему пришлось бы столкнуться лоб в лоб с этим засранцем.

— Книга должна оберегаться магией. Если она попадет не в те руки, это будет означать

уничтожение каждой ведьмы, колдуна и всего молодого поколения. У тебя ведь даже нет возможности ее защитить.

Вот уже пятнадцать столетий хранители книги считали совершенно по другому. Маррок нуждался в этой книге в равной степени, как и в женщине из рода ле Фэй, которая могла бы открыть ее и снять с него проклятие. Только потом он отдаст книгу Брэму... ага, после дождичка в четверг.

— Если Морганна вновь получит эту вещь, — произнес колдун, — с помощью нее она сможет породить века страданий и пыток. И, если мое видение сбудется и Матиас получит книгу, все, что бы ни сотворила бы с ее помощью она сама, покажется раем.

Брэм снова направился к машине. Маррок последовал за ним и, сжав кулаки, сел в автомобиль. Он ненавидел эти хитроумные изобретения. Где же хороший верный конь, когда он нужен, если ты хочешь добраться из пункта А в пункт Б? Хуже того, колдун вел машину так, что даже у самого хладнокровного воина обязательно случится сердечный приступ.

Маррок пристегнулся. В ответ на это, Брэм удивленно выгнул бровь.

— Ты же не можешь умереть. Зачем волноваться?

— А твои навыки вождения далеки от идеала.

— Твоя правда, — с трудом признался колдун, — я предпочитаю телепортацию.

— Оно и видно.

Брэм запрокинул голову и расхохотался.

— Две шутки от тебя за один день. Я могу хлопнуться в обморок от шока.

— К сожалению, ты все равно выживешь.

После того как взревел двигатель авто, басы тяжелой альтернативной рок-песни сотрясли стекла машины. Скрипучим голосом мужчина выдавил припев — что-то о животном, которым он стал. Маррок скривился. Колдун проигнорировал его и медленно выехал на проезжую часть. Он не просто выехал, а буквально выплыл на своей ярко-красной малышке — Феррари. Очень в стиле Брэма, знаете ли.

— Хорошая машина для того, кто не любит водить.

— Однако, когда это делать все-таки приходится, почему бы не выглядеть стильно?

— Ты можешь появляться и исчезать ради удовольствия. Зачем тебе машина?

Колдун усмехнулся.

— Когда мне нужно доставить молчаливого и бессмертного воина в Лондон, разве он захочет, чтобы я его телепортировал?

— Побойся Бога! Конечно, нет!

— Вот именно. Кроме того люди могут заметить, как мы появляемся или исчезаем. Не лучший способ, чтобы держать магию вдалеке от любопытных глаз...

— Можешь вырубить этот надоедливый шум?

Он указал рукой на стерео-систему.

— Музыку? Это рок, старик.

— У меня голова от нее начинает раскалываться. Как ты вообще можешь думать, находясь в такой близости от этого гремящего устройства?

Брэм сбавил громкость. Немного. Совсем чуть-чуть. Остановив машину на красный свет, колдун со всей присущей ему серьезностью так посмотрел на Маррока, что тот слегка опешил.

— Матиас вскоре вернется, и мы должны принять меры. Я уже предупредил Маккинетсов. Идиоты. Они уверены, что если они Избранные, то это означает, что их никто

не тронет.

Маррок вздрогнул, когда перед глазами вновь возникли отрывки из видения колдуна. Резко нажав на педаль газа, Брэм с визгом колес тронулся с места.

— Нашей наиболее важной задачей является защита книги. Ведьмы и, возможно, даже человечество находится под угрозой.

Конечно, это касалось и его расы, так что у него были личные причины для проявления заботы. Хитрый гаденыш...

— Вероятность возвращения Матиаса, конечно, вызывает беспокойство. В любом случае, если ты ищешь информацию о книге, мисс Грей знает намного больше, чем я, — Маррок сделал паузу.

— Может, тебе стоит позволить мне с ней поговорить.

— Да ты же только что сбежал от нее со скоростью ураганного ветра.

— Временное помешательство, — пожав плечами, признал Маррок.

— Тогда ладно. Поговори с ней. Если она — это Морганна, будь осторожен. Ее магия...

— Очень сильна. Как и твоя.

— Не достаточно, чтобы противостоять силе тысячелетней выдержки. Кроме того, я не хотел бы связываться с Морганной. Дела моего деда с ней заранее настроят ее против меня. А судя по записям в его дневнике, она та еще сучка.

То, что Брэм имел здоровое уважение к силе Морганны, было недобрым знаком. Маррок уже сто раз проклял свою похотливую натуру за то, что она позволила ему лечь в постель с этой чертовкой.

— Для того, чтобы поговорить с ней, мне нужны некоторые средства для ее нейтрализации. Я не могу позволить ей проклясть меня снова. Несмотря на то, что я ненавижу бессмертие, я не хочу провести остаток вечности в виде жабы или чего-нибудь подобного.

Внимательно наблюдая за движением, Брэм постукивал пальцем в такт выносящей мозг песни.

— Мой дед оставил мне пару полезных вещей. Одна из них, кстати, предназначена только Морганне. Что-то вроде laggagh камня. Ты можешь использовать его.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не силен в древних языках. Понимаешь, недостаток концентрации к глупым и скучным предметам... — вздохнул Брэм.

— Согласно записям Мерлина, камень ослабляет Морганну. В ту секунду, когда он соприкоснется с ней, — ее магия заблокируется. Но есть побочные эффекты.

— Они опасны для нее?

Он нахмурился.

— Должен сказать, что да.

— Превосходно.

Разве его должна заботить небольшая боль, которую почувствует Морганна после веков ада, через которые она заставила его пройти? Брэм бросил в его сторону строгий взгляд.

— Будь осторожен. Если Оливия на самом деле Морганна, она будет опасным противником. А так как я знаю, что она прокляла тебя книгой, я не сомневаюсь, что ты не отдашь ее, пока не испробуешь все способы прекратить ее милое маленькое заклинание.

— Я не говорил, что эта книга у меня.

Брэм натянуто улыбнулся в ответ и протянул что-то на ладони.

— Тогда сделаем вид, что у тебя ее нет. Если ты передумаешь или понадобится моя помощь, подбрось это в воздух и произнеси мое имя.

— Это камень, — заметил Маррок, рассматривая вещицу.

— Ты из ума выжил?

— Не затягивай с этим. Мы и так выбиваемся из графика.

Проклиная все на свете, Оливия сражалась с ключами от входной двери галереи. Весь день — черт, всю жизнь — ее преследовали одна неудача за другой. Она прижала к уху свой мобильный телефон с натянутой улыбкой.

— Я в порядке, Брэм. Просто устала. Я проснулась в два часа ночи и не смогла уснуть. И к тому же я еще не обедала.

Сейчас усталость, казалось, стала еще более ощутимой.

— Печально слышать, — пробормотал Брэм, — все еще переживаешь из-за своего отца?

— Да.

Всю жизнь ей твердили, что отец умер до ее рождения. После смерти ее неприветливой матери, она перебирала вещи Барбары и пришла к выводу, что все это было враньем. Зная лишь отцовское имя, последний указанный адрес и фотографию, которая доказывала, от кого она унаследовала глаза необычного цвета, девушка решила узнать правду. Но ее поиски сводились лишь к нахождению давно потерянных родственников. Ее совместные расследования с Брэмом и недавно нанятым детективом ни к чему не привели. Создавалось впечатление, как будто отец просто исчез.

Этот факт очень волновал ее. В "тайниках" матери она нашла нераскрытые письма ее отца, которые были написаны около двадцати лет назад и отправлены из Лондона.

Ее матери было, черт возьми, совершенно все равно на то, что было в них написано. Неудивительно. Барбара достигла совершенства в искусстве хладнокровия и безучастности.

"У тебя есть крыша над головой, молодая леди, потому что я исполняю свои обязанности. Исполняй же и ты свои. Получай лучшие оценки. Убирай свою комнату. И не трогай меня".

Добрая мамочка умело скрывала все следы ее отца. Более того, когда она находила хотя бы одну причину для того, чтобы наказать Оливию или сделать ее несчастной, Барбара обязательно это делала. Ее попытка самоубийства поставила жирный акцент на этом факте.

В письме Ричард Грей умолял Барбару вернуться к нему и привезти с собой их дочь. Тоска, сквозящая в его словах, вызвала у нее слезы. Он хотел встретиться с Оливией. Хотел узнать и любить ее. ЕЕ. Она не была для него обузой. Он поклялся защищать их. Но от чего? Неужели то, что она не могла найти его сейчас, и было причинного того, чего так боялся ее отец?

Встреча с ним, наконец, удовлетворит ее любопытство. В лучшем случае, он мог бы помочь ей преодолеть страх к себе подпускать людей. Пожалуйста, Господи, пусть еще не будет слишком поздно.

— Мои поиски почти зашли в тупик, — продолжила она. — У меня есть еще один адрес, который нужно проверить, но если это снова не то... Мне придется придумать что-то другое. Я в растерянности.

Еще больше ухудшало обстановку то, что дела в ее бизнесе шли далеко не лучшим образом, поэтому она боялась потерять этот маленький магазинчик, о котором так давно мечтала.

"Магическое прикосновение" было ее единственным укромным местечком, когда все вокруг рушилось. Галерея стала ее самым большим успехом за всю жизнь. Но ей не хватало денег, чтобы и дальше продолжать оплачивать услуги детектива. Если она разорится, ей придется решать: оставаться здесь или вернуться в Штаты.

"Возвращаться к чему?" — спросил голос в ее голове.

Ведь здесь она уже успела прижиться. Больше никаких переездов через каждые три месяца, никаких попыток приспособиться в новых городах, как это было с мамой. В Англии она чувствовала себя... как дома. Ее квартира была небольшой. Наступление зимы ее не радовало. Она ненавидела здешнюю еду. Неужели британцы так и не научились готовить вкусный энчиладас? Однако чувство повторения, постоянства... За это стоило умереть.

— Думаю, он объявится в ближайшее время. Не сдавайся.

— Ни за что. По крайней мере, пока есть хоть небольшой шанс найти его.

— Вот это правильно.

Тепло, с которым говорил эти слова Брэм, казалось, передалось через телефон.

— Вы — стойкие американские девушки — никогда не перестанете меня удивлять.

Он был хорошим другом. Немного флиртовал, но для него необходимость заигрывания была сравнима с потребностью дышать. Она никогда не воспринимала его улыбочки и очарование всерьез. Кроме того, обычно мужчины ей не интересовались. За исключением того задумчивого и сексуального художника, которого она встретила сегодня утром.

Задумчивого и сексуального? Маррок был грубым. Та еще задница. Но на какую-то секунду она могла поклясться, что Маррок хотел ее. Так или иначе, знание этого вскружило ей голову и вызвало жар от неожиданно нахлынувшего желания. Одно его прикосновение — и ее тело вспыхнуло, как рождественская елка. Печально.

С тех самых пор, как Маррок хлопнул дверью этим утром, ее тело терзала странная боль. Истощение совсем ослабило ее.

Черт! Ей точно нужен либо сон, либо кофеин. Что-нибудь!

— Оливия, — произнес Брэм.

— Я звоню насчет Маррока. Не принимай близко к сердцу его слова. Думаю, он чувствует себя ужасно из-за произошедшего.

— Хорошо. Я планировала встретиться с ним снова завтра.

И попытаться не вмешивать в разговор свое либидо.

— Он темпераментный, но его талант...

— Я так и думал, что ты будешь волноваться. Он трудный и очень странный человек. Но дай ему шанс.

Оливия снова прижалась к двери и попыталась провернуть этот чертов ключ. И ничего. Иногда старая дверь активно выказывала свою нелюбовь к хозяйке. Сегодня как раз тот самый случай. Да еще и противное пиканье в трубке заставило девушку разочарованно вздохнуть.

— Будет сделано. Я должна бежать. Батарейка садится, и я не могу запереть эту долбанную дверь.

Они договорились созвониться в ближайшие несколько дней и отключились.

Она снова попыталась закрыть дверь. Опять неудача!

— Arrrr...!

Она резко убрала упавшую на глаза прядь.

— Упрямая дверь.

— Разговоры помогают?

Оливия повернулась в ту сторону, откуда исходил низкий голос совершенно неожиданного собеседника. В темноте девушка смогла рассмотреть появившуюся поблизости мужскую фигуру.

Маррок.

Хоть большая часть его лица находилась в тени, в ней вновь вспыхнули отголоски желания. Он стоял, не двигаясь, когда бледные проблески света прошли по его волчьим глазам. Обтягивающая черная футболка прекрасно облегла его широкие плечи, а потертые джинсы — мощные бедра. Он походил на ожившую восковую скульптуру.

— Вы меня напугали.

В ее голосе прозвучал намек на обвинение. Рядом с ним истощение перестало быть проблемой. Внезапно ее тело буквально наполнилось жизненной энергией.

— И не первый раз.

Он вышел из тени. Лунный свет озарил его мужественное лицо своими холодными серебристыми лучами.

— Я испугал тебя этим утром. Приношу свои извинения.

Он сократил разделяющее их расстояние так тихо, что она не успела понять, когда он успел к ней подкрасться. Затем он вытащил ключи из ее напряженных пальчиков. Быстрым движением руки он запер дверь магазина. Оливия не могла отвести взгляд от массивных мышц его широкой спины, соблазнительных движений плеч. Какими они будут под ее нежными ручками, когда он окажется глубоко внутри нее?

Вопрос ее ошеломил. Это было совершенно неуместно. Абсолютно нелепо. Конечно, он был возбужден сегодня утром, но это вполне могла быть непроизвольная реакция. Секс между ними вряд ли возможен. Ее мозг явно сменил свое местоположение и переместился к ней в трусики.

Он повернулся к ней лицом и вложил ключи в ладонку Оливии. Маррок видел, как покраснели ее щеки?

— Я пересмотрел твоё предложение, — вдруг произнес он.

Взгляд девушки задержался на его лице. Никаких объяснений его поведения и никаких заверений в том, что это не повторится. Хоть Маррок и излучал собой опасность, он заставил ее воспламениться и был для нее наилучшим проводником к успеху. Именно с помощью его работ она сможет накопить нужную сумму для того, чтобы продолжить поиски отца. После работы в художественной галерее колледжа она была профи по общению с очень "требовательными" представителями общества.

Маррок действительно был довольно сложным человеком. Но она справится со всеми его требованиями.

— Так что, мы с дьяволом теперь в разных командах?

Он обладал выдающейся способностью делать вид ни в чем не повинной овечки.

— Да.

Да? Что случилось с его варварскими замашками?

— Хорошо. Теперь мы можем поговорить.

Она бросила взгляд на свои наручные часы.

— У меня есть время для чашечки кофе.

Маррок покачал головой.

— Я хочу показать тебе всю мою коллекцию. Работы, которые никто и никогда не

видел.

Его тихий шепот послал смесь странных покаяний по всему телу. Намек на то, что он хотел показать ей что-то, чем никогда не делился ни с кем, поражал ее и как бизнес-леди и как просто женщину.

— Ладно, — ответила она дрожащим голосом, — где она?

Маррок выдержал паузу. Оливии показалось, будто он изучал ее, проверяя каждую реакцию.

— У меня дома.

В то же мгновение раздался визг шин такси, остановившегося за углом. Маррок открыл дверцу машины и жестом пригласил ее внутрь.

— Я вызвал такси заранее, надеясь на твое согласие.

Разум предостерег ее. Только набитая дурочка сядет в машину и поедет с незнакомцем к нему домой. После всего, что она знала о нем? Он ведь оскорбил ее несколько часов назад. Она прикусила губу. Брэм просил дать ему шанс.

И по своим снам она помнила то невообразимое ощущение от его рук, скользящих по ее попке... На этом, пожалуй, стоит остановиться.

Дверь такси все еще была открыта. Оливия колебалась.

Если бы Маррок захотел причинить ей вред, он не стал бы под предлогом поездки к нему домой заманивать ее в такси. Ведь водитель будет свидетелем, так? Будет очень странно, если он живет в переполненной квартире с тремя другими голодающими художниками.

Она забралась в такси и сразу забилась в дальний угол, морща нос от застоявшегося в машине запаха дыма. Маррок сел рядом с ней. Он занял собой большую половину заднего сиденья. Ароматы леса, земли и мужчины заменили собой запах дыма. Мужчина источал благоухание, которое она могла вдыхать всю оставшуюся жизнь. Это было неразумно, но она слегка наклонила голову и глубоко вздохнула.

В ее тело ворвалась большая порция энергии. Полученная доза была очень схожа с той, которую девушка получала от утреннего похода в Старбакс. Серо-голубые глаза Маррока вспыхнули страстью. Затем он отвел взгляд, сжимая и разжимая кулаки.

Он был взволнован. Чувствовал вспыхнувшее между ними притяжение?

Ее тело отвечало ему, постепенно наполняясь желанием. Забудь об этом. Веди себя как профессионал.

— Как долго ты живешь в Лондоне? — нарушил он тишину, когда машина прибавила скорость.

— Шесть месяцев. Сейчас почти семь, — ответила она, — а Вы?

— Кажется, будто вечность.

Его ответы должны были заставить Оливию вести себя непринужденно. Но вместо этого она чувствовала себя еще более напряженной.

— Ты решила открыть магазин на индивидуальных началах? Сама?

Он опустил стекло, впуская в салон свежий осенний воздух.

— Да. И я уверена, что Ваши работы будут прекрасным дополнением на моих выставках.

— Мы поговорим об этом после того, как ты увидишь остальную часть моей коллекции.

— Я не сомневаюсь, что она мне понравится. Вы очень талантливы.

На ее замечание он лишь пожал плечами.

— Вы размещали свои работы где-нибудь еще?

— Нет.

Он вновь пожал плечами.

— Почему художественная галерея? Зачем затевать что-то настолько сложное, как открытие своего магазина, если можно просто найти работу?

— Я люблю искусство, — улыбнулась она.

— Когда оно прекрасно, то переносит тебя в другое место, пробуждает те эмоции, о которых ты до этого не знал. Когда твоя жизнь не удалась, оно позволяет тебе скрыться в совершенно новом мире. Я имею в виду, разве есть на свете хоть одна женщина, которая, смотря на "Рождение Венеры" Боттичелли, не представит себя выходящей из волн морских, возрождающейся в нечто... невообразимое? Или, глядя на «Бал в Мулен де ла Галетт, Монмартр» Ренуара, не сможет представить себя смеющейся и танцующей вместе с прекрасной толпой? Ощутить себя свободной и живой? Искусство это как... очищение души. А работа в офисе...

Она слегка сморщила носик.

— Я работала летом, еще когда училась в колледже. Я была уволена за то, что заснула и не слишком хорошо исполняла распоряжения. Я предпочла бы иметь несколько маленьких магазинчиков, как этот, продавая великолепные произведения искусства людям, которые нуждаются в их красоте. Такие, как Ваш олененок. Он просто потрясающий.

— Я слышал, ты говорила Брэму, что переехала сюда, чтобы найти своего отца. Ты занимаешься этим самостоятельно?

Оливия вновь колебалась. Она понимала его, когда он спрашивал о ее любви к искусству, ведь они обсуждали ее видение его работ. Но она и понятия не имела, почему он интересовался ее личной жизнью. Он коснулся этой темы ранее, скорее всего, для того, чтобы бросить ей вызов. Как раз перед тем, как оскорбить ее и покинуть магазин.

Разве возможно, что он ей заинтересовался?

Но, не смотря ни на что, тема об отце была глубоко личной. Это затрагивало вопросы плоти и крови, которые были близки ее сердцу. Связь между отцом и дочерью должна быть особенной, но Оливия таковой не имела. Хотя это не мешало желанию девушки приобрести ее. Она не собиралась делиться чем-то настолько существенным с незнакомцем.

Да. Они с моей матерью жили отдельно. Я никогда с ним не встречалась.

Но желала этого больше всего на свете.

— Так ты живешь одна?

Она насторожено на него посмотрела. Это было больше, чем просто болтовня, чтобы убить время. Он пытался выведать ее семейное положение?

Нет, не может быть... Но то, как он смотрел на нее, ожидая ответа... Он выглядел более заинтересованным, чем она могла предположить.

— Еще долго? — спросила девушка, когда они направились на юг, покидая пределы Лондона.

— Мы уже близко.

— Я думала, Вы живете в Лондоне. Зачем переезжать сюда?

Он повернулся к ней с еще одним изучающим взглядом, который заставил ее почувствовать, как будто ее душа была для него видна как на ладони.

— Длинная история.

Лучше придерживаться деловых тем.

— Как я и говорила раньше, я действительно думаю, что Ваши работы будут очень популярны в моем магазине. Вы доставите людям массу удовольствия. Я рада, что Вы передумали.

— После того, как мы поговорили, я уверен, что так и будет.

Его ответ ни капли ее не успокоил. Она не могла отделаться от мысли, что они вели два совершенно разных разговора.

— Я бы с удовольствием разместила и другие Ваши работы в галерее. Что Вы думаете по этому поводу?

Приподняв брови он ответил: — Я лучше промолчу.

Его ответ резко пресек ее вспышку эгоистичного энтузиазма. Это, конечно, задело ее, но он был прав. Молчание действовало ей на нервы, поскольку машина покинула пределы трассы, освещенной тусклыми фонарями спальных районов Лондона и пригорода. Когда они проехали последние, расположенные вдоль дороги дома, в ее мысли закралась тревога.

Куда он ее вез?

— Нам еще далеко? — спросила она снова, стремительно переводя свой взгляд с пустынной местности за окном к его четко очерченному профилю.

— Десять минут.

Ладно... Оливия вновь посмотрела в окно. Жуткий ночной туман и странное поведение Маррока сделали из нее гребаного параноика. Она напряженно вздохнула, прижала ближе к себе сумочку и обхватила пальчиками газовый баллончик. Наконец спустя несколько мучительных минут Маррок приказал водителю остановиться у поворота на грунтовую дорогу.

Чувство беспокойства пропитало ее мысли.

Расплатившись с водителем, Маррок вышел из машины и повернулся к ней, протянув руку в ожидании. По ее спине прошла дрожь неопределенности. Что она знала о нем?

— Ну, выходите, — рявкнул водитель, оскалив крупные зубы на узком лице.

— Возьми меня за руку, — предложил Маррок.

— Кроме вас меня ждут другие пассажиры, так что выходи поживее.

— Дайте мне минуту!

Оливия взглянула на счетчик в такси. Маррок договорился доехать всего за тридцать фунтов, но, будучи без гроша в кармане, у нее не было столько денег с собой... или даже в банке. Она принципиально не пользовалась кредитками. Даже если она захочет вернуться в Лондон, заплатить за такси будет для нее большой проблемой.

— Выходи! — попытался выгнать ее из машины таксист.

— Пойдем со мной, — спокойный голос Маррока слегка унял ее чувство беспокойства.

Если она хотела увидеть его деревянные фигурки вживую, она должна набраться смелости. Медленно протянув руку, она вложила в его раскрытую ладонь свою кисть. Поток огня, горячего и ослепительного, ударил по ее пальчикам и прошелся импульсом к груди. Ощущение было столь интенсивным, что она чуть не споткнулась, когда выходила из машины. Прежде чем она успела убрать руку, он отдернул свою сам.

Такси стремительно скрылось в облаке пыли.

Оливия одарила Маррока вопросительным взглядом. Почему он чувствовал отвращение от каждого ее прикосновения? В один момент он, казалось, хотел ее. А в другой... Он не мог даже стоять рядом с ней.

Сосредоточься. Заключи сделку и убирайся отсюда к чертовой матери.

— Куда Вы меня привезли? — спросила она.

— К себе домой.

Она осмотрелась вокруг, увидев несколько сухих деревьев, на ветках которых даже не было листьев. Жутко. Тихо. Предчувствие чего-то страшного откликнулось бульканьем в ее животе.

— Не похоже, что здесь кто-нибудь живет.

— Я живу. В лесу.

Другими словами, он жил там, где никто не услышит ее криков о помощи. Свет задних фар такси уже давно исчез. Слишком поздно, чтобы пытаться вернуться обратно.

— Вы что, какой-то псих, который собирается порубить меня на мелкие кусочки?

Он застыл.

— В наши дни, я понимаю, почему ты склонна верить в это, но нет. Мне нужны тишина и покой, чтобы творить. В Лондоне таких условий не найдешь.

Не сказав ни слова, он пошел вдоль пустынной грунтовой дороги, ожидая, что она последует за ним. Сквозь тусклый лунный свет Оливия взглянула на огромный силуэт Маррока, колеблясь между тем, чтобы попытаться вернуться назад и последовать за ним.

Она все никак не могла понять... он был просто очередным чудаковатым художником или безумцем?

Она не чувствовала в нем ауру убийцы...но что-то было не так. Предчувствие, которое она часто игнорировала, говорило ей, что он собирался полностью изменить ее жизнь. Бросившись за ним вслед, она подстроилась под его крупные шаги и схватила его за плечо.

— Мне здесь неудобно. Отвезите меня домой.

Он не обратил на нее совершенно никакого внимания и, не останавливаясь, пошел дальше по ранее намеченному пути.

— У меня нет машины.

— Что? — воскликнула она.

— И как, по-вашему, я должна вернуться в город?

— Скоро здесь будет Брэм.

Это немного ее успокоило. Брэм Раен, несмотря на его непревзойденное обаяние, за те несколько месяцев, которые они были знакомы, доказал свою надежность. В письме ее отца он упоминался как человек, которого он иногда звал на помощь. Значит, она дождется Брэма, они вместе вернутся в Лондон и будут друзьями до конца жизни.

На размытой грунтовой дороге виднелись свежие следы автомобильных шин. Конечно, если Маррок ожидал возвращения друга, он не мог сотворить с ней что-нибудь ужасное. Ведь так?

Старые клены ровными шеренгами раскинулись вдоль дороги, простираясь на много километров и являя собой неприступный, казалось, бесконечный лес. С некой опаской девушка наблюдала за склоняющимися к ней под напором ветра ветвями деревьев.

Спустя пять минут тишины они подошли к большой поляне.

Вдалеке появились размытые очертания маленького коттеджа. Его покатая крыша была выполнена в тюдорском стиле, очаровательными были и окна с декоративной отделкой. Около входа в дом расположилось кресло-качалка, едва освещенное небольшим фонарем на крыльце. Подлокотники были украшены затейливой резьбой, а на спинке виднелись витиеватые листья плюща.

Маррок не лгал.

Каждая впадинка в древесине демонстрировала различные стороны его таланта. Глубина его способностей ее поразила. Независимо от того, насколько странным он был, Оливия знала, что он мог сколотить для каждого из них по целому состоянию. Преодолев головокружение, она за пару шагов преодолела нужное расстояние и пробежалась пальчиками по резной спинке кресла.

— Ничего себе. Вот это красота.

— Это всего лишь кресло для того, чтобы наблюдать за рассветом.

Оливия легко смогла представить его задумчивый взгляд и расслабленное тело в те мгновения, когда солнце появляется из-за горизонта. Золотистые лучи ласкают точеные мускулы его тела...

Маррок подошел к ней и схватил ее за локоть. Легкая череда покалываний прошла по его телу, когда девушка повернулась к нему. Он распрямил плечи и раскрыл перед ней дверь.

— Внутри ты найдешь намного больше резных узоров. Входи.

Сделав глубокий вдох, Оливия переступила порог дома и, казалось, вовсе потеряла дар речи. Все вокруг отличалась невероятной простотой. Голые деревянные полы, начищенные воском, были цвета натурального дуба, так же как и стены.

Было очевидно, что он не любил антикварные безделушки, об этом говорил простой стол и обыкновенная лампа на его поверхности. Повсюду стояли его резные фигурки.

Маррок не лукавил, когда говорил, что в доме их было больше.

Здесь находились сотни его работ. Произведения из дерева буквально окружили ее, дополняя каждый уголок, какой попадался ей на глаза. Здесь был и ястреб, приготовившийся к полету, и лошадь, играющая со своими жеребятками на лугу. От самых маленьких существ, как прыгающий котенок, до полутораметрового изваяния кентавра — каждая удивительная фигура занимала свое место на полу, на полках, на столах. Эти фигуры невозможно было в полной мере описать словами.

Даже его мебель была сделана с необычайным мастерством.

Книжные шкафы, некоторые из них — отделанные ажурными впадинами свитков и арками, другие — с прямыми линиями, привели ее в восторг. Большинство деревянных стульев, сконструированных в различных стилях от времен Ренессанса до современности, произвели невероятный эффект, его авторские работы были по-настоящему прекрасны.

У него были руки мастера... и сердце поэта.

Купаясь в его удивительном таланте и выражении его эмоций, она слегка прослезилась.

— Господи, это невероятно. Каждая фигурка... Они настолько реалистичны. Я никогда не видела такого невероятного таланта, который...

— Хватит!

Он захлопнул дверь и затем, сократив расстояние между ними, схватил девушку за руки. Его губы сжались в тонкую линию.

— Брось это чертово притворство, Морганна. Мы сейчас одни, и я устал от твоих игр.

Оливия освободила одну руку, издав возмущительный вздох, но он вновь перехватил ее. Страх липкой жидкостью разлился по ее телу.

— Я... Я не Морганна. Забыли? Меня зовут Оливия.

Его глаза блеснули холодом и ненавистью.

— Думаешь, я настолько глуп, чтобы купиться на это? Я знаю, кто ты на самом деле.

— Отпустите меня! Я не знаю никакой Морганны. Я не знаю, о чем Вы говорите.

— Я видел сон, — зарычал он.

— О тебе. Обнаженной. Приглашающей меня войти в твоё тело. Затем ты раскрыла свою проклятую книгу и исчезла вместе с ней. Прекрати лгать.

О, Господи. Сон. Её сон. Он видел его? Неужели? Но это невозможно.

Однако Маррок описал все в точности.

Господи, она сходит с ума.

— Отпустите! Вы меня пугаете. Клянусь, я не понимаю, о чём Вы говорите.

— Ложь.

Он схватил её за запястья и, удерживая их одной рукой, завёл её за спину. Другой рукой он коснулся выреза её блузки. Она развернулась и попыталась вырваться из его рук, но, несмотря на её борьбу, он одним резким рывком сорвал её одежду, обнажая чашечки её розового бюстгалтера. Ужас нахлынул на неё, как будто её окатили ледяной водой.

— Нет! Не прикасайся ко мне, ублюдок!

Оливия извивалась в его руках, стараясь сбежать. Его горящие глаза застыли на её декольте. Он спровоцировал в ней страх и ярость, когда его взгляд спустился к кружевным чашкам, поддерживающим её груди, и передней застёжке её бюстгалтера. Болезненная чувственная жажда, которая настигла её в такси, вернулась. Опустив глаза вниз, Оливия увидела заметную выпуклость в районе его паха.

О Господи, он снова её хотел!

Это произошло потому, что у него появилась над ней власть? Он мог её изнасиловать. У него вполне хватит на это силы.

— Удовлетворена тем, как я реагирую на твоё тело? — рыкнул он.

— Нет.

Но почему-то она почувствовала совершенно обратное. Это было неразумно. Она знала это, но ничего не могла с собой поделать. Будь умнее. Успокойся, — приказала она себе и перенесла вес на левую ногу. Она посмотрела на его смуглое лицо. Он был неподвижен, и его взгляд так и остался сосредоточен на её груди. Мысленно она досчитала до трёх и попыталась ударить его коленом в пах.

Но Маррок был быстрее, на полпути перехватив её ногу одной ладонью. Он обернул её лодыжку вокруг своего бедра, и девушка буквально почувствовала свою скорую гибель. Сейчас его эрекция упиралась в её промежность. Пребывая в шоке, она ощутила, как увлажнились складочки её плоти. Она текла даже в приступе ярости.

С отчаянием она оглянулась по сторонам в поисках возможного оружия. Он освободил её запястья и обхватил пальцами её подбородок, вынуждая встретиться с ним взглядом.

— Я помню тебя, Морганна. Твои уловки. Твои игры. Каждый миллиметр твоего тела, включая розовое родимое пятно между грудей.

Одним рывком он расстегнул застёжку её бюстгалтера, предоставляя своему взгляду метку, которой она обладала во всех своих жизнях. Шок мгновенно разнесся по её венам. Как он мог так точно знать, где оно находится и как выглядит? Из сна? Его взгляд, перемещавшийся между её лицом и грудью, наполнился гневом. Спустя мгновение он отпустил её так резко, что она чуть не упала.

— Ты не сможешь меня обмануть.

Трясущимися руками она застегнула свой лифчик и спрятала его под краями блузки.

— Как ты узнал о...?

Его брови сдвинулись над наполненными злостью глазами.

— Я прикасался к каждому миллиметру твоего тела. Прошло более полутора тысячи

лет, но я все еще помню.

Более полутора тысяч лет? Это в пятом или шестом веке?

— Мне только двадцать три, — она сделала паузу, пытаясь найти происходящему логическое объяснение.

— Это в прошлых жизнях или что-то в этом роде?

— Если бы. Но ты сделала все для того, чтобы убедиться, что смерть меня не настигнет. Ты и Книга Судного Дня были прекрасной гарантией того, что я буду вечно существовать в этом аду.

Очевидно, он был опасен и одержим своими бредовыми идеями. И она застряла с ним в этой непролазной глуши. Оливия сделала шаг назад.

— Я... я не знаю ни о какой судной книге. Ты перепутал меня с кем-то другим. Мы, может у нас просто одинаковые родимые пятна и...

— Из-за тебя я потерял свой титул рыцаря.

Он подошел ближе, его глаза излучали чистую ярость.

— Артур изгнал меня за то, что я прикоснулся к тебе. Тем не менее, тебе и этого было мало. Поэтому ты прокляла меня бессмертием и нескончаемым одиночеством.

Он думал, что бессмертен? Да уж, любой верующий в то, что прожил пятнадцать веков, будет мыслить именно так. Он также верил в то, что был одним из рыцарей Короля Артура и она была той девушкой — Морганной.

Как Морган ле Фэй, сводная сестра Артура?

И после того, как он стал ее любовником, она каким-то образом сделала его бессмертным? Даже с ее весьма необычной фантазией она не могла представить такое. Оливия сглотнула. Как можно успокоить бредившего сумасшедшего?

— И в чем же был мой грех? В оскорблении твоего самолюбия? Потому что я ушел прежде, чем ты решила, что насытилась мною?

— Маррок, честно. Я, возможно, и имею некоторое сходство с этой женщиной, но никогда не встречалась с тобой до сегодняшнего дня. Я ничего не знаю...

Его пальцы вновь захватили в свой плен ее запястье, прерывая ее на полуслове. Он притянул ее ближе.

— Ты все знаешь, включая то, как освободить меня от этого долбанного проклятия.

Он полез в карман своих джинсов. Оливия была не намерена участвовать в его планах, поэтому она вывернулась из его рук и рванула к двери. Но та оказалась запертой, а ключ, который раньше находился в замочной скважине, исчез. Маррок мгновенно возник у нее за спиной, прижимая девушку своим мускулистым телом к двери. Его мощная грудь прижалась к ее спине, еще больше загоняя в ловушку. Она ощутила, как его эрекция упирается в ее ягодицы. Мужчина схватил ее за руку и защелкнул на запястье старинный браслет с крошечным серебряным замком. Он отошел на несколько шагов, на его лице расцвело выражение триумфа.

— Аметисты цвета твоих глаз, оправленные в чистое серебро. Ослабляющая тебя комбинация. Мерлин сделал это для тебя. Пока ты будешь носить этот браслет, ты не сможешь колдовать. Я защелкнул его крепко-накрепко. Там ему и оставаться.

Колдовство? Оливия посмотрела на тяжелые, отделанные серебром большие фиолетовые камни. Она осторожно попыталась его снять. Но нет, он не сдвинулся даже на миллиметр.

— Маррок! Я — не Морганна.

Она содрогнулась, почувствовав внезапное головокружение.

— Отпусти меня, черт возьми!

Он одарил ее наполненным яростью взглядом.

— Браслет останется на твоей руке до тех пор, пока ты меня не освободишь.

Он пересек комнату размашистым шагом и вышел из зала.

Оливия побежала к стеклянным дверям, расположившимся напротив парадного входа.

Но прежде чем она смогла добраться до них, он настиг ее и одной рукой обхватил ее за талию. Другой рукой он прижал к своей груди что-то красное и квадратное.

— У тебя никогда не было и капли приличия, но сейчас мы это исправим.

Он протянул ей красную книгу в кожаном переплете. Его глаза пылали огнем предвкушения.

— Открой ее и напиши о снятии моего проклятия... чтобы я смог, наконец, умереть.

Глава 3

— Ты хочешь умереть?

Мужчина в бреду, да еще и с суицидальными наклонностями. Ох, дела плохи.

— Послушай! Я ничего не знаю об этой книге. Просто позвони Брэму и отпусти меня домой.

Ярость мгновенно омрачила лицо Маррока. Он приблизился к Оливии Грей, та в ответ отступила. Сердце бешено колотилось в ее груди. Единственным желанием девушки сейчас было, чтобы весь этот ужас прекратился.

— Ты знаешь, как работает эта книга.

— Я никогда не видела эту долбанную книгу. Пойми, ты перепутал меня с кем-то. Я — не Морганна.

— Косишь под жертву амнезии, да? Неважно. Я читал твое проклятие сотни раз, прежде чем эта чертова книга закрывалась. Возможно, ты вспомнишь эти слова: *«В ночной тиши любил меня, заставил воспарить. При свете дня я вновь одна, не знаю как мне быть. Пусть вечность станет бременем, чредой несчетных лун. Молись и сердцем плачь, твоя свобода заключена в переплетеньях рун»*.

О, Боже. Он придумал слова для своего собственного проклятия? Дела действительно плохи.

— Несколькоими росчерками пера ты обрекла меня на вечное существование без общения, сексуального удовлетворения и смерти. А сейчас открой книгу и сними мое проклятие.

Господи! Как она только могла подумать, что покинет этот дом в целости и сохранности? Маррок должен быть в смиренной рубашке. Как она могла найти этого мужчину... сексуально привлекательным? Почему она настроена и дальше пытаться оправдать себя перед этим психом? Все тело ныло. Девушку опьянял вид его мускулистого тела и точеные мужественные черты лица.

"Сосредоточься!" — одернула себя Оливия.

— Мне жаль, что Морганна... эм, наслала на тебя проклятье. Я уверена, это очень хреново. Но я — не она. Отпусти меня.

— Не могу.

Маррок схватил ее за затылок и прижал к себе так близко, что она почувствовала его

дыхание на своих губах. Она задрожала. Его глаза светились яростью — и желанием.

Каково будет заниматься любовью с мужчиной, который так заиклен на тебе одной?

Чертовы мысли. И появились они с приходом этого больного мужчины. Она должна сосредоточиться на мыслях о побеге, а не на непонятных, новых ощущениях, которые вызывали в ней сильные руки Маррока.

— Послушай. Я не знаю, в какой иллюзии ты живешь, и вижу, что отсутствие секса делает тебя раздражительным, но я не Морганна и уж точно не решение твоих проблем.

Оливия вновь оглянулась в поисках оружия и вспомнила о газовом баллончике в своей сумочке. Легко просунув свою руку в аксессуар, свисающий с ее плеча, девушка нащупала металлический цилиндр. Когда ее пальчики сомкнулись вокруг него, облегчение прошло по всему телу. Это обезоружит хозяина на некоторое время и даст ей возможность покинуть этот дом.

Она резко подняла его в воздух и, прицелившись, нажала на распылитель. Но Маррок вовремя увернулся и, схватив ее за руку, повернул девушку, прижав к себе спиной.

Газ рассеялся в воздухе, обжигая ее глаза, когда он выхватил баллончик из рук гостьи. Выругавшись, мужчина осмотрел этикетку и отбросил средство женской самообороны в сторону.

— Современное зелье, да? У тебя закончились собственные запасы, или ты настолько обленилась, что не захотела их готовить?

Она изо всех сил попыталась вырваться из его сильных рук.

— В сотый раз говорю тебе! Я не Морганна. Я Оливия Грей. Мы встретились впервые сегодня, и ты сумасшедший. Выпусти меня отсюда.

Когда она, казалось бы, вывернулась, руки мужчины обвили талию невольной пленницы, окутывая ее силой и теплом его тела. Подавив желание остаться в этих руках еще несколько мгновений, девушка со всей силы наступила каблуком на ногу Маррока. Тот выругался, слегка встряхнув пострадавшей стопой.

— Остановись! — воскликнула. — Я не та женщина, которую ты хочешь.

Прилагая недюжинную силу, она пыталась выпутаться из объятий хозяина дома. Каменные и в то же время нежные руки скользили вдоль ее чувствительной кожи. Томительная жажда попала в ее кровь, как безжалостный наркотик. Доказательство мужского возбуждения, большое и довольно тяжелое, упиралось в ее поясицу.

— Мы оба знаем, что это неправда, — с горечью произнес Маррок. — Благодаря тебе я не могу получить удовлетворения ни с одной женщиной. Но как насчет тебя, Морганна? Не та ли это вещь, которую я должен сделать для снятия своего проклятия?

Он думал, что если затащит ее в постель, то этим сможет снять с себя старинный заговор?

"Дерьмо, она обречена. Тем более, что ее тело отвечает ему, посылая свои одобрительные сигналы".

— Черт побери! Я — не Морганна. Секс со мной не изменит твоего... положения. Пойми ты это, наконец!

"Ты пугаешь меня, урод!"

Но Маррок в ответ лишь еще крепче прижал девушку к себе.

— Твое проклятие говорит о том, что я оставил тебя одну. Это выглядит так, как будто ты наказываешь меня до тех пор, пока я не вернусь и не дам того, в чем ты нуждаешься. Неужели все так просто?

— Нет, нет, нет! Убери от меня свои руки!

— Если секс с тобой освободит меня, я буду прикасаться к тебе как и где захочу. Я избегал тебя на протяжении целого столетия... после того, как Мерлин изгнал тебя из королевства? Но больше этого не повторится. Я буду на тебе, вокруг тебя, в тебе...

Хотя, кто знает, сможет ли он выдержать еще одну пытку! Мужчина хотел свободы и оргазма. И она была подходящей девушкой для этого. Насколько бы он ни разжег в ней страсть, она не сможет забыть об этом.

— «Нет», означает «нет» в любом столетии, приятель.

— Ты ведь позволишь мне кончить после того, как я хорошенько тебя оттрахаю, Морганна? Конечно, тебе ведь уже наскучило играть со мной. Или тебе доставляет удовольствие знание того, как ты на меня действуешь?

Маррок слегка приподнял бедра и потерся об Оливию своей восставшей плотью. Обжигающая жидкость снова потекла по ее венам, распространяя свой яд. Но почему? Она, должно быть, совершенно выжила из ума.

— Тебе совсем нечего сказать? Или ты слишком занята, злорадствуя над тем, что я хочу тебя, даже когда ненавижу?

Повторное воспроизведение слов о том, что она не Морганна ни к чему не приведет. Ей пора попробовать что-то новое. Слова Маррока и резная фигура ангела, стоявшая рядом с ним, породили в ее мыслях идею. Здравая логика воспротивилась ей... но собственное тело ее только поощрило. Развитие сюжета дальнейших событий было поспешным, сумасшедшим и безотлагательным.

Мужчина хотел ее. Сильно. Правда ни к чему не привела. Почему же тогда не использовать его похоть к ней в своих целях? Единственной возможностью выбраться отсюда было принятие правил игры этого сумасшедшего.

Оливия позволила своей блузке вновь распахнуться. Едва сдерживая дрожь, она повернулась в тисках рук Маррока, держа статуэтку ангела в поле зрения. Теперь он возвышался над ней, а его член упирался ей в живот. О, Боже! Чувство опасности и желание захлестнули ее беспощадной волной. Между ними установилась странная связь.

"Возьми себя в руки!"

Даже со здравомыслящим мужчиной она боялась потакать этой чувственной химии. У нее не была опыта в занятиях сексом... даже базовых знаний. Собственная мать относилась к ней как к больной. Большинство людей из оставшихся следовало ее примеру. Оливия всегда ощущала себя ненормальной и уж точно никогда не ожидала, что такой сильный мужчина как Маррок захочет ее. Но, когда он прильнул к ней, девушка чуть ли не умерла от желания узнать о сексе все, особенно если занятие им с этим представителем сильной половины человечества обещает получение неземного удовольствия.

Нет! Она должна убраться отсюда прежде, чем ей взбредет в голову поддаться этому безумию, которое поглотит и тело, и душу. Оливия вздрогнула от невыносимого чувства близости. Хоть эта игра и была очень опасной, но если пленница хочет сбежать, у нее просто нет выбора. Она должна соблазнить хозяина дома, а затем, когда он будет достаточно отвлечен, отключить его ударом по голове и сбежать, игнорируя свою собственную ноющую потребность.

— Неужели хотеть меня настолько ужасно? — хрипло произнесла она.

— Не дразни меня, — тихо предупредил он.

— Соблазнишь или прикоснешься ко мне всего один раз, и я спущу на тебя все мое

неутолимое желание. Учти, что за пятнадцать столетий я узнал тысячи различных способов, как можно качественнее тебя отыметь.

Господи! От этих слов окружающий мир перед глазами Оливии закружился. Ее лоно начало судорожно пульсировать. Она сама слегка покачнулась и ухватилась за руки Маррока, чтобы не упасть. Когда огонь взлетел по ее рукам, она резко отпрянула от мужчины, но новое ощущение все еще обжигало ее пальчики. Что, черт возьми, здесь происходит?

— Зачем ты придумала эту сложную шараду с организацией встречи через Брэма? Ты ведь знала, как меня найти. В какую игру ты играешь?

— Что заставляет тебя думать, что это игра?

— От испуганной девушки к искусной соблазнительнице за несколько секунд? Ты недооцениваешь меня, Морганна. Крайне недооцениваешь.

— Ты не заинтригован? — она прильнула к нему так близко, как только могла себе позволить. — Маррок, прекрати сопротивляться. У меня есть все, что ты хочешь.

Его глаза сощурились, а губы сжались в тонкую линию, отображая всю гамму подозрения, которую он сейчас чувствовал.

Почему он ей не верил? Она ведь говорила нужные вещи, не так ли?

— Ты хочешь свободы. Об этом говорят твои глаза.

Его взгляд поведал о том, что он был вне себя от ярости. Оливия вздрогнула, стараясь взять себя в руки и подготавливая себя к побегу, но Маррок всего лишь нахмурился в ответ.

Несмотря на это девушка привлекла его внимание. Что же здесь происходило?

Неважно. Ее свобода, а возможно, и ее жизнь зависят от его внимания. Она должна собраться и сделать вид, что хочет его. Хорошо... не совсем так: необходимо просто сосредоточиться на их странной связи, поддаться на время необъяснимому желанию, фантазии о занятии любовью с мужчиной, который нуждается в ней и только в ней.

— Ты неправильно меня понял, — ее голос снизился и приблизился к мягкому мурлыканью, когда она своими пальчиками слегка взъерошила свои волосы. Сосредоточенный взгляд Маррока опалил своим блеском ее губы, ее тело. Мужчина стиснул зубы.

Девушка привлекла его внимание.

Оливия своей дрожащей рукой прикоснулась к широкой и горячей груди Маррока. На мгновение он замер, как будто почувствовал тот же сексуальный импульс, который ранее прошелся по ее телу.

Часть ее испугалась и попыталась убедить свою хозяйку отпрянуть. Но она не могла. Хотела сбежать, но ее тело в этот момент чувствовало себя более живым, чем когда-либо.

Сердце Маррока яростно отбивало ритм под ее дрожащей ручкой. Его подозрительный, суровый взгляд сказал пленнице о том, что разум еще не был готов к отступлению. Но его эрекция говорила о том, что тело уже давным-давно сдалось.

— Разве ты не видишь, что я не могу отказать этому желанию?

Она прижалась своей грудью к нему. Он сделал резкий вдох. Тело Оливии наполнилось трепетом.

— Если ты не позволишь прикоснуться к тебе, тогда не прикасайся и ты ко мне. Этот огонь сожжет меня. Я умираю от осознания того, сколько удовольствия мы можем доставить друг другу.

Ощущая ее руки на себе, он напрягся. Он медленно прикрыл глаза и тихо выругался.

— Не делай этого.

Его слова звучали жестко и сурово.

— Освободи меня от этого ада и оставь в покое.

"Хватай статуэтку. Бей его! Сейчас!" Но... она не могла. Его страдания передались и ей. Пленница действительно переживала за него.

— Маррок, открой глаза. Посмотри на меня.

Неохотно, но он сделал это. Между ними пролетела искра — горячая и яркая. Оливия судорожно вздохнула. Ее наполнило новое чувство опасения. Но это было боязнью не за жизнь, а за собственное моральное состояние. Девушка была слишком уязвима после смерти своей вечно отстраненной матери. Ее хрупкая защита пала. Чувство одиночества и боль от страстного желания присутствия рядом кого-то, кто заботился бы о ней, смешались с гневом.

Иногда Оливия просто не выдерживала такого давления. Учитывая то, как дико она отреагировала на Маррока, подари он ей хоть грамм нежности, и девушка не сможет спрятать от него свою душу. Открыться ему будет равноценно приглашению на праздник по случаю собственной казни. Но ей нужно поступать согласно своему плану.

— Я прошу лишь о простом прикосновении, — она вновь прижалась к нему.

На лице мужчины отразилась боль.

— С тобой ничего не бывает простым.

Оливия ненавидела себя сейчас за то, что должна смотреть в эти наполненные недоверием глаза, а в следующую секунду — обмануть его. Странное чувство, учитывая то, что она находилась в плену. Спустя несколько секунд Маррок прильнул к ней и поцеловал. Казалось, каждый нерв внутри девушки ожил. Затем он нежно прижался своей щекой к ее щеке. Его утренняя щетина, прикасаясь к ее коже, слегка ту царапнула. Вся гамма нахлынувших чувств затронула сердце Оливии.

Она ласково погладила мужчину по щеке, в то время как тот запустил свои пальцы в ее волосы. Резная статуэтка ангела была прямо сейчас в ее руке и являлась прекрасным оружием. Но, наплевав на все законы логики, пленница растаяла в его объятиях. От встречи с его ошеломляющей нежностью дышать, казалось, стало невозможно.

Девушка и представить себе не могла, что этот импозантный мужчина мог чувствовать такое безмолвное и в то же время страстное желание. Она ощущала это в каждом прикосновении его пальцев, в каждом рваном вздохе.

— Поцелуй меня, — выпалила Оливия.

Его пальцы в ее волосах слегка сжались.

— Я могу заставить тебя прождать своего поцелуя полвечности, так же, как ты сделала со мной.

— Это действительно то, чего ты хочешь — заставить меня ждать?

Он молча отстранился, чтобы взглянуть в ее глаза. Момент истины настал.

— Да поможет мне Господь.

Оливия увидела, как Маррок снова приблизился к ней, почувствовала жар его дыхания — и не сделала ровным счетом ничего, чтобы остановить его. Она сама не хотела этого.

В следующую же секунду он овладел ее ртом. Это чувство было таким... неизбежным, когда его губы нежно прикоснулись к ее собственным. Движение рук в ее волосах, вспышки страстного желания от прикосновений, легкий шелест щетины об ее кожу... все в нем излучало лишь грубость.

Все... кроме его губ.

После нежной ласки Маррок глубоко вторгся языком в ее рот, расширяя свои владения и заставляя сдаться ему на милость. Она слышала разные клише о силе поцелуев, но всегда почему-то думала, что подобные описания слишком преувеличены.

Однако сейчас она стала более осведомленной в этом вопросе.

Мужчина притянул пленницу к себе, заставляя раскрыть свои губы и, проскользнув языком внутрь, превратил их до этого момента нежный поцелуй в более требовательный. Жажда чувственных наслаждений затянула ее в свой омут с головой, и мир девушки завертелся вокруг, как на аттракционах. С каждым движением его губ естественной мужской вкус захватывал власть над ее рецепторами.

Обхватив своими руками его плечи, Оливия ответила ему с тем же неистовством, ощущая, как в ней росло желание чего-то большего. Маррок был как гора — надежным и огромным. Твердым. Тем не менее, он не использовал свои превосходящие ее размеры и силу, чтобы подтолкнуть пленницу к чему-то запретному и грандиозному.

Зарывшись глубже в ее волосы, он сжал руку в кулак, прижимая ее еще ближе. Оливия попыталась проникнуться всей нереальностью момента, но ее тут же вновь накрыл головокружительный всплеск желания.

Неужели это происходит на самом деле? То, как он прижался к ней, стараясь быть еще ближе, спровоцировало новую вспышку тепла, которое заполнило собой все пространство от живота до кончиков пальцев на ногах девушки. Шум в ушах становился все громче и громче, пока не стал похожим на звучание стерео за две тысячи долларов в машине типа Ягуара.

— Твой ротик...

Он часто задышал в ее губы, перед тем как вновь испробовать их.

— Такой, мать твою, пьянящий.

Оливия застонала. Маррок был повержен. На вкус он был, как грех, и пах удовольствием, скрытым под покровом темноты. Даже если она сбежит сегодня ночью и никогда больше не увидит его, она ни за что не сможет забыть этих ощущений.

— Дай мне большего, — пробормотал он.

Да!

Девушка, должно быть, сошла с ума. Этот человек похитил ее. Н-да, это был тот самый случай, когда она хотела сама себе настучать по заднице. Шум в голове прерывало только отчаянное биение ее сердца. Так вот каково это — ощущать возбуждение. Будто каким-то образом узнав о ее жажде, Маррок снова прильнул к ее губам, проникая глубже в девичий рот.

"О, Боже! Неужели она была настолько одинока, что смогла подцепить долбаный Стокгольмский синдром? Нет. Сосредоточься на побеге. Ничего не чувствуй", — кричал ее разум. — "Не позволяй ему влиять на тебя". Слишком поздно.

Вместо того, чтобы вооружиться одной из его резных статуэток, ручки Оливии скользнули вверх и обвились вокруг его шеи, запутываясь пальчиками в его темных волосах. Руки Маррока также пришли в движение, прокладывая путь от спутанных кудрей, поглаживая ее плечи, заключая в кольцо изящную талию и добираясь наконец до желанных бедер.

Пленница извивалась в неослабевающих и жарких объятиях. Мужчина настойчиво прижал ее к себе, показывая, насколько он возбужден. Это послужило прекрасным доказательством того, что его тело было крупным везде и повсюду.

— Безумие, — прорычал он. — Я не могу насытиться тобой.

Маррок прервал предложение поцелуем, еще более ненасытным, чем все предыдущие. Оливия ответила ему. Утверждения здравого рассудка ускользали в никуда. Но потребности ее тела были предельно ясны. Каждый нерв жаждал прикосновений этого мужчины. Она мечтала раствориться в нем. Девушка хотела Маррока. Нет, она хотела обладать им.

Разве эта необходимость прикоснуться к нему была порождена одиночеством? Простая человеческая потребность? Какая разница... Вручить ему себя, казалось, было желанием номер один для ее души.

Маррок поднял голову. Его лицо отражало фейерверк эмоций. Удивление. Желание. Решительность.

Взгляд, которым мужчина одалил девушку, заставил ту затаить дыхание. Головокружение вернулось с новой силой. Когда колени дрогнули, Оливия прильнула к нему сильнее. Даже когда ее разум кричал о том, что уже пора бы перестать вести себя как нимфоманка, стройное тело знало, что ОН поймет ее плоть и не позволит ей страдать.

— О, Боже. Ты хочешь меня.

Рычание Маррока отозвалось легкой дрожью в ее теле. Затем его не знающие покоя руки скользнули от бедер пленницы до талии, далее — вверх, останавливаясь на груди. Все ее тело излучало собой ожидание большего. Как будто полностью понимая девушку, мужчина снова завладел ее губами и сжал грудь своей горячей рукой. Оливия выгнулась ему навстречу, когда его большой палец прикоснулся к твердому, напряженному соску.

Дыхание становилось более рваным и быстрым. Она вцепилась в плечи Маррока, стараясь прижаться к нему ближе, ощущая, что она готова вылезти из кожи вон, лишь бы он дал ей нечто грандиозное, а не только страстные поцелуи.

Их желания совпадали. Девушка поняла это, когда мужчина поднял ее на руки и понес через большую комнату вниз по коридору.

В свою постель.

Он опустил ее на матрас, пахнувший смесью гвоздики и мха. Она жаждала ощутить, как его тело окутывает ее своим теплом, погружая ее все глубже и глубже в омут желания. Свечение его серебристо-голубых глаз говорило о том, что Маррок жаждал дать ей, то чего Оливия хотела, и даже выйти за рамки ее ожиданий.

Мужчина навис над ее телом и, раздвинув девичьи ноги, лег между ними. Жар его тела обжег ее. Отчаянная хватка его рук на ее лице вместе с ощущением его восставшей плоти, казалось, заполнили каждый миллиметр тела пленницы необъяснимым чувством полного соприкосновения.

О, Господи! Все происходило на самом деле. С ней.

В этот момент Маррок страстно желал Оливию, и это было неоспоримо. Скорое вожделение воплотится в жизнь, ведь она видела его в своем сне. Возможно, это судьба. Тело девушки насквозь прошло наслаждением, с которым она и не попыталась бороться.

Следующую череду его поцелуев она встретила на полпути, приподнимаясь навстречу его губам. Он не обделил своим вниманием ни ее шею, ни сверхчувствительную мочку уха, заставляя пылать ее кожу.

Разум кричал: «Он сумасшедший! Он опасен. Возможно, смертельно опасен». Но внутреннее томление прошептало в ответ: «Он хочет тебя. Ты нужна ему».

Всего лишь один раз за всю свою одинокую жизнь девушка решила пойти на поводу у своей фантазии. Прикосновения мужчины были похожи на купание в шампанском — такие

же дурманящие, игривые. Когда пьешь игристый напиток из бокала, сложно остановить себя, пригубив не больше половины.

Оливия дернула вверх его черную футболку.

— Маррок...

Он медленно отстранился и посмотрел на нее, вновь заключая ее лицо в свои руки.

— Это обман?

Она, стремительно сглотнув, отрицательно замотала головой.

— Мне нужно это. Я не понимаю...

— То, что ты заставляешь меня чувствовать, действительно безумие.

— Так и есть.

В настоящем мире он никогда бы не захотел ее. Реальность была слишком переоценена.

Горячий шепот прекратился, когда он отпрянул и, схватив в кулак ткань футболки на затылке, резким рывком снял ее. Когда он обнажил свой торс, Оливия сосредоточилась на изучении каждого его изгиба. Маррок выглядел достаточно пугающе, даже когда могучие плечи натягивали по швам футболку. Но когда верхняя часть его тела была обнажена, он казался еще крупнее.

Россыпь темных волос на груди, многочисленные шрамы и выступавшие под кожей вены привлекали внимание к его торсу. Взгляд пленницы медленно следовал по пути от накачанных грудных мышц вниз, к четко выступающим кубикам брюшного пресса, уходящим под пояс джинсов.

— Прикоснись ко мне, — пробормотал мужчина.

Оливия повиновалась и нежно провела своими пальчиками по его рукам и, сменив пальцы ладонками, медленно погладила его плечи. Его тело было твердым везде: спина, руки, бедра... член между ее бедер, который от девичьих прикосновений к его плоти стал каменным. Чем больше она ощущала мужчину, тем сильнее хотела принять его всего и сразу.

Спустя мгновение Маррок, казалось, поглотил девушку полностью: его поцелуи были властными, ладони, поглаживая женские бедра, снова обернули ее ноги вокруг своего туловища. Оливия ахнула, когда мужчина слегка надавил на то местечко, где уже вовсю бушевало пламя. Маррок потянулся за ее спустившейся на одно плечо блузкой. Его большие руки, как и все его тело, были покрыты шрамами и плотной сеткой вен, являя взгляду доказательства опасного существования. Он одним рывком распахнул полы ее кофточки.

Холодный воздух и горячий мужской взгляд стали великолепной гремучей смесью для пленницы. Все, что сейчас отделяло Маррока от ее груди, — лишь немного кружева. Всего за несколько секунд он победил застежку бюстгалтера. Затем, сорвав с тела девушки белье и блузку одновременно, он бросил обе совершенно ненужные вещицы на пол. Голодный взгляд хозяина дома опустился на распростертое под ним тело. Под его пристальным взглядом ее соски затвердели.

Впервые Оливия чувствовала себя красивой. И желанной. Неважно, произойдет что-то дальше или нет, она будет благодарна мужчине за этот момент.

Девушка выгнулась ему навстречу.

— Пожалуйста...

Наполненный потребностью всхлип сорвался с ее губ, когда он накрыл ладонью ее грудь, одаря заботой и лаской. Большой палец Маррока погладил ноющий сосок. Оливия ахнула. Различные звуки раздавались в тишине, в то время как он играл с чувствительным бутонем, а затем неожиданно сжал его. Вдох девушки перерос в стон, когда мужчина взял

сосок в рот, а с другим стал играть своими пальцами, то поглаживая, то щипая, доводя ее до безумства. Он все продолжал и продолжал свою изнуряющую ласку, пока она не почувствовала, что находится на грани.

Оливия все еще хотела большего. Но Маррок двинулся дальше, скользя грубой ладонью по ее животу, сжимая хрупкую талию, оборачивая вокруг себя ее бедра, заставляя медленно сгорать в огне желания. Когда она поцеловала его в первый раз, то боялась встретиться с гневом, жестоким отказом или же полным господством. Вместо этого мужчина поддался — ответил. И пленница поощрила его: обхватила своими ногами бедра Маррока, запустила свои пальчики в его волосы и притянула к себе, обрушивая на его губы сладостные поцелуи.

Еще один приступ головокружения окрасил окружающий мир в новые краски. Огонь и эйфория пронеслись по венам, оставляя за собой нестираемые следы. Оливия чувствовала себя так, как будто была пьяной, но настолько живой, как никогда. И все это было из-за мужчины, который, казалось, отчаянно нуждался в ней. Его горячее дыхание и бесконечные поцелуи в области шеи, заставляли ее тело содрогаться в томительном ожидании.

— Я должен обладать тобой полностью.

Желание непосильным грузом засело в ее животе, в то время как губы стали вырисовывать только ей ведомые узоры на его лице.

— Сейчас же.

Одним ловким движением он сорвал пуговицу с ее слаксов и расстегнул молнию, стремительно стягивая их вниз. Она помогла ему в этом. Едва с этим совершенно неприемлемым предметом гардероба было покончено, мужчина принялся за ее трусики. Они буквально распались в его руках, и он сбросил ненужные обрывки ткани на пол. Оливия не успела даже подумать о чем-либо, как он развел ее ноги шире и погрузил два пальца в ее девственное лоно.

— Маррок!

Импульс удовольствия, смешанного с болью, оголил чувства пленницы. Ее тело выгнулось в молчаливом приглашении.

— Я видел сон о тебе, — нежно прошептал он, приблизившись к ее ушку.

— Сон, в котором ты обнажена и хочешь меня. Но реальность... реальность намного лучше сна.

Он начал нежно поглаживать большим пальцем клитор, что заставило ее дыхание сбиться. Оливия ухватила за плечи партнера, стараясь оставаться в здравом рассудке, но он вновь заставил мир завертеться перед ее глазами. Мысли девушки медленно ускользали в никуда. Разум исчез следом, утопая в чистой горячей чувственной жажде. Она застонала и раздвинула ноги шире.

Слова эхом стали проноситься в ее голове. Слова, смысл которых Оливия не понимала. Эти случайные, искаженные и совершенно незнакомые фразы стали проноситься в ее голове. Похожие на шепот, с каждым прикосновением Маррока они становились все громче. С каждым стуком ее сердца удовольствие нежными волнами расплывалось по ее телу. Приближение оргазма одаряло девушку ощущениями душевного блаженства, которого она никогда раньше не испытывала, но желала получить. И эта жажда продолжала расти.

На ее коже проступили капельки пота. Ощущения стремительно взмыли вверх и застыли на этой высокой ноте. Казалось, тело Оливии загорелось... Удовольствие разорвало ее на мелкие кусочки. Она никогда даже в мыслях не могла представить такого всепоглощающего, лишаящего рассудка ощущения. Пленница выкрикнула имя Маррока, хватаясь за него, как

будто он был единственным во всем белом свете, кто сейчас имел значение для нее. Как будто всего лишь из-за этих прикосновений девушка перестала быть одинокой.

С приглушенным проклятием Маррок расстегнул молнию на своих джинсах, пытаясь как можно скорей разделаться со столь неуместным сейчас препятствием. Оливия, не скрывая интереса, все это время наблюдала за ним, пока тот не оказался сверху.

О, Господи! В плечах этого мужчины заключалась сила всего человечества. Мышцы его груди резко напрягались, когда она прикасалась к ним, так же как и его член — длинный, увитый крупными венами. Готовый для нее.

Смешанные в несуразную кашу слова, которые крутились у нее в голове, неожиданно сложилась в предложения. Старинные. Станные. Ритуальные. Но инстинкт заставил схватить его за руку. Оливия сомкнула пальчики вокруг его руки и их взгляды встретились.

Маррок снова упал на кровать, накрывая ее своим телом и располагаясь между ее ног.

— Стань частью меня, как я стану частью тебя, — слова сорвались с ее губ.

— Я с нетерпением жду этого. — ответил он.

— И с этих пор, я обещаю себе и тебе, каждый день, что мы разделим, я буду честна, добра и искренна. Если это то, что ты ищешь, прими мою Клятву. С этого момента для меня есть только ты.

Глава 4

Клятва Верности?

Шок огненной лавой разлился по венам Маррока. Он читал об этом в некоторых магических книгах, когда искал информацию о книге Морганны.

"Оливия" произносила своего рода магическое воплощение свадебного обета. Понимала ли она то, что говорила в эту минуту? Конечно. Независимо от того, что она перевоплотилась в другую женщину. Родимое пятно, эти глаза... ведьма не смогла от него скрыть. Но зачем ей применять к нему Клятву Верности, когда она уже держит в своих руках его вечность? И почему его тело стало более чутко реагировать на ее прикосновения; как же она смогла заставить его принять ее снова?

— Маррок?

Толики боли, даже уязвимости проскользнули в ее глазах. Он не должен чувствовать к ней что-либо — ни жалости, ни вожделения, ни этого сумасшедшего желания обладать и защищать. Он не мог позволить себе такую роскошь, потому что эти чувства, которые она якобы испытывала, просто не могли быть настоящими.

Возможно ли, что после того, как Морганна обрекла его на вечность в одиночестве, она полюбила его? Возможно ли, что для того, чтобы разрушить проклятье, ему просто нужно ответить на ее Клятву?

Принять Обет означало то, что он согласен на игру, сравнимую по опасности разве что с русской рулеткой, но ведь Морганна и так держала его судьбу в своей жестокой хватке. Несмотря на то, что после их последней встречи прошло пятнадцать столетий, ничего не изменилось. Без участия в придуманном ею состязании он не сможет покинуть этот ад.

Ощущая ее мягкое тело под собой, желание погрузиться во влажное, теплое лоно вернулось к нему с новой силой. Запах ее возбуждения практически превратил его в безумца. Но что может случиться, если он откажет? Действительно, что такого ужасного обрушится на его грешную голову, если он снова отвергнет ее?

— Стань частью меня, как я стану частью тебя.

Маррок смотрел в ее глаза цвета фиалки, медленно произнося слова, возникающие в голове.

— Я буду честен, добр и искренен. Я принимаю твою Клятву. Ты та, кого я ищу. С этого момента для меня есть только ты.

Улыбка расцвела на ее лице, как летнее солнце после долгой, дождливой весны. Ослепительная, прекрасная. На один единственный момент ее счастье пробудило ответную радость в нем, которая тесно переплелась с непреодолимой потребностью оказаться глубоко внутри нее. Когда закончится эта ночь, он либо снова станет смертным человеком, либо бессмертной игрушкой Морганны.

— Люби меня, — прошептала она, в пригласительном жесте раскрыв руки.

Слыша, как быстро стучит ее сердечко, Маррок дорожкой поцелуев спустился к бедрам Оливии. Мягкие прикосновения его губ перемешивались с легкими покусываниями. Нежными касаниями подушечек пальцев он выводил узоры на ее пояснице, отчего по девичьей коже, казалось, пробежали мурашки. Еще одна брешь в броне Морганны.

В их первую ночь, которая, казалось, была в прошлой жизни, она заставила мужчину хорошенько поработать, моля его о ласках до тех пор, пока тот не почувствовал себя совершенно измотанным. Ведьма никогда не жертвовала собственным удовольствием ради чужого. До того, как импульсы оргазма настигали ее и быстро прекращались, он даже не успевал хоть немного насладиться доставленным ей удовольствием.

Но это новое воплощение Морганны удивило его. Маррок вновь почувствовал себя исследователем, когда нежно погладил пальцем ее клитор. Дыхание «Оливии» сбилось, спина слегка выгнулась к нему навстречу, кожа обрела розовый цвет. С девичьих губ сорвалось его имя. Если Морганна была готова показать свою женскую восприимчивость к его прикосновениям, то он хотел посмотреть, насколько далеко сможет ее завести.

Скользя мягкими пальцами по ее бархатной коже цвета слоновой кости, Маррок медленно приблизился к мокрой теплой киске, борясь с желанием мгновенно вознести "Оливию" на вершины блаженства и заставить кончить. Когда он обхватил рукой ее грудь, нежность девичьей кожи и твердость сосков опьянила его. Взрывное сочетание.

Набухшие складочки ее плоти были тем невероятным искушением, которому он не мог противостоять. Маррок прикоснулся к ним своими губами, отчаянно желая попробовать девушку на вкус.

Почувствовав его там, Морганна/"Оливия" попыталась прижаться к нему ближе. Ее маленькие пальчики вцепились в простыни. Она напряглась, когда мужчина снова щелкнул языком по ее изнывающему от желания комочку нервов. Девушка не могла выразить словами то, насколько возбуждена, но ее тело практически кричало об этом.

Маррок, наблюдая за ней — покрасневшейся, возбужденной, извивающейся от его ласк в его постели — чувствовал себя победителем. Такая красивая, выкрикивающая его имя в предвкушении оргазма. Нежно проведя руками по бедрам пленницы, он развел их шире и вновь обрушил настойчивый поцелуй на ее губы.

Он медленно ввел бархатную головку своего члена в слегка припухшее лоно девушки. Влажная. Горячая. Такая тугая. Потрясающая.

Моя.

Мужчина сделал небольшой толчок в ее естество. Услышав вздох "Оливии" и почувствовав, как напряглось ее тело, он стал медленно, но глубоко погружаться в нее, но вскоре наткнулся на то, чего уж точно никак не ожидал:

— Ты девственница? — он едва не задохнулся от собственной догадки.

Как Морганна могла настолько изменить свое тело, чтобы вновь стать невинной? Ее магия действительно достигла тех высот, о которых он даже не подозревал. Твою мать...

Ее черные ресницы резко взлетели вверх и затрепетали. Зрачки цвета фиалки, подернутые дымкой, расширились. Красота этой женщины лишила его воздуха в легких. Сила и власть этой ведьмы рушила все его планы. Если он не будет предельно осторожен с ней, то с легкостью сможет подпасть под ее чары и потерять намного больше, чем возможность умереть.

— Д-да.

Девственница. Маррок при всем своем желании не мог отрицать существование заветной тоненькой преграды внутри нее. Черты его лица исказились под влиянием напряжения и невыносимой потребности, бушевавших в его голове. Мелкие капельки пота выступили на коже. Желание собралось в тугой узел внизу живота.

— Маррок, — пленница слегка приподнялась и в ожидании ответа закусила губу,

— Пожалуйста...

Отказать ей просто не представлялось возможным. Он ответил на ее Клятву. Он уверял себя, что эту связь между ними позволил установить исключительно ради дела. Но внутри него все буквально горело от желания сделать ее своей, даже, несмотря на то, насколько оно было глупым.

Сплетая пальцы рук, мужчина сжал их ладони вместе.

— Держись крепче.

Девушка взглянула ему в глаза, не скрывая своего удивления. Он не мог понять ее игры, но ее чувства, отражающиеся в завораживающих фиолетовых зрачках, черт возьми, задевали его за живое.

Маррок наполнил свои легкие ее пьянящим ароматом и толкнулся вперед, прорываясь через тонкую границу ее невинности. Услышав резкий вздох "Оливии", он медленно стал вводить член все глубже и глубже, пока она не приняла его полностью. Заметив неуверенность в ее глазах, он крепче сжал ее руку.

— Все, худшее позади.

Морганна кивнула в ответ.

— Думаю... так и есть.

Возможно.

Неописуемое наслаждение легкими покалываниями прошло по спине. Черт побери, он не мог вспомнить, когда в последний раз так возбуждался лишь от ощущения женщины на своем члене. Маррок подался назад, стиснув зубы от ощущения невыносимой тесноты и сносящего крышу трения. Когда он снова вошел в нее, "Оливия" издала нечто среднее между вздохом и стоном. Его душа и тело были в восторге от безумного совершенства ее тела и безоговорочно признали их поразительную совместимость.

Но все это не имело смысла. Морганна наслаждалась своими "трудами", которые вылились для него в века пыток. Что ему мешает поступить с ней также?

Должно быть, это и была та самая долбаная связь. По-видимому, она распространяется и на людей. И он был крайне не рад этому. Теперь, когда они связаны, он, возможно, снова станет смертным. Если он завершит их единение. Лишенный оргазма со времен пребывания в Камелоте, Маррок все еще сомневался, что сможет кончить в этот раз.

Морганна выгнулась дугой в предвкушении следующего толчка. Схватив ее за бедра,

мужчина начал двигаться внутри нее, установив быстрый темп, и впился в ее губы. Страсть беспощадной лавиной надвигалась на их сплетенные тела. Запах удовольствия витал в воздухе. Господи... Необходимость разрядки подавляла все другие мысли. С каждым движением девушка сжимала его все крепче, провоцируя двигаться еще быстрее. Глубже. Ближе. Больше...

Сменив угол проникновения, Маррок снова заполнил ее собой. Дрожь. Вдох. Ее ноги обернутые вокруг его талии. Сумасшедшее напряжение... и крик от получаемого удовольствия. Ее мышцы еще крепче обхватили его член. Удовольствие загнанным зверем металось по всему телу в поисках освобождения. Боже милостивый! Оргазм был прямо вот... здесь. Совсем рядом.

Мужчина вознесся так высоко, что даже на секунду поймал себя на мысли, будто находится в бреду. Казалось, словно всего лишь одно прикосновение отправит его на небеса. За все прошедшие столетия проклятия так близко к экстазу он никогда не подбирался. Малейшее прикосновение сейчас могло поднять его к новым вершинам.

Морганна прижалась к мужскому разгоряченному телу, покрывая поцелуями его лицо и шею. Капли пота стекали по его спине и вискам. Когда он снова толкнулся в нее, удовольствие грозило накрыть его с головой. Казалось, будто он пережил несколько мгновений своей смерти.

Секунды плавно перетекали в минуты. Морганна застонала, ее тело напряглось, и девушка кончила снова. Но Маррок не останавливался, продолжая жестко долбить ее тело, пытаясь достичь собственного удовлетворения. Когда она кончила третий раз, к тому моменту мышцы его ног окончательно онемели, и Маррок, выплевывая проклятия, отстранился. Горечь поражения безудержным потоком заполнила его мысли.

Он снова потерпел неудачу... Почему?

Теперь он связан с создательницей своей проклятой вечности, не имея возможности прикоснуться к другой женщине или даже получить оргазм в постели с собственной "женой"? Если это так, он должен отдать должное Морганне за изобретение для него нового вида пыток. Жаль, что он не раскусил ее замысел раньше.

— Маррок?

Он должен скрыть свою злость, иначе она просто воспользуется этим и рано или поздно направит против него самого. Но пленница нацепила маску смущения, которая рушила все воздвигнутые им баррикады и заставляла его чуть ли не закипеть от ярости.

— Чего, нахер, тебе надо? Зачем ты держишь меня в этой ловушке, зачем пытаешь бессмертием? Какие еще "развлечения" ты приготовила для меня?

Удивлению девушки не было предела.

— О чем ты?

— Все еще продолжаешь строить из себя белую и пушистую, Морганна? Хватит. Пора уже остановиться.

— Морган... Ты до сих пор думаешь, что я та женщина? — воскликнула она, натягивая простыню на себя, чтобы прикрыть свое нагое тело.

— Я Оливия, идиот!

Ее возмущение казалось таким реальным. Эта новая ведьма... очень коварная. Хитрая. Ей слишком легко поверить. Но доверие к ней окончательно превратит его жизнь в беспросветный ад.

— Я собираюсь победить тебя в скором времени и освободиться, Морганна. Клянусь, я

сделаю это любой ценой!

— Ты лишил меня девственности, веря в то, что я другая женщина?

В ее глазах сейчас можно было увидеть лишь злость и застывшие в глазах непролитые слезы.

— Все это желание и страсть... Ты лживый ублюдок! Не могу поверить, что позволила тебе... Не прикасайся ко мне больше!

Если бы все было так просто... Если бы каждое его прикосновение было всего лишь удачно просчитанной уловкой, а не полной капитуляцией перед ее чарами.

— Не веди себя так, будто ты одна тут такая оскорбленная. Мы оба знаем, что это не так.

— Нет! Один из нас точно знает, что ты умалишенный мудака. Я чувствовала... будто мы связаны, а ты просто играл? Конечно, ты просто играл. Господи! Какая же я дура!

Маррок больше не мог вынести этого взгляда. Он также чувствовал связь, возникшую между ними. Могла ли Морганна оступиться и стать жертвой собственных заклинаний?

— Я больше не допущу такой ошибки. Я больше не позволю тебе прикоснуться к моему телу, — пообещала она самой себе.

— Убирайся, нахрен, отсюда!

"Оливия" произнесла Клятву, и он ответил. Мужчина не обладал и каплей магической крови, но прекрасно знал, что эти слова не были простым набором звуков. Даже если уйдет... он снова вернется. Но он должен как-то оградить себя от дальнейшего влияния ее чар, несмотря на непреодолимое желание им поддаться.

Маррок быстро оделся.

— С радостью. Не имею ни малейшего желания связываться с ведьмой, особенно с коварным родом ле Фэй.

Мужчина покинул комнату, громко хлопнув дверью. Его тело мгновенно пожалело о своем уходе. Он продолжал чувствовать Морганну, находящуюся по ту сторону двери. Искушающую его вернуться и преподать ей пару уроков повиновения. Эта женщина была способна довести его до безумия. Скрипя зубами, он отошел от двери и попытался вспомнить все, что он знал о магических брачных узах, чтобы удостовериться, что влияние Клятвы не обошло ее стороной.

Господи! Неужели он действительно обречен на одержимость этой ведьмой, которая не привнесла в его жизнь ничего, кроме вечности и пыток?

Маррок медленно прошел к дивану и обессилено опустился на мягкие подушки, удобно устраиваясь на своем сегодняшнем месте для ночлега. Неприятная тяжесть в груди и чувство вины, буквально кричащие в его голове, казалось, насмехались над ним. Он был обречен желать ее. Всю оставшуюся вечность. Из-за их связи она могла это почувствовать и, возможно, даже получила удовольствие от своей осведомленности.

Маррок буквально сам объявил о своей глупой страсти, когда поддался импульсу и ответил на ее Клятву Верности и позволил их телам соединиться. Это был только вопрос времени, в какой момент она воспользуется всем этим против него.

Воспоминание об этой новой Морганне, кричащей от удовольствия, ее покрасневшем лице, предстало перед его глазами. А затем — и о ее слезах. Так похоже на правду. И так несвойственно для этой ведьмы, с которой он переспал несколько веков назад. Есть ли хоть малейшая надежда на то, что она сказала ему правду? Что она не Морганна, а простая смертная девушка по имени Оливия?

Вздор. С этим родимым пятном и бархатными фиолетовыми глазами, кем же еще она могла быть? Его сон о ней был наполнен невероятной силой. А ее странное поведение не было ничем иным, как более тонкой тактикой ведения боя, попыткой противопоставить их разумы и взрастить в нем неуверенность в самом себе.

Его целью были легкая смерть и освобождение от ада, сотворенного руками этой ведьмы. Месть звучала намного слаще, чем простое отступление, но он никогда не смог бы отплатить Морганне за боль, которую она ему принесла, обрекая на столетия безумного одиночества.

Тем не менее, Маррок постарается сделать это наиболее лучшим образом.

Этим вечером его снова посетил сон о Морганне в облике Оливии. На этот раз она стояла перед ним, олицетворяя собой искушение. Совершенно голая и такая соблазнительная. Яркое, эротическое видение, которое, как он подозревал, Морганна состряпала в дополнение к его пыткам. Но в этом сне, вместо того, чтобы исчезнуть в искрящейся дымке, ведьма обвила руками его шею и, крепко прижавшись к нему, страстно его поцеловала. Мужчина держал ее в своих руках, смакуя ее медовые губки и наслаждаясь их ответным действием. Он чувствовал, как неукротимая страсть стремительно стекается к низу живота. Не в силах сопротивляться ее чарам, Маррок воссоединился с ней самым интимным из возможных способов. Когда он погрузился в чертовку, она открыла Дневник Апокалипсиса и исчезла. Мужчина проснулся в холодном поту на своем диване, скованный всепоглощающим страхом. Обзывая себя всеми более жесткими вариациями слова "дурак", он встал и быстро прошел по коридору к комнате девушки, чтобы удостовериться в том, что Морганна не сбежала, пока он тихо и мирно спал.

Когда Маррок приблизился к двери своей спальни, он уже понял, что его рациональные мысли были сплошной ложью. Он хотел увидеть девушку, спящую в его постели, где он ее и оставил. Тихо ступая по деревянным половицам, он приблизился к краю кровати, на котором тихо спала его коварная соблазнительница. Легким движением пальцев он убрал выбившуюся прядь волос с ее лица. Когда его пальцы задержались на ее нежной коже, он не мог отрицать, что она выглядела совершенно невинной. Однако он быстро откинул возникшую иллюзию.

Как говорил Мерлин, Морганна была рождена ведьмой в полном смысле этого слова.

Но почему она была девственницей? Почему Морганна выглядела прошлой ночью... как бы выразиться поточнее — человечней, что ли?

Сопротивляясь мощному желанию снова к ней прикоснуться, еще раз скользнуть между измятыми простынями и войти в нее, он быстрыми шагами вышел из комнаты.

Вновь устроившись на диване, Маррок взял деревянную фигурку, которую начал вчера. По его мнению, фигурка еще не обрела свою форму. Но он предоставил своим рукам полную свободу, в то время как его мысли сосредоточились на Морганне.

Что за хрень! Он должен был сосредоточиться на изучении ведьминских секретов, чтобы наконец прекратить свои мучения. Чтобы добиться свободы, он должен быть как никогда сконцентрирован, должен убедить ее подарить ему свободу.

Мысли о спящей девушке спровоцировали новый приступ желания... и беспокойства. Если он не сможет подавить растущую между ними связь, его шансы на спасение превратятся в ничто.

Оливия проснулась в одиночестве. Совершенно ослабленная, разбитая и истощенная.

Она, вероятно, должна быть благодарной за то, что половой гигант оставил ее в покое. Вместо этого она чувствовала боль из-за того, что Маррок ушел после... Лучше не думать об этом. Боль в ее сердце словно насмехалась над ней. Какой же глупый и слишком простой план: подпустить Маррока к себе, ударить его по голове одной из его деревянных фигурок и бежать. Вместо этого он поднял ее на руки, отнес в свою комнату, в свою постель и... Стоп.

Но остановиться она не смогла. Тревожащее воспоминание о его руках, прижимающих ее к своей мощной груди, о том, как он вошел в нее, словно заевшая пластинка, снова и снова воспроизводилось в ее голове. Он заставил ее тело и душу воспарить.

Оливия бездумно насыщалась его прикосновениями. Она никогда и ни с кем не чувствовала такого ошеломляющего единения. Маленькая, обделенная любовью девушка внутри нее жадно облизывалась при осознании того, что мужчина обратил свое внимание на нее.

Говоря об ошибке...

Самой странной частью всего этого цирка было ошеломляющее чувство связи, которую она почувствовала после того, как произнесла те таинственные слова. Почему она их произнесла? Что они означают? Они, казалось, были неким воплощением средневековой свадьбы. Как только он ответил, ее связь с Марроком стала разрастаться, полностью захватывая девушку в свой плен. Этого Оливия также не смогла ни понять, ни объяснить. Она потеряла свою девственность с незнакомцем, который верил в то, что он бессмертен, а она — ведьма, которая его прокляла.

"Пора выбираться отсюда", — подумала пленница, поднимаясь с кровати.

Солнечный свет мягкими лучами проникал сквозь оконные стекла, освещая те уголки комнаты, которые она не видела вчера вечером. Ее челюсть повстречалась с полом. Ничего себе...

На спинке кровати была изображена пара влюбленных людей, расположившаяся в тени холма. Эта работа, должно быть, заняла несколько лет непрерывного труда. И четыре столба в виде диких волков казались настолько живыми, что Оливия могла поклясться, будто они укусят ее, если она прикоснется к одному из них. Такой талант должен быть отмечен. Мастер будет прекрасно принят в мире искусства. Если она сможет заполучить его работы для своей галереи, так и будет.

Но Маррок не просто жил в уединении, он ценил его. Вероятно, эта идея была не настолько уж и плоха, ведь он убежден в том, что бессмертен и проклят. Сумасшедший человек.

Но он прикасался к ней с такой нежностью, что она уже было начала думать... надеяться... но нет. Одна ночь с мужчиной не могла заменить многолетнее отвержение матерью, не могла снова сделать ее цельной. Желать этого было бессмысленно. После того, как Маррок кончил — точнее сказать, не кончил — заниматься с ней сексом, он просто встал и ушел. Ничего удивительного. Какая ненормальная не могла удовлетворить настолько возбужденного мужчину? По-видимому, она. Девушка вздрогнула.

Пора сесть в кабриолет и уехать куда-нибудь, а точнее, в "Магическое прикосновение".

При мысли о том, что ей придется уйти от Маррока, странная слабость поселилась в теле Оливии. Казалось, она заболела. Даже ее кожа покрывалась мурашками в приступе жара. Но, несмотря на это, она, завернутая в простыни, которые до сих пор хранили его лесной запах, снова хотела его. Сгорала от желания вновь прикоснуться к его сильному и мощному телу. Но такого ни в коем случае больше не должно случаться. Ее либидо не

помешает немного амбиций.

Прилагая недюжинные усилия, чтобы просто поднять свою руку, Оливия взглянула на часы. Даже ее глаза болели. 3:42 утра. Хоть бы он крепко спал где-нибудь подальше. Она молилась о том, чтобы его "бессмертие" не означало, что он обладал вампирскими способностями.

Оливия напряглась от приступа боли, когда резко передвинулась к краю кровати. Ее ноги будто полыхали пламенем, а желудок сводило в приступах тошноты. Но пульсирующая в промежности потребность заглушала почти все.

Она попыталась вновь заставить себя двигаться. Если она хочет сбежать, сейчас самое время.

Соскользнув с постели, пленница ахнула, когда холодный воздух пробежался по ее коже. Черт, она ведь совсем голая. "Потому что Маррок раздел и трахнул тебя, а ты так усердно с ним боролась, что прям все ручки стерла от попыток вырваться", — мысленно плевалась сарказмом девушка.

Что сделано, то сделано. Пребывая в прошлом, его не изменишь. Бла, бла, бла.

Едва перебирая ногами по деревянному полу, Оливия прилагала невероятные усилия. Пол как будто был устлан острыми иглами, которые с каждым шагом больно впивались в ступни. Головокружение снова настигло ее. Так не вовремя.

Дверь ванной комнаты, располагающейся в спальне, была вполне весомой причиной для празднования, даже если этот короткий путь совсем исчерпает силы пленницы. Она тихо закрыла ее за собой, чувствуя небольшое облегчение. Но радоваться было рано, так как в комнате не было ни единого окна. Раковина, да. Душ тоже. Туалет в отдельной комнатке. Но ничего полезного для спасения.

Тяжелый темно-синий халат Маррока на крючке двери. Его запах. Невероятно вкусный. Она могла побиться об заклад, что он и выглядел в нем великолепно.

Глупый ход мыслей.

Медленно, осторожно, она встала с унитаза, только чтобы удостовериться в том, что ее бедра были липкими от крови и собственных соков. Душ был бы сейчас как нельзя кстати...

Сосредоточься. Побег!

Оливия на дрожащих ногах прошла к двери и, схватившись за халат, закусил губу, чтобы не вскрикнуть от разрастающейся по телу боли. Что, черт возьми, с ней происходит? Это походило на грипп, только раз в десять хуже. Может, она чем-то заразилась?

Передвигаясь, как больная артритом в дождливый день, Оливия надела халат и на цыпочках вышла из ванной комнаты. Покинув помещение, в котором она спала, девушка попала в открытое пространство то ли кухни, то ли гостиной. Определить назначение этой комнаты было весьма сложно. В поле зрения девушки теперь находились две двери, которые вели наружу: одна — парадная и другая — находящаяся в задней части дома. Слава богам, Маррок спал на диване в самом центре.

Наученная прошлым опытом, она знала, что парадная дверь закрывалась на ключ, который он, конечно же, спрятал. Заднюю дверь... нужно было проверить, но ведь она знала с самого начала, что сбежать отсюда будет делом нелегким.

Как только она добралась до задней части дома, Оливия осмотрелась вокруг. Несмотря на свою оторванность от мира, коттедж был оснащен современной охранной сигнализацией, электричеством, водопроводом, всеми доступными современными удобствами в ванной комнате и кухне. Вплоть до электрической бритвы и микроволновой печи. Но в доме не

было ни одного телевизора. Хуже того, пленница не увидела никакого телефона. Даже если она сможет найти свою сумочку, батарейка в ее мобильнике, несомненно, "села", так как заряд был низким еще вчера.

Брэм так и не появился, и Оливия поняла, что тот и не приедет, и все заверения Маррока об обратном были очередной ложью. Господи, как она могла быть такой неосторожной? Сразу отметая желание всплакнуть, а затем проспать дней так десять, девушка попыталась собраться, наблюдая за тем, как Маррок дремлет на диване. Его голова лежала под неудобным углом, а лицо, даже в состоянии покоя, заставляло ее сердце ускорить свой бег. Ее тело так сильно болело. Страдания, казалось, увеличивались с каждым шагом, который она делала, отдаляясь от него.

Жаль. Ведь остаться она не может.

В конце концов, она добралась до выхода. Французские двери. Витражи. Может, он тоже их сделал сам? Она не удивилась бы.

Оливия взяла себя в руки. Чертово головокружение вернулось, смешиваясь с жалящими приступами боли. Ее голова... Это было похоже на похмелье, грипп, головокружение, пищевое отравление в одном флаконе. Она упала на колени. Боже, еще чуть-чуть — и она грохнется в обморок.

Она должна подняться и убраться отсюда. Сейчас же!

Вздохнув и подавив новый приступ тошноты, Оливия потянулась к ручке двери. Но ее пальчикам не суждено было добраться до места назначения...

Глава 5

Маррока разбудил женский всхлип. Резко раскрыв глаза, он увидел, как Морганна рухнула на пол около задней двери. Он рванул через всю комнату к девушке, падая рядом с ней на колени. Какого дьявола происходит?.. "Оливия" была бледной, как смерть. Едва дыша, она безвольным грузом лежала на полу. Может, он вчера был слишком груб и сделал ей больно?

— Морганна?

Никакой реакции. Даже намек на нее.

— Морганна!

Может все это какая-то игра? Он никогда не видел ее такой слабой или беспомощной. Новая тактика? Возможно. Может, так она наказывает его за то, что он не называет ее "новым" именем? В прошлом она приходила в ярость и за меньшие его проступки.

— Оливия? Очнись.

Маррок нежно провел костяшками пальцев по ее мягкой щеке. Да ведь девушку лихорадит. Он взял ее на руки и нежно прижал к своей груди. Казалось, будто она провела весь день под палящими лучами солнца. Все также прижимая ее к себе, Маррок поднялся на ноги. Из ее уст вырвался едва слышимый стон.

— Ты слышишь меня?

Он не мог скрыть беспокойства в своем голосе и буквально молился, чтобы это не было каким-то очередным обманом или уловкой, чтобы оценить степень его заботы о девушке. Ему нельзя позволять себе еще глубже погрязнуть во всей этой грязи из-за своей наивности и глупости. Но вместо расчетливого смеха он снова услышал сдавленный стон.

— Жарко... Мне нужно...

— Нужно что?

Тишина.

Он быстрыми шагами преодолел расстояние до своей спальни, стараясь лишний раз ее не тревожить. Господи, она весила не больше пятидесяти килограмм. И вчера вечером он придавил ее, двигался в ней... да так настойчиво. Хотел, чтобы она приняла его всего... Пот прозрачными бисеринками скатывался по груди и спине Маррока, когда он аккуратно уложил ее на кровать.

— Оливия, что тебе нужно?

— Прикосновение...

И он сделал это, нежно кладя руку ей на лоб. От его внимания не ускользнул тот факт, что ее температура поднялась на градус или даже два. Святые небеса, если все происходящее — игра, то это точно наиболее правдивая театральная постановка за всю его жизнь.

— Нужно сбить температуру.

Маррок умчался на кухню. Лед. Несколько мокрых полотенец. Аспирин. Захватив это все с собой, он вернулся в комнату и увидел, что она развязала пояс халата и пытается распахнуть мешающую ей ткань. Положив все около кровати, он помог ей избавиться от всей одежды, которая могла удерживать температуру.

— Лучше?

Она лишь застонала и выгнулась дугой на кровати. Ее кожа покраснела. Девушка была больна, и вид ее обнаженного, мягкого тела был для мужчины, как красная тряпка для быка. Несомненно, он был тем еще подлецом, но тягу, которую он чувствовал к ней, невозможно было отрицать. Особенно, когда она в беспокойстве раздвинула ноги и снова приподнялась на кровати. Прилагая все усилия, чтобы игнорировать столь манящее зрелище, Маррок провел холодным влажным полотенцем вдоль ее тела. Взвизгнув, Морганна подскочила на кровати и закричала так, будто он ошпарил ее. Мужчина тщательно обтирал пушистой тканью ее тело, пока она металась на кровати, как дикарка. Что, дьявол его раздери, он сделал не так?

— Морганна?

— Нет!

Ее безумные фиолетовые глаза распахнулись, отчетливо выделяясь на бледном, как простыня, лице. Она снова смахнула небольшое полотенце, обнажая свои груди и тугие, словно горошины, соски. Даже в разгар своей болезни, она не только распаляла в нем очаг желания, но еще и настойчиво отмахивалась от его попыток вновь назвать ее Морганной. Твою мать, зная эту коварную женщину, он был почти уверен, что ее притворству нет предела. Что, если она не притворялась? Возможность такого исхода событий привела его в ужас. Чушь собачья! Женщину из рода ле Фэй, которую убил бы за свою свободу, он пытается сейчас спасти. Но все, о чем Маррок мог в данный момент думать — это о том, что девушка, находящаяся перед ним, в его постели, страдает, нуждается в чем-то... и, возможно, она действительно не Морганна. Несмотря на все бушующие в нем противоречия, позволить ей умереть не входило в его планы.

— Прикоснись... ко мне.

— Тебе нужен лед?

Он схватил ведро со льдом. Она ухватила пальчиками за края его рубашки, прижимая его ближе к своему телу, чуть не высыпав ледяные кубики.

— Твои. Руки.

Она хотела, чтобы он коснулся ее там? Маррок увидел нотки голода в ее остекленевшем

взгляде. Она хотела его? Сейчас? Он попытался вспомнить, были ли какие-то побочные эффекты от магической Клятвы, которую они приняли. Но ни о чем таком он не знал.

— Расслабься.

Он убрал мокрое полотенце и решил достать из шкафа вентилятор. После того, как он все-таки нашел это жужжащее устройство, Маррок включил его в розетку. Когда на них наконец подул охлаждающий поток воздуха, он снова перевел глаза на девушку. Морганна? Оливия? Кем бы она ни была, она больна, и ее температура продолжает повышаться. Сексуальное желание, должно быть, просто последствие бреда. Господи, что же он с ней сотворил? Мог ли он похитить не ту женщину и лишит ее невинности? Морганна не могла быть девственницей. Она никогда бы не показала свою уязвимость. Что, если она действительно Оливия Грей? Она точно захочет убить его после всего произошедшего, и он это заслужил. Но сейчас он должен понять, что послужило причиной ее болезни. Она бледнела прямо на глазах. Ее дыхание становилось более рваным, а тело — более беспокойным. Девушка провела рукой по животу, а затем скользнула ею ниже, между бедер. Нежные пальцы раздвинули складочки плоти и погрузились внутрь. Боже милостивый! Она была мокрой.

— Маррок...

Ее едва слышимые мольбы заставили его член окрепнуть. Он нахмурился. Возможно, ей станет лучше, если он покинет комнату. Может его присутствие ее возбуждает... Мужчина, взяв две таблетки аспирина и плеснув немного воды в кружку, подошел к своей "пациентке". Он прижал ее к кровати, удерживая на месте, пока она не проглотила таблетки и не выпила половину налитой воды. Девушка нуждалась во сне, а не в сексе. Он вышел в гостиную, возвращаясь к дивану и деревянной фигурке, которую он начал накануне. Но он все никак не мог отвлечься от мыслей о женщине, лежащей в его постели.

В течение следующего часа она о чем только не вопила. Выкрикивала его имя, молила его о прикосновениях и о сексе. Затем крики переросли в завывания, а после полудня превратились в едва слышимые стоны. А потом наступила тишина. Лишь беспокойные движения ее тела в простынях нарушали устрашающее безмолвие. В сотый раз Маррок тихо прокрался по коридору и, широко распахнув дверь, на свой страх и риск предстал перед своей магической "женой". "Оливия" все также лежала в кровати — бледная, как смерть. Он стремительно подошел к ней и прижал пальцы к ее сонной артерии. Пульс едва прощупывался. Она едва дышала. При мысли о том, что он может потерять ее, что-то внутри него взбунтовалось. Кому он, нахер, должен позвонить? Доктору? Аспирин не помог, и он никогда не видел, чтобы кого-нибудь так лихорадило от недостатка секса. Это, должно быть, какая-то магическая болезнь.

Кто поможет?.. Брэм. Да. Он позовет ведьмака, уповав на то, что он хоть что-то знает об этом. Маррок подлетел к шкафчику и выдвинул один из ящиков. Внутри он нашел небольшой камень, который вчера дал ему колдун. Подбежав к задней двери, он распахнул ее и бросил камень в воздух: — Брэм Рион. Спустя несколько секунд камень превратился в большую белую птицу, которая вспорхнула высоко в небо и тут же улетела. Спустя пару минут Маррок услышал стук в дверь. Раскрыв ее, по ту сторону он увидел Брэма.

— Сработало, — удивился Маррок.

Он в течение многих столетий встречался с различными причудами магии. Страдал от ее жестокости. Тем не менее некоторые заклинания все еще его поражали.

— Конечно. Это ведь простое заклинание. Я заколдовал свой первый камень в четыре

года.

Мужчина закатил глаза.

— Ты звал, — произнес Брэм, — и затем его челюсть, казалось, повстречалась с полом.

— Ты связался с ней? Ты произнес магический обет?

Маррок замер.

— Как ты узнал?

— У тебя теперь есть магическая подпись. Она нечеткая и приглушенная ее цветом.

Брэм обошел его вокруг.

— Как ты узнал, какие слова нужно говорить?

— Она сама произнесла их, и... ответ просто вышел сам собой.

Маррок проигнорировал удивленное выражение лица колдуна, нервно проводя рукой по волосам.

— Ты поможешь или так и будем тратить время на поиски вопросов и ответов?

— Конечно. Я постараюсь помочь. Но эта подпись, что-то с ней не так.

— Позже, — прорычал Маррок, — Мор... Оливия... — сказал он, все еще не понимая, как ее называть, — она едва жива.

Выражение лица Брэма сменилось беспокойством. Быстро шагая по коридору, Маррок с облегчением услышал колдуна, следующего за ним. Он зашел в комнату, поспешно прикрывая обнаженное тело "жены". Ее состояние ухудшилось за последние несколько минут, и это несмотря на то, что оно и так было хуже некуда, когда он уходил.

— О, Господи, — пробормотал Брэм.

— Что с ней? Что-то магическое?

Ведьмак подошел к кровати и положил ладонь на ее лоб, а затем прижал пальцы к шее. Даже если она больна, знание о том, что колдун прикасается к ней, смотрит на ее тело, укрытое лишь тонкой простыней, провоцировало в нем желание с рыком оттолкнуть Брэма подальше. Когда она отмахнулась от него, обнажая свои гладкие ножки, Маррок закрыл собой тело девушки и снова укрыл ее, нежно проведя ладонью по ее плечу. Она неожиданно сильно обхватила пальчиками его руку.

— Мне нужно... Прикосновение.

Мужчина прикрыл глаза, пытаясь вновь взять себя в руки. Он прикасался к ней прошлой ночью, и его тело упивалось каждой секундой их соития. И он, конечно же, повторил бы все снова, если бы "Оливия" не находилась на смертном одре.

— То, что заставляет ее страдать, это нечто магическое, ведь так? — спросил Маррок, когда аккуратно высвободился из ее хватки.

— У меня есть кое-какие соображения на этот счет, — ответил Брэм.

— Послушай, ты, любящий загадки ублюдок! О том, что я связал себя с Морганной или какой-то другой ведьмой на веки вечные, будешь думать потом. А сейчас ты скажешь мне, что с ней происходит. Я не хочу видеть, как она умирает.

— Оливию может осмотреть моя тетка. Ее магия исходит из самого сердца. Милли — отличный специалист по вопросам связи и семьи. Она точно сможет сказать что это. Затем, я сам проведу пару исследований...

— Мы не можем тратить время на нахождение кого-то и поиски в старых книгах. Сделай что-нибудь сейчас же!

Кивнув в ответ, Брэм вышел из комнаты. Маррок знал, что он должен последовать за ним и проследить за колдуном, но он не смог заставить себя оставить Морганну/Оливию

одну.

Через секунду он услышал стук в дверь и прошел в гостиную.

— Пригласи мою тетю Милли, — произнес Брэм.

Маррок только раскрыл было рот, но после передумал. Легко отступить в данной ситуации было бы неразумно. Независимо от того, что Брэм притворился его другом. Ему просто хотелось заполучить Книгу Судного Дня. Если бы не она, колдун, возможно, преспокойно оставил бы извивающуюся в приступе лихорадки пару Маррока умирать. Нахмурившись, мужчина посмотрел на женщину, стоящую на пороге. Она была совсем не высокой и такой похожей на фею женщиной. Маленький рост, игривые голубые глаза, сияющая кожа. Ее возраст... Ей могло быть как сорок, так и четыре тысячи лет.

— Твоя пара заболела?

Ведьма обладала слащавой улыбочкой. Маррок действительно заметил, что ее магия исходит из самого сердца. Она несла с собой радость и доброжелательность.

— Входи, пожалуйста.

Решительно кивнув, Милли переступила через порог.

— Она в постели, дорогой?

Маррок кивнул и взял женщину за руку.

— Прошу за мной.

Он провел ее по коридору, едва ли не переходя на бег. Она не сопротивлялась, когда он слегка подтолкнул ее в сторону Морганны/Оливии.

— Вы произнесли магические брачные обеты.

— Вчера.

Любопытные глаза ведьмы тщательно его осмотрели.

— Значит, вы с ней соединились. И все же... не совсем.

Маррок приложил все усилия, чтобы не покраснеть. Можно ли определить, что он не получил своего удовольствия и не смог кончить в нее? — Да.

— Проблема в тебе. Она — несовершеннолетняя ведьма, и это неразумно — соединять себя брачными узами — для кого-либо, кто еще не раскрыл своих сил. Связывание создает зависимость, и ее неудовлетворенность может стать роковой. Так как ты не маг... — тетя Брэма покачала головой, — ты должен приложить вдвое больше усилий, чтобы оставить ее в живых. Несмотря на то, насколько мужественно ты выглядишь, она может потребовать ухода, которого ты дать ей просто не сможешь. Это трагично, но, возможно, тебе лучше облегчить ее участь, прежде чем она перейдет в мир иной.

Маррок с повышенным вниманием вслушивался в ее слова, но понял только некоторые из них. Он взглянул на Брэма.

— Будь я проклят, если буду сидеть сложа руки, пока она умирает.

— Ты уже проклят.

Сдерживая грязные ругательства, так и норовившие слететь с языка, он угрожающе приблизился к колдуну.

— А теперь повтори специально для тех, кто не повернут на всей этой магической ахинеи.

— А что мне за это будет? — в ожидании ценных предложений, произнес тот.

Корыстный засранец.

— Я знаю кое-что о книге, которую ты ищешь. Но если она умрет...

— Вы с Оливией — супруги. Клятва была произнесена и был получен ответ. Как

правило, ее завершают единением, что обеспечивает энергетический обмен, который держит того, кто обладает магическими силами, здоровым и живым. Похоже, она отдала свою порцию энергии тебе, когда получила оргазм, но ты ничего не дал ей взамен, так как не получил собственного удовольствия. С точки зрения магии, она отдала тебе свою силу и душу, но ты не подпитал ее своими собственными и не вернул. Это породило в ней недостаток ее сил, что делает ее все слабее с каждой минутой. Это, — он потянулся к laggagh камню на ее запястье, — делает ее еще слабее. Он был создан, чтобы сдерживать способности такой могущественной ведьмы как Морганна. Оливия — ведьма, которая еще не приобрела свои способности. И не обретет их еще в течение нескольких лет. Поэтому браслет приближает ее к смерти быстрее.

— Значит... мы связаны, и я должен спать с ней, чтобы удерживать ее в мире живых? А браслет истощает и убивает ее?

— Да. Никто столетиями не использовал этот браслет, поэтому я думаю, что дело в нем. Но ты пропустил середину.

— Середина не имеет смысла.

— Я объясню в двух словах, — вздохнув, Брэм шагнул ближе.

— Тот факт, что ты не кончил в нее, означает, что ее тело не получило твою жизненную энергию, ты только взял, но не отдал. Так как вы пара, теперь ее энергия полностью зависит от тебя. Из-за того, что она не завершила превращение, Оливия нуждается в большем количестве твоей... хм, энергии, чем совершеннолетняя ведьма. Без полноценного обмена энергией и, что важно, регулярного, она потеряет свою силу, а после — и свою жизнь.

Маррок почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Он прижал Брэма к стене и зарычал:

— То есть, если я не кончу внутри нее, а это именно то, чего я не мог сделать ни с одной женщиной за все прошедшие пятнадцать столетий, она умрет?

— Да. Ты теперь ее собственная батарея, которая подпитывает ее жизненные силы.

— Тактильный контакт также даст ей немного сил, дорогой, — добавила тетя Милли и игриво ему подмигнула.

— Но такого рода контакт будет оживлять ее на несколько часов, возможно, даже дней. В зависимости от того, насколько эта энергия наполнена удовольствием.

Слегка отшатнувшись, Маррок оперся о стену. Его пара обречена. И несмотря на то, как сильно он стремился увидеть падение ненавистной ведьмы на протяжении прошедших веков, мысль о смерти этой женщины вызывала в его мыслях панику. Дьявол, она, скорее всего, точно не Морганна.

Брэм наклонился ближе.

— Магические связи, как известно, могут разрушить одно проклятие или два. Может быть... в дополнение к сексу, немного раскаяния с твоей стороны в том, что ты отверг Морганну пару веков назад, сможет помочь.

— Если бы я мог, но, зная о риске связи с ней...

Маррок провел рукой по волосам. Одно дело убить кого-то в сражении, борясь за свою страну, вождя или царя. Но смерть из-за отсутствия любви и удовольствия казалась слишком жестокой.

— Еще рано сдаваться.

Мужчина знал, что не смирится до ее последнего вздоха. Он понятия не имел, почему мысль о ее спасении так влияла на него. Но осознание жизни без Оливии, даже один день,

заставляло почувствовать себя убитым горем...

— В любом случае, — продолжил Брэм, — мы должны снять этот laggagh камень с ее руки.

Колдун наклонился, чтобы расстегнуть цепочку на ее запястье. Но Маррок перехватил его руку.

— Ты точно уверен, что эта вещь ей вредит?

— Так и есть, — ответила за него тетя.

— Браслет на её руке действует на нее так же, как если бы неопытная ведьма попыталась своими силами осветить весь Лондон. Он истощает ее организм.

— Если она действительно не Морганна. Но как мы можем знать это наверняка?

— Если бы в твоей постели была Морганна, она еще несколько дней, а возможно, и недель, была бы в добром здравии. Laggagh камень не позволил бы ей использовать магию, но времени, чтобы настолько истощить ее, ушло бы намного больше. Твоя же пара пробыла с ним меньше дня, — подметил Брэм.

Маррок, казалось, совершенно не поспевал за всеми фактами, мгновенно открывшимися перед ним. Если обнаженная женщина в его постели действительно была Оливией, а не Морганной, это означало, что он лишил девственности совершенно невинную девушку, которая связала себя узами брака с незнакомцем. Он допустил роковую ошибку, когда позволил себе ответить на ее Клятву.

— Может, она результат воскрешения Морганны?

Маленькая ведьма хихикнула.

— Морганна была изгнана еще с тех пор, когда я была ребенком. Она, вероятно, уже отошла в мир иной. Единственная возможность ее возвращения — это если кто-то, обладающий действительно сильной магией, захочет вернуть ее в этот мир. Но такой силы никто не видел со времен... ну, где-то со времен существования моего дяди Мерлина. Но, глядя на ее подпись, ясно, как день, что она из рода ле Фэй.

Тетка Милли приложила одну руку ко лбу Оливии, а другую к ее сердцу. Она на мгновение замерла, а затем взяв руку девушки, уставилась в никуда. Еще раз просмотрев ее магическую подпись, Милли нахмурилась.

— Она потомок сына Морганны, но точно не сама Морганна. В свое время она станет действительно могущественной ведьмой. Но сейчас она обычная несовершеннолетняя ведьмочка.

Маррок замер. Неужели эта маленькая женщина права? Ее глаза и его сердце говорили о том, что именно так и есть.

— Блять.

— Возможно, потомок ле Фэй сможет тебя освободить, — озвучил свою мысль Брэм.

А возможно, и нет.

Милли обнадеживающе погладила его по плечу.

— Я разбираюсь в магии сердец, а не предсказании будущего. Но эта девушка... Я чувствую, что ей предназначено вершить судьбы многих. Она должна выжить любой ценой.

Но он не мог гарантировать, что сможет вообще хоть раз оставить в ней свое семя, что уж говорить о том, чтобы делать это регулярно.

Маррок обернулся к Брэму.

— Это невозможно. Мое проклятие... Ты знаешь, что я веками не мог ничего с этим поделать.

Брэм кивнул.

— Возможно, есть другой способ сохранить Оливии жизнь.

— Да?

— Разрыв вашей связи положит конец ее зависимости от тебя.

Маррок, услышав ответ, застыл на месте.

— Что ты имеешь в виду?

— Разрушение брачной связи, — ответила Милли.

— Это происходит редко, так как мы верим в то, что супруги предназначены друг для друга. После того, как они принимают брачные обеты, их жизнь становится невозможной друг без друга. Они нуждаются в удовлетворении друг друга, чтобы поддерживать жизнь в своих телах, так что продолжительность их жизней становится одинаковой. Супруги, связанные магическими брачными узами, часто проживают вместе несколько счастливых столетий. Клятва редко произносится бессознательно. Только когда тот, кто произносит ее, не знает о том, что человек напротив — его настоящая любовь. И Клятвы, бывает, остаются неотвеченными, пока...

— Ты говоришь о магическом... разводе?

Брэм кивнул в ответ.

— С... особенностями.

Естественно.

— Такими, как?

— Разрушение связи болезненно для обеих сторон. Это мучительно, если связь очень крепка. После него Оливия не будет помнить о тебе. Женское подсознание сотрет все, связывающее вас, поэтому она сможет соединиться с другим и родить детей. Но она все время будет ощущать боль утраты без понимания, что именно она потеряла. Чувство горя будет преследовать ее, пока вы разлучены. После вашей встречи ее воспоминания вернутся, и этим она вновь подвергнет себя опасности. Поэтому, если ты расстроишь эту связь, тебе нужно будет уехать в другую часть света и никогда не возвращаться.

Даже мысль о том, что произнесенное может стать реальностью, ужасала. Приносила чувство неудобства. Будучи ле Фэй, неважно, Морганной или нет, она, возможно, единственный человек, который мог бы помочь снять его проклятие. Бросить ее в данном случае не было удачным вариантом. Однако он не хотел видеть, как она умирает.

— Чем разрушение нашей связи может ей помочь? — спросил Маррок.

— Если вы разведетесь, Оливия больше не будет нуждаться в твоей жизненной энергии, чтобы остаться в живых. Она сможет естественно принять свои силы где-то в двадцать пять. Если она переживет расстройство уз...

— Если переживет?

— Некоторые ведьмы и колдуны не выживают. Это их травмирует. Но, учитывая, что ваша связь свежая, вред от разрушения будет минимальным. Чем она глубже, тем опаснее ее разрушать. Более глубокий шрам остается. Ваш контакт еще до конца не сформировался. Но Оливия очень слаба...

Итак, им предстоит быстрая смерть, если он и Оливия не смогут найти ключ, который сломает его проклятие, или вероятная смерть с жизнью, полной болезненной и непонятной потери, если ей удастся выжить. Ни одно из решений не было приемлемым. Какой кошмар. Магия однажды уже поставила его в нелегкое положение, и теперь он опять попал из огня да в полымя. Только вместе с Оливией. Насколько вероятна возможность того, что Брэм врал?

Милли была его теткой, как никак. Меньше всего он рассчитывал на его глупость. Маррок знал, что ведьмак обернет всю эту ситуацию в свою пользу. Или же...

Мужчина вновь повернулся к колдуну.

— Что из этого всего правда, и почему я должен быть уверен в том, что ты не манипулируешь мной, лишь бы заполучить книгу, которую ты так отчаянно ищешь?

— Ты позвал меня. Твоя супруга в беде. Думаешь, что я проклял ее на какую-то "болезнь" и поэтому смогу управлять тобой в принятии решения? Откуда я мог узнать, что ты вступишь в магический брак? Я, конечно же, могу предсказывать будущее, но, хочу отдать тебе должное, ты держишь меня подальше от себя. И, кроме того, как это может помочь мне подобраться к книге?

Прежде чем Маррок смог ответить, из ниоткуда в комнате появились небольшая вспышка и сгусток белого дыма. Секундой позже на плечо к Брэму приземлилась птичка, видимо, что-то нашептывая ему в ухо. В следующее же мгновение колдун побледнел и резко направился к двери.

— Мне пора идти.

Мужчина последовал за ним по коридору, лишь в конце ухватив того за руку.

— Но...

— Позже. На МакКиннетов напали. Все выглядит так, будто это работа Анарки. Если это так... — он скривился, — значит, мое видение сбывается. Матиас вернулся.

Четыре часа спустя Брэм вернулся в коттедж Маррока в Жуткий лес. Он постучался и стал ожидать, когда его впустят. В конце концов, мужчина открыл дверь, прижимая безвольное тело жены к своей груди. Кольцом своих сильных рук он попытался утихомирить ее, но она все продолжала беспокойно корчиться, обхватив ногами его бедра. Ее маленький язычок то и дело ласкал его шею. Все тело Маррока, казалось, было напряжено, как струна.

— Как она? — спросил Брэм.

— Теперь, когда твоя тетя сняла с нее браслет, стало лучше.

— Нужен мне. Во мне, — простонала Оливия.

— Шшш, — он успокаивающе погладил ее по спине.

Колдун знал, что, если Оливия и дальше будет оставаться в таком состоянии, то ее скоро не станет. Но после всех пережитых за сегодня событий, он не мог сдержать улыбки. Маррок, наверное, ненавидел магию и всех ле Фэй вместе взятых, но то, с какой нежностью он прижимал к себе свою супругу, действительно говорило о том, что связь изрядно на него повлияла.

— Входи. Ты выглядишь так, будто побывал в аду, — отступил Маррок, пропуская Брэма внутрь.

А тот мог с уверенностью сказать, что именно в аду и был. Он не смотрелся в зеркало в последнее время. Только в незрячие глаза колдунов и ведьм, забитых нуждой и злостью. Их исчезнувшие дети, которых никто не видел до тех пор, пока они не были тщательно введены в Анарки, преследовали его. Он прекрасно знал, какая судьба ожидает Орофу, и это знание уж точно не улучшало его и так испорченного настроения.

— Так и есть. И его границы, по-видимому, расширяются.

Брэм знал, что его волосы превратились в грязную мочалку, а потное лицо запачкано грязью. Но сейчас ему было откровенно на это наплевать.

— Матиас действительно вернулся.

Более того, сейчас весь мир магии снова погрязнет в ужасе. У него, должно быть, совсем немного времени в запасе, чтобы предоставить эту информацию Совету.

— Мы ищем место, где скрывались Анарки в моем видении, и надеемся, что успеем спасти МакКиннетов, но счет идет на часы.

— Присаживайся, — предложил Маррок.

Совершенно истощенный, колдун упал на ближайший стул. Мужчина последовал за ним, аккуратно располагаясь вместе с девушкой на диване. Она упала ему на грудь, крепче прижимаясь к его мускулистому телу.

— Как Оливия?

— Сейчас, слава Богу, спит. Но когда она просыпается...

Он скривился.

— Что ты решил насчет нее? Сохранишь связь или разрушишь?

— Я не могу позволить ей уйти, но если я ее освобожу, и она все же умрет...

— Если она выживет, думаю, Матиас будет ее искать, так же как и книгу.

Брэм знал, что спасти магический мир от Матиаса невозможно, если он не найдет Книгу Судного Дня. И пока он не нашел способ, как украсть ее или Маррок не узнал, как разрушить свое проклятие, колдун не мог к ней прикоснуться.

— На кой хрен она ему?

— Если он получит Книгу Судного Дня, ему будет нужна одна из рода ле Фэй, так как в его руках она будет действовать намного мощнее. По крайней мере, я так считаю. Я подозреваю, что ему понадобится Оливия для воплощения своего дьявольского плана.

Брэм не стал додумывать несуществующее, все и так было понятно, когда Маррок прижал спящую Оливию к себе крепче. Колдун пересек расстояние, разделяющее их, и схватил мужчину за руку.

— Простых решений здесь быть не может, но я ожидаю твоего.

— Моего?

Ведьмак устал от разговоров. Его терпение лопнуло. Маррок ненавидел магию и все, что с ней связано, и не зря. Он мог сделать все так, как хочет сам, не задумываясь о всех тех ведьмах и колдунах, которые погибли, пытаясь защитить своих детей, никогда не размышляя о всех тех женщинах, из которых Матиас будет черпать энергию, пока они не умрут, или же о несовершеннолетних, которые погрязнут в крови в рядах его армии, когда он заставит их совершать зверства и окончательно уничтожит их невинные души.

— Тебе нужно как можно скорее решить, будешь ли ты разрушать вашу брачную связь. Если ты оставишь все, как есть, Оливия не доживет до рассвета.

Глава 6

— Ну? — настиг Брэма знакомый женский голос в ту же секунду, когда он зашел в особняк.

Колдун обернулся, чтобы встретиться глазами со своей сводной сестрой. Сабэль слишком рьяно интересовалась политикой мира магии, что ему совершенно не нравилось. А ведь они уже не были теми наивными подростками, которые старались не ввязываться во всякие интриги. Наступили опасные времена, и им пришлось повзрослеть.

Тем не менее, сейчас она находилась рядом с ним, готовая броситься в омут с головой... Хорошо, что он всегда способен вовремя остановить свою младшую сестру. Сабэль только отпраздновала свой восемьдесят четвёртый день рождения: стара по человеческим меркам...

но еще слишком молода для мира магии. Однако, с другой стороны, сестра была быстрой, умной и понимающей ведьмой. Несмотря на ее молодость, она всегда могла дать мудрый совет.

— И что же решил Совет по поводу Матиаса?

— Ничего. Они слишком заняты своими склоками.

Брэм закатил глаза.

— Бесполезные идиоты. И почему я согласился занять пост среди этих стариков?

— Потому что ты — будущее Совета. Их время уже подходит к концу. Прояви терпение...

— Старейшины отказываются понимать, что если они отменят закон об Общественном порядке, Матиаса больше ничто не сдержит, и он выйдет в мир, как полноценный энергетический вампир, жаждущий творить зло.

Брэм заскрежетал зубами.

— Но они боятся реакции Избранных больше, чем самого Матиаса. Поэтому просто обсуждают, что выбрать — благоразумие или действие. И они будут обсуждать это до тех пор, пока все вокруг них не умрут.

— Ты не удивлен.

— Нет, — вздохнул он. — Они боятся перемен. Меня это так раздражает.

— А что насчет Маррока и книги?

— Хоть он никогда и не признает это, но я уверен, что она у него. Я бы просто стащил ее, но не имею никакого представления о том, где он ее спрятал. Он не расстанется с ней, пока не разрушит свое проклятие.

— К сожалению, сложно винить его за это.

— Я бы хотел, но не могу.

Сабэль дерзко улыбнулась:

— В таком случае, подозреваю, что ты поступил бы также.

— Благополучие магического мира...

— Практически ничего не значит для мужчины, который из-за магии веками жил в аду. Где твои мозги?

— Ты вообще на чьей стороне? — нахмурился Брэм.

Сабэль отбросила прядь волос с лица. В ней непостижимым образом переплетались сущность ведьмы и красота сирены. Неудивительно, ведь в ее жилах бежала кровь обеих видов. Если она когда-нибудь найдет своего мужчину, у него точно не хватит сил ей отказать. Но если этот ублюдок захочет приблизиться к его сестре из-за его статуса старейшины, ему лучше покончить с собой до того, как колдун об этом узнает.

— Как мисс Грэй? Тетя Милли рассказала мне о ее... болезни.

— Думаю, Маррок наконец-то понял, что она не Морганна. По крайней мере, я на это надеюсь. Если же нет, то она уже одной ногой в могиле.

— Но ведь они супруги.

Брэм пожал плечами.

— Он ненавидит Морганну и лучше отрежет себе руку, чем позволит ей снова с собой играть. Если же Оливия — действительно Морганна в новом обличье и смогла обмануть нас всех, — она, по-видимому, хорошенько посмеется в конце. Хотя это не наша проблема.

— В отличие от Матиса.

Сабэль опустилась на рядом стоящий стул. В выражении её лица с легкостью можно

было прочесть усталость, но упорство. Она боялась того, что с ее старшим братом что-то случится. И этот страх не был простым беспокойством...

— Мы должны что-то делать.

— Держись подальше от всего этого, Сабэль.

Взгляд ее голубых глаз стал таким острым, что, казалось, мог разрезать сталь.

— Это абсурд. Только с виду я такая хрупкая, но, как и у тебя, в моих жилах течет магия Мерлина. Я не буду сидеть сложа руки, как какая-то беспомощная принцесса, пока весь наш волшебный мир сражается за свое благополучие. Это и мое дело тоже. Это мой народ.

Брэм не мог противиться ее логике. Ну, почему она не может быть такой же эгоистичной, как ее мать? Деванна с радостью посидела бы в сторонке и посмотрела, как другие за нее умирают.

— Сабэль..., - предупредительно произнес он.

Она схватила его за руку. Как и всегда, ее прикосновение успокаивало его. Благодаря ее крови сирены и мощной магии, она могла, лишь прикоснувшись рукой к кому-либо, заставить того чувствовать то, чего она желает.

— Держи свои штучки при себе.

Он попытался освободиться. Но она лишь схватила его еще крепче.

— Сделай глубокий вдох.

Дьявол, если она чего-то хотела, ей невозможно было сопротивляться. После того, как Брэм выполнил ее "просьбу", она успокаивающе погладила пальчиком костяшки его пальцев. Отпираться бесполезно. Умиротворение прочно засело у него внутри. Спустя несколько минут она наконец-то его отпустила.

— Матиас снова собрал Анарки и...

— Сеет хаос, — ответил Брэм.

В искусственно созданном для него мире Сабэль проявились нотки жестокости.

— Если остальная часть Совета отказывается действовать, я должен найти людей, готовых отложить свои разногласия в сторону и бороться.

Сестра уже было собиралась что-то сказать, но три низких звонка перебили ее, оповещая о том, что у них появилась компания. Исходя из звуков магической визитки, к ним прибыл Лукан МакТавиш. Спасительный звонок, как же ты вовремя.

Колдун мысленно открыл портал вокруг особняка, и его друг детства под руку со своей супругой Анкой появился в комнате. Мужчина протянул ему свою свободную руку.

— Привет. Рад тебя видеть. Мир тебе и твоим близким. Я даже добавлю "жить долго и процветать", если ты скажешь мне, что случилось.

Брэм искренне улыбнулся, когда старый знакомый снова взял под руку свою супругу. Их связь была невероятно сильной. Оба из хороших семей. Сильные, магически совместимы, образованы и прекрасно дополняли друг друга.

Анка была лучом света в темноте Лукана, напутственный голос в его отрешенности. Ведьмак надеялся, что когда-то и он обретет такую связь со своей парой. Но сперва такая ведьма должна хотя бы появиться на свет.

Брэм пожал другу руку.

— Мир тебе и твоим близким. Да, я планирую жить долго и процветать, спасибо. Перейдем к тому, что же произошло, — он потер рукой свои уставшие глаза.

— После того, как Совет получил сигнал бедствия от МакКиннетов из Сюррея несмотря на все предупреждения и предостережения, я отправился на место кровавой бойни.

Все мужчины и большинство женщин были убиты и отмечены символом, который мы все прекрасно знаем. Все дети до единого, а их было шестеро, пропали. Младшему из них было всего четыре. Дочь члена Совета исчезла. Звучит знакомо, не правда ли?

Лукан нахмурился.

— Твое видение сбывается? Матиас вернулся?

Нехотя кивнув, он продолжил: — Те, кто напали на МакКиннетов, явно не были людьми. Кто, кроме Анарки, может обладать этим символом? И кто еще, кроме Матиаса, может управлять такими зверствами?

— И, правда, кто? Что мы можем сделать?

Четверка друзей переместилась в соседнюю комнату, которая оказалась прекрасной гостиной.

— Если Совет и дальше собирается только сотрясать воздух своими бесполезными лозунгами, нам пора составить собственный план действий, — настаивал Брэм.

— Думаю, мы должны найти ведьм и колдунов, которые будут готовы сражаться бок о бок ради общего блага.

— Мир магии соберется вместе, без извечных препирательств и споров? — пронзительный взгляд Лукана прошелся по собеседникам.

— Да ты фантазер. Этого не могли добиться уже... сколько? четыре столетия?

— Ближе к делу, — добавила Сабэль, — где ты найдешь ведьм и колдунов с необходимой силой и желанием бороться против Матиаса — без стремления перегрызть друг другу глотки до первого боя?

Анка мрачно улыбнулась.

— Кстати, хороший вопрос. Моя бабушка все еще говорит о тех временах, когда мир колдовства руководствовался чувством общности, а не только ревностью и слепой ненавистью.

— Я и не говорил, что это будет так просто, — добавил Брэм.

Оставшаяся часть Совета все еще упорно не хотела замечать, что их Закон о Социальном порядке не оставлял Лишенным возможности для нормальной жизни. Им предоставлялось лишь два варианта — исчезнуть либо умереть.

Лукан бросил мимолетный взгляд на свою жену — такую маленькую в сравнении с ним.

— Считаю, что я в деле с тех пор, как Матиас вернулся к своим старым уловкам. Мы знаем, что он очень хитрый и сильный. Его свержение требует безоговорочного единства и больших усилий.

— Итак, теперь вас двое.

Сабэль наколдовала для всех чай.

— Но вы друзья. Теперь вы должны разделить всех на знакомых, незнакомых... и врагов. Кого вы позовете к себе?

— Я поговорю с Саймоном Нортемом. Подозреваю, что он будет рад нашему разговору.

— Как насчет Дюка Харстгрофа? — предложил Лукан.

— Оу, да. То, что надо.

Дерзкая улыбка осветила лицо Сабэль:

— Он согласится. Очень хорошо.

Промолчав, Брэм тоже согласился. Лучше не полагаться на авось. Сабэль могла сейчас сладко улыбаться, но "бунтарка" было ее вторым именем.

— Для дела, да. Для тебя? Посмотрим, сестренка.

Та скрестила руки на груди и возмущенно уставилась на брата. Анка засмеялась и, слегка приблизившись, поцеловала мужа в щеку.

— Встреча с идеальным супругом, поверь мне, стоит ожиданий.

Лукан повернулся к своей паре, и его тяжелый взгляд сразу посветлел. Он нежно поцеловал маленькую ручку своей жены. Их любовь была настолько чиста, что к ее волнам практически можно было прикоснуться. Брэм завидовал своему удачливому другу.

— Кого еще мы можем принять? — спросил гость секундами позже.

Хозяин дома продолжил размышлять. Выбор должен происходить среди неизвестных.

— Мы можем принять Айсдернуса Рикарда.

Сабэль едва не подавилась своим чаем.

— Ты что, из ума выжил?

Лукан добавил: — Учитывая вашу неприязнь друг к другу, эта идея совершенно безумна.

— Он не сумасшедший.

По крайней мере, Брэм надеялся на это.

В удивлении приподняв бровь, Сабэль произнесла: — С тех пор, как я еще носила штанишки на подтяжках, я слышала об Айсе только то, что он окончательно помешался. Он жесток и презирает тебя.

— Это взаимно.

— Всякий раз, когда ты будешь рядом с ним, тебе самолично придется будет контролировать в нем его бешеного зверя, — заметил Лукан.

— Не очень то хорошо для общего дела.

Брэм потер затылок:

— Я постараюсь все решить. Айс силен и у него имеется великое множество причин желать смерти Матиасу.

— Он не будет рад твоему предложению.

— Айс могущественный колдун. Что уж точно я о нем знаю, так это то, что он сделает все что угодно, чтобы защитить свою семью от Матиаса. И он не будет ожидать решения Совета.

Кивнув, Сабэль признала, что план брата имеет право на жизнь.

— Кто еще?

В течение следующих пары-тройки минут никто не произнес ни слова. Стук чашки с чаем о блюде смешался со вздохом. Сабэль накручивала на свой пальчик свой золотой локон, уставившись на ковер. Брэм был практически уверен в том, о чем думает каждый из присутствующих.

— Если события станут настолько мрачными, как я и предполагаю — ничего не поделать. Придется пригласить Шока Дензела.

Несмотря на то, что Анка ожидала его слов, она встрепелась при имени колдуна. Девушка посмотрела на него как тигрица, ее янтарные глаза мгновенно сменили милый взгляд на буквально испепеляющий.

— Нет. Он сделает все возможное, чтобы убить Лукана.

Ее супруг прижал жену к себе.

— Это все потому, что я завоевал горячую женщину, любовь моя. А он остался в одиночестве.

— И ты не устаешь ему об этом напоминать каждый раз, когда мы с ним встречаемся. Я чувствую себя ужасно! Шок проведет остаток своей жизни без любви из-за того, что я

отвергла его.

— Не надо жалости. Он прекрасно знал, что ты не ответишь на его Клятву Пары. Он сам виноват в своих проблемах.

— Его происхождение — не его вина.

— Но его характер и репутация... — стальные нотки промелькнули в голосе Лукана.

Сабэль слегка наклонилась и, взяв руку Анки, встретила взглядом с Луканом.

— Возможно, но Брэм прав. Если мы не сможем вырвать Дневник Апокалипсиса из рук Маррока Кэдбери, мы должны использовать каждую ведьму и колдуна, друга и врага. Мы должны собраться вместе, чтобы победить Матиаса.

Грандиозность поставленной цели никого не смогла обойти стороной.

Брэм мрачно кивнул:

— Наш ночной кошмар начался.

Светлый и солнечный день плавно перешел в ночь. Зловещие тени начали протягивать свои щупальца сквозь большое деревянное окно, располагаясь на постели Маррока, на которой лежало бледное, как простыня под ним, тело Оливии. Он время от времени обтирал ее ледяными полотенцами, но прикосновение к ее коже все также было для него сравнимо с температурой открытого огня.

Она уже в течение нескольких часов не приходила в себя. Лишь едва слышные, наполненные болью всхлипы нарушали тишину комнаты. Он должен либо заняться с ней сексом, либо освободить ее. Иначе она умрет до восхода солнца.

Ее смерть была для него чем-то совершенно невыносимым. Она нужна ему, чтобы освободить его от проклятия, а это означало, что он должен уберечь ее от рук Матиаса. Оливия, став его супругой, теперь имела лишь два пути. Если, конечно, он верит во все, о чем рассказали Брэм и Милли. Но почему он должен поставить их слова под сомнение? Мужчина познакомился с Оливией лишь пару дней назад. Что-то спровоцировало его произнести магические клятвы вместе с ней. Она заставила его чувствовать то, чего он не испытывал... десятилетиями? Веками? У них был горячий секс. Она смогла подвести его настолько близко к удовольствию, что было не дано ни единой женщине еще с Темных Времен.

Но здесь было что-то большее.

Стремление сохранить в ней жизнь любой ценой сопровождало все его мысли об этой девушке. Потому ли, что они произнесли свои обеты и это такой магический способ сохранить баланс? Но он прекрасно знал, что вины магии в этом нет. Ее бравады, дерзость и загадочность совершенно выбили его из привычной колеи.

Оливия пересекла океан — совершенно одна — чтобы исполнить две свои заветные мечты. Ее магазинчик был ближе к реальности. Глядя на нее, Маррок мог с уверенностью сказать, что она сможет найти своего отца. Она обладала невероятной для своих лет стойкостью и упорством, которых он просто не мог не заметить.

Если бы он встретил свою пару при совершенно других обстоятельствах, если бы с самого начала не знал, что она происходит из рода ле Фэй, он все равно неотступно преследовал бы ее. В конце концов, время было на его стороне. Но сейчас оно было против Оливии. Марроку пора принимать решение. У него не было столь драгоценной возможности попробовать оба варианта: вначале попытаться заняться с ней сексом, а затем, в случае неудачи, перейти к разрыву брака.

Если он все же разделит свою постель с ней, и проклятие вновь удержит его от оргазма... Магический развод займет намного больше времени, возможно, даже несколько часов. Оливия не сможет продержаться так долго. Она уже была слишком слаба. Если девушка умрет, его проклятие может растянуться на вечность.

Но что, черт возьми, он должен сделать?

— Связь влияет на тебя так же, как и на обычного колдуна. Мысль о том, что ты больше никогда не сможешь снова прикоснуться к Оливии сверх твоих возможностей, да? — заключил Брэм. — И ты также не можешь допустить той мысли, что она может разделить Клятву с другим.

Даже простое упоминание об этом выводило его из себя. К тому же бессмысленно было отрицать свои чувства к ней. Как же Морганна посмеялась бы, если бы увидела его сейчас.

Оливия вновь захныкала. Маррок слегка поморщился и утешительно провел ладонью по ее руке, в ответ на что она беспокойно завертелась на кровати в поисках его прикосновений. Ее безмолвная вера в него согревала и в то же время пугала до чертиков.

Находившийся несколько веков в полном одиночестве, Маррок не мог поверить, что сейчас у него появился кто-то, кто зависел от него. Кто-то, кто имел для него большое значение.

И этим "кто-то" была девушка из рода ле Фэй.

Он был связан по рукам и ногам. Возможно, это было глупо, неправильно и эгоистично, но Оливия произнесла Клятву пары, и он ответил. И теперь ничто и никто не сможет встать между ними. Для нее он сможет приложить все свои усилия, чтобы достичь оргазма этой ночью. Он сосредоточится только на ней. Он будет молиться. Он сделает все, что нужно, чтобы завершить их единение. И к хренам его проклятие.

Она вновь бессознательно всхлипнула. Утихомирив нарастающую в себе панику, он нежно убрал темный локон с ее лица.

— Оливия?

Нет ответа. Маррок в ужасе попытался вздохнуть. Но отступить больше было некуда. Размеренными и методичными движениями он снял свою рубашку через голову. Расстегнув молнию на джинсах, он также стянул из себя вместе с носками. Затем он забрался на кровать рядом с Оливией, нежно прижимаясь к ее обнаженному телу. Ощущения, которые она вызывала в нем, были похожи на спуск в ад. Маррок поборол естественный инстинкт, который призывал его отступить, и еще ближе прижал ее к своему телу.

Такая нежная кожа. Он бережно провел костяшками пальцев по ее щеке, задевая большим пальцем ее губы. Все, от мягких изгибов ее бровей цвета вороного крыла до красных ногтей, заставляло его тело буквально кричать от потребности. Потребности в удовольствии.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На мгновение прикрыв глаза, он сосредоточился на их связи. Она росла в нем с тех пор, как они разделили между собой свои Клятвы и тела. Тонкая, но невероятно крепкая, она обвила его в невидимый кокон. Мысленно он потянулся к девушке. Каждая клеточка его тела кричала о желании накрыть ее собой, поцеловать, прикоснуться к ней, уютно уложить на своей груди. Немедленно.

Раз он принял решение, пути обратно больше нет. Но у него и так не было другого выбора.

Мягким толчком он перевернул ее на спину и разместился сверху, перенеся свой вес на

локти. Ее глаза слегка приоткрылись, и он, наконец, почувствовал нотки радости; это была единственная ее реакция спустя несколько часов беспомощности.

Затем ее ротик раскрылся, приглашая испробовать такие сочные губки. Ощущение ее дыхания на своих губах прокатилось дрожью по его телу. И делало его тверже, чем камень.

Срань Господня, да он был просто одержим ощущением ее обнаженного тела под ним, мягкой округлости ее груди, плоского живота, ее бедер, так широко раскрытых для него.

Резко вздохнув, Маррок почувствовал, как неудержимая потребность ударила его поддых, требуя как можно скорее погрузиться в нее. Но он сдержался. Медленное возбуждение. Желание. Выстраивай по кирпичикам. Почувствуй Оливию. Все это ради нее.

Единственной надеждой на ее спасение была его сосредоточенность и сдержанность. Он чувствовал отказ в удовлетворении столько веков, что уже совсем сбился со счета своих неудач. Но в этот раз он будет внимателен к каждой детали, ее аромату ванили, персика и женщины; легкая влажность ее кожи наполняла его легкие. Каждый выдох оставлял за собой небольшое разочарование до тех пор, пока он снова не мог почувствовать ее запах.

Увлеченный ее красотой, Маррок опустил голову и оставил дорожку поцелуев на лице своей пары, а затем медленно спустился к ее шее. Ее запах здесь был немного сильнее. Захватывающим дух, наполняющий легкие ее ароматом. Мужчина раскрыл рот и медленно провел языком по ее коже. На вкус она была слегка соленой и сладкой одновременно. От такого невероятного сочетания он едва не захлебнулся слюной.

Как он мог упустить из виду всю эту чувственную соблазнительность, когда он был в ней в первый раз? Он был слишком заиклен на их обетах, на ее разоблачении, на возможности получить оргазм.

Но не в этот раз.

Лежа под ним, она застонала. Протяжный, умоляющий стон откликнулся в его члене, как будто она держала его в своей ручке. Господи, сопротивляться этой женщине было невозможно. С таким он точно никогда не сталкивался за всю свою слишком долгую жизнь.

— Маррок...

— Да, любимая.

Чувствуя, как кровь бежит по венам, как потребность пробивается через его барьеры, а дыхание сбивается с ритма, мужчина быстро потерял контроль над своей сдержанностью.

— Мне больно. Так плохо. Мне нужен ты. Внутри меня.

Он прикрыл глаза. Неправильно говорить ей сейчас о том, что если она хочет его, то им следует медленно смаковать наслаждение от их секса.

— Потерпи немного, — произнес он, успокаивающе поглаживая ее плечи до самых пальчиков рук, которые, как только он их коснулся сцепились с его.

Оливия уперлась ногами в матрас и слегка приподняла бедра, приглашая его утолить ее ноющую жажду.

— Сейчас.

Дьявол, эта женщина убивала его. Каждый мускул его тела напрягся. Пот маленькими капельками выступил на коже. Он попытался успокоить жену, нежно пригладив ее волосы и пробежавшись пальцами по ее нежной щеке.

— Давай не будем спешить.

— Нужен. Мне. Сейчас же!

Оливия вырвала свою ручку из его хватки и запустила пальчики в его волосы. Ухватившись что было силы за его гриву, она притянула его к себе, впиваясь в губы жадным,

наполненным страстью поцелуем.

Мгновенно ее аромат взорвался у него на его языке. Не мятный как зубная паста. И не тяжелый, как кофе. Не сладкий, как будто она что-то съела. Просто... Оливия, загадочная и неотразимая.

Со стоном он впился в ее рот. С тех пор, как их губы встретились, его единственной целью стало лишь попробовать, захватить, овладеть. Жаркими поцелуями он напал на ее ротик. Неутоленная потребность взревела в нем с новой силой. Она обвила свои ноги вокруг его талии. Ее ноготки погрузились в его плечи, когда она выгнулась под ним дугой. Если он когда-то и спал с более гибкой женщиной, то он точно не сможет этого вспомнить.

Может, такая когда-то и побывала в его постели, но он, казалось, просто забыл о любой другой женщине. Оливия уничтожила абсолютно все воспоминания о них своей пылкой отзывчивостью и своими маленькими женскими хитростями.

Он взял в ладони ее лицо и попытался удержать в покое, его пальцы нежно поглаживали ее щеки. Он был голоден, желая насытиться ею, но ни один вкус, кроме ее личного, не смог бы утолить его голод. Он глубже проник в ее рот, пораженный возникшими ощущениями. Она прижалась к нему еще ближе.

Ее отвердевшие соски коснулись его груди. Мать вашу, он едва мог нормально вздохнуть. Но Оливии, казалось, лучше не становилось. Ее грудь резко вздымалась, щеки налились румянцем, ее рваные вздохи буквально кричали о том, что она мчалась к бездне так же быстро, как и он.

И они достигли этого состояния одними лишь поцелуями.

Его взгляд коснулся прядей ее темных волос, обрамляющих преследующее его во снах лицо. Эти глаза, такие похожие на глаза Морганны, но без ноток расчета и лукавства. Он стремился почувствовать ее, взять ее.

— Скажи мне... В чем ты нуждаешься?

Желание лучилось в ее ярких глазах, когда она положила ручку на свою грудь. Ее соски затвердели, умоляя его о ласке. И он подчинился, языком очерчивая узоры вокруг ее чувствительной вершинки. Она мгновенно залепетала что-то непонятное, изнывая от промедления и разочарования.

Маррок обрушил поцелуй на шелковую ложбинку между ее грудей. Святые небеса! Ее аромат стал еще сильнее. Жадно вдыхая его, он почувствовал как его член стал тверже. Он ласкал языком ее нежную кожу, пробуя на вкус пряность ее желания. Дополняли этот букет ее невинность и женская сила, которые с легкостью могли отвлечь его даже от собственной гибели. Но ему никогда не будет достаточно одной дегустации. Впрочем, как и миллиона таких.

Сделав глубокий вдох, Маррок переместился к нетронутому соску. И вновь взрыв ощущений и новая порция ее аромата ударила в голову. Он никогда не делил постель с женщиной, которая обладала такой чувственной глубиной, но он уж точно был одержим мягкостью ее тела и желанием, которое, мог поклясться, он мог испытать на ее коже.

Мужчина оставил влажную дорожку поцелуев на ее груди, где ее аромат был также силен, как и ранее. Когда запах заполнил его легкие, мужчина едва мог думать о чем-то еще, кроме того, как бы поскорей оказаться глубоко внутри нее. Тем не менее, Маррок не мог оторвать своих губ, чтобы наконец войти в ее жаркое лоно. Скоро. Но сначала он хотел убедиться в том, что Оливия готова его принять. Ему лишь нужно нежно прикоснуться пальцами к ее слегка припухшей плоти, приласкать ее отвердевший клитор, подводя ее к

границы... Да.

Проводя пальцами по ее упругому животу и погружаясь во влажные завитки, воспоминание о вкусе ее лона вспыхнуло в его голове.

Доведи ее до оргазма сейчас же!

Какая-то часть его мозга все еще способна была рационально мыслить, и мужчина знал, что он должен как можно чаще вызывать именно к ней. Позволить ей кончить он не мог. Это будет стоить ей слишком много энергии, в то время как она и так находилась на пороге между жизнью и смертью.

Удовольствие может стоить ей жизни. Но она должна быть готова, так как у Оливии всего лишь один шанс его принять. Однако потому как он чувствовал непреодолимую жажду, он мог случайно навредить ей. Маррок хотел искупаться в ее удовольствии, но должен позаботиться о том, чтобы не выжать ее, как лимон, не вернув ничего взамен. Им нужно завершить обмен энергией.

Он скользнул пальцами по ее горячему, узкому лону. Ее мышцы сократились, пытаясь поймать его, углубить прикосновение. Твою мать, как он может не поддаться ее чарам?

— Маррок, пожалуйста. Не... не останавливайся. О, Господи! — воскликнула она, когда он нежно погладил пальцем ее чувствительный клитор.

— Ты нужен мне.

Ее тело напряглось, как тетива, а ноги распахнулись еще шире. Маррок не мог и дальше позволить себе возбуждать ее. Но он хотел. Отчаянно. Безумно. Они были парой, и он должен обладать этой привилегией — наблюдать за тем, как она раз за разом достигает оргазма, видеть ее лицо, покрасневшее от удовольствия, и слышать свое имя, срывающееся с ее губ в приступах наслаждения.

Но сначала ему необходимо укрепить их связь, отдав ей свою жизненную энергию. Так или иначе.

Воин никогда в своей жизни не прибегал к помощи молитвы, но сейчас он с удовольствием встал бы на колени перед какой-нибудь Святой Марией.

Пожалуйста, Господи, не дай ей умереть.

Маррок выбросил все мысли из головы и погрузил один палец внутрь ее пышущего жаром лона. В ответ она выгнулась навстречу ему и отчаянно заскулила, вцепившись руками в его плечи. Она схватила его за голову и прижалась к нему с новым поцелуем, который снова выбил почву из-под ног.

Она резко выдохнула и, выдержав приступ легкой дрожи, застыла. Но спустя пару секунд она продолжила молчаливо ерзать промежностью о его пальцы. Он быстро отодвинул руку от ее обжигающей киски и устроился между ее ног.

Мгновенно, она обернула свои ноги вокруг его бедер и стала одаривать дикими поцелуями его шею. Ее страсть послала россыпь показываний по его телу.

— Я хочу тебя там, внутри.

Он вздрогнул, когда она начала извиваться под ним, сунув руку между ними. Обхватив пальчиками его член, она стала водить его чувствительной головкой по своей раскрытой киске и...

— Пожалуйста...

Ну как? Как, черт возьми, мужчина мог ей отказать?

Невозможно, подумал Маррок, в то время, как он настойчиво начал проникать в нее, все глубже и глубже. Крепкая хватка ее мышц практически лишила его разума и вывела его на

новый уровень пытки удовольствием.

Она вскрикнула и впилась своими коготками в его спину. Он был рад увидеть признаки ее желания и одержимости. Когда она выгнулась ему навстречу и прикусила его кожу между шей и плечом, мужчина пребывал в полном восторге — очевидно она хотела оставить на нем свою метку.

Находясь под ним, она извивалась, двигаясь на его каменном члене, с каждым толчком позволяя проникать ему глубже. Еще глубже. Так прекрасно. Он наслаждался ее телом и едва слышимыми стонами, которые он срывал с ее губ.

Маррок мучительно медленно вышел из нее, а затем снова заполнил ее собой. Когда он коснулся того самого чувствительного местечка у нее внутри, дыхание Оливии сбилось. Когда он толкнулся в нее еще раз и почувствовал, как коснулся шейки матки, она резко выдохнула и обхватила его еще крепче.

Он, казалось, и вовсе потерялся в ней. Заключение в поисках своего удовольствия, Маррок чувствовал, как приближается желаемый финал. Член стал еще тверже, хотя он и не думал, что такое возможно.

Скрипя зубами, мужчина повторил все заново. Чувство медленного скольжения в ней буквально вышибало его мозги. Удовольствие стало наполнять его тело. Еще один толчок и ощущение ее влажной горячей киски, пошатнуло его терпение. Содрогнувшись, он начал двигаться быстрее, позволяя потребности выстраивать лестницу к их вершине. Но Оливия уже начала сжиматься вокруг его члена. Она была на грани.

— Еще рано, любимая, — прорычал он.

— Держись.

— Нет, — разочарованно выдохнула она. — Мне нужно...

— Вместе. Мы оба нуждаемся в этом.

Но то, в чем нуждался он, было больше, чем она могла ему дать. Переплетая их пальчики и сжимая их в своих кулаках, он прижал ее к матрасу, стараясь погружаться в нее медленно и одарять одурманивающими поцелуями. Она напряглась и выгнулась дугой под ним.

Пульсация ее лона подтолкнула его к грани. Желание металось в его теле, как в клетке, но все же спускаясь все ниже и ниже, заставляя его член крепнуть. Веками он не подбирался так близко к оргазму! Он должен кончить.

Или... нет.

Выкинув из головы мысли о последствиях его неудачи, Маррок снова скользнул внутрь Оливии. Медленно. Его дыхание участилось. Так близко...

Твою мать, сейчас дело было не в получении им удовольствия, как факта. Сейчас от него зависела жизнь Оливии. Его вечность.

Судьба и магия поставили его в ужасное положение. Он попытался направить свою ярость в нужное направление. Она смешалась с желанием, когда Маррок погрузился в нее на всю длину, подводя их обоих ближе к краю.

— Посмотри на меня, — низким голосом потребовал он.

Оливия раскрыла тяжелые веки. В ее взгляде можно было ясно различить удовольствие. Ее глаза цвета фиалки, казалось, выбили дух из его тела. Их связь укрепилась.

— Хочу больше...

Она прижалась своими губками к его рту.

Он хотел отдать ей все, лишь бы сделать ее своей. Потребность держала его в своих

тисках, отказывая в удовольствии. Желание скопилось в его члене и сделало его крепким как скала. Ее лицо осветилось страстью и радостью. Он чувствовал ее так, как никогда ранее. Полнее, чем он когда-либо представлял себе, каким может быть секс. Это чувство как будто погрузилось в его грудную клетку, проникло в его душу.

— Моя! — прорычал он, а затем обрушил жадный поцелуй на ее губки.

С еще одним толчком она вцепилась в него, сжимаясь вокруг его плоти.

Экстаз прорвался через столетия опустошения.

Его мир, казалось, взорвался. Все внутри него разом воспламенилось и стало все больше разгораться. Удовлетворение ревело в его теле так, как будто оно больше никогда не кончится, как будто оно разрушит его на миллион кусочков.

Оливия укусила его за плечо. Он зарычал, когда полноценный оргазм прошел его тело. Лишившись воздуха в легких и контроля, Маррок излился в нее.

Казалось, нескончаемый пик их совместной страсти сделал его вялым и беспомощным. Он прижался к Оливии, когда его сердечный ритм стал понемногу замедляться. Он дал ей каждую каплю своей силы, которую только смог наскрести. Каждое прикосновение, которое он мог ей подарить. И он отдал часть себя, которую никогда не мог показать другим женщинам.

Достаточно ли этого, чтобы ее спасти?

Глава 7

Мышцы его тела напряглись в ожидании. Раскрыв глаза, он увидел, как лицо Оливии буквально сияет в бледном свете луны. Облегчение настигло его спустя пару секунд. Как будто огромный камень наконец упал с его плеч. Она выглядела на удивление бодро и хорошо. Ее глаза излучали удовлетворение и смущение. Словно до этого она и не была при смерти. Сейчас Маррок совершенно не хотел шевелиться. Не хотел разрушать их единение. Как сентиментально. Он завершил их связь преимущественно для того, чтобы разрушить свое проклятие. Но даже если эта мысль была вполне логичной, мужчина знал, что это полная ложь. Эта женщина заставила его вновь почувствовать себя живым. Хоть он и был живым все это время, внутри же, казалось, все уже давно умерло. Она изменила все.

— Маррок? — решила нарушить тишину Оливия.

— Да.

После роковой встречи с Морганной, у него были сотни, возможно, даже тысячи женщин. Но чем чаще он пытался сосредоточиться на получении удовольствия, тем чаще проклятие ведьмы лишало его желаемого освобождения. И так каждый раз. До сегодняшней ночи. Почему? На этот раз Маррок был сосредоточен только на Оливии и ощущении того, что она с ним. Неужели все дело в этом? Что смогло наконец освободить его черную душу? Ведь Морганна прокляла его на вечное неудовлетворение.

Связь. Он чувствовал ее мысленно. Более крепкая и прочная, чем раньше. Пока мужчина держал жену в своих руках, та связующая их эмоциональная ниточка продолжала расти. Такое странное ощущение. Тем не менее, ее наличие невозможно было отрицать. Их связала магия или что-то большее?

Маррок знал, что Оливия воплотила в жизнь свою мечту о художественной студии и также хочет наконец встретиться со своим отцом. Он мог почувствовать, что эта женщина обладает более значимыми жизненными ориентирами, в отличие от Морганны, которая

заботилась только о своей силе и красоте. Душа его пары казалась чище. Он жаждал узнать ее. Но будет ли это мудрым решением? Пленница все еще была ключом к его проклятию. Маррок должен был сосредоточиться на этом и не отвлекаться на сомнительные чувства к ле Фэй.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Что происходит? — всполошилась девушка. Ее взгляд требовал ответов.

— Как мы оказались... здесь?

— Ты была больна, и я боялся, что ты умрешь.

— Поэтому ты занялся со мной сексом? Черт, голова раскалывается. Стой! — она напряглась.

— Ты опоил меня?

Она попыталась выпутаться из его рук, когда шок и ужас промелькнули в ее глазах.

Годами даже мать Оливии отказывалась прикасаться к девочке не от мира сего. Большинство мужчин поступало также. Но, по-видимому, Марроку было вполне достаточно ее, чтобы изнасиловать?

— Опоил? — озадаченно произнес он.

— О, Господи, ты подсыпал мне что-то, чтобы ты мог...

— Думаешь, я обманом заставил принять тебя какое-то вещество, чтобы ты не сопротивлялась?

Маррок прижал ее к кровати, не позволяя и пальцем пошевелить.

— Почему тогда я, голая, нахожусь в постели с мужчиной, которого едва знаю? Все, я звоню в полицию.

Она снова попыталась вырваться из его хватки.

— Я хотел тебя, девочка. Но не настолько, чтобы использовать обман. Это удел мошенников и негодяев. Когда мы оказались в этой постели, ты была совершенно не против. Наоборот, твоему желанию не было предела.

— Потому что ты накачал меня чем-то.

— Я ничем тебя не угощал.

— Но ты дал мне тот браслет. Эта вещь каким-то образом повлияла на мое поведение, — Оливия опустила взгляд на свое запястье. — Он исчез!

— До того, как мы переспали, ты пришла ко мне. "Разве ты не видишь, что я не могу отказать этому желанию"? — процитировал он ее.

— Я сказала это только для того, чтобы обмануть тебя и сбежать.

По крайней мере, это была главная причина. Другая... нельзя же отрицать, что этот парень был настолько сексуален и привлекателен, что она не могла даже спокойно думать в его присутствии.

— Ты буквально с пеной у рта доказывал мне, что секс с Морганной разрушит твое проклятие. О, Боже, ты что, именно поэтому накачал меня? Я действительно застряла в каком-то шоу типа "Обернитесь! Вас снимает скрытая камера"?

— Я ничего тебе не подсыпал и теперь знаю, что ты не она и я ошибся. У тебя ее глаза и родимое пятно. Наше единение не имеет ничего общего с Морганной. Здесь были только я и ты.

Каким-то образом его слова звучали романтично. Несчастливая маленькая девочка внутри нее хотела принять их за чистую монету. Его взгляд застыл на ней. Маррок выглядел искренним — но Оливия была бы набитой дурой, чтобы на это купиться.

— Неважно. Теперь наконец-то все закончилось.

— Нет.

Он поцеловал ее в губы.

— Даже не думай об этом.

Сладкий, как топленый шоколад и карамель в ее любимом мороженом. Если его желание хоть на секундочку было реальным... ого! Но это не могло быть правдой. Тогда вот в чем вопрос: почему он занимался с ней любовью?

— Отпусти меня.

Она начала извиваться в его руках, и он наконец вышел из нее. Оливия ахнула.

— Ты не использовал презерватив? Это значительно меняет дело. Клянусь, если я подцеплю какую-то болезнь... или забеременею... Твою мать!

— Между нами никогда не будет преград.

Маррок сказал это так, как будто он был уверен в том, что у них снова будет секс. Желание, бурлившее в его глазах, только подтверждало ее опасения. Оливия должна всерьез обеспокоиться о себе: вдруг она беременна или, не дай бог, подцепила ВИЧ.

Вместо этого ее тело, казалось, совершенно зациклилось на том, что парень — мистер Мечта и Совершенство хотел ее: — Дай мне встать, слизняк!

Но в ответ он только еще крепче сжал ее в своих объятиях.

— Слушай меня внимательно. Я не опаивал тебя, Оливия. Ты была больна.

— Чем?

На секунду он запнулся. Как ей объяснить все то, что рассказал ему Брэм?

— Сложно объяснить...

— Какой-то побочный эффект от наркотиков?

— Господи, девочка, я ничего тебе не давал! Клянусь. Расскажи мне о последних событиях, которые ты помнишь.

У нее в голове завертелся быстрый поток мыслей.

— Я помню, что... эм, была в постели с тобой. А после — только боль и слабость. Все было как в бреду. Когда я проснулась, мы оказались... эм, снова здесь.

— Когда ты проснулась от кошмара, что ты почувствовала?

Почувствовала?

— Эта странная... связь с тобой. Это не значит ровным счетом...

— Это значит очень многое. Помнишь о тех словах, которые ты произнесла, когда мы в первый раз занимались любовью?

— Да, но я просто бездумно их выпалила. Я не знаю, что они значат или почему это сделала. Ты ответил. Затем мы, эээ... Но ты не...

— Да, мы занимались любовью, и нет, я не кончил. Не наркотик вынудил тебя отдаться мне, а связь, которая, как мне кажется, образовалась после этих слов.

Оливия вспомнила. Даже сквозь головокружение и пьянящее голову удовольствие эта связь с ним призывала принять его, отдать ему все. Даже когда боль стала невыносимой, вся ее сущность буквально молила о нем. Прекрасно! Значит, она хотела его. Такие мужественные черты лица и плечи — все его тело заставляло ее пуститься в изучение столь красивой и захватывающей дух науки — анатомии тысячелетнего мужчины. Какая женщина устоит перед ним? Но не это ее пугало. Она не могла больше терпеть неразделенные чувства. Все это дерьмо с ее матерью... Она прекрасно знала, каково это — не получать ответной заботы. Итак, Маррок хотел ее настолько, что даже переспал с ней. И все?

— Значит, ты искал меня и привез сюда из-за этой связи?

— Я не знаю, почему нам снились одинаковые сны о нас, о тебе с книгой Морганны в руках.

— Да, видимо, так и есть. Значит, они каким-то образом создали связь еще до того, как мы встретились?

— Этот сон заставил меня поверить в то, что ты мой враг, потому я заманил тебя сюда. И я до сих пор думаю, что ты можешь снять мое проклятие бессмертия. Но немного не таким способом, как думал в самом начале.

Оливия вновь напряглась.

— Ты все еще продолжаешь настаивать на том, что ты бессмертен?

— Я не настаиваю. Я, и правда, бессмертен.

Девушка наконец смогла оттолкнуть Маррока и бросила в него халат.

— Тебе не нужно и дальше продолжать "быть бессмертным", чтобы уложить...

— Но я и не пытаюсь. Морганна использовала книгу, как в твоём сне, чтобы проклясть меня еще тогда, когда Артур был королем.

Оливия пыталась найти всему этому хоть какое-то логическое объяснение, но из этой затеи ничего не вышло. Маррок был невероятно сексуальным, а его прикосновения были такими нежными. Но определенно ему следовало находиться в более уединенном местечке. С белыми мягкими стенами, рядом с ему подобными.

— Я бессмертный. Я веками пытался умереть. Поверь мне.

— Это какое-то сумасшествие.

Мужчина было хотел уже что-то сказать, но затем остановился. Когда Брэм впервые познакомил его с Оливией, колдун говорил, что она не имеет ни малейшего представления о существовании магии. Не говоря уже о том, что сама была наделена силой.

— Ты ничего не знаешь о магии, верно?

При этих словах она застыла.

— Фокус-покус, как Дэвид Копперфилд?

— Нет. Как... Мерлин. Или Гарри Поттер. Не иллюзионисты, а люди, которые рождены с магией в крови.

— Они вымышленные.

— Мерлин жил на самом деле. И тот странный парнишка тоже.

— Пытаешься меня убедить в том, что ты бессмертный колдун?

— Нет, только бессмертный. Я был проклят ведьмой.

— Эта женщина, Морганна, в грехах которой ты меня обвинял? Морганна ле Фэй?

— Да.

Стоило ли сейчас рассказывать пленнице об этом? Она только оправилась от болезни, о существовании которой мужчина даже не мог подозревать. Рассказ о том, что они теперь пара, и тот факт, что она потомок одной из самых коварных ведьм в истории всего человечества, породит только неверие или вообще шокирует ее. У нее сразу появится масса вопросов, на которые у него было слишком мало вразумительных ответов и еще меньше доказательств. Опасения все еще продолжали роиться в мыслях Маррока. Что он в действительности знал о происхождении Оливии? Что, если под всей этой невинностью его ожидает настоящая ле Фэй, готовая нанести новый удар?

— Морганна ле Фэй тоже не настоящая.

— К сожалению, очень даже настоящая.

— Это фольклор. Ну же...

Маррок ничего не ответил. Что еще он мог ей сказать, чтобы она перестала думать о нем, как о сумасшедшем? Лучше хранить молчание, пока девушка полностью не оправится и наконец хоть немного ему не откроется.

— Дерьмо! Какой сегодня день недели?

— Среда.

— Святые... — едва не задохнулась Оливия, вскакивая с кровати.

Он схватил ее за руку.

— Куда ты собралась?

— В свою галерею. Меня не было там целый день. Никто меня не подменит, а мне нужны деньги...

Маррок заставил ее снова вернуться в постель.

— Тебе нездоровилось, и сейчас еще даже не рассвело. Позже мы найдем кого-нибудь, кто присмотрит за твоим магазином до тех пор, пока ты полностью не выздоровеешь.

— Со мной все в полном порядке. Просто отпусти меня домой, и я наконец смогу заняться своими делами. Теперь, когда ты знаешь, что я не Морганна и ничего не знаю о книге...

— Нет. Только я смогу уберечь тебя от этой болезни.

— Я думала, ты ничего об этом не знаешь, — произнесла пленница.

— Я знаю, что нужно делать для ее профилактики.

— Ну, и что же? У тебя есть специальное лекарство?

— Нет. Мы должны заниматься любовью. И часто.

Оливия едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Так, секундочку. Тебе не нужно притворяться бессмертным рыцарем, у которого есть связь, чтобы получить секс. Ты симпатичный парень. Кофе и общение будут намного эффективней. Я не знаю, почему ты приложил столько усилий, чтобы уложить в постель меня...

В его глазах промелькнул оттенок разочарования.

— Я не притворялся. Я хочу тебя. Ты нуждаешься во мне, и я могу тебя защитить.

— От чего? — она посмотрела на своего собеседника с подозрением.

— Если я перепутал тебя с Морганной, то же могут сделать и другие. Безжалостные убийцы, которые будут охотиться за тобой, если поймут, что ты ведьма.

— Думаю, вероятность того, что кто-нибудь еще примет меня за ведьму, живущую еще при Артуре, очень мала.

Оливия закатила глаза.

— У тебя есть телефон? Я хочу позвонить Брэму. Я уезжаю домой.

— Прости, что я похитил тебя, но ты должна остаться здесь.

— Для?.. А знаешь что? Я даже знать не хочу. Удачи со снятием твоего проклятия или чего-то еще. Я еду домой, и ты меня не остановишь. Мне нужно открыть галерею через несколько часов... — она вздрогнула. — Эм, мое предложение все еще в силе. Твой талант действительно уникален. И мне нужны деньги. Ты все еще собираешься передать мне свои резные фигурки, так?

— Если ты останешься здесь на несколько дней — да.

Она уперла руки в бока.

— Это шантаж.

— Не стоит играть на моем чувстве вины. В этом случае, я не поведусь на него.

С ней он не допустит оплошности. Он хотел только, чтобы она была в безопасности... Уложить ее обратно в постель и снова заняться с ней любовью, наслаждаясь тем, что они могут удовлетворить друг друга. И тем, что она, возможно, вскоре освободит его от бессмертия. Маррок замер от осознания одной маленькой детали. Если ему удалось кончить, значит, его ужасное проклятие наконец-то разрушено? Он вскочил с кровати, включил лампу на прикроватной тумбе и бросился к резному комоду, поочередно выдвигая все ящики.

— Что ты делаешь?

Вскоре мужчина почувствовал, как его пальцы сомкнулись вокруг чего-то острого в кожаном футляре. Он вытащил предмет из ящика, схватил за ручку и сорвал с него кожу. Оливия закрыла глаза, надеясь, что когда откроет их снова, проснется в своей постели. Но нет, она вновь увидела перед собой Маррока, крепко сжимающего в своей руке длинный, острый и сверкающий зловещим блеском клинок. Он был огромным и впечатляющим — как и мужчина, который им обладал. Он вернулся к кровати и двинулся к ней. Все это выглядело так, как будто они были героями малобюджетного фильма ужасов. Пленница мгновенно отскочила от него на другую сторону кровати.

— Ты так себя ведешь, потому что я хочу уйти? Если бы знала, что это приведет тебя в бешенство, я бы держала рот на замке.

Теперь, когда он получил чего хотел, он убьет ее? Ей было сложно в это поверить. Их связь внушала ей чувство безопасности. У нее даже иногда появлялись вспышки воспоминаний о том, как он так нежно заботился о ней, пока она была больна, но...

— Черт возьми, я не причиню тебе вреда, женщина, — произнес Маррок и поднял клинок лезвием вверх.

— Это для меня.

Еще до того, как Оливия успела произнести хоть слово, Маррок полоснул мечом свое плечо. Кровь брызнула и хлынула тошнотворным потоком вокруг раны. Ее колени слегка подогнулись.

— Остановись! О, Господи...

Он отбросил оружие в сторону. Кровь хлынула еще больше по его руке, скапливаясь в локтевом сгибе, орошая деревянный пол. Металлический запах мгновенно распространился по всей комнате. Девушка попыталась не впадать в панику и быстро ринулась в ванную комнату. Нельзя терять ни секунды. Нужно остановить кровь. Затем им нужно отправиться в больницу. Марроку необходимо наложить швы. По дороге они позвонят Брэму. Схватив несколько полотенец, она вернулась в спальню и резко остановилась. Маррок все также стоял на своем месте, рассматривая поврежденную руку. Ужасная рана исчезла. Полностью. Как будто ее там никогда и не бывало. Неужели это все происходит именно с ней? На самом деле?

Мужчина схватил полотенце из онемевших рук его пленницы и вытер оставшуюся кровь.

— Спасибо.

Оливия слегка покачнулась, но все же осталась стоять на ногах, все еще глядя на его руку. Что, мать вашу, только что произошло? Мало того, что его рука выглядела полностью зажившей, так еще и следа не осталось. Ни травмы, ни шрама. Ни-че-го.

— Что... Ты...

Девушка подняла свой отчаянный и совершенно запутавшийся взгляд на Маррока.

— Он исчез.

На его лице отразились разъяренность и разочарование.

— Морганна все еще ведет. Как и всегда, я исцеляюсь за считанные секунды.

Оливия стала пристально изучать взглядом его безупречно гладкую кожу и эмоции, появившиеся на лице. Она не увидела ни следов дыма, ни зеркал. Но то, что происходило здесь, точно не было... нормальным. Что-то магическое?

Каким бы странным оно ни казалось, но что за объяснение этому может быть? Она попыталась просчитать другие сценарии происходящего, но ни один из них не подходил. Святые небеса! Сейчас не самое лучшее время, чтобы впасть в ступор.

— Ты действительно... бессмертный?

Маррок вздохнул и положил клинок с окровавленным полотенцем на комод.

— Я родился в шестом веке. Даже с большей продолжительностью жизни людей, как сейчас, я не совсем обычный человек.

Ну, кроме всего прочего. Означает ли это, что он сказал ей правду? Что еще это может быть? Ладно... как оказалось, он не накачал ее наркотиками и не обманул, чтобы заманить в постель. Они были связаны. Девушка не могла отрицать этого, когда буквально все внутри нее хотело вновь слиться с ним. И она мечтала об этом мужчине еще до того, как встретила с ним. Что-то в этом всем было... ненормальное. Магическое.

Вау!

Оливия вновь опустилась на кровать.

— Как... О... Морганна, ты говорил. Почему она тебя прокляла?

— Потому что...

Он опустил голову, а затем и плечи.

— Я был тем еще засранцем. Я служил королю Артуру как его самый преданный и награжденный большинством знаков отличия воин. Мы сражались с англо-саксами в битве при Монс Бадоникус, убив около тысячи захватчиков. Мы чувствовали себя непобедимыми.

Тысяча? От представления о таком количестве убитых людей ее едва не стошнило. Но если Маррок говорил правду — а она не видела причин ему не верить — рыцари Темных Времен жили совершенно иначе, по сравнению с современными мужчинами. Убийство чьего-то врага не было чем-то вроде вида спорта. Все это было ради выживания.

— Известные воины в те дни имели что-то наподобие поклонниц, как сейчас рок-звезды.

— У тебя тоже они были?

— Моя честно заработанная часть девушек... и женщины, которые принадлежали половине армии Артура.

Почему-то это совсем ее не удивило.

— Я был молод и непостоянен. Женщины были всего лишь на одну ночь и использовались только для удовольствия, а затем просто уходили к другим. Но все изменилось после Монс Бадоникуса.

— Потому что ты встретил Морганну?

— Я знал о ней совсем немного. За несколько недель до битвы я совершил ошибку и переспал с ней, нашептывал ей милые словечки и говорил разные красивые и лживые слова. После всего я бросил ее и больше не возвращался.

— Нет ничего хуже, чем разъяренная женщина.

— Действительно. Она сказала Артуру, что я изнасиловал ее, избил и оставил умирать. Сомневаюсь, что он ей поверил, но она привела "свидетелей" и перевернула все с ног на голову. Артур знал, что его сводная сестра способна на все, если ее вовремя не успокоить. Поэтому он изгнал меня из королевства, лишил всех регалий и наград, за которые я сражался всю свою жизнь. Морганна нашла меня неделями позже, грязного и скитающегося по окрестностям, и предложила вернуться к ней. Она дала слово, что вернет мне благосклонность Артура и мою старую жизнь.

— Ты отказался?

— Я рассмеялся ей в лицо. Она была причиной моего несчастья. Мне потребовалось несколько десятилетий, чтобы увидеть, что мой жестокий палач сыграл свою роль в моей гибели. Когда она появилась передо мной, последнее, чего я хотел, это когда-либо оказаться снова рядом с ней. Когда я высказал ей все, что накопилось в моей душе, она прокляла меня этой долбаной книгой. В ту же секунду я стал бессмертным и оказался не в состоянии получить сексуальное удовлетворение. До сегодняшнего дня.

Челюсть Оливии едва не повстречалась с полом.

— Это был первый оргазм, который ты получил за...

— Полторы тысячи лет, да.

Если в этой сказке было хоть немного правды... офигеть просто. И она была той женщиной, которая смогла удовлетворить его запросы? Эта мысль заставила ее почувствовать себя глупой наивной дурочкой. Маленькая неопытная девушка подарила большому воину наслаждение. Может быть, она не была такой уж неправильной.

— Почему у тебя... эм, получилось сегодня ночью?

— Мне кажется, было бы более правильно спросить, почему я смог получить оргазм с тобой. Ответ — я не знаю. Я подозреваю, что это все из-за нашей связи.

Да, эта необъяснимая связь. Все, о чем он рассказывал, было довольно фантастическим, но она ведь не могла отрицать чувство странной близости между ними.

— После того, как ты понял, что Морганна навела на тебя порчу, что произошло дальше?

— Я заплатил ее служанке, чтобы она украла для меня ее книгу. Ведьма прокляла меня, написав что-то в ней, поэтому я поверил, что с помощью этого дневника я смогу прервать действие чар. Но как я ни пытался, ничего не помогло.

История становилась все более странной.

— Это... н-дааа. Но ты, кажется, живешь довольно обособленно. Если она прокляла тебя, разве ты не должен быть зол, как черт?

— Злость уже давно испарилась. Если живешь с этим чувством несколько столетий оно постепенно испаряется.

Он хмыкнул.

— После того, как Мерлин отправил Морганну на тот свет, я думал, что наконец стану свободным. Но нет. Она лишь забавлялась тем, что мучила меня снами о том, что, по ее мнению, смогло бы меня полностью раздавить.

— Сперва это был воин, который поступил в армию Артура и которому были отданы мои земли. Затем — эль, который он пил, битвы, какие он выиграл, женщины, которых он поймел, знаки могущества, каких я больше не мог иметь. В конце концов ведьма преследовала меня во снах, показывая кончину всех тех, кто был мне дорог. Убийство Артура. Смерть моей сестры при родах.

Маррок выдавил из себя последние слова, едва сдерживая ярость.

— Я видел все так, как это происходило на самом деле, и ничего не мог с этим поделать, кроме как безучастно смотреть и слышать их крики.

— Пытка была одним из любимых развлечений Морганны?

— Да, так и есть. Прошли годы, десятилетия... века. Целое тысячелетие. Я ненавидел каждый прожитый день, понимая, что завтра наступит такой же. Я забыл как чувствовать или заботиться о ком-то. Затем она начала посещать меня во снах и пытаться меня моим желанием умереть. Это, как никогда, развлекало ее, ведь я перепробовал все предложения, которые она мне делала.

— Ты серьезно хочешь умереть?

— А для чего мне жить? Мой замок, семья и друзья ушли из жизни так давно, что упоминания о них уже давно превратились в пыль. Я не позволял себе заводить новых друзей. Если бы я только подумал об этом, Морганна посетила бы и их головы и наполнила их сны моим демоном. Люди, которых я уважал, вскоре уверялись в том, что я злодей — расхититель могил, детоубийца... Со временем она прекратила эти игры, а я привык к одиночеству.

Да уж, словами невозможно было передать всю ту ярость и злобу, которую Маррок сейчас чувствовал. То, что Морганна сотворила с ним, выходило за рамки обычной мести, переходя в психологическую травлю. Оливия не знала его настолько хорошо, но ее сердце было совершенно открыто для него. Он, казалось, был гордым человеком. Его деревянные статуэтки и нежность его прикосновений доказывали, что он все еще был способен чувствовать.

— Маррок... Это ужасно. Мне жаль.

Как он пережил это переходящее из века в век одиночество? Оливия понимала его оторванность от мира и отстраненность. Даже на смертном одре, ее мать не сказала ей правду об отце. Мать никогда не позволяла девочке даже подумать о том, что она может быть кем-то большим, чем обычный ребенок, которого обязаны кормить и одевать по праву рождения. Сейчас Оливия была как никогда благодарна за то, что ее пытка продлилась всего двадцать три года. Маррок был обречен на вечность в одиночестве.

Похищение, конечно же, не было самым великолепным планом действий, но пленница теперь все поняла. Она хотела помочь этому человеку. Он заботился о ней во время ее таинственного заболевания и подарил ей, хоть и немного, ощущение защищенности и желанности, к которым она так отчаянно стремилась.

— Ты сказал, что книга, которую ты показал мне, — ключ к снятию твоего проклятия. Я могу снова ее увидеть?

Слегка прищурив глаза, он посмотрел на нее.

— Зачем?

— Я имею ученую степень по искусству, а история — одна из моих тайных страстей. У меня есть связи в мире искусства и в антикварном бизнесе, с литературоведами и историками. Возможно, кто-нибудь из них может знать что-то об этой книге и подскажет, как снять с тебя проклятие.

Маррок промолчал, размышляя о том, может ли он ей доверять. Оливия была уязвлена, но после его рассказа о том, через что он прошел, она больше его не винила.

— Все зависит от тебя, — заверила она его.

— Я не Морганна, поэтому я не могу просто что-то пробормотать и решить твою

проблему, но, возможно, могу сделать что-то, чтобы тебе помочь.

— Ты хочешь помочь мне даже после того, как я тебя похитил?

— Я не в восторге от этого, но ты со всем этим проклятием был практически не в себе. Тот факт, что ты все еще в здравом уме, все еще борешься за свою жизнь и отложил на время свои поиски, чтобы позаботиться обо мне, это... мило. Я хочу быть полезной тебе. Может быть, вместе мы сможем разгадать, в чем секрет этой книги.

Костяшки его пальцев нежно и медленно погладили ее по щеке.

— Ты дала мне свет, надежду. Спасибо.

Ох... Всего лишь небольшое прикосновение заставило тело пленницы задрожать в благоговении. Это ощущение все еще оставалось с ней, когда мужчина опустился перед ней на одно колено и вытянул из пола пару половиц. Спустя мгновение, он встал на ноги и расположился на краю кровати, держа в руках знакомую маленькую книгу. После секундного колебания Маррок передал ее в руки Оливии. Как и раньше, ее энергия едва ли не вибрировала в руках пленницы. "Неудивительно", — думала она, с тех пор как узнала, что эта книга могла проклинать людей на вечные скитания.

Учитывая возраст книжицы, та должна была выглядеть древней. Но красноватая кожа была гладкой, а золотые уголки на ее страницах сохраняли их целость. Странный символ вместе с крепким замком украшал ее обложку. Девушка провела по контуру символа своим ноготком...

— Ты пробовал ее открыть?

Маррок в ответ лишь рассмеялся.

— Грубая сила, кувалда, скрепки, отмычка, кусачки, пила... любой инструмент, известный человеку. Однажды я привязал пару веревок к замку, затем прицепил каждую из них к повозке с лошадьми. Но это ничего не дало.

Интересно. Очень могущественный предмет.

— Что ты знаешь об этом символе на обложке?

— Ничего.

Странный, рукописный символ в такой же золотой оправе как и страницы. Как огромная "М", но украшенная завитками. Она не помнила, чтобы видела его в школе, но подозревала, что он что-то подразумевает под собой.

— Ты знаешь, что он означает? — Маррок наблюдал за ней все еще с некой настороженностью, но теперь в его глазах теплилась надежда.

— Нет. Прости.

Он разочарованно выдохнул, что чуть было не разорвало ей сердце.

— Но старые книги — это не моя специальность. Если бы у меня был компьютер и камера, я могла бы спросить у людей, которые разбираются в этом лучше, чем я.

— Людей, не владеющих магией? — его слова были наполнены подозрением.

— Да. Ученых, кураторов, преподавателей...

Он засомневался.

— Я покажу им только изображения символа. Не книгу.

— У тебя есть камера?

— В моем мобильнике.

— У тебя есть телефон?

— Я ужасно готовлю. Как еще я смог бы заказывать себе еду?

Значит, большой, плохой воин еще может и подшутить над собой. Оливия растянула

губки в улыбке. Он протянул ей свой телефон. Камера в таких устройствах имела не самое хорошее разрешение, но его будет достаточно. Девушка быстро сделала несколько снимков, стараясь не захватывать оставшиеся части книги, и отправила их себе по почте.

— У тебя есть компьютер?

Со вздохом Маррок поплелся вглубь дома и открыл маленькую дверь. Здесь располагались стиральная машина и сушилка. На столике, зажатом в углу, стояла картонная коробка с раскрытой крышкой.

— Это он?

Скрипнув зубами, он кивнул. По тому, как выглядела эта пыльная коробка, можно было сказать, что она здесь простояла несколько месяцев.

— Он не подключен.

— Уж поверь, не от недостатка попыток, — проворчал хозяин.

Внезапно картина резко прояснилась. Мистер Большой Плохой Рыцарь был не в ладах с техникой. Ее мать также ненавидела компьютеры. Единственное, что она позволяла себе — это радио-няню.

Представьте себе процесс обучения, когда тебе несколько сотен лет. Удивительно, что ему удалось освоить микроволновую печь. Оливия попыталась скрыть хихиканье. Но он заметил.

— Я протыкал людей, чтобы выжить. Все эти модемы, оперативная память, операционная система — этот словарь еще хуже, чем греческий язык. Который, кстати, я понимаю.

Для мужчины размером с мамонта, он был слишком... милым, когда был чем-то недоволен.

— Тогда что заставило тебя купить компьютер?

Маррок едва ли не зарычал при упоминании этого чуда техники.

— Интернет-покупки. Я не люблю людей и города. А так доставка прямо к моему порогу.

Хмм. Определенно не самая веселая жизнь.

— Я могу его подключить.

— Спасибо.

После того как он перенес его в гостиную, она вытащила ноутбук из пенопласта.

— Ты голодна? Ты ведь не ела уже несколько дней.

— Если честно, очень.

— Что ты хочешь?

— Ты же сказал, что ужасно готовишь.

— Я все же научился готовить пару блюд спустя несколько столетий. Тосты и омлет, макароны с сыром или тарелочка супа?

Если у него заняло больше тысячи лет желание научиться готовить три простейших блюда, то она точно не хотела бы знать, как плохо он готовил до этого: — Тосты и омлет, пожалуйста. С сыром и без лука.

Маррок в ответ кивнул.

— И помидорами?

В это время она уже загрузила ноутбук, подключила модем и начала его настраивать.

— Да, пожалуйста. И кофе!

Пятнадцать минут спустя она приступила к поглощению завтрака, который был очень даже вкусным, и такого крепкого кофе, которым можно было бы убить быка. Едва не подавившись, пленница зашла в свою почту. Изображение символа было доставлено вместе с кучей других писем, не имеющих никакой важности. Не обратив на них никакого внимания, она набросала письмо для половины знакомых ей профессоров, историков и музейных кураторов. Оливия надеялась, что хоть один из них знает что-то полезное.

— Теперь остается только ждать.

От этого умозаклочения Маррок уж точно не стал счастливее.

— Действительно.

— Так каково это — жить так долго?

Она едва могла это понять. Внешне оставаясь совершенно спокойной, в душе — она просто была в шоке. Ее собеседник был бессмертным. Одно из ее любимых ТВ-шоу было как раз о симпатичном бессмертном, но с клыками.

— погоди! Ты ведь не вампир, нет?

Она прикрыла рот рукой.

— Конечно, нет! Я проливаю кровь, а не пью.

— Фух! Рада слышать. Так, если ты бессмертный, это означает, что ты был свидетелем всех изменений в мире. Все изобретения...

— Представь мое удивление, когда я узнал, что земля на самом деле круглая, — пробормотал он.

Оливия не смогла сдержать смеха.

— Что ты думаешь о телевидении?

— Что-то совершенно бесполезное, не считая новостей.

Правда? А она его обожала.

— Автомобили?

— Просто ненавижу.

Значит, он не умел их водить. Она пока еще не научилась водить стабильно по левой стороне дороги, поэтому в этом они были равны.

— Когда-то летал самолетом?

— Святые небеса! Бог не дал нам возможности летать!

Услышав его ответ, она вновь захохотала.

— Ну же, ты должен признать, что некоторые вещи облегчили нашу жизнь. Медицина? Водопровод? Электричество?

— Как человек, который пережил три столетия чумы, я могу сказать, что пожелал бы медицине продвигаться быстрее. Водопровод и электричество, признаю, действительно прекрасные достижения.

— Стриптиз-клубы? — спросила пленница.

— Это там женщины раздеваются для незнакомцев? Никогда этого не понимал.

Она заметила, что в его словах был какой-то смысл. Если он не мог получить оргазм, зачем сыпать соль на рану?

В маленькой комнатке поселилась тишина. Оливия возилась с небольшим ноутбуком, но буквально раздевающий взгляд Маррока все время ее отвлекал. Она практически чувствовала его желание. Может эта связь заставляла его хотеть ее... или нет? Различит ли он разницу между принуждением и истинным желанием? Вздохнув, она открыла браузер и ввела в поисковик "Морганна ле Фэй и символы". Она нашла много картинок

длинноволосой женщины с магическими вещами в руках, информацию о поисках священного Грааля, но ничего о символе, изображенном на обложке книги. Оливия просмотрела записи о легендарной женщине Темных Времен — ее огромной силе, ее жестокости и о различных ее описаниях в историях о Камелоте. И упоминания о великой красоте ее белокурых волос и глаз цвета фиалки.

— Маррок. Всю жизнь мне твердили, что цвет моих глаз необычен. Как часто ты видел людей с фиолетовыми глазами? Почему у меня такие же глаза и родимое пятно, как и у женщины, которая жила несколько веков тому назад?

Он долго молчал, массируя переносицу.

— Я даже не задумывался о том, что ты сможешь так быстро все осознать.

Он опустил на край журнального столика.

— Согласно рассказам тети Брэма, цвет твоих глаз и родимое пятно передались тебе с генами. Ты потомок Морганны.

— Серьезно? Не понимаю, как я могу быть родственницей кого-то, обладающего магией, даже спустя тысячу с лишним лет. Моя мать была коренной американкой и отметала существование чего-либо подобного, даже обычное... Мне не разрешалось читать книги о вампирах или оставаться на ночевку у подруг на игры с доской для спиритических сеансов. Мне нельзя было смотреть фильмы, основанные на мифах и легендах.

— А что насчет отца?

Упоминание о нем заставило ее призадуматься.

— Я не знаю... Мой отец — британец. До того, как умерла моя мать, я не знала даже, здоров он или нет. Он живет в Лондоне или, по крайней мере, жил двадцать лет назад. Детектив, которого я наняла, ничего не нашел, но отправил меня по адресу, где проживает мужчина, который утверждает, что ему пятьсот лет. Я подумала, что это шутка, и рассмеялась. Но возможно ли, что?..

— Что он довольно старый колдун, который с помощью магии продлевает себе жизнь.

— И насколько так ее можно продлить?

Маррок пожал плечами.

— Примерно на тысячу лет, я думаю. Не могу сказать точно. После Морганны я старался избегать все и всех, кто как-нибудь был связан с магией.

Неудивительно. Если бы у нее было такое проклятие, она тоже избегала бы колдунов. Но, постойте...

— Если я связана родственными узами с Морганной, это значит, что я... ведьма?

— Тетя Брэма говорит, что так и есть, и твоя сила будет очень большой.

Его ответ заставил Оливию побледнеть. Вау... Если ее жизнь действительно станет намного длиннее, это означает, что ей многое стоит переосмыслить насчет своего будущего.

— О чем ты говоришь... я ведьма и сильная? Возможно, она ошиблась.

— Это вряд ли. Они за версту чуют свой вид. Ты производишь от сильной кровной линии.

— Это имеет значение?

— Насколько я понимаю магический мир, то — да.

Как бы нереально это ни выглядело, оно имело смысл. Потомок Морганны ле Фэй. Если она будет обладать хотя бы десятой долей силы этой женщины, возможно, она сможет найти другой путь, как помочь Марроку... Оливия вскочила на ноги и прошла вниз по коридору. Казалось бы, совершенно безобидная книга все также лежала на кровати. Пленница

собралась с духом и, слегка вздрогнув, взяла ту в руки. Почувствовав, как дневник буквально вибрирует в ее руках, девушка вновь вернулась к Марроку. Он с интересом наблюдал за тем, как девушка села, расположив книжицу на коленях и обхватив пальчиками обложку, раскрыла ее. Ничего.

— А что если?..

Ее идея звучала глупо, но не настолько глупее, чем она себя чувствовала в данный момент. Если это и есть ответ, а она никогда не попробует? Оливия указала пальцем на книгу.

— Откройся.

Видимо, это не работает.

— Глупо, да? Я просто подумала, что... если действительно обладаю силой, то, может быть... Но если так, то почему бы мне не сделать что-то реально волшебное прямо сейчас? Я имею в виду, что у меня были сны, которые после сбывались, или желания, которые случались спустя несколько мгновений. Но разве так бывает не со всеми?

— Тебе ведь нет еще двадцати пяти, так?

— Нет. Будет через восемнадцать месяцев.

— Именно тогда ты... изменишься и обретишь свои силы, которые приготовила для тебя Судьба.

— Ох.

Фантастические рассуждения все не хотели покидать ее мысли. Где же Эштон Катчер? Она потеряла девственность с бессмертным человеком, и она, возможно, могущественная колдунья? Забудьте про шоу "Подстава"; теперь это сериал "Сумеречная зона".

— Какие силы?

Маррок в ответ пожал плечами.

— Я не знаю.

Короткий сигнал ноутбука оповестил ее о том, что пришло новое письмо. За ним сразу же последовали еще два. Первое сообщение от преподавателя изобразительного искусства, который ничего не знал, но пожелал ей удачи в дальнейших поисках. Черт.

Второе сообщение было от ее преподавателя — профессора по истории. Доктор Честэйн была очень начитанной и всегда шла в ногу со временем. Но, к сожалению, ее любимой фразой всегда было "а что, если...". Она всегда любила разгадывать разные научные загадки. Сегодняшний день не стал исключением, поняла Оливия, когда раскрыла письмо.

— Ну, что там? — спросил Маррок.

— Один из моих профессоров по истории. Символ ей не знаком, но я также спросила о Морганне и предметах ее магии. Одна из тайных страстей этого преподавателя — упоминания об Артуре и все, что с ним связано. В узких кругах говорят, что Морганна ле Фэй создала книгу, которая позволяла тому, кто ею обладал, иметь ничем не ограниченную силу. Как думаешь, она говорит именно о нашей книге?

Маррок глубоко вздохнул.

— Да, и мы не можем позволить ей — или кому-нибудь еще — узнать, что Книга Судного Дня у меня. Мы окажемся в большой опасности, если кто-нибудь узнает, насколько она могущественна.

— Конечно.

Магическая книга? Это казалось совсем невозможным. Но ведь она думала то же самое

по поводу бессмертия Маррока и поплатилась за это.

Оливия снова просмотрела письмо профессора.

— Она говорит что-то о том, будто эта книга была прекрасным экземпляром заклęcia женского реверанса.

— И что это означает?

В ответ на что пленница только пожала плечами.

— Книга обладает неисчерпаемой силой. Она вибрирует каждый раз, когда я прикасаюсь к ней. Может, кто-то, такой же невероятный, как и книга, должен выказать ей свое почтение?

— По крайней мере, одного такого невероятного человека я знаю, — с презрением произнес мужчина.

— И, скорей всего, их намного больше.

— Она была создана женщиной... Возможно, именно это профессор имеет в виду. Я попрошу узнать ее об этом побольше.

Оливия быстро напечатала ответ преподавателю и отправила письмо. Затем открыла последнее сообщение. Оно было от доктора Рейнолдса. Напыщенный осел с прилизанной челкой, который всегда утверждал, что он самый умный человек на свете. Однако он определенно знал историю искусств.

Просмотрев сообщение, девушка едва ли не задохнулась.

— Доктор Рейнолдс видел этот символ! Согласно письму, он считает, что тот принадлежит Морганне. И также встречается на двух картинах. Первая была написана в четырнадцатом веке. На ней изображена молодая неизвестная девушка, и этот символ изображен в виде кулона на ее шее. Он отправил мне фото.

Оливия показала Марроку открытое приложение.

Кулон, свисающий с ее хрупкой шеи, один в один был схож с символом на книге.

— Из всего, что мы знаем, эта девушка увидела кулон в одном из богатых домов и просто его украла.

— Возможно.

Но несмотря на утвердительный тон своего голоса, Оливия осталась при своем мнении.

— Он действительно необычен. Ты знаешь, среди тех вещей, что оставила мне моя мать, было что-то подобное. Другой формы, но очень похожее. Может, они были сделаны в одно и то же время или одним и тем же мастером. Даже на этой картине кулон кажется старинным, но спустя четыреста лет...

Она открыла следующее приложение. И вновь от увиденного у нее перехватило дыхание. Мужчина в одеянии члена Совета. На его лацкане висел такой же символ. Но больше шокировало то, что у него были такие же фиолетовые глаза, как и у Оливии. Надпись в нижнем правом углу потрясла ее. Ричард Грей, Лондон.

— Это имя моего отца! Его лицо! Разве может он быть?..

Маррок повнимательней взглянул на мужчину, а затем вновь перевел глаза на девушку.

— Я знаю, кто даст нам ответ.

Глава 8

Маррок взял со стола свой мобильный телефон, радуясь тому, что Брэм оставил телефонный номер, когда в последний раз уходил вместе с тетей. Только за эту неделю он говорил с колдуном столько раз, сколько не говорил за последнее столетие.

Скрипя зубами, он набрал номер мага. Использовать вновь камень, который тот ему дал, было бы намного быстрее, но на сегодня колдовства для него было уже достаточно. Маррок взглянул на Оливию. Она обладала магией и, возможно, могла наконец раз и навсегда покончить с его проклятием. Но против женских чар пленницы и связи, образовавшейся между ними, он ничего не мог поделать. И это его беспокоило. Маги были теми еще коварными засранцами. Однако мужчина был уверен, что девушка не сможет использовать свои чувства против него, независимо от того, как хорошо было видеть и чувствовать ее в своих руках. Несмотря на это, мысль об ее исчезновении привела его в ужас. Ему нравилось находиться рядом с ней. Светлая улыбка Оливии заставляла темный многовековой мир Маррока озариться лучами света. Да вы посмотрите на него, когда он успел переквалифицироваться в долбаного поэта?

Когда она протянула руку помощи в исследовании символа на этом проклятом дневнике, он удивился и насторожился. Одно то, что она происходила из рода ле Фэй и вдруг предлагает содействие... не соотносилось друг с другом. Поэтому он решил быть начеку.

Брэм не сразу, но все-таки ответил.

— Маррок? Сейчас ночь. Что-то случилось с Оливией? Или ты звонишь для того, чтобы мы разорвали брачную связь?

Черт...

— Нет.

— Она все еще жива?

— Да.

Жива и даже очень хорошо выглядит. Маррок смог практически забыть о том, что всего лишь час назад смог кончить, что она была новичком в сексе, и то, что ему теперь лучше избегать каких-либо к ней чувств.

Желание вновь прокатилось жгучим потоком по венам. Он вновь напрягся, когда снова перевел взгляд на девушку. Кожа у нее была такой мягкой, и ее завораживающие слух стоны, когда она...

— Она жива, правда? Ты наконец-то смог...

— Не твое нахрен дело.

— Знаешь, если хочешь чего-то от меня, тебе стоит быть более вежливым.

Маррок вновь заскрипел зубами. С такими темпами во рту кроме десен ничего не останется.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи. Я прошу для Оливии. Она одна из вас. Помогите ей.

— Мы маги, а не марсиане. А по тому, как ты говоришь о нас, можно подумать, будто разницы никакой.

Собеседник ничего на это не ответил.

— Мы обнаружили картину девятнадцатого века. На ней изображен мужчина по имени Ричард Грей. Удастся ли тебе узнать, может, на ней изображен отец Оливии?

— Человек с фиолетовыми глазами изображенный на картине одет в плащ члена Совета с таким же символом на лацкане, как и на обложке Книги Судного Дня?

Хитрый ублюдок.

— Звучит знакомо, за исключением того, что у меня нет ни малейшего понятия о символе с тех пор, как я последний раз видел книгу.

— Да, конечно, — сарказм явно сочился из слов Брэма. — Не знаю, действительно ли

он отец Оливии. Я только однажды говорил с Ричардом Греем. Он позвонил мне и все расспрашивал о Дневнике Апокалипсиса. Но в то время я ничего не ведал, поэтому не смог ничем ему помочь. А так как я знал его только по этому телефонному звонку и тому, что прочитал в книгах, не представляю, как найти его. Но я уверен, что он ее отец и точно что-то знает об этом символе.

Маррок с ним молча согласился.

— Я искал Грея, но... он не соблаговолил ко мне наведаться, — произнес Брэм.

— Почему нет?

Его голос слегка охрип.

— Я не говорил Оливии. Она окажется в опасности, если я скажу ей. На Ричарда Грея охотятся Анарки. Он был одним из них, а после прослыл предателем. Фактически, он был правой рукой Матиаса.

Дьявол! Маррок даже не был удивлен. Ричард Грей был настоящим ле Фэй.

Осознав, что Оливия пристально за ним наблюдает, Маррок повернулся к ней спиной. У них еще будет много времени, чтобы побольше узнать о мистере Грее.

Лучше к делу, а затем разработать стратегию, как отвлечь девушку от поисков, которые могут быть слишком опасными для нее. К тому же, она и так достаточно натерпелась от него за целый день.

— Узнаешь что-то новое — сообщи, — попросил Маррок.

— Да, и Оливии нужен кто-то, кто сможет присмотреть за делами в магазине, пока она выздоравливает.

— Я могу попросить свою сестру. Сабэль прекрасно с этим справится. Она так много знает об искусстве. Завтра подойдет?

Ведьма? Кто-то все же был лучше, чем вообще никого.

— Да.

— Но у меня есть небольшое условие...

— Естественно.

— Я планировал небольшое собрание. С тех пор, как Матиас вернулся, мир магии обязан сплотиться. Оливия должна присутствовать, чтобы встретиться, как ты выразился, со своим видом.

— Вечеринка?

— Что-то вроде того.

Маррок немного заволновался, представляя Оливию в облегающем вечернем платье, внимающей каждому слову Брэма, в то время как тот представляет ее магическому миру.

— Нет.

— Бедной девочке приходится мириться со своей суровой парой. Она практически ничего не знает о своих корнях и магии, а тем более о предстоящем превращении. Ей нужна информация. То, что она потомок одной из древнейшей и сильнейшей кровной линии во всей истории, сделает из нее настоящую звезду.

— К несчастью для тебя, ей не нужна кучка подвыпивших незнакомцев. Мы вышлем наши извинения по почте.

— Ты уверен? Я прочитал несколько пыльных томов моего деда. Какой же удачей было то, что я наткнулся на несколько страничек, в которых рассказывалось о символе на Дневнике. Думаю, тебе будет очень интересно узнать, что же я нашел, и я с радостью поделюсь этой информацией, если вы вместе с Оливией посетите нас в пятницу, скажем так,

часов в семь вечера?

— Это шантаж.

— Да.

Он был так доволен собой, когда согласился с ним.

— Я уверен, что вам обоим необходима подходящая одежда. Я пришлю тебе свою машину.

Щелк.

Сжимая в руках мобильный телефон, Маррок надеялся, что сможет к хренам раздавить его.

Но что, если у Брэма действительно есть информация о символах и о том, что они могут означать? Возможно, это как-то поможет в снятии его проклятия? Вечность даже с его прекрасной парой, способной подарить ему удовлетворение, не была тем "подарком", который он с радостью принял бы от судьбы.

— Брэм пригласил нас в пятницу на вечеринку.

Он вздохнул, едва сдерживая ярость.

— Мы должны быть там.

Оливия озадаченно взглянула на него, но потом безразлично пожала плечами.

— Хорошо.

— Сделай мне небольшое одолжение.

Он отвел свой голодный взгляд от ее прекрасного тела.

— Не надевай ничего черного и короткого.

Машину Брэма пригнали после восхода солнца. Приняв душ, пара решила осмотреть черный седан.

Сначала они под завязку загрузили багажник резными статуэтками Маррока. Теперь ему самому предстояло сесть в машину... Он вновь взглянул на железного зверя, пытаясь скрыть дрожь.

— Ты умеешь управлять этой штуковиной?

— Я? — она указала пальчиком на себя. — Не очень. У вас тут водят авто по неправильной стороне дороги.

— Учитывая то, что я вообще не вожу, побереги свои претензии для тех мужланов, которые управляют этими гребаными машинами.

— Ты хочешь, чтобы я вела автомобиль?

— У тебя есть права?

— Эм... да.

— И это решающий аргумент в нашем разногласии, так как у меня прав нет.

— Ты можешь проткнуть мечем в бою тысячи людей, но не можешь справиться с одной маленькой машинкой?

— Да.

— Ты когда-нибудь учился водить?

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты смог бы начать сейчас?

— Ох, твою ж мать, нет. Где ключи?

— Может, мы сегодня не поедem в город. Ты едва оправилась...

— Я немного устала, — подметила она, — но со мной все будет хорошо. Я хочу заехать

в галерею и оставить там твои фигурки. Пожаааалуйста...

Вздыхнув, Маррок посмотрел на ключи в замке зажигания и затем все же занял пассажирское кресло, едва волоча за собой ноги. Как будто он шел не к машине, а на гильотину. Проклятье, он так соскучился по лошадям. Заняв водительское сидение, Оливия мертвой хваткой обхватила руль, завела автомобиль и плавно сдала назад, чтобы выехать на грязную грунтовую дорогу. При грамотном и быстром повороте она смогла выехать на более широкую проселочную дорогу, а оттуда прямо к шоссе, ведущему в город. Спустя пару минут, они уже ехали по двадцать третьему шоссе напрямик в Лондон.

Маррок был впечатлен.

— Ты водишь намного лучше, чем Брэм.

— Бьюсь об заклад, он водит безрассудно.

— Как будто человеческая жизнь ничего не стоит.

Оливия в знак согласия кивнула головой.

— Боишься машин настолько, что готов лучше руку себе отрезать, чем снова сесть в нее. Это очень выматывает.

— Я не боюсь. Воины ничего и никогда не боятся.

— Неужели? — захохотала она. — Побелевшие костяшки пальцев на приборной панели говорят об обратном.

Он уставился на нее, пытаясь выглядеть истинным воином. Но в ответ на это она просто улыбнулась.

— Давай сперва заедем в галерею. Я хочу успеть выставить статуэтки еще до ее открытия.

Она сделала небольшую паузу.

— Знаешь, Сабэль не нужно больше присматривать за магазином. Я теперь в порядке. Могу продолжить работать...

— Так мы не договаривались. Я хочу, чтобы ты была здорова и всегда находилась под защитой. Тебе нужны фигурки?

— Да, — раздраженно выдохнула она, — тиран.

— Так и есть. Ты очень быстро устаешь, поэтому тебе понадобится надлежащий уход.

— Ты имеешь в виду частый секс?

— Если это будет именно то, в чем ты будешь нуждаться, я позабочусь о тебе.

— Забавно, — произнесла Оливия. — Тебе когда-нибудь говорили о том, что ты любитель покомандовать?

— Вся армия Артура, включая самого короля.

Она повернула голову к нему. На ее лице отразилось искреннее удивление, которое отдалось прямо в его члене. Она когда-нибудь перестанет так на него влиять?

— Какой он был?

— Артур? Величественный. Действительно хорош в своем деле. Сраженный предательством Гвиневеры... Падение Камелота было величайшей трагедией, которая произошла, в основном, по вине Морганны.

— Ты действительно ее ненавидишь?

— Всем своим естеством.

Услышав его ответ, девушка застыла.

— Но без ее проклятия ты уже давно был бы мертв. Разве нет в тебе и маленькой частички, которая все же рада тому, что ты все еще жив? Ты прожил историю, а не просто

читал о ней.

Единственной причиной, из-за которой он был рад своему долгому существованию, сейчас была она. Потомок Морганны.

Господи, неужели он так сильно погряз во всем этом? Он должен быть всегда настороже. Возможно, Оливия могла быть оружием в руках Морганны и своего отца.

Но тогда почему она не украла книгу? Зачем ей помогать ему в поисках информации о символе на этой чертовой книге?

— Веками я не хотел ничего так сильно, как разрушить мое проклятие и умереть. Я верю, что ты и эта книга сможете наконец это сделать..

Оливия прикусила нижнюю губу. Было ясно, что она хотела хорошенько высказаться по этому поводу, но все же в последний момент передумала.

— Если это то, чего ты реально хочешь, я тебе помогу.

Ее слова заставили его задуматься. Теперь он пытался понять, что же станет с Оливией, если он умрет?

Он прошелся взглядом по мягкому полотну ее темных волос, задержав внимание на светящихся тоской фиолетовых глазах. Она выглядела слишком уставшей, слегка похудевшей, но ее щеки все также озарял румянец.

По мнению Брэма, магический развод будет болезненным для них, и даже после него она будет ощущать необъяснимое чувство горя. Но их брак произошел совсем недавно, а связь все еще была неустойчива. Она выживет. Но даже мысль о том, что Оливия сможет затем вновь вступить в магический брак с кем-то другим, приводила Маррока в гнев. Тем более кто защитит ее от Матиаса?

Они едва протиснулись сквозь скопление пробок Лондона и все же прибыли в "Магическое прикосновение", доставив в целости и сохранности резные фигурки, которые олицетворяли собой два столетия его работы. Он вырезал их, стараясь хоть как-то бороться со своим одиночеством. Когда она разместила их на витринах, он почувствовал радость за то, что она пожелала разделить их красоту с другими. Возможно, они принесут другим такое же наслаждение, какое Оливия доставляла ему. Дурак, сраженный наповал. Позволить себе такие сантименты означает полностью раскрыться для удара. Девушка расставила его статуэтки по всему магазину, освобождая для них наиболее выгодные места и регулируя освещение. Она искренне верила в его талант. То, что началось, как способ убить время, стало значимым. Очевидная забота пары о его фигурках тронула сердце мужчины.

— Спасибо, — тихо произнес Маррок.

Оливия обернулась.

— Это тебе спасибо. Эти работы спасут мой бизнес.

Он надеялся, что так и будет. Ее вера поражала.

Прежде, чем поддаться желанию заняться с ней любовью на полу около большого панорамного окна, он поспешил вывести ее из магазина и они вместе вернулись к ненавистному авто. Когда они добрались до ее квартиры, Маррок с радостью выбрался из машины, попутно расправляя мощные плечи и разминая свои сильные руки. Он предпочел бы вылезти из кожи вон, но больше не садиться в нее снова. Оливия заметила, как он нервничает, и слегка улыбнулась.

Оказавшись внутри, мужчина осмотрелся в маленькой старой квартирке. Ее убранство могло рассказать ему многое о его девочке. Даже в это ограниченное и, казалось бы, невзрачное пространство она смогла внести свою красоту. Каждая комната отражала ее

смелый и современный дух, и все они были так не похожи на его коттедж со спартанскими условиями. В конце концов он проследовал за ней в спальню, которая была современным отображением сказки с помесью теплых кремовых оттенков с вкраплениями шоколада. Отсутствию кружева мужчина едва ли не заплодировал.

В комнате Оливии было что-то свежее, женственное и загадочное. Что-то такое, как она сама.

— Ты знаешь, я могу просто... остаться здесь. Ты не должен нянчиться со мной. Я чувствую себя намного лучше, и никто по ошибке не примет меня за Морганну, так что все в порядке. Я отвезу тебя обратно в коттедж тогда, когда ты захочешь, и после встретимся на вечеринке Брэма и...

— Стоп. Остановись.

Она видимо сошла с ума, если подумала, что они теперь разойдутся. Господи, он нуждался в ней. Она нуждалась в нем, как ни в ком другом.

Как же рассказать ей об их магическом браке? Маррок не мог сделать этого, пока не будет точно знать, что Оливия достаточно окрепла, чтобы принять эту новость. Она, скорее всего, воспротивится ей — как и ему — усложняя его стремления покончить с проклятием и удержать ее в безопасности.

— До моей кончины я хочу, чтобы ты находилась в безопасности и со мной, рядом со мной по ночам. Подо мной, принимая меня всего. Собирай все нужные тебе вещи, и мы перевезем их в коттедж, любимая.

Оливия покраснела, но, видимо, все же хотела ему отказать. Спустя секунду на ее лице отразилось сожаление. Он нежно поцеловал ее в губы:

— Пожалуйста.

— Я не хочу быть тебе обузой.

— Никогда. Я хочу, чтобы ты была со мной, — он улыбнулся.

— Кто же еще поможет мне справиться с компьютером?

Улыбка медленно расплылась на ее лице.

— Тебе сложно сказать "нет".

— Значит, не говори.

Головокружительная радость, отразившаяся на ее лице, заставила его улыбнуться. Она хотела быть с ним. Сейчас, по крайней мере.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я отдохнула. Я так и сделаю. Но, пока мы в городе, я хочу еще кое-что сделать.

— Могу я спросить что? — дразняще поинтересовался он.

— Я хочу проверить этот последний адрес, который дал мне детектив. Я не поехала туда раньше, потому что ему якобы пятьсот лет, и я даже не подумала, что... Но, возможно, мы найдем его, и, может, он знает что-то об этом символе. Возможно, он поможет разрушить твое проклятие.

Если Ричард Грей был одним из Анарки, Маррок не хотел, чтобы Оливия сама занималась его поисками. Он вообще не хотел, чтобы она его искала. Слишком опасно. Но у него не было хорошего основания, чтобы запретить ей это делать.

— Поедешь со мной?

— Да.

Улыбка, которая вспыхнула на ее лице, осветила его своей красотой. Она бросилась к небольшому комоду в углу своей комнаты. Открыв верхний ящик, она вытащила

потрепанную черную папку.

— Вот отчет детектива с нужным нам адресом.

Обернувшись к нему спиной, девушка упаковала часть одежды и личных принадлежностей в сумку.

— Готова?

После двадцатиминутной поездки они остановились перед захудалым зданием в восточной части промышленного района Лондона. Некогда красивые светлые стены кремового оттенка были серыми от копоти и налипшей грязи. Черные следы обугленного кирпича обрамляли каждое окно этого пепелища. Хотя Маррок почувствовал некоторое облегчение, когда не заметил никаких следов Ричарда Грея, Оливия в то же время ощутила, как в ее душе вновь разрастается разочарование.

— Дом сгорел. Здесь никто не живет.

Мужчина кивнул, мягко кладя свою руку ей на плечо. Действительно, никто сейчас здесь не жил. Он настолько обветшал, что было удивительным, как он все еще не разрушился. На самом деле, весь квартал выглядел каким-то пустынным. Но был ли это несчастный случай или поджог?

— Детектив давал тебе еще какую-нибудь информацию?

— Нет. Дальше буду искать сама. Я хочу узнать побольше о пожаре, может, кто-нибудь... выжил.

Если ее отец когда-то был Анарки и предал их, его дом скорее всего подожгли "друзья", которым он тогда нанес удар в спину. Маррок понятия не имел, находился ли ее работающий на два фронта родственник внутри во время пожара, но он искренне надеялся на то, что так оно и было.

Оливия выросла и стала прекрасной женщиной без него и уж точно не нуждалась сейчас в хитреце, который не знал цены своим обещаниям.

— Брэм сам сможет это сделать. Возможно, он его найдет.

Она кивнула в знак согласия.

— Надеюсь.

Он нежно погладил ее по плечу, желая подарить ей хоть на несколько минут чувство комфорта.

— Тогда, может, мы вернемся в коттедж? Я хочу видеть тебя в своей постели.

— Правда? — дерзко спросила она.

Правда. От накопившейся потребности его член напрягся. Даже простое утешение этой девушки провоцировало в его голове порочные мысли.

— Да. Нужно укрепить твое здоровье, соблазнительница. Всего несколько часов прошло, с тех пор как тебе стало легче.

— Я? Соблазнительница? Ну, конечно...

Она закатила глаза.

— Да, ты. Но сейчас тебе нужно отдохнуть.

Ее щеки залил румянец.

— Ага, этот загадочный грипп или что там еще.

— Ты можешь снова заболеть, если не будешь о себе заботиться.

— Да ты еще тот зануда. Ты, возможно, этого не замечаешь, но при своем цветущем внешнем виде ты ведешь себя, как старик.

Цветущем внешнем виде? Он улыбнулся.

— Я и есть старик.

— Я знаю, что отдых очень важен, но у нас должно быть что-то вроде свидания. Мы ведь... эм... переспали, а так ничего друг о друге и не узнали.

Судьба и магия, очевидно, решили, что это для них не важно.

— А я думал, что мы и так достаточно знаем друг друга.

— В постели, — прошептала она, — я практически ничего не знаю о тебе. У тебя есть братья? Сестры?

— Младшая сестра. Аналис всегда была такой счастливой. Я до сих пор скучаю по ее улыбке.

Маррок не говорил о ней уже, наверное, целую вечность, и это казалось правильным.

Оливия успокаивающе погладила его по плечу.

— Я всегда хотела, чтобы у меня была сестра. Но знаешь... Мои родители... Хм, а кем были твои?

— Мой отец был верным своему вождю воином и умер в бою, когда мне было двенадцать лет. Он редко возвращался домой, поэтому я практически его не знал. Моя мать была очень милой и спокойной, но слишком суеверной. Она предупреждала меня насчет Морганны. Ох, если бы я послушал ее тогда...

— Мы найдем нужные нам ответы, и ты, наконец, сможешь обрести желаемый покой.

Оливия, закусив губу, продолжила:

— Итак, пятнадцать сотен лет — очень большой отрезок времени. Ты, наверное, был женат несколько раз.

— Никогда. Когда я был смертным, слишком был занят в боях.

— И занимался любовью со всеми, с кем только хотел.

— И это тоже, — неохотно признался он.

— Но в более поздние времена разве ты никогда не хотел жениться? Встречаться с девушкой?

— Нет.

Она шокировано взглянула на него.

— Но ведь у тебя были отношения с кем-то...

— Я ни с кем не мог разделить свое тело и поэтому решил никому не отдавать свое сердце. Зачем создавать себе лишние проблемы?

Оливия скрестила руки на груди. Маррок понял, что ответ ей не понравился.

— Так зачем ты тогда создал эти лишние проблемы со мной?

Как же ему передать это словами?

— Ты другая.

Она в удивлении приподняла бровь.

— Потому что со мной ты смог кончить?

— Это — одна из причин, но не основная.

Впервые за несколько веков он заботился о чем-то. О ком-то. И это слишком его пугало.

— Или это потому что я якобы могу снять твоё проклятие?

Она первой произнесла Клятву, но теперь... она значила намного больше. Мог ли он сказать ей об этих новых чувствах, которые он сам едва мог понять?

— Я знаю только то, что между нами есть связь.

— Но это странно — чувствовать её с кем-то, кого практически не знаешь. Я никак не могу этого понять.

Оливия не успокоится, пока не узнает все. Он это уяснил.

— Есть предложения насчет того, чтобы лучше познакомиться?

— Не знаю. Большинство людей назначают свидания и общаются, а только потом решают, есть ли между ними что-то большее. У нас же все наоборот.

— Действительно. Так давай сходим на свидание. Что мы будем делать?

— На улице хорошая погода. Мы можем вместе прогуляться по городу. Когда в последний раз ты просто так гулял по Лондону?

Маррок ничего не ответил. До Великого лондонского пожара в 1666, наверное. Пламя и сэр Кристофер Рен полностью изменили городской пейзаж.

— Несколько лет.

Она послала ему оценивающий взгляд.

— Что означает несколько столетий.

Как она могла так быстро и так хорошо его узнать?

— Да, Лондон изменился. Вряд ли нужно снова осматривать его, чтобы узнать, что он теперь более шумный и заселенный.

Она снова закатила глаза.

— В этом городе столько удивительных достопримечательностей. Тауэр...

— Там я был, и при не особо приятных обстоятельствах. Надеюсь, ты простишь меня, если я откажусь от тура.

Оливия знала о репутации, которую заимел Тауэр, и рассмеялась.

— Собор Святого Павла?

Он отрицательно качал головой.

— Я никогда не был религиозным. Я предпочитаю войну.

— Музей Виктории и Альберта?

— Ты будешь слишком долго на ногах, это займет очень много времени, а мы даже половины города не пройдем.

Но в ответ на его доводы она упрямо заявила:

— На ведь есть метро.

Он вздрогнул.

— Ни за что. Я не люблю машины, но это... Я лучше сгорю в аду.

— Я поняла!

Она щелкнула пальчиками.

— Лондонский глаз.

— Лондонский... что?

Часом позже Оливия села в смотровую кабинку гигантского колеса обозрения и увидела, как Маррок напряженно сел подле нее.

Сложно поверить в то, что за полторы тысячи лет он ни в кого не влюбился. О чем это могло говорить? Он, казалось, совершенно не боялся интимности, но и она тоже не была экспертом в этом деле. Возможно, он больше не захотел ни с кем связываться? После того как обжегся с Морганной?

Сопровождающий закрыл дверь. Большой воин, казалось, позеленел.

— У тебя клаустрофобия.

— Нет.

— Вот почему ты так отказывался сюда идти.

— Тихо. Мне нужно сосредоточиться, чтобы не вырвало.

— Смотри в окно. Здесь столько открытого пространства и воздуха.

— И одна закрытая на замок дверь, которая держит меня в ловушке.

Оливия вздохнула. Она не хотела расстраивать Маррока. Она только хотела показать ему то, что он теряет, скрываясь в лесу.

— Здесь открывается такой обворожительный вид.

Да. Осень в оперении оставшейся с лета зелени придавала Лондону суровый вид. Но некоторые цветы все еще разбавляли его холодность своими яркими красками. Дул теплый ветер. Люди вокруг смеялись. Туристы фотографировались на фоне различных зданий и памятников. Оливия любила быть в центре этого всего.

Их кабина поднималась все выше... и выше... Медленно... Оливия взяла Маррока за руку и ободряюще сжала ее в своей маленькой ручке. Он схватился за нее как за спасательный круг. Его дыхание стало сбивчивым и, казалось, ускорилось в разы.

— Смотри.

Она указала пальчиком в окно, чтобы отвлечь его.

— Вестминстерский мост.

Он кивнул. И сжал крепче ее руку.

Лондон распростерся перед ними как гигантский лабиринт. Река Темза находилась к северу от них. Вид, открывающийся с этой высоты, ее поразил.

— Вау, — с придыханием произнесла Оливия.

Маррок наконец обратил внимание на город.

— Он так разросся... даже не верится.

— Здесь ничего не было, когда ты сражался за Артура. Ведь так?

— Ничего похожего на это. Я в восторге. Хотя мог и не дожить до всего этого.

— Тебе никогда не быть современным мужчиной.

— Не то чтобы я этого хочу.

Оливия рассмеялась и крепче сжала его руку. Это было каким-то безумием. Она только вчера встретила этого мужчину, который, как он сам сказал, был свободен. Но каким-то образом за это короткое время он... заполнил собой ее мысли. Связь, образовавшаяся между ними, только крепла. Сперва как крепкий канат, затем как тяжелая цепь (со стальным стержнем, усиленным семью футами бетона), окропленная закаленной сталью.

Ее поразило чувство привязанности к нему. Как будто они принадлежали друг другу. Она принадлежала ему. Но действительно ли это так? Он, казалось, не торопился ее отпускать. Он был бессмертен, сложен в общении, имел свои корыстные цели из-за одного из ее предков — но до сих пор, как ни странно, заботился о ней. Да, Маррок нуждался в ней, чтобы она разрушила его проклятие, но такое чувство, будто между ними было что-то большее. Неужели она сама вводит себя в заблуждение? Оливия надеялась, что ее чувства были взаимны, потому что падать с высоты, на которую они ее подняли, будет очень больно.

Глава 9

Они прибыли на вечер к Брэму. Оливия учла пожелание Маррока... ну, если это так можно было назвать. Ее платье не было облегающим и черным. Нет, оно было коротким и ярко-красным. Оно осталось у нее после открытия галереи, когда девушка была еще студенткой.

Пока он не видел, она прихватила этот яркий клочок одежды из своей квартиры и

теперь все не могла дожидаться того момента, когда наконец снимет свое пальто и увидит его реакцию. Или узнает о том, что у него на уме, как только они останутся друг с другом наедине. То, что он хотел ее так безумно и часто, приводило в восторг. Да, он провел без секса слишком много времени, но когда он прикасался к ней, казалось, будто она что-то для него значила. Это было больше, чем трях. Партнер был грубым, молчаливым, но его взгляд и частые прикосновения грели ей душу даже после стольких лет безразличия ее матери.

Маррок скорее всего не понимал, какой огромный подарок преподнес Оливии. Но все же из ее головы никак не уходили кое-какие вопросы. Что будет с ними, если они разрушат его проклятие? Ведь тогда он перестанет в ней нуждаться. Что будет, когда все это безумие закончится?

Он хотел умереть. И если он сможет это сделать... Она понимала, что в этот момент ей лучше держаться от него подальше. Ей нужно защищать свое сердце, перед чьими желаниями так сложно устоять...

Оливия отмахнулась от этой мысли и бросила взгляд через плечо. Она вложила свою ручку в мозолистую ладонь Маррока, когда они подошли к входу в дом. Он с неохотой постучал в дверь.

Спутник не хотел здесь находиться. Так зачем он пришел? Он не был любителем большого столпотворения людей, а Брэм, казалось, не числился в списке его близких друзей. Кстати, для чего колдун закатил вечеринку? Каждый раз, когда она спрашивала об этом, Маррок неразборчиво говорил что-то об информации и обрывал дальнейшие расспросы поцелуем... ну, или чем-то большим.

Оливия покраснела, вспоминая о том, каким способом он отвлек ее всего лишь час назад. Для человека, который был лишен сексуального удовлетворения пятнадцать столетий, он быстро наверстывает упущенное. Ей не удавалось поспать больше пары часов. Хотя она и не жаловалась.

Маррок обернулся к ней. Когда их взгляды встретились, он соблазнительно улыбнулся.

— Черты твоего лица выдают мне все сокровенные мысли.

— Всего лишь соблюдаю правила приличия. Или здесь присутствует двойник Эмили Пост из волшебного мира — блюститель порядка?

— Лгунья, — он прильнул к ней ближе и прошептал: — Если ты не будешь осторожна, я с радостью заставлю тебя этой ночью молить меня о пощаде.

Она вздрогнула. Ей как никому было известно, что это обещание он может сдержать.

— Могу сказать то же самое и в твой адрес, — произнесла в ответ девушка.

Дверь открылась, открывая обзор на элегантную современно украшенную комнату. Люди небольшими группами расселись на небольших оббитых бархатом диванчиках или стояли возле них. Середина комнаты была заполнена парами всех возрастов, танцующими под современную, но незнакомую Оливии мелодию. В перерывах между музыкальными композициями по большой зале разносился звонкий смех детей, играющих наверху.

Как только они вошли внутрь, по крайней мере полсотни гостей застыли на своих местах и обратили на них свои взоры. А когда она сняла свое пальто, глаза Маррока едва ли не вылезли с орбит. Он тихо выругался.

— Ты заплатишься за это платье, — прошептал он.

Но впервые она его не слушала. Все! Молодые и старые, мужчины и женщины — все наблюдали за ними.

Маррок сердито осмотрел всех присутствующих, и они вдвоем медленно прошли в

другой зал. Он провел ее прямо в бар, не обращая внимания на взгляды и вздохи посетителей вечеринки.

— Почему они смотрят? — прошептала она.

— Они думают о том, как аппетитно ты выглядишь в этом платье.

Он приложил недюжинные усилия, чтобы оторвать свой взгляд от ее декольте и наконец осмотреть комнату. Обстановка не слишком дружелюбная. Присутствующие выглядели шокировано.

— Давай потанцуем и затеряемся в толпе.

Его взгляд вновь переключался к ней.

— Что?

— Танец. Ты ведь знаешь, как это делать.

— Да. Так же хорошо, как и готовить.

— За полторы тысячи лет ты не научился танцевать? — удивилась Оливия, раздумывая над тем, что еще он мог пропустить.

— Неприличные танцы с элем в одной руке и незнакомой девкой в другой — да, умею.

Его спутница пробежалась взглядом по комнате.

— Они все еще смотрят. Пожалуйста. Я научу тебя.

— Так ты хочешь, чтобы теперь они смотрели на меня?

— Если мы будем посреди толпы, я не буду чувствовать себя как насекомое под стеклом.

Он застыл, до него не дошел смысл ее слов. Ах, да, ведь он никогда не изучал биологию в школе.

— Пойдем, — мужчина протянул руку своей даме и, когда она приняла его приглашение, повел ее в центр залы.

Люди, некогда стоявшие перед ними, расступились, очистив пространство в середине переполненного помещения. Из динамиков начала литься чувственная баллада. Как раз то, что и требовалось, чтобы отвлечься от роли клоуна в местном "цирке".

Оливия остановила Маррока и обернула свои ручки вокруг его шеи. Он огляделся по сторонам, наблюдая за тем, как другие мужчины держат своих партнеров, и сделал также.

Она растаяла в его руках. А это чувство защищенности... Он провел рукой по оголенной части ее спины. Она проникла пальчиками в шелковистые пряди его темных волос, которые мягким полотном огибали его мужественные плечи. Этот древесный мужской аромат вмиг достиг ее рецепторов. Она желала, чтобы толпа этих людей ушла куда-нибудь и оставила их наедине друг с другом. Но была одна проблемка...

— Ты не двигаешься.

— Я же сказал тебе, что не знаю, как танцевать.

— Когда ты дерешься, ты же, мать твою, двигаешься. Это — то же самое.

— Не совсем.

Маррок снова посмотрел вокруг, а затем отступил назад, переступив с одной ноги на другую.

— Так?

Она старалась изо всех сил подавить смех, но это у нее так и не получилось.

— Каждый из этих мужчин танцует по-разному.

Так и было, но она не особо заботилась об их танцевальных па.

— Я поняла. Дело не во времени, в котором ты жил. Ты просто не любишь этим

заниматься.

— Я воин, а не пижон на сцене.

Оливия решила успокоить его легкими поцелуями в шею, щеки... ох, его сладкий рот. Снова. Еще раз, на всякий случай, если вдруг он все еще зол. Она вздохнула с облегчением, когда он перенял бразды правления в свои руки, а точнее губы... Прикосновения этого мужчины ощущались раем земным.

Песня окончилась, и они вернулись в бар. Люди все еще наблюдали за ними, но сейчас ее собственное внимание было в большей мере сосредоточено на Марроке, а не на кучке незнакомцев, которых она, возможно, больше никогда не увидит.

— Эль, пожалуйста, — обратился тот к бармену. — Мне точно нужно пропустить один бокальчик. Особенно если мы еще будем танцевать.

Последние слова он едва слышно пробормотал, поэтому Оливия их не услышала.

— Нам всем нужно пропустить по пинте после известия о нападении Анарки на МакКиннетов, приятель.

Бармен, ирландец с вьющимися каштановыми волосами, с тяжелым вздохом поставил бокал с пивом перед Марроком.

— И новости о пропаже младшей дочери Крэдока, и о том, что символ Анарки был выжжен на ее кровати... Плохи дела. Если она и вернется, то точно не захочет больше жить.

У Оливии перехватило дыхание.

— Анарки? Что это? И что сделано для того, чтобы найти эту бедную девочку?

Бармен посмотрел на нее так, будто она была идиоткой. Маррок послал мужчине предупреждающий рык.

— Спроси у леди, желает ли она что-нибудь выпить.

Ей, видимо, нужно было упрекнуть его за грубость к человеку, но бармен также проявил неуважение. Кроме того рыцарское поведение ее спутника было милым.

— Забудь. Я в порядке.

— Вопросы, которые ты задала об Анарки и этой девушке... Они принадлежат магическому миру, любовь моя, — успокоил ее Маррок.

— Они не хотят, чтобы в это были вовлечены простые люди.

— Так и есть, — произнес хозяин, когда подошел к ним. — Но, в нашем случае, никто из вас не является человеком, верно?

Маррок обернулся, слегка приспуская свой галстук. Брэм с его творческим беспорядком на голове выглядел так, будто только вышел из салона.

— Мы пришли. Теперь твоя очередь. Скажи мне, что ты знаешь о дневнике и этом долбаном символе.

— Скоро, подожди.

Колдун подхватил бокал шампанского с подноса проходившего мимо официанта и с обворожительной улыбкой предложил его Оливии. Затем он взял ее маленькую ручку и оставил мягкий поцелуй.

— Ты прекрасно выглядишь. Красный — твой цвет.

— Если ты хочешь сохранить свою руку, отпусти ее, — голос Маррока прозвучал предупреждающе.

Брэм отпустил ее ручку, хитро улыбаясь мужчине.

— Чувство собственности к новой паре... Чего и следовало ожидать. Особенно к такой очаровательной девушке.

Паре? Англичане так выражают понятие "дружба"? Учитывая ее слишком близкие отношения с Марроком, это выражение ее удивило. Он же не может говорить о ней, как о жене, ведь нет?

— Спасибо. Если я так привлекательна, тогда почему все смотрят? Это продолжается с тех пор, как мы прибыли.

— Несмотря на тот факт, что ты великолепна, ты также ле Фэй. Большинство из нас думали, что эта невероятно сильная кровная линия прервалась. Прямо сейчас они задаются вопросом, какой же мощной будет твоя сила после превращения и где я тебя нашел.

Брэм вновь посмотрел на нее. Его хитрые глаза что-то скрывали. Лучше не допускать такой ошибки... Недооценивать его... Хотя это было ясно еще с первых минут их знакомства. Внезапно она кое-что поняла. Он пытался наладить отношения с ней, имея свои причины, к сожалению, о которых она могла только догадываться.

— Она не картина, чтобы все на нее пялились, — Маррок выглядел раздраженным.

— Не намеренно, но...

— Превращение? — спросила она. — Маррок говорил о том, что я стану ведьмой. Это правда?

— Надеюсь, так и будет.

— Это... невероятно. И какие у меня будут способности?

Брэм выдохнул.

— Я не могу точно сказать. Магия зависит от человека, который ею обладает. Каждый маг или же ведьма были рождены с базовым набором сил для небольших заклинаний. Более серьезные способности начинают развиваться незадолго до превращения. И еще большая сила приходит с возрастом.

— Базовые силы? Какие, например?

— Способность накладывать заклинания на небольшие предметы, перемещать с одного места в другое — ничего особенного. После превращения твои силы действительно начнут развиваться. Они будут отличаться друг от друга, основываясь на нескольких твоих способностях. Сила, которая течет в твоей крови, имеет большое значение, она исходит из твоей кровной линии. Но способность колдовать зависит от твоих намерений и страсти. Даже если ты невероятно одаренная ведьма и очень хочешь научиться каким-нибудь грандиозным чарам, но не будешь желать этого всей своей сущностью, в действительности, ничего не произойдет. Чем сложнее заклинание, тем большим должно быть твое истинное желание получить результат.

Странно, но почему-то это все походило на реальную жизнь. Люди добивались успеха в чем-либо только тогда, когда это значило все для них. Магия, видимо, действовала по тому же принципу.

— Ты сказал "большая сила" приходит позже. Что это значит? Разве не все обладают одинаковыми силами?

— Нет. Ну, вот предположим: когда ты училась в школе, некоторые дети имели способности к математике, другие были спортсменами, а кто-то преуспел, скажем... в танцах. Некоторые дети могут обладать способностями к нескольким предметам, так?

— Конечно. Танцы и спорт — это мое. Математика... не очень.

Брэм рассмеялся.

— С магией также. Некоторые люди обладают магией сердца, как моя тетя Милли. Моя сестра Сабэль имеет несколько способностей. Например, в манипулировании людьми, —

добродушно проворчал он. — Для женщины у нее хорошо развиты навыки магического боя. Она ходячий Интернет, полный магических знаний. Но она также обладает бытовым даром. Еда всегда безупречна. Дом всегда идеален. Она может сделать все, что угодно по дому. Очень удобно.

— Маррок сказал, что мое превращение произойдет в двадцать пять. То есть мне нужно подождать, и только тогда я смогу узнать, каким видом магии обладаю?

— Боюсь, что так. Но после этого ты будешь изучать особенное волшебство, которым тебе с рождения суждено владеть.

— А какой дар у тебя?

Он слегка откашлялся.

— Это на самом деле не очень вежливый вопрос в магических кругах. Твоя особенная магия часто может быть последним шансом защититься, если на тебя нападут. Люди доверяют эту тайну только своим близким и никогда не говорят об этом с теми, в ком сомневаются. Только после того, как ты докажешь, что тебе можно верить, с тобой, возможно, поделятся. Вопрос о способностях звучит для нас так же, как, например, вопрос о зарплате для мира людей.

Волшебный мир был новым и совершенно иным местом. Ей нужно привыкнуть.

— А как будет происходить превращение?

— Трудно, ошеломляюще, возможно, даже опасно. Ты проведешь несколько ужасных дней, впитывая в себя свои силы.

Оливии все еще было нелегко во все это поверить. Где этот записанный на пленку закадровый смех? Да-да, сейчас он будет...

Ее мысли, должно быть, отразились на лице, потому что Брэм спустя мгновение добавил: — Не волнуйся. Маррок будет с тобой и сможет помочь в трудную минуту.

Интересно, и почему он так думал? Она и ее спутник всего лишь... Ладно, это было что-то большее, чем просто секс. Но это не означает, что ее чувства взаимны. Она спала с мужчиной, у которого никогда не было серьезных отношений. И этот парень хотел умереть. На него уж точно не стоит рассчитывать, потому что однажды он уйдет и ей будет чертовски больно.

Пока Брэм, ухватив парочку под руки, медленно сопровождал их по залу, Оливия чувствовала на себе пристальные взгляды остальных гостей. Хозяин дома остановился только тогда, когда они подошли к молодой паре, которая весело хохотала, обсуждая что-то свое. Милая смеющаяся парочка. Парень был поразительно красив. Загорелая кожа, шелковистые черные волосы, кончики которых едва касаются мужественных плеч, и голубые глаза...

Девушка была, наоборот, миниатюрной. Ее золотые кудри красиво обрамляли по-детски надутые щечки. Они держались за руки, как подростки, выглядя беспечными и невероятно счастливыми даже от того, что находятся рядом друг с другом.

Мысли Оливии пронзила небольшая вспышка зависти.

Рядом с ними стояла богиня во плоти. Слов не хватит описать, насколько красивой была эта девушка. Единственное, в чем Оливия могла с ней сравниться, так это в росте. Тем более... она буквально купалась в своем роскошном наряде и золотых украшениях. Ее светлые и блестящие не хуже солнца волосы мягкими волнами спадали на грудь. Голубые глаза были наполнены задором и умом. Хорошие гены также наградили ее ямочками на щеках, грацией, которая даже балерину заставит расплакаться, и практически идеальным

телом. Даже ее легкое струящееся платье выглядело так же, как на обложках модных журналов. Неудивительно, что практически каждый мужчина в этой зале наблюдал за ней.

Рядом с ней Оливия чувствовала себя старой ведьмой из сказки "Белоснежка", с бородавками на носу и всякими такими «радостями».

— Оливия, Маррок... Это мои друзья Лукан МакТавиш и его... жена, Анка.

Брэм протянул руку в приветствии. Лукан улыбнулся и пожал ему руку.

— Мне пора варить тебе зелье от склероза, братец? — вежливо вмешалась та самая богиня.

Брэм рассмеялся.

— Как будто кто-то может о тебе забыть. Это моя сестра, Сабэль.

— О! Вы присматриваете за моим магазином. Я даже не знаю, как Вас отблагодарить. Как там обстоят дела?

Оливия уже успела соскучиться по своей галерее, но с Сабэль, присматривающей за магазинчиком последние два дня, она могла не беспокоиться. После телефонного разговора, девушка знала, что ведьма была более чем квалифицированной помощницей. Невероятно, насколько ценными могут быть вековые знания. Если бы она имела хотя бы половину очарования Брэма, у дверей ее галереи стояла бы толпа покупателей.

— Та маленькая новаявленная галерея? Теперь на ее месте известный магазин предметов искусства. Новость о резных статуэтках Маррока мгновенно разошлась по городу. Люди обожают его работы.

Мужчина пожал плечами, как будто этот комплимент не имел для него никакого значения. Но Оливия заметила небольшую вспышку гордости в его глазах и взяла его за руку.

— Он невообразимо талантлив, — добавила она.

— Да, так и есть. Только за сегодняшний день я продала больше тридцати статуэток, — произнесла Сабэль.

— Тридцать?

Она схватила Маррока за рукав.

— Я ведь говорила! Я знала, что они будут продаваться.

Оливия вновь обернулась к Сабэль.

— Я планирую вернуться в магазин через день-два.

— Через неделю-две, — произнес Маррок.

Оливия толкнула его локтем в бок.

Звонкий смех пролился из уст Сабэль. Черт возьми, даже ее смех был безупречным.

— Я с удовольствием присмотрю за галереей. Я люблю искусство и людей. Это для меня что-то новое. Правда. Отдыхай столько, сколько потребуется.

— Я не слишком навязчива?

— Я тебя умоляю. Ты спасаешь меня от нудного времяпровождения под его пристальным взглядом, — она указала на Брэма. — Мне стоит приплачивать за твою работу телохранителя!

— Очень смешно, сестренка.

Спустя некоторое время они покинули общество молодых людей, и Брэм провел их вглубь толпы. Двое мужчин, противоположных во всем друг другу, стояли в углу, вполголоса разговаривая о чем-то своем.

— Если это что-то вроде программы для бедных и неприкаянных, ты можешь уйти, — прокрипел неряшливый амбал.

— Я просто предположил, что в такие времена, возможно...

Брэм слегка откашлялся. Их разговор прекратился, и оба собеседника одновременно обратили свои взгляды на Оливию.

Прекрасно. Разве это не должно выходить за рамки этикета?

Мужчина справа от нее был очень приятным, вежливым. Каждая пора его безупречной кожи и каждая мелочь в его одежде кричала о том, насколько он богат. Очень богат. Он выглядел, как модель известного глянцевого журнала. Его черные, приведенные в безупречный беспорядок, волосы и стрижка за 200 долларов подчеркивали его непревзойденный шарм. Не смотреть на него, казалось, было невозможным.

— Ваше Высочество, это мисс Оливия Грей и Маррок Кэдбери, — произнося эти слова, губы Брэма слегка подрагивали от едва сдерживаемой улыбки.

— Оливия, Саймон Нортам, герцог Харстгрова.

Настоящий живой герцог? Святые небеса! Она ненавидела чувствовать себя несмышленной американкой в таких вещах. Как же его правильно поприветствовать?

— Рада познакомиться.

Он кивнул ей, пожал руку Марроку и повернулся к Брэму.

— Обойдемся без формальностей. Ты знаешь, я их не люблю.

У него был настолько британский акцент, какого не встретишь ни у одного коренного жителя столицы.

— Зовите меня Герцог, — обратился к ней Нортам. — Как по мне, это лишь слово, а не титул.

Оливия не поняла, что он пытался донести, хотя неважно.

— Невероятно.

Он смотрел на нее так, будто она была бесценным произведением искусства.

— Ле Фэй передо мной и во плоти. Я даже не думал...

Она вздохнула.

— Как Вы узнали?

Герцог наградил ее удивленным взглядом.

— По Вашей магической подписи, конечно же.

Прежде чем она успела спросить о том, что это такое, одетый в кожу мужчина слева попытался улизнуть. Но Брэм вовремя ухватил его за украшенную размашистыми татуировками руку.

Он выглядел кем-то средним между байкером и моряком, большим и сильным. Жилетка цвета хаки грозилась разойтись по швам, когда он снова расправил плечи. Его бицепсы были расписаны различными узорами. Его чернильно-черные волосы густой копной спадали на плечи, а глаза были скрыты за черными солнцезащитными очками.

— Ты ведь не хочешь показать себя грубияном перед нашими гостями, Шок, — упрекнул мужчину Брэм.

— А почему нет?

Колдун вздохнул.

— В твоем лексиконе есть такое слово, как "вежливость"?

— Нет, но зато есть "пошел на хрен".

Затем он снова попытался вырваться, но Брэм лишь ухватил его покрепче.

Оливия вдруг почувствовала желание, чтобы он перестал заставлять Шока оставаться. Байкер/моряк ясно дал понять, что не хочет здесь находиться. Для нее было очень неудобно

и где-то стыдно за тот факт, что хозяин хотел насильно их познакомить.

Вдруг Шок прорычал: — Ты заставляешь ее чувствовать себя некомфортно, и она думает, что ты должен отвалить.

Брэм в удивлении приподнял бровь.

— Как ты узнал об этом?

— Она же не умеет скрывать свои эмоции! Она буквально выкрикивает вслух свои мысли.

Серьезно? Оливия опустила глаза в пол.

— С меня довольно социального взаимодействия, — прорычал Шок. — Я пришел, чтобы свергнуть Анарки, а не заводить друзей.

Освободив свою руку, Шок прошел к противоположной стороне залы и облокотился о стену своей могучей спиной. Даже за этими очками его бдительный взгляд с легкостью мог прожечь в ней дыру.

— Ну вот, чего и следовало ожидать. Он весь вечер вел себя слишком хорошо.

Сарказм Герцога было невозможно не заметить.

— Действительно, — вздохнул Брэм.

— Давайте двигаться дальше.

— Было очень приятно с Вами познакомиться, — обратилась Оливия к Герцогу и последовала за колдуном, который подводил их все ближе к центру залы.

— Хватит.

Маррок обернул свою руку вокруг ее талии, чтобы остановить их, и слегка наклонился к Брэму.

— Я пришел сюда только из-за дневника. Расскажи мне все, что ты знаешь.

— Сперва Оливия должна познакомиться еще с некоторыми людьми. Пойдемте со мной.

Брэм взял ее за руку и мягко выпутал спутницу из объятий Маррока. Затем он положил ее ладонь на свою, привлекая девушку ближе к себе. Он смотрел на нее как-то оценивающе. Что-то было не так. Однако она не была слишком расстроена, когда Маррок взял ее за плечи и мягко оттолкнул в сторону, вклиниваясь между ней и Брэмом.

— Прикоснешься к Оливии снова, и я разорву тебя на мелкие кусочки.

Несмотря на кровожадное предупреждение, собственнический тон Маррока ее порадовал. Ей не следует на него давить. У него были столетия, чтобы мучиться таким чувством, как неразделенная любовь — поэтому он решил избегать его.

Прокрутив в памяти его поведение минуту назад, она так и не смогла понять, почему он так ошетинился. Но она обожала его желание ее защитить. Он заставил ее почувствовать себя особенной. Разве такое можно игнорировать?

Брэм усмехнулся.

— Я не намерен ее похищать. Мне просто необходимо осведомить ее о том, что ее ожидает. Она нуждается в этом.

Внезапно колдун остановился перед дверью и повернулся к девушке. Выдержав интригующую паузу, он продолжил:

— Ты искала кое-кого...

Он открыл дверь, чтобы явить ее взору незнакомца. Но его глаза сказали ей о том, что тот не был ей чужим. Она узнала это лицо — именно его она видела ранее на картине в плаще члена Совета.

— Ричард Грей? — тихо спросила Оливия.

На его висках давно проступила седина. Его одежда была красивой. Настоящий европеец. Как будто только что сошел со страниц журнала GQ. Кроме фиолетовых глаз, у них обоих была очень светлая кожа и черные волосы. Глядя на него, она с уверенностью могла сказать, что видит мужскую версию себя в тридцать лет.

— Я понимаю, что опережаю события, но ты можешь звать меня отцом.

Он послал ей извиняющуюся улыбку. О. Мой. Бог.

— Это действительно ты?

Когда он одобрительно кивнул, Оливия почувствовала, как вспышки восторга стали курсировать где-то в груди. Наконец-то отец, встречи с которым она ждала всю жизнь, был здесь. С ней! Она старалась не расплакаться, но когда все перед ее взором стало расплываться, она поняла, что ее затея с треском провалилась. Девушка отчаянно хотела его обнять, но получит ли она ответные объятия? Ее собственная мать никогда добровольно к ней не прикасалась. Оливия всегда надеялась, что ее папа сможет восполнить все пробелы в воспитании, но кто знал, что именно так и будет? Сейчас его отказ ее раздавит.

— Я счастлива, что мы наконец встретились, — она протянула в приветствии руку.

Ричард схватил ее и, притянув к себе, крепко обнял. Радость, казалось, заполнила каждую клеточку ее тела. Ее поиски были завершены. Перед ней стоял отец, и он впервые держал ее в своих объятиях.

— Как ты его нашел? — застыв на месте, спросил Маррок Брэма.

— Несколько месяцев назад я дал слово, что сделаю все, чтобы найти Ричарда, но до сегодняшнего вечера ничего о нем не слышал. Он появился всего час назад.

— Ты должен был нас предупредить, — прорычал гость.

— Не было времени, — прошептал колдун.

Оливия, услышав разговор парней, слегка нахмурилась и спустя мгновение обернулась к отцу.

— Я искала тебя. Я даже переехала в Лондон, чтобы тебя найти.

Его глаза наполнились сожалением, когда он погладил ее по спине.

— Я рад этому. Я все еще люблю тебя, несмотря на разделившие нас расстояние и года. Мне так сильно хотелось увидеться с тобой. Но твоя мать...

Да уж, отец-колдун был хорошим объяснением, почему ее мать так ярко не верила во все паранормальное.

— Я видела письмо, которое ты написал ей, спрашивая обо мне.

— Она получила его?

Оливия кивнула.

— Но мама не распечатала его, только спрятала в задней части комода. Я не знала о нем, пока она не умерла.

— Ее смерть опечалила меня. Мне жаль.

Казалось странным, что этот человек, которого она никогда не встречала, был так близко знаком с ее матерью. Она задалась вопросом: как он узнал о ее смерти. Может быть, как-то с помощью магии.

— Спасибо. На самом деле мы не были с ней очень близки.

Ричард, нахмурившись, перевел взгляд на появившегося рядом Маррока, но затем вновь переместил его на свою дочь.

— Ты, должно быть, рано познакомилась с магией. Барбара, наверное, была этому

совершенно не рада.

Оливия отрицательно покачала головой.

— Мы... даже не касались этой темы.

— Но ведь у тебя есть способности. Несмотря на фамилию Грей, мы принадлежим роду ле Фэй. В нашей жилах вместе с кровью течет могущественная магия. У меня еще в детстве проявились сверхъестественные способности. Конечно же, и ты должна была почувствовать их проявление.

Иногда фрагменты ее снов становились явью, но по телевизору она видела передачи о том, что у других людей это случалось также часто.

— Совсем немного. Не считая того, что мы с Марроком видели один и тот же сон.

— Сон друг о друге?

Надеясь, что никто не заметит, как она покраснела, девушка кивнула.

— Когда? — спросил он.

— Несколько дней назад. В ночь перед тем, как мы встретились.

Ричард нахмурился вновь.

— Иногда женщины зовут свою пару, используя сны. Если у тебя был сон о нем, то магия твоего сердца привела тебя к нему.

Оливия вновь обратила внимание на это слово: пара. И он так говорил об этом, как будто они были мужем и женой.

— Что ты имел в виду, говоря слово "пара"?

Брэм, услышав это, сразу закашлялся. Оливия слегка повернулась в его сторону и посмотрела на него. Она заметила, что Маррок очень рассердился из-за всех так стремительно развивающихся событий.

— Священная пара, — ответил ей отец, как будто это все объясняло.

Она резко повернулась к нему лицом.

— В смысле "пока смерть не разлучит нас" или что-то вроде того?

— Да.

Учитывая его сожалеющий тон, ее отец не был этому рад.

Означает ли, что чары внушили Марроку быть с ней, потому что он не мог допустить этого по своей воле? Будет ли существовать его желание к ней без магической связи?

Господи, если новости когда и могли выбить у нее почву из-под ног, то именно сейчас это и происходило.

Она впилась взглядом в своего спутника. Его лицо не выражало никаких эмоций, но именно отсутствие удивления ее буквально взбесило. Он знал, что они были парой, и не сказал ей об этом.

Гнев, усталость и неопределенность смешались в один невообразимый коктейль, который, как яд, начал разноситься вместе с кровью по сосудам. Она чувствовала себя как выжатый лимон... или как будто ее избил бессмертный воин. Но она все это обсудит с Марроком позже. Наедине. Хоть ей и было чертовски трудно сдерживать в себе всю накопившуюся ярость и чувство унижения, сейчас было неподходящее время и место для ссоры. После вечеринки у них произойдет первое выяснение отношений в так называемом браке. Она сможет дождаться и уж тогда... Спустя пару секунд она обернулась к Брэму.

— Ты знал об этом, когда знакомил нас?

— То, что вы станете парой? Нет. Я знал только о том, что ты ле Фэй и можешь помочь Марроку разрушить его проклятие.

Конечно. Вот она причина, по которой ее спутник завел этот "романчик".

— И зачем тебе было ему помогать?

Брэм улыбнулся в ответ и произнес: — Он знает, что мне нужно взамен.

— Но ведь тебе еще рано иметь супруга, — вмешался в их разговор ее отец.

Оливия нахмурилась. Они же не регистрировали свои отношения с тех пор, как она познакомилась с Марроком.

— То есть?

Ричард, видимо, почувствовал ее гнев, так как его голос теперь звучал успокаивающе.

— Родители обычно оберегают своих еще совсем молодых детей от образования брачной связи до тех пор, пока они не примут полностью свои силы. В противном случае, это может быть слишком опасно.

Опасно? Она мысленно вернулась в ту ночь, когда они с Марроком впервые занялись сексом. Она чувствовала слабость, и он тогда был источником её силы. Что-то внутри нее заставило произнести те слова. Незнакомые слова. Слова, которые, как назойливые мухи, вертелись в ее голове — все это в дополнение к происходящему в данный момент полностью спугало ее мысли, эмоции и воспоминания в один несуразный клубок. После того, как Маррок прикоснулся к ней, слова просто собрались в предложения и... она просто была неспособна не произнести их вслух. Видимо, эти фразы были магическим воплощением брачных клятв.

— Я не знала, что заключать подобный союз, прежде чем я переживу превращение, опасно. Мама, конечно же, никогда не говорила мне о том, когда мне не стоит связывать себя брачными узами, и так как это наша первая встреча, немного неуместно давать мне отеческие советы по поводу замужества.

Ричард опустил голову.

— Я не был тебе отцом все это время. Мне жаль.

Его полный сожаления голос заставил ее почувствовать себя бессердечной сукой, но в ее голове все еще вертелся один вопрос.

— Если ты знал обо мне, где ты был последние двадцать три года?

— Твоя мать... — вздохнул он, — бросила меня.

Оливия нахмурилась.

— Она запретила тебе видиться со мной?

Ричард взглянул на Брэма так, будто просил оставить их наедине, но молодой колдун даже не сдвинулся с места. За своей спиной девушка почувствовала непоколебимое присутствие Маррока.

— Да, — пробормотал ее отец, — ты была зачата в опасное для меня время и... Нет, я должен начать свой рассказ с более ранних времен. Я так полагаю, ты ничего не знаешь об истории магии?

— Хорошее предположение.

— Четыреста лет назад, злой колдун по имени Матиас д'Арк собрал последователей идеи разрушения действующего жизненного уклада в мире колдовства. Он назвал своих приспешников Анарки.

— Зачем ему нужна была анархия?

Он еще раз внимательно посмотрел на Брэма.

— Мир магии поделен на Избранных и Лишенных. После нескольких ужасающих смертей около пятисот лет назад Совет принял Закон о Социальном Порядке, который

поставил вне закона всех магов и ведьм, которые могли навлечь на большое количество людей и существ, наделенных способностями, болезни или же другие различные угрозы. На самом же деле страдали те, кто когда-либо производил на свет ведьму или колдуна со склонностью к насилию. Вскоре зажиточные семьи стали терять свои рабочие места и оказались в нищете. Наиболее богатые из них просто заплатили некоторым членам Совета, чтобы избежать упадка. Гнев, раскол и поиск виновных стали нормой для этого мира. С тех пор мир колдовства был разделен.

Магическая раздробленность?

— Матиас появился спустя сто лет после Закона. Его философия сделала его своеобразным Карлом Марксом мира магии, а его приспешников-Анарки — большевиками. Он хотел уравновесить структуру власти и сделать всех равными.

— Но ведь это не то же самое, что и нести с собой хаос.

— Для Избранных так и есть. Он не заботился о том, сколько колдунов, ведьм или недолюток он убьет, чтобы достичь своей утопии, — прорычал Брэм.

Ричард снова вмешался в разговор:

— Не все поняли это сразу. Угнетенные устали от бедности, от полного неуважения, которое чаще всего происходило по абсолютно не зависящим от них причинам. У них не было семейных привилегий. Их стремления предоставить своим детям больше возможностей в жизни были перечеркнуты в один миг. Многие рассказывали о том, как больно смотреть на своего ребенка и знать, что он или она обречены на сотни лет предрассудков и нищеты.

— Именно поэтому я всегда ходатайствовал об изменениях в системе, — заметил колдун. — Я согласен с тем, что изначально Совет допустил ошибку, создавая Порядок. Но он может все исправить.

Ее отец лишь усмехнулся в ответ.

— Бред. Члены Совета только и занимаются тем, что препираются друг с другом. Он состоит только из таких Привилегированных, как ты, которым никогда не понять того, что испытывают Лишенные.

— Изменения в мировоззрении людей, которые склонны доверять только опыту прошлых поколений, не может произойти по одному щелчку пальцев.

— Мы были "снисходительны и терпеливы" несколько столетий.

— Разве из-за терпеливости ты перешел на сторону Матиаса? Тебе нравятся хреновы последствия этой войны?

Отец Оливии откровенно проигнорировал высказывание Брэма и обратился к ней.

— Двести лет назад я увидел, что в действительности представляет собой Матиас, и помог ему отправиться на тот свет, но заплатил за это слишком большую цену. Анарки лишились своего лидера — символа, который их объединял. Они захотели отомстить и начали преследовать меня. Поэтому я бежал из Англии.

— Ты переехал в Америку? — предположила вслух Оливия.

Он кивнул.

— Я встретил твою мать и убедил ее вернуться вместе со мной в Англию. Мы были счастливы первое время, пока Анарки меня не нашли. Это произошло через некоторое время после того, как ты была зачата. Когда на нас напали, я был вынужден раскрыть свои способности перед твоей матерью, чтобы защитить нас.

— Она не знала? — Оливия почувствовала, что как округлились ее глаза. — Она, наверное, пришла в ужас от увиденного.

— Совершенно верно. Это было началом конца. Я попытался объяснить все и умолял ее остаться со мной.

Он замотал головой.

— Она не хотела ничего слушать и попросту сбежала. Я не знал о том, что она беременна. Я еще около трех лет ничего не знал о твоём существовании, и только потом, когда у меня была стычка с одним из Анарки, он сказал мне, что они пытались убить мою дочь.

— Анарки хотели меня убить?

— Потомка моей кровной линии? Да. Использование моих сил, чтобы свергнуть их лидера, послужило началом для охоты на всех, кто имел хотя бы малейшую родственную связь со мной.

Оливия замолчала, стараясь вникнуть во всю эту фантастическую информацию. Менее недели назад она была нормальной одинокой американкой, живущей в Лондоне. А теперь она была парой проклятого бессмертного, ищущего свою гибель, и потомком одной из наиболее сильных родословных в истории магии. Ох, и она была живой мишенью. Жизнь прекрасна.

Интересно, о чем из всего этого Маррок был осведомлен?

Она обратила на него вопрошающий взгляд, но он не выглядел слишком удивленным.

— Это объясняет, почему мы, когда я еще была совсем маленькой, так часто переезжали. Мама внезапно решала собрать все вещи в съемном доме, в котором мы жили, грузила все в ее крошечную машину, и мы уезжали так далеко, что буквально вся ее последняя зарплата уходила на бензин. Я всегда думала, что она сошла с ума.

— Она была осторожной, — дополнил Ричард, — и старалась защитить тебя.

О, да. Если ее мать и делала что-либо для нее, то только потому, что это был ее долг. Барбара ежедневно напоминала дочери о сложностях, которые переживает из-за нее, и жертвах, на которые она идет ради нее же. Оливия могла поклясться, что эта женщина обвиняла ее в каждом переезде — обязательном мероприятии, чтобы сохранить свою дочь в безопасности. Неудивительно, что она отказывалась говорить с Оливией о Ричарде Грее, даже на смертном одре. До последнего она чувствовала ответственность за ее безопасность.

Девушка вновь резко развернулась.

— Она винила меня за то, что я разрушила ее жизнь, и сейчас я знаю почему.

Ричард положил руку ей на плечо и мягко сжал.

— Барбара не была бесчувственной женщиной. Я уверен, она хотела тебя любить, но боялась за себя и тебя сразу одновременно. После того, как она увидела, на что я способен, она испугалась, что ты унаследуешь мои способности. Она опасалась этого так же, как и самих Анарки.

Когда слезы потекли по ее щекам, размазывая тушь, Оливия подумала, что Ричард прав. Она готова была простить его, но в то же время внутри нее бурлил гнев. Почему ее мать никогда не говорила о том, что любит свою дочь? Хотя бы один раз?

— Значит, мама никогда не рассказывала тебе обо мне и отказывалась отвечать на твои письма, потому что не хотела подвергать меня опасности?

— Я уверен в этом. Я поклялся сделать все возможное, чтобы уберечь вас обоих. Я пообещал бы ей звезду с неба, если бы верил, что это сможет помочь. Мне хотелось вернуть свою пару.

Оливия вздохнула.

— Вы были связаны?

— Детей значительно легче зачать в магическом мире, если вы — пара.

Ох. Неужели это означало, что они с Марроком вскоре могут стать... магическими родителями?

Брэм прошептал ей на ухо:

— На самом деле ты, наверное, будешь удивлена, но вы не можете зачать ребенка до твоего превращения.

Его ответ принес некоторое облегчение. Сейчас было не самое подходящее время для материнства.

Маррок нахмурился.

— Как такое возможно, что твои родители находились долгое время в разлуке без всяких... побочных эффектов?

— Болезнь, которую почувствовала Оливия из-за разлуки с тобой, стала результатом того, что она связала себя брачными узами до превращения. Это важный момент в ее жизни, и она нуждается в большом количестве энергии. Как вечный голод, который чувствует подросток, когда находится в переходном возрасте. Твоя жизненная сила будет поддерживать ее состояние. Мать Оливии была человеком и не переживала из-за отсутствия отца, за исключением раздражительности и... Она была не в состоянии... эм, разделять интимную близость с другим мужчиной, но она была здорова.

Она чувствовала себя так плохо, потому что была связана, но все еще не была ведьмой? И снова Маррок не выглядел удивленным. Значит, она нуждалась в том, чтобы Маррок ее как-то поддержал. Значит, он был как никогда серьезен, когда говорил о том, что ей нужен частый секс? О чем еще он ей не рассказал?

Ричард перевел взгляд на Маррока, а затем взял Оливию за руку.

— Матиас вернулся. Твой спутник выглядит сильным мужчиной, но он все еще человек.

— В каком-то смысле. Он бессмертен, — уточнила она. — Он был проклят Морганной...

— Так это ты? Ты Маррок Кэдбери?

Ричард знал его имя? Может, он что-нибудь знал и о его проблемах?

— Да, — настороженно ответил Маррок.

Оливия привлекла внимание отца к себе, чтобы задать следующий вопрос.

— Что ты знаешь о его проклятии? Что это за символ... эм, на картине, где ты в плаще Члена Совета?

Ее отец вопросительно посмотрел на спутника дочери, как будто увидел его совершенно в другом свете.

— Ты видела картину?

Оливия кивнула. Она точно могла сказать: ее отец что-то знал.

— Символ имеет смысл только, если ты видела Книгу Судного Дня. И ты ее видела, не так ли?

Перед ее глазами предстала картинка о Марроке, держащем эту книгу. Она раскрыла рот, чтобы прошептать это своему отцу, но Брэм коснулся ее щеки и закрыл глаза. Когда он открыл их, искорки триумфа блеснули в его внимательных зрачках.

Маррок обхватил ее за плечи и слегка оттолкнул.

— Она ничего не знает.

— Конечно же, нет.

Но колдун злорадно улыбнулся.

Ловким движением Маррок вновь оттолкнул ее за спину и со всей присущей ему злостью, отразившейся на его мужественном лице, стал надвигаться на колдуна.

— Держи свои грязные лапы подальше от нее.

Ричард слегка откашлялся.

— Это не имеет значения. Способности Брэма в этой области предполагают прикосновение, но любой, кто обладает истинной способностью читать мысли, знает о том, что Книга Судного Дня у тебя. Так или иначе, я предполагал такой вариант развития событий. Хоть легенда и гласит, что человек, который заплатил за кражу книги, исчез с этой земли за свои грехи, я вижу, что это не соответствует действительности.

Маррок одарил его леденящим кровь взглядом, но ничего не сказал.

— Я сохраню твою тайну, но другие здесь присутствующие... Я могу и чувствую как минимум нескольких существ со способностью слышать мысли, которые только что громко и четко услышали то, о чем она подумала.

Невнятно пробормотав проклятия, Маррок посмотрел на Брэма.

— Исправь это.

— Невозможно. Что сделано, то сделано.

Отец нежно обхватил рукой плечо дочери.

— Дорогая, ты должна будешь научиться не кричать так четко о своих мыслях. Многие в этом доме знают, что ты сейчас зла на Маррока, счастлива встретиться со мной и пытаешься разрушить проклятие своего супруга с помощью Дневника Апокалипсиса.

Оливия почувствовала, как жар буквально распространяется по венам, когда она сделала несколько шагов и встала рядом со своей парой.

— Не стоит стесняться, — заверил Брэм.

— Ты еще молода и не обучена. Ты научишься...

— Не с тобой.

Расправив свои плечи, Маррок подошел ближе.

— Ты обещал, что, если мы придем, ты расскажешь нам о том, что ты узнал из дневников своего деда. Мы выполнили свою часть сделки. Сейчас самое время тебе выполнить свою.

Брэм, казалось, обдумывал, что следует сказать, а о чем умолчать. Оливия могла чувствовать ярость Маррока. Ему не нравилось, когда им пытались манипулировать, но колдуна не заботило это, ведь он намеревался получить то, чего хотел.

В конце концов, он произнес: — Согласно записям Мерлина, символ является ключом, который открывает дневник. Если быть точнее, двумя ключами. Неизвестно как, но символ был разделен на две части; если вновь соединить его и вставить в Книгу Судного Дня, она откроется.

— Где эти ключи?

Брэм пожал плечами.

— Морганна передала их своему сыну перед тем, как ее изгнал Мерлин. Никто не знает, что он с ними сделал. Никто не видел их в течение тысячи лет.

Ричард вновь вмешался в разговор.

— Мы можем обсудить это позже. Сейчас у нас есть более важные дела.

Он повернулся к Марроку.

— Ты был великим воином Артура. Некоторые считают, что ты можешь быть великим

воином всех времен, но Брэм прав. Оливия нуждается в защите от Матиаса. Ты не колдун. Ты никого не сможешь остановить.

Маррок слегка прищурился.

— Я всегда смогу уберечь свое. Я могу не быть магом, но, благодаря твоему предку, я непобедим.

— Твое проклятие может уберечь тебя от гибели, но это не остановит Анарки. Они могут пробраться в твой дом, обездвигить тебя и забрать Оливию вместе с книгой. Если ты и увидишь ее когда-нибудь снова, она уже никогда не будет прежней.

Маррок вздрогнул и сжал кулаки.

— То, что Матиас может сотворить с женщиной... — произнес Ричард.

— Я знаю, на что способен.

— Тогда позволь ей уйти со мной. Я осведомлен, как действуют Анарки. Я смогу защитить...

— Нет. Я нужен Оливии. Без меня она ослабнет. До тех пор, пока я не понял это, она уже была практически одной ногой в могиле. Я не подвергну ее снова такому аду.

— Мы с удовольствием организуем для тебя безопасные посещения. Но позволь мне ее спрятать.

— Нет.

— Ты рискуешь ее жизнью, чтобы не нанести ущерб своей гордости, — повысил тон разговора ее отец. — Если бы не научился скрываться от Анарки, я давно был бы уже мертв.

— Без меня она умрет. Обеспечивать безопасные посещения может быть слишком сложно или слишком поздно.

Маррок был непреклонен; он не будет стоять в стороне.

— Ты меня вообще слышишь, упрямый воин? — прорычал Ричард. — Она моя дочь и...

— Она моя пара. Ты не мог объявить ей о своем существовании в течение двадцати трех лет. Почему кто-то из нас должен поверить, что сейчас ты искренне заботишься о ее благополучии?

Он сбросил руку Ричарда с плеча девушки. Оливия нахмурилась.

— Маррок, разве мы не можем решить все это мирным путем? Я всю свою жизнь ждала встречи со своим отцом. Если он знает, как скрыться от Анарки, может, мы хотя бы выслушаем его?

Ее воин оставался непреклонным.

— Ты ждала, потому что он не приезжал к тебе. И какой он после этого отец? Ты не можешь вручить свою безопасность в руки того, кто даже не обременял себя мыслями о встрече с тобой.

— Он скрывался, стараясь уберечь нас от опасности.

— Все это отговорки.

— А ты, а? Ты умолчал о том маленьком факте, что я замужем за тобой.

Маррок схватил ее за плечи в свои огромные, но удивительно нежные руки.

— Тебе было плохо, и я боялся, что ты не переживешь такую новость, если я огорошу тебя ею сразу после пробуждения.

— Вчера, возможно. Сегодня я в порядке. Это просто отговорки. Почему я должна верить тебе?

— Потому что я твой супруг и буду защищать тебя до последнего вздоха. Это ты знаешь.

— Разве?

Маррок был с ней не потому, что заботился о ее благополучии. Нет. Он находился рядом только потому, что его обязывали к этому проклятие и брак. Он никогда не говорил о своих чувствах к ней. Господи, какой же беспечной она была.

— Да.

Маррок ошетинился, а затем указал рукой на ее отца.

— А что ты знаешь о нем?

Они вернулись в особняк. С того времени, как они покинули вечеринку, никто из них не произнес ни единого слова.

Водитель Брэма высадил их перед усадьбой, поэтому им еще предстояло немного пройти. Маррок пристально наблюдал за шедшей на невообразимо высоких каблуках Оливией, готовясь в любую секунду ее подхватить. По крайней мере, так он сможет к ней прикоснуться. Она буквально взлетела по ступеням дома. Учитывая все, что ему предстояло услышать сегодня, Маррок полагал, что впереди его ждало нечто ничуть не лучшее.

— Погоди!

Она даже не обернулась к нему, когда дошла до двери.

— Что?

Он взял ее за руки, прежде чем она смогла прикоснуться к дверной ручке.

— Мы должны быть осторожны. Позволь мне удостовериться, что в доме никого нет, до того как ты войдешь внутрь.

Она окатила его безразличным взглядом.

— Если ты был так чертовски озабочен тем, что кто-то может найти твоё жилище, возможно, ты должен был, в конце концов, послушать моего отца, вместо того чтобы грубить. Он знает, как избежать встречи с Анарки. Но нет же, ты повел себя как горделивый засранец и посчитал, что достаточно силен, чтобы сразиться со всеми.

Маррок стиснул зубы и слегка оттолкнул ее в сторону. Открыв дверь, он зашел в дом и... ничего не почувствовал. Сомнительно, что головорезы Матиаса могли пройти сквозь магическую защиту, но на всякий случай... Его инстинкты сказали ему о том, что они были одни, а инстинкты не раз спасали ему жизнь, когда он был обычным смертным. Тем не менее, лучше удостовериться во всем своими глазами.

Тихо он вошел в дом и включил свет, быстро проверяя маленький домик, каждую комнату, каждый шкаф. Ничего.

Он вернулся к входу, где все еще ожидала Оливия, которая выглядела более чем раздраженной.

— Ты вообще меня слышал? — воскликнула она, когда он вернулся.

— Да и я много чего слышал сегодня о Ричарде Грее. Он знает не только как избежать встречи с Анарки, но и как обернуть правду в свою пользу. Все выглядит очень убедительно, так как сейчас он проявляет к тебе интерес, ведь ты знаешь, где находится Дневник Апокалипсиса.

Оливия захлопнула дверь.

— Брэм только что сам его нашел. Ричард не мог предугадать то, что я знаю о Дневнике.

— Колдун связывался с твоим отцом однажды, находясь в поисках информации о Дневнике. А затем, о чудо, они двое внезапно снова начинают общаться как раз тогда, когда ты буквально мысленно кричишь всем и каждому о том, что эта книга у меня. Не

сомневайся, если об этом узнают Матиас и Анарки, нас ждет кровавая битва.

— Это была случайность! Чего ты хочешь, извинений на крови?

— Конечно же, нет. Я понимаю, что ты ничего не знала о магических способностях, но я не отпущу тебя с незнакомцем, даже если вы с ним связаны одной родословной. Ты ничего не знаешь о его прошлом, пристрастиях или характере.

— Но он доказал, что сможет отвадить от меня этих монстров.

— Так вот как ты хочешь провести свою жизнь? В бегах?

Она медлила с ответом.

— Нет, но я хочу жить.

— Я тоже хочу, чтобы ты жила. Я хочу помочь тебе.

Он сжал ее руки в своих больших, слегка грубых ладонях.

— Я хочу, чтобы моя пара верила в то, что я смогу о ней позаботиться.

Оливия высвободилась из его хватки.

— Да? Хорошо, я тоже хочу мужчину, которому смогу доверять. Тому, кто потрудился бы рассказать мне о том, что мы связаны. Было бы неплохо, если ты также позволил бы мне самой принять решение о том, где я нахожусь в безопасности, так как я взрослая женщина. Если бы я составила список наиболее привлекательных черт в человеке, вводить в заблуждение и контролировать все и вся в нем точно не было бы, приятель.

— Когда ты была слаба и только выздоравливала, я не мог позволить себе оглушить тебя этой правдой. Мне самому трудно поверить в силу нашей связи.

— Спустя десять минут после того, как я проснулась, да. Понимаю. Однако что останавливало тебя сделать это в течение последних сорока восьми часов? Или ты просто забыл?

— Нет. Это... сложно объяснить.

— Да, конечно. Так трудно признать, что ты со мной только потому, что думаешь, будто я твоя возможность снять проклятие.

— Это не так.

Она уперла руки в бока.

— Действительно? Тогда что заставило тебя ответить на мою Клятву Пары?

— То же самое, что, я предполагаю, заставило тебя ее произнести — невозможность устоять.

Оливия задумалась над тем, есть ли хоть капля правды в его словах. Она так отчаянно хотела ему верить, что это желание причиняло физическую боль...но она не могла позволить себе такую роскошь.

— Ты знал, что значат слова, которые я произнесла? Уверена, что нет.

Он выдохнул.

— Знал.

Ее челюсть едва не повстречалась с полом.

— И ты не был шокирован?

— Был.

— И ты ничего не сказал, не задал никаких вопросов?

Она нахмурилась.

— В тот момент ты думал, что я Морганна. Ты верил, что связываешь себя с женщиной, которая тебя прокляла? Несмотря на твои протесты, ты ответил на мою Клятву, потому что предполагал использовать это, чтобы снять свое проклятие. Я отдала тебе... — запнулась

она, стараясь восстановить дыхание, — всю себя. Я ничего не значила для тебя, была лишь средством для достижения цели.

Он осмотрел ее своими ярко-голубыми глазами.

— Какая бы ни была эта связь между нами, она есть. Я тоже ее чувствую.

— Ой, какие красивые слова, — с насмешкой произнесла она. — Единственная вещь, которую ты чувствуешь, это то, что я ключ к твоей свободе. Вот что я скажу тебе, мудак, — пошел ты нахрен.

Оливия вышла из комнаты, все еще не веря в то, какой облик приняла ее жизнь.

— Ты умрешь без моих прикосновений, — сказал он ей вслед, — потому что ты моя супруга и еще не обрела свои силы. Тебе нужно заниматься сексом со мной, чтобы восстановить свою энергию.

Ни единого слова о том, что чувствует его сердце. Ничего о том, как он наслаждался сексом с ней или о том, что заботился о ней. Этого не было, и она будет полной дурой, если позволит себе поверить в фантазию о том, будто между ними что-то есть.

Неудивительно. Он никогда не был с кем-то в отношениях. Он привык заботиться лишь о чувственности. Она практически поблагодарила его за то, что он открыл ей глаза; она не допустит такой ошибки в следующий раз.

Расправив плечи, Оливия сказала: — Я лучше умру, чем позволю тебе использовать меня снова.

Глава 10

Незаметно прошло несколько часов, и Оливия поняла, что, возможно, она окажется не в состоянии сдержать обещание об утверждаемом игноре. Сейчас она уже не предпочла бы умереть, лишь бы не позволить Марроку вновь до нее дотрагиваться. Но даже если он был хитрым лживым ублюдком, ее тело изнывало. Она кожей чувствовала напряжение, ее покров просто зудел от ожидания прикосновений, внутри лихорадило, возбуждение нарастало.

Она перевернулась набок и неожиданно уткнулась в крепкую грудь. Когда же он успел скользнуть к ней в постель? Вместо того чтобы отвернуться, она поспешно придвинулась ближе и провела рукой по гладкой выпуклости его плеча, вниз по стальному подъему и по впадине грудных мышц, по кубикам пресса на его животе. Он застонал во сне. Она быстро убрала руку.

С тех пор, как последние новости воспрепятствовали их соединению, она не должна была поддаваться искушению и опустить свой захват ниже, туда, где, как она подозревала, уже должна была стоять эрекция. Но тело воина под руками и окружавшие ее полуночные ароматы позволяли соблазну подкрадываться все ближе.

Все то время, что он провел с ней, даря ей невероятное наслаждение, действуя так, будто бы он заботился о ней, не было настоящим.

Оливия перевела взгляд на часы. Было почти два часа ночи. Она еще не отдохнула, но больше не спалось. Ее тело было в полной «боевой» готовности, внутри все сжалось, соски превратились в твердые горошины, плоть набухла. Твою мать.

Она откатилась подальше. Мгновенно ее энергия угасла, как будто некий вакуум начисто ее высосал. Нахлынуло изнуряющее головокружение. Но она трепетала, зуд заставил ее вновь сократить расстояние и продолжить свои исследования. Ей едва хватило сил, чтобы пошевелиться. Казалось, что внутрь пробрался холод. Сознание помутилось. Ее зрение все

больше застилалось черной пеленой. Боже, она вот-вот упадет в обморок.

Боль вернулась, и Оливия застонала. Она вспомнила, что умирала не так давно, и ни за что не хотела повторения этого кошмара. Она стала зависима от энергии Маррока. В течение многих лет девушка была в тягость матери, и не дай Бог, если то же самое повторится с этим мужчиной.

Маррок считал себя проклятым? Что ж, не он один такой, добро пожаловать на нашу вечеринку.

Что заставило ее связать их вместе теми бессмысленными словами? Дюжину раз она пыталась вспомнить все, что в тот момент руководило ею. Но она могла припомнить только то, что буквально каждая клеточка тела кричала ей о том, чтобы произнести те ритуальные слова, и то чувство эйфории, когда он принял клятву и коснулся ее.

Однако сейчас ничего не помогало. Она оказалась в ловушке, в аду, который создала сама. Все просто: она нуждается в нем или погибнет, поэтому получит то, что нужно, на своих условиях, так, как решит сама. Подрагивающие пальцы сжались в кулак. Она боролась с желанием дотянуться до Маррока, испытывая ощущение, будто ее рука пыталась пробить плотную завесу воды с течением, бушующим против нее. Содрогаясь, она сопротивлялась усталости с помощью гнева.

Пропасть поперек кровати была размером с континент. Черт, она не собирается лежать здесь и умирать, когда только-только узнала своего отца... и любовь. Половинку, которой был нужен хороший пинок. Предназначенная пара? Да, действительно. Она не могла и представить двух более неподходящих друг другу людей, чем бессмертный воин из Темных времен и американская девушка 21-го века.

После очередного движения Оливия почувствовала слабый проблеск надежды, что она уже близка к теплему телу Маррока. Она дернулась, скользнула по нему мизинцем. Рельефные мускулы напряглись, как только она дотронулась до горячей кожи, налились сталью под шелковым покровом и шрамами, покрытыми волосками. Его предплечья. Искры энергии выстрелили по венам, следом накатили волны необузданного желания. Повернувшись на матрасе, Оливия не могла не почувствовать его запах — пряный, чистый, сложный. Такой же, как Маррок. Ее потряхивало от стремления к неистовому и обжигающему наслаждению.

Ничего не чувствовать. Сделать то, что необходимо, и уйти. Не поддаваться ему. Проще сказать, чем сделать. Маррок разыскивал ее, чтобы она смогла разрушить его проклятие. В лучшем случае, он просто использует ее. В худшем — жалеет. От таких мыслей тошнило.

Она привыкла быть изгоем — новая девушка в городе, выглядящая, словно она из другого мира, с волосами цвета полуночной тьмы и фиолетовыми глазами. Иногда кто-то пытался выражать сочувствие. Терпеливая жалость от человека, которого она так страстно желала, приводила ее в бешенство. Бесчувственное выполнение матерью своих обязательств и так было достаточно болезненно ощущать. Терпеть подобное от Маррока — да это просто раздавило бы ее. Проклятие, она знала, что ей следует защитить свое сердце.

— Оливия? — пробормотал он сонно.

Девушка колебалась, желая, чтобы простого прикосновения хватало для ее «зарядки». Но себя обманывать бессмысленно. Да, все больше электричества текло по ее венам, когда она касалась Маррока, но достаточно ли его, чтобы покинуть кровать? Нет.

Прежде чем она смогла заговорить, Оливия сбросила свою футболку и трусики, полностью обнажаясь. Затем она перекинула ногу через мужчину и забралась на него сверху.

Ого, это было, как восхождение на гору, настолько он был большим, везде. Он тяжело задышал и проснулся. Она его проигнорировала. Усевшись поудобнее на его бедрах, она провела пальцами по его грудным мышцам и наклонилась всем корпусом. Жар теплого тела заставил ее медленно таять.

Он резко втянул воздух. Живот задрожал под ее рукой, мужчина напрягся. Его эрекция затвердела и стала пульсировать в такт биению сердца. Их глаза встретились в лунном сиянии, проникавшем сквозь окна спальни. Он буквально сверлил ее своим стальным взглядом.

— Оливия? — он не спрашивал, что она делает; он интересовался, уверена ли она в этом.

Они оба понимали, что выбора не было.

— Моя энергия слабеет.

Он кивнул. Не говоря ни слова, обернул руку вокруг ее шеи, другой крепко взялся за ее бедро, прижимая пару к своему жаждущему рту и его твердому возбуждению. Через секунду он ошеломил ее своим горячим поцелуем и желанием, сочившимся через кожу. Оливия застонала, прежде чем попыталась вспомнить все причины, почему она не должна делать этого.

В беспокойных касаниях его руки искали и нашли ее твердые соски. Она безостановочно ловила ртом воздух. Ее голова откинулась назад, в то время как в теле расцветало удовольствие. По ней проносилась энергия. Каждый инстинкт кричал о продолжении поцелуя, о необходимости открыть рот и свое тело и впустить его внутрь.

Но она отказывалась снова быть той, кого используют и жалеют.

Продолжая сидеть на нем, она отбросила покрывало в сторону, чтобы ничто не мешало желанию быть как можно ближе, кожа к коже. Оливия обхватила и погладила его крепкий эрегированный член. Толстый, гладкий, он был таким горячим. Трогать его, ощущать было просто невероятно.

Если бы был хоть маленький шанс на то, что он любит ее, она бы получала удовольствие, просто подводя его к краю. Ей очень хотелось ощутить под своими губами вкус его подтянутого живота, его вздымающегося возбуждения на ее языке. Ничего из этого не должно было случиться... или она потеряет самообладание.

— Оливия... — простонал он.

Она попыталась насадить себя на его толстый член, извиваясь и толкая, пока не смогла принять его наполовину. Девушка прикусила губу, ощутив дискомфорт от такого вторжения. Она не знала, что, находясь сверху, его объемы казались более внушительными.

— Медленней, любовь моя. Дай мне потрогать тебя.

Большим пальцем он нажал на ее клитор, который всегда увлажнялся под его руками. Никуда не годится. Она отвела его руку в сторону, стиснула зубы и заставила свое тело побыстрее принять его полностью.

Несмотря на ее усилия и попытки насадиться на него, она всхлипнула, и он понял, что это далеко не от удовольствия.

Маррок схватил ее за бедра, пытаясь успокоить.

— Остановись. У нас в распоряжении вся ночь. Нет причин...

— Сделаем это. Сейчас! Просто...

Она не могла произнести это вслух.

— Просто отыметь тебя? Ты этого хочешь?

Фраза прозвучала раздраженно, но ей было все равно.

— Да!

Она повела бедрами, чтобы он смог войти глубже.

Задышавшись, Маррок откинул голову назад. Огонь его возбуждения разгорался все сильнее. Улыбнувшись, она еще раз повторила это движение. Он протяжно и громко застонал.

Воин пристально смотрел на нее в туманном лунном свете, в его глазах безошибочно угадывались решимость и желание.

Она слегка подалась назад и погладила его яички. Находясь под ней, он глубже проник внутрь и зарычал. Трепет возбуждения прокатился по венам Оливии, когда она легла на грудь своего мужчины. От желания ее соски сжались, и мелькнула вспышка сильнейшего возбуждения. Она зажмурилась.

Черт, это именно то, что ей было нужно, но вместе с тем и то, чего она не хотела.

Маррок обернул свои сильные руки вокруг нее, качнул своими бедрами вверх, одновременно опуская свою пару вниз. Между ее ногами взрывались невероятные ощущения, и она не смогла сдержать пронзительного вздоха. Да, этот мужчина был хорош.

Она тоже должна стать гораздо лучше.

Настроившись на новую тактику, она прижалась лицом к его шее, мелко целуя и оставляя уколы маленькими зубками на его сухожилиях и венах, вздутых от усилий. В это время она начала действовать жестче, установив устойчивый ритм бедрами, так сказать, применяя тяжелую артиллерию.

— Ощущать тебя глубоко в себе... — промурлыкала Оливия ему на ухо. — Ты заполняешь меня. С каждым плавным движением вниз.

Она продемонстрировала это, медленно опустившись на него.

— Невероятное наслаждение.

Она застонала, сожалея о том, что все это было фальшью. Усилив напор, Маррок скользнул по чувствительному местечку; накатившая волна наслаждения заставила ее пошатнуться. Чуть больше и... Нет! Время заканчивать. Она выпрямилась и почувствовала мгновенное облегчение. Находясь рядом с ним, когда их лица были так близко, она чувствовала, что это было слишком... интимно. Сейчас они были соединены лишь в одном месте.

С игривой улыбкой она начала играть со своими сосками. Он с шумом выдохнул.

— Тебе нравится наблюдать за тем, как я трогаю себя?

— О, да. Ты...

Она сделала это снова, опустилась сверху вниз на его твердую эрекцию и почувствовала, что он набухает еще сильнее, такой жесткий против ее мягких, набухших стенок. Постепенно жар начал подниматься все выше, прежде чем все это успело обернуться против нее.

Уцепившись за его плечи, она задвигала бедрами все быстрее и быстрее. Маррок сгреб руками простыню и стиснул зубы, его тело напряглось под ней.

— Оливия, — простонал он, — давай... со... мной.

Ни в коем случае. В отличие от того, что было раньше, сейчас секс был на ее условиях. Поскольку до перехода ее жизненная энергия напрямую зависит от силы его удовольствия и оргазмов, это все, что она желает от него брать. Она была само искушение. Все чувства сосредоточились в одном месте. Только невероятным усилием воли удерживала она

стремление сосредоточиться на вызывающих звон в ушах скачках и пылающей крови. Своими толчками он подводил ее к финишной черте... но не так сильно.

— Сейчас! — прокричала она.

Это должно было произойти немедленно, или она упадет в пропасть вместе с ним. Маррок мертвой хваткой вцепился в ее бедра и вонзился в нее на всю длину чередой быстрых фрикций. Царапая бедра ногтями, ей удалось сосредоточиться на коротких уколах боли, а не на тех невероятных ощущениях от того, с какой силой он врзается в нее. Мужчина кончил с громким криком, больше похожим на рык животного. Она сделала все возможное, чтобы успокоить свое дрожащее лоно после того, как он выплеснул туда горячее семя, игнорируя тяжелую боль от неудовлетворенного желания в ее влажном теле.

Вдруг один из его пальцев коснулся клитора. Огонь пронесся прямо между ее ногами. Действие повторилось, и пламя стало разгораться еще жарче, сжигая остатки ее самоконтроля.

— Маррок, остановись.

Оливия попыталась подняться с его тела, но он удержал ее крепко насаженной на себя. Что?.. Как такое возможно, что он до сих пор твердый?

— Я не знаю, какую игру ты ведешь, но ты прекратишь. Немедленно.

Вместо того, чтобы подушечкой большого пальца слегка надавить на ее клитор, на этот раз он с силой опустил девушку на свой член. Ярким взрывом удовольствия обожгло бедра, соединяясь с трепетом в животе и набухшим жаждущим естеством. Экстаз, от которого не было никакого спасения, хлынул сквозь ее тело.

Маррок был глубоко внутри, его аромат окутывал, руки удерживали ее. В сознании смутно промелькнул вопрос, когда же охотник успел стать добычей. Но мысль быстро испарилась. Она была слишком занята, крича от удовольствия.

Зима ревела во всю мощь и засыпала снегом каждого жителя Лондона и его окрестностей. Включая Лукана. Он бы отдал все, чтобы сейчас быть дома с Анкой. Он оставил ее в восхитительной наготе и не смог выкроить даже секунды. Долг зовет, мать твою. Точнее, Брэм. Лукан проклинал адским огнем Шока за то, что тот не счел нужным выполнить работу по защите, на которую, кстати, вызвался добровольно. Вместо него теперь Лукан затаился в глубокой тени, наблюдая за небольшим коттеджем Маррока в месте, которое Брэм метко назвал Жутким лесом. В этом одиноком, тихом месте бурлило ощущение чего-то тревожного. Боль. Призрак одиночества.

Много чего успел разглядеть Лукан в глазах Маррока, пока бессмертный не перевел взгляд на Оливию. Вместе они смотрелись как супруги, и он, даже не глядя на их смешанные магические подписи, знал это. Лениво Лукан спрашивал себя, знал ли Маррок о том, насколько он был влюблен. На его взгляд? Человек не имел ни малейшего понятия.

Наблюдать за тем, как прохладный ночной вечер качает ветви, было скучно. Но после того, как девушка мысленно прокричала, что Дневник Апокалипсиса у ее пары, они оба нуждались в защите. Маррок был безумцем, если считал, что древний магический круг может вечно сдерживать настоящее зло.

Ментальный хлопок по плечу заставил Лукана улыбнуться. Видимо, Герцогу, находившемуся где-то с другой стороны дома, тоже было слишком скучно. Свист рассекаемого воздуха всего в нескольких метрах заставил защитника отвлечься. Это не Герцог, пришедший пожаловаться на однообразие.

Пять фигур материализовались на дороге, ведущей к парадной двери. Серые накидки и маски с эмблемой, перед которыми практически все колдуны и ведьмы испытывали благоговейный страх. Змеящиеся взрывные всплески вокруг перевернутой М означали только одно — Анарки. Долбаный ад! С помощью разума Лукан отправил молчаливое сообщение Герцогу, чтобы тот знал, что пожаловали незваные гости.

Эти пятеро были небольшим отрядом, и ни одна из их магических подписей не была достаточно сильной. С другой стороны, с какой стати Матиас должен думать, что, оказывается, нужно больше головорезов, чтобы захватить человека и беззащитную, не прошедшую превращение ведьму? Или вопрос лучше: как смог Матиас узнать о местоположении дневника менее чем за пять прошедших часов? У Лукана были свои подозреваемые, и он не мог дожидаться, когда вместе с кровью выьет из виновного признание.

В голове он слышал, как Герцог отсчитывает секунды, оставшиеся до начала их вступления в игру. С усилившимся сердцебиением защитник пары выскочил из тени деревьев и взмахом руки оглушил ничего не подозревающего Анарки, стоявшего ближе всех. С помощью мысленного заклинания он связал одного из злодеев невидимыми путами и перешел к следующему. Взглядом он поискал Герцога, чтобы убедиться, что тот обошелся точно также с другим уродом и делает все возможное, чтобы оглушить очередного противника. Двое оставшихся отчаянно вглядывались в линию деревьев, держа свои палочки наготове, показывая, что игры закончились. Лукан спрятался за растущим неподалеку кленом и, предвкушая непростой бой, материализовал свою личную палочку. Они хотят грубой игры, да? Он им это устроит.

МакТавиш взмахнул палочкой, и из носа одного из Анарки потекла кровь, прежде чем тот потерял сознание. Рухнув, нападавший с глухим стуком ударился головой о дерево. Лукан быстро проверил лежащего. Ублюдок был еще жив. Не то, что был согласен с подобным фактом, но Брэм одобрит.

Смерть казалась более подходящим исходом для этих псов из Анарки, так как Лукан был уверен, что ту же участь они готовили для Маррока с Оливией. Но главарь Братства хотел схватить живьем хотя бы одного приспешника Матиаса. Хороший источник информации, так он говорил. Лукан же считал, что от удобрения, которым они станут, пользы будет куда больше. Быстро оглядев территорию, он увидел, что Герцог уже подбирается к четвертому. Последний нападавший уже был готов телепортироваться отсюда. Было ясно, что такого сопротивления они не ожидали.

Быстро прочитав заклинание, защитник опутал невидимыми нитями запястья и лодыжки человека. Палочка упала на землю, тот стоял с диким взглядом, озираясь вокруг, пытаясь найти нападавших, погруженный в такой приторный страх, что Лукан мог чувствовать его запах. После того, как Герцог выбил другого Анарки из строя, Лукан вышел из тени и посмотрел на нападавших, выбирая, кто из них мог бы стать информатором — связанный или находившийся в отключке — ну, или сразу оба. Они все были злыми магами, но бездушными людьми стали не по своей воле.

— Добрый вечер, джентльмены. И как не стыдно приходить туда, куда вас не звали. Могу ли я поинтересоваться, кто вас послал?

Захваченный последним громила смотрел на говорившего, стиснув зубы, с выражением борьбы на лице. Он не произнес ни единой чертовой фразы. Лукан убрал палочку и сорвал маску с человека, открывая скуластое лицо с бронзовой кожей, чернильными волосами и

глазами цвета темного янтаря. Бестолковый дубина. Защитник указал пальцем вниз, на мошонку человека, сделал круговое движение и поднял руку. Анарки захрипел, поперхнулся и потянулся вниз связанными руками, но Лукан остановил его.

Идеально. Теперь, когда яйца мистера Молчуна были зажаты в петле, он может стать более сговорчивым. Или нет... Впрочем, МакТавиш без проблем мог бы потянуть сильнее.

— Я так понимаю, ты здесь не для вечерней прогулки.

Анарки напрягся.

— Пошел. На. Хрен.

Лукан крепче натянул невидимую веревку, и человек издал удовлетворивший его булькающий звук.

— Англия — родина нескольких самых великих поэтов и драматургов в истории. Видимо, опыт их красноречия обошел вас стороной.

— Отпусти меня или я заставлю тебя за это заплатить.

Он совершал бесплодные попытки дотянуться до своей палочки.

Ударом ноги Лукан отбросил ее подальше.

— Буду иметь это в виду. Ответь на мои вопросы, и я сохраню тебе шары.

Под голубоватыми тенями, отбрасываемыми лунным светом, темный маг явно приготовился.

— Жри дерьмо.

— Нет, спасибо.

Лукан знал, что может заставить человека не только слить всю информацию, но и запеть в трехчастной гармонии.

— Давай начнем с простого. Какова была ваша задача на сегодняшний вечер?

Человек оглянулся на остальные фигуры в капюшонах.

— Мне нечего сказать.

Рванув кулак, Лукан еще крепче затянул невидимые путы.

— Ты действительно хочешь потерять свою ценность в глазах семьи из-за такого простого вопроса?

Даже в лунном свете Лукан мог видеть, как сильно вспотел его пленник. Он снова посмотрел на остальных членов шайки. Искал поддержки?

Герцог опустил на колени рядом с человеком.

— Своим уходом в отказ вы увеличиваете время, которое мой друг проведет вдали от жены, вот он и капризничает. Может, вы могли бы сотрудничать проще? И мы все будем от этого гораздо счастливее.

— Убирайся... в ад, — выдохнул тот, несмотря на боль.

— Мы стоим на месте, никакого прогресса, — сказал Лукан с притворным беспокойством. — У меня есть нож. Поскольку веревка не привлекает его внимания...

— Хорошая мысль.

Герцог смотрел, как его соратник достал большой клинок. Опасный и зазубренный. Около десяти дюймов длиной. Беспощадный. Глаза Анарки чуть не вылезли из орбит.

Лукан усмехнулся и начал чистить ногти кончиком клинка.

— Давай попробуем еще раз. В чем заключалась ваша задача?

Темный маг бросил настороженный взгляд на остальных членов Анарки. Некоторые из них обернулись. Ах, если бы он сказал, что не хочет, чтобы кто-то из них сдал его Матиасу. Теперь Лукан понял. Одним движением пальцев молодой защитник вырубил двух стоявших

поблизости противников. Герцог последовал этому же примеру с последними двумя, он убедился в том, чтобы они не пришли в сознание.

— Теперь можешь отвечать, — предложил Лукан.

Но плененный маг все еще колебался. Защитник снова дернул за невидимую веревку, обернутую вокруг его мошонки. Яйца должны уже были посинеть и адски болеть. Упрямый ублюдок. Их пленник задышался.

— Проникнуть в дом и найти его.

Лукан ощутил внезапно накатившую слабость.

— И?

И мужчина вновь засомневался.

— Я не могу сказать больше.

— Боюсь, что я вынужден настаивать.

Снова вступил Герцог:

— Тебя послал Матиас?

Во взгляде мага промелькнул панический страх.

— Он убьет меня...

Верно. Матиас был беспощаден к тем, кто вставал у него на пути.

— Мы можем держать его в плену до того времени, пока не победим Матиаса, — предложил Герцог Лукану.

— Потребовались десятилетия, чтобы одолеть его в последний раз. И то лишь на время, — заметил пленник.

— Как твое имя? — спросил Лукан.

— Зейн.

— Если мы заставим Матиаса поверить, что ты мертв, он не убьет членов твоей семьи за предательство.

— А вы меня не убьете?

Лукан старался не закатить глаза.

— Хорошие ребята здесь мы, так что — нет. Но сделаем так, что твоя смерть будет выглядеть убедительно. Матиас спишет это на твою глупость, и ты продолжишь дышать. Мы будем удерживать тебя у нас, пока эта война не утихнет. Мы постараемся работать на опережение графика, но пойми, что это — единственный выход в твоём положении. Анархии набирают новых людей, ведь так?

Зейн кивнул.

— Вы не собираетесь меня убивать?

— В данный момент получение информации гораздо ценнее твоей крови. Итак, если бы ты уже был покойником, какие тайны ты мог бы раскрыть?

Борясь с путами, Зейн усмехнулся.

— Почему я должен вам доверять?

— Послушай, — Лукан склонился ближе к Зейну, — мы хотим сохранить жизни, особенно таких невинных жертв, как МакКинеты. Если мы не остановим Матиаса, прольется еще больше крови. Если идея «светлого будущего» — это, по-вашему, нечто невероятное, первоклассное, то он не выполнит ни одного из своих обещаний. И если ты поможешь нам, мы поможем тебе.

— МакКинеты были Избранными.

— Что они тебе сделали? Неужели они действительно заслужили такой участи?

Зейн вздрогнул и закрыл глаза.

— Может, тебе следует потянуть посильнее эту веревочку «покрути его яйца»? — предложил Герцог.

Лежащий на спине маг замер, но промолчал.

— До сих пор все не работало так хорошо, как хотелось бы. Может, будет лучше использовать нож? — задал вопрос Лукан.

— Ужасно.

— Идеально.

Лукан вручил клинок Герцогу.

— Нет. О, мой Бог, нет!

Зейн умолял.

— Тогда говори, — зарычал Герцог, сжимая в руках рукоятку грозного кинжала.

— Что Матиас планирует сделать с мужчиной и женщиной внутри? Почему он хочет, чтобы дом обыскали?

Взгляд Зейна в панике метался между ножом и лицом Герцога.

— Да, я буду тебя кромсать. И да, это будет дьявольски больно, — пообещал Герцог. — Ты просто не оставляешь мне иного выбора.

Парень был теперь липким и потным и выглядел почти готовым обделать собственные штаны. Отлично. Они превратили бы его в кровавое месиво, если бы Зейн сказал, что они блефуют. Пленник заметно напрягся, сглотнул. Его безумный взгляд метался от Лукана к Герцогу и обратно.

— Человека нам нужно убить.

Лукан фыркнул.

— Убить бессмертного, который пытается сделать то же самое на протяжении веков? Матиас плохо делает домашнюю работу? Какое упущение с его стороны.

Со своей стороны, Герцог просто поднял темную бровь, признавая ироничность высказывания.

Сощурившись, Зейн посмотрел на МакТавиша.

— Я бы нашел способ выполнить приказ.

— Если твоя магия не сильнее, чем способности Морганы Ле Фей, выполнить задачу невозможно, — отметил Герцог. — Я не верю, что Матиас не знал о том, что отправляет вас на убийство бессмертного. Он совершает много поступков...

— Манипулирующих, беспощадных, злых, — отрезал Лукан.

— Он может вонзить нож в спину, ведь он кровожадный, маниакальный и властолюбивый. Единственное, кем он не является, так это идиотом.

Лукан не мог не согласиться. Неужели Зейн не видел, что его задание с самого начала было обречено на провал? Что оно вело к смерти? Темный маг выдохнул. Его намерения дерзить до победного конца рухнули.

— Я не скажу больше ничего, пока вы не доставите меня в безопасное место. Еще больше Анарки придут сюда, если мы не вернемся в ближайшее время.

Последнее, что бы они хотели — видеть толпу Анарки, пришедших за Оливией и Марроком, которые, как предполагал Лукан, сейчас мирно спали внутри коттеджа.

Он быстро отправил пребывающих в бессознательном состоянии четверых Анарки в место их последней локации. Предположительно, эта доставка должна дойти до Матиаса. Лукан быстро размотал невидимую веревку вокруг мошонки Зейна, она при этом издала

тонкий свист, снял мантию и утрамбовал ее рядом с маской. Под мантией на маге была надета футболка с надписью «Теперь ты меня слышишь?» и картиной тибетского монаха, с поднятым в знак приветствия пальцем.

— Кому-то не помешает дать тебе пару советов относительно гардероба, — сухо прокомментировал Герцог.

Быстрым движением Лукан выхватил нож у Герцога и полоснул им по своей руке. Зейн задохнулся при виде того, как тот капает собственной кровью на его мантию, прежде чем отправить ее назад, куда отправились и остальные члены банды.

Темный маг глянул хмуро.

— Вы никогда не собирались меня резать, верно?

— Нет, до тех пор, пока ты согласен сотрудничать, — Лукан пожал плечами. — А теперь мы бы хотели получить информацию.

— Женщину мы должны были похитить и доставить к Матиасу.

Защитник пары поморщился.

— А ты знаешь, что бы он с ней сделал?

Зейн яростно замотал головой.

— Не с ней. Он утверждал, что она полезна. Бесценна. И он бы ее не коснулся.

Герцог бросил на него взгляд, и Лукан подумал, что их мысли схожи — полезна для чего?

— А что с домом?

— Мы должны были обезопасить и обыскать его.

— Зачем?

Облизнув губы, он перевел взгляд. Зейн долго колебался, как если бы знал, что его последующий рассказ уже нельзя будет отменить. Он станет предателем Матиаса. Сердце Лукана громко стучало, пока он ждал ответа парня, собиравшего в кулак свое мужество.

МакТавиш уже было собрался сдаться и вновь прибегнуть к пустым угрозам, когда Зейн все же признался:

— Прошлой ночью Матиас услышал о том, что Дневник Апокалипсиса находится в этом коттедже.

Ад и все черти.

— Кто рассказал ему?

— Понятия не имею, — и под скептическим взглядом защитника Зейн прибавил: — Я клянусь!

Лукан бросил взгляд на Герцога.

— Мы должны где-то его спрятать.

— И позвать сюда Брэма вместе с другими стражами, чтобы рассказать им детали.

Кивнув, Лукан мрачно посмотрел на коттедж Маррока.

Пока не стало слишком поздно.

Оливию слегка потряхивало от яростно полученного оргазма, она все еще сжималась вокруг Маррока, в ее ушах стояли крики экстаза. Так и должно было быть.

Он гладил ее кожу, напоминающую нагретый солнцем шелк, одной рукой, а другой продолжал слегка нажимать на ее клитор. Под ним он продолжал проникать в нее глубоко и медленно, продлевая ее оргазм, пока она не перестала за него цепляться. Пока из ее горла не закончили вырываться рваные крики. Пока она не перестала умолять. Так он дал ей то, чего

она хотела.

В один момент он обхватил ее тело, находящееся напротив, и перевернул на спину, все еще находясь глубоко внутри нее. Его плечи были все еще влажные от слез девушки. Рыдания сотрясали все ее тело, пока он в наступившей тишине гладил ее волосы, медленно обмякая внутри нее, накрывая ее собой, пытаясь впитать больше ее внутри себя.

Маррок успокаивал ее тихими словами. Это было восхитительно — обладать женщиной, способной так глубоко чувствовать. После того, как он веками жил, будучи, по сути, мертвым, разделяя эмоции Оливии сейчас, он будто купался в жизненной силе. Он вдруг увидел мир таким, каким тот был в ее человеческом понимании, включая смертность, страх, удивление и беспокойство. Он гордился гаммой чувств между ее тоской и неопределенностью, которые все же смогли преодолеть ее барьеры и вылились в отношения между ними. Все это вместе с их постоянно растущей связью делало его вечную жизнь менее отвратительной. В моменты, подобные этому, она была его чудом.

С пониманием Маррок прижал ее крепче, поправляя тело так, чтобы Оливия могла обернуться вокруг него. Он утыкался ей в шею, целовал ее щечку и нежно шептал на ушко. Но ее рыдания не прекращались. Или становились медленнее. Он нахмурился. Эти слезы были не только от вырвавшегося наружу напряжения. И они не были связаны с утомлением от их возбуждающих занятий. Теперь же, когда он прислушался к ее всхлипам... то понял, что они были полны отчаяния.

Так что же произошло? Она чувствовала страсть, но пыталась сдержать свой оргазм, одновременно вынуждая его пересечь черту. Ее капитуляция, казалось, рвала ее душу на части. Тем не менее, становилось ясно, что она стремилась не только отказаться от собственного удовлетворения, но и от того, чтобы упрочить их связь.

Это нечто большее, нежели оставшийся после вечеринки Брэма гнев.

— Любовь моя, не плачь.

Прерывистые вздохи перешли в стоны, которые пронзали его грудь, словно отточенные клинки его предков. Боль и отчаяние скрутили его внутренности. Что он с ней сделал? На ее глазах он оторвал ее от отца, встречи с которым она жаждала всю жизнь. Он не доверял Ричарду Грею или его объяснениям, и каждый его защитный инстинкт буквально завопил, когда маг заговорил о том, чтобы разлучить их с Оливией. Маррок будет бороться с ее отцом за это вечно, если потребуется.

То, что он не был честен с Оливией в вопросе их соединения, было большим грехом в ее глазах. Неужели она теперь сожалела об их союзе? Черт возьми, увидев ее в том маленьком красном платье, он был близок к тому, чтобы начать умолять ее о близости. И, казалось, она отвечала ему полной взаимностью. Так зачем же, если не за удовольствием, пришла к нему девушка сегодня вечером? Потому что должна была. И ничего больше.

Он вздрогнул — Оливия продолжала рыдать так, будто ничто в этой жизни уже не сможет ее утешить. Правда причиняла боль — почти также, как и ее слезы. Как же должна обижать ее зависимость от него, мужчины, которого она встретила всего несколько дней назад. Естественно, Оливия пыталась делать то, что не хотела, не поддаваясь на уловки собственной страсти. Маррок нежно прикоснулся к ее щекам и посмотрел на покрасневшее мокрое лицо. Она зажмурилась, отказываясь смотреть на него в ответ.

"Да плевать", — подумал он и слился с ее губами в долгом поцелуе, медленно проникая в ее рот — именно так, как он делал с ее телом. Он усилил нажим внутри нее, медленно скользя внутрь и задевая какую-то чувствительную точку, отчего она ахнула.

Оливия застыла в его руках. Маррок откинулся назад, мягко поглаживая ее нежную кожу, как будто у него не было никакой другой цели в жизни, кроме как угождать ей. Она всхлипнула и затихла в его объятиях. Он поощрил ее, покрывая поцелуями подбородок, кожу хрупкой шейки — продвигаясь неспешно вглубь ее тело, что вскоре привело к тому, что ее бедра начали приподниматься ему навстречу, а ногти царапали его спину. Подобные отметины теперь должны быть по всему его телу. Эта мысль заставила его улыбнуться, пока он не понял, что они исцелились бы быстрее, чем девушка успела бы оставить их.

Гребаное бессмертие! Отметины от ее ногтей на спине он будет рассматривать позже — как напоминание о страсти, испытанной девушкой. Моргана отказывала ему в том, и это было лучшим в его жизни.

— Да, любовь моя. Почувствуй меня.

— Нет, — она рыдала, снова закрыв глаза, — я не могу...

Он захватил ее рот в медленном поцелуе, наполненном желанием добраться до самого сердца и сделать ее своей навсегда. Боже, кто бы мог подумать, что из всех женщин на земле он настолько сильно увлечется той, в ком текла кровь Морганы?

— Ты просто хочешь освободиться от своего проклятия.

— Я хочу этого с тобой.

Он положил руки ей под спину, приподнимая и подстраивая под ритм своего тела, начиная таять вместе с ней.

— Я хочу тебя.

— Ты используешь меня.

Ее упреки завершились стоном, когда он снова проник глубоко в ее киску.

— Как ты пыталась использовать меня?

Ее глаза широко распахнулись. Покрасневшие и полные эмоций, которые он едва смог понять. Кроме гордости.

— Если бы я так сделала, это сравняло бы счет.

Маррок не ответил. Он воспользовался паузой, чтобы скользнуть в нее снова, туда, где он должен был быть, и посмотрел на уголок ее губ, вспоминая вкус недавних поцелуев. Боги, она была такой вкусной. Его чувства смешались, он как будто ждал целую вечность, чтобы быть с ней. И в этот момент он понял — его женщина стоила того.

Когда он, наконец, поднял голову, оба тяжело дышали. Маррок почувствовал, как набухает внутри нее. В этот раз она получит удовольствие вместе с ним.

— Я стремлюсь удовлетворить тебя. Помочь тебе. Разделить нашу связь.

Он оборвал возражение, написанное на ее лице и уже готовое сорваться с губ, снова врезался в нее, в этот раз глубже, задев чувствительное место внутри ее тесного лона. Она ахнула, хватая и натягивая его волосы. Возбуждение и удовольствие начало порхать по ее телу. Отлично. Он был, мать его, готов, кровь прилила к головке члена, и тот в любую минуту готов был взорваться.

Она покусывала его плечи своими маленькими зубками. Дыхание периодически сбивалось. Сотни лет назад он провел свои эмоциональные похороны. Но даже после сейчас он чувствовал сумятицу ее чувств, ее потребности, страхи и желания.

— Нет. Ты жалеешь меня! — рыдала девушка. — Ты просто выполняешь свой долг.

Жалость? Долг? Неужели она думала, что это от чувства сострадания он мучился таким стояком? Или что только лишь долг заставлял его сердце чувствовать боль, когда он видел ее слезы? Она не понимала своей красоты, и тот факт, что она оставалась нетронутой до того,

пока не произнесла вместе с ним брачные обеты, говорил о том, что до их встречи в ее жизни было что-то не так. В глубине души он понимал, что не должен так переживать об этом. И что делать, если в ее крови была тяга к предательству?

Но сейчас, когда желание текло по его позвоночнику, а эмоции затопили сердце, ничего из этого не имело значения.

— Жалость или долг — эти мысли никогда не приходили мне в голову, Оливия, — он вышел из нее, а затем еще раз глубоко проник внутрь.

С каждым проникновением он поглаживал ее клитор. Она задохнулась и стиснула пятками его бедра.

— Я, возможно, пытался использовать тебя вначале. Все изменилось, когда ты позвала меня, как свою пару. Судьба, магия, кismet*, или то, во что ты веришь, соединило нас вместе. Ты моя.

После этих слов взгляд Оливии остановился на нем. В фиолетовой глубине ее взора отразился шок, смешанный со смущением и надеждой. Настороженность. Но тело ее уступало, принимая его все глубже, все сильнее сжимаясь вокруг его плоти. Когда в ушах раздался ее крик, в его груди что-то свернулось и взревело.

Ее удовольствие привело к его яростному освобождению. Все внутри него требовало, чтобы он заклеил ее снова, еще больше укрепил связь между ними, которая была и так слишком сильна, чтобы бороться или отказываться от нее. Сделай ее своей половинкой на словах, в делах и в истине. Он сдался этому удовольствию, чувству потребности в ней и дал своей женщине все, что было внутри него, одним заключительным толчком. Раскаленный добела экстаз разливался по телу, и казалось, что это будет продолжаться вечно. Он наполнил ее своим семенем, своей потребностью, всем, кем он был.

На этот раз, после всего, что случилось, она не пролила ни слезинки. Маррок был благодарен. Слушать, как она плачет, было все равно, что лить кислотой на открытые раны в груди. Вместо этого она спокойно лежала в его руках. И в первый раз в жизни он почувствовал странное умиротворение, лежа рядом с женщиной, с которой так основательно занимался любовью. Она принадлежала ему. Опасно испытывать подобные чувства к той, кто должен помочь ему разрушить вековые чары. Как поступить, если это была еще одна магическая шутка: быть проклятым одной из Ле Фэй и допустить, чтобы другая разорвала его сердце на куски?

— Почему? — выдохнула она так тихо, что Маррок едва расслышал.

Чуть отклонившись, он посмотрел на ее лицо.

— Почему удерживаю тебя? Почему снова занимался с тобой любовью?

Измученный взгляд Оливии рвал его на части. Такой напуганный и смущенный... Разве она не разделяла его ленивое блаженство? Его чувство правильности происходящего?

— Зачем пытаться убедить меня, что я важна? Мы нужны друг другу. Я должна быть с тобой, чтобы остаться в живых, а ты не можешь...

— Кончить без тебя? Да, но это — не единственная причина...

— Ты нуждаешься во мне, чтобы снять свое проклятие.

Ее покрасневшее лицо начало покрываться пятнами, вот-вот грозил пролиться свежий поток слез.

Но это было не все, что ему было необходимо от нее получить. Эта забота о ней была безрассудной. Тем не менее, он не мог оставить ее такой страдающей.

— Мы необходимы друг другу. Почему тебя это тревожит?

Отчаянно толкнувшись, она попыталась высвободиться из-под него. Маррок окружил ее собой, поставив локти вокруг ее головы и обездвижив пару, и, раздвигая ее ноги своими коленями, накрыл своим телом.

У него были некоторые подозрения по поводу ее прошлого. Настало время выяснить, насколько верны они были.

— Расскажи мне о своей матери, — попросил он нежно.

— Нет.

Она посмотрела на него так, как будто он сошел с ума.

— Тебе плевать.

— Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что я чувствую, Оливия. Я хочу знать. Пожалуйста.

— Хочешь, чтобы я обнажила перед тобой душу? Отлично.

На ее лице отразился гнев.

— Когда мне было семь, меня выбрали на главную роль в школьном спектакле. Мать всегда говорила мне, что лучше быть в середнячке, но я не хотела быть как все. Она любила театр. Я думала, что она будет гордиться, увидев меня на сцене. Я репетировала днями, отказавшись от перерывов на игры и телевизор.

После премьеры все матери подарили своим детям по розе и обняли их. Я очень надеялась... — Оливия сглотнула. — Она сказала мне, что я смотрелась бы лучше в нежной роли и играла бы спектакль о самой себе. Я бросила театр на следующий же день, но даже этим не смогла ее порадовать. Она просто кивнула и продолжила заниматься своими делами.

После ее слов все внутри Маррока перевернулось от представления о том, как маленькая девочка всеми силами стремится заслужить одобрение матери и не получает ничего взамен.

— Ты плакала.

— Ничего необычного. Мама заботилась обо мне, защищала. Она была обязана это делать и никогда не давала мне об этом забыть. Она очень боялась, что когда-нибудь ко мне придут магические силы, а я не смогу этого понять.

Картина стала яснее. Он переживал ее боль вместе с ней. Как могла женщина, у которой есть сердце, так холодно относиться к собственной дочери?

— И ты смотрела на нее, ожидая любви. Когда она не давала тебе ее, ты чувствовала себя отвергнутой. Недостойной. словно тяжелым камнем у нее на шее.

Оливия прикусила губу. Она молчала, но выражение ее лица сказало ему, что его догадка была верной. Это объясняло, почему она так охотно поверила своему долго отсутствующему отцу, несмотря на то, что так мало о нем знала.

Хотя это и усложнило то, что он намеревался сказать далее.

— Значит, встреча с твоим отцом стала сбывшимся сном.

Она кивнула.

— Он не отверг меня, потому что я обладаю магической силой, и он не будет чувствовать себя обязанным заботиться обо мне. Он понимает. И ты грубо отклонил каждое его предложение об усилении мер по моей безопасности.

— Думаешь, я сам не в состоянии тебя защитить?

— В человеческом мире — нет. В нем отсутствуют те, кому я могла бы доверять

больше. Но вот за мир магический я не так уверена. Что любой из нас знает об этом Матиасе и его Анарки?

— У этого места есть магическая защита. Книга спрятана под надежным замком. И пока мы не раскрыли ее секреты, она бесполезна. Поверь мне, я знаю.

— Но мой отец...

— Разделяет с тобой лишь кровную связь, но ведь чего-то ты можешь и не знать.

Когда она открыла рот, чтобы возразить, он приложил палец к ее сочным губам.

— Я знаю, долго время он скрывался от Анарки. Не кажется ли тебе любопытным, что он никогда не чувствовал себя настолько безопасно, чтобы начать твои поиски?

Она отвернулась, как будто те же мысли приходили и ей в голову. Маррок не хотел рушить ее мечты об идеальном отце и наконец обретенной родительской любви. Но он не вынес бы, если бы ее снова раздавили, особенно если этот человек не был искренним и искал ее только потому, что она связана с Дневником Апокалипсиса. Информация Брэма о Ричарде Грее сильно его беспокоила.

— Мы не знаем, через что ему довелось пройти. Как ты можешь знать, волновался ли он о том, что, посетив меня, приведет лишь неприятности к моему порогу? Мне нужно знать ответы.

Но их у Маррока не было. Его нутро вопило об осторожности с Греем, но Оливия и слышать ничего не хотела. Она снова желала увидеться с родителем и услышать его версию произошедшего. И до тех пор, пока она не видела причин хотя бы на время отказаться от этого, проблемы только накапливались.

Вскоре Маррок задремал. Наступили серые предрассветные сумерки, но Оливия все еще не могла уснуть. Она выскользнула из постели и принялась изучать партнера в лунном свете.

К половине четвертого утра он занял три четверти массивной кровати. Когда его сморил сон, его большое горячее тело было обернуто вокруг нее, защищая. Он мог быть очень грозным, но нежным — тогда, когда ему это было нужно.

Несмотря на все красивые слова, она пока не решалась доверить ему свое сердце. Они были женаты, и ее сдерживал этот факт. Он настаивал на том, чтобы она оставалась в его доме, даже если это место больше не было для нее безопасным.

И, несмотря на его протесты, он, конечно, ее жалел. Тьфу! Секс был умопомрачительным, но он не хотел быть с ней только из-за оргазмов. За свободу и смерть, он бы еще ее вытерпел.

Если она не уберет свое сердце, то поддастся на его заботу и наигранную нежность и влюбится. Уже сейчас она позволила ему стать гораздо ближе, чем следовало. У него было пятнадцать веков, чтобы отточить свою стратегию отношений, избегающих глубоких чувств. А Оливия всегда следовала за своими эмоциями.

Если она не будет осторожна, он ее сломает.

Может, ее лучшей защитой было дать Марроку то, что он так желает — способ снять его проклятие. Если ему больше ничего не нужно, он уйдет. Он забрал бы кусочек ее сердца с собой, но она бы справилась. До тех пор, пока не окунулась с головой в свою влюбленность, она выживет.

Во-первых, Оливия должна была снова увидеться с отцом и получить ответы на свои вопросы. Найти Ричарда и выяснить, что он знает о Дневнике Апокалипсиса. Но девушка признавала, что это была не единственная причина для встречи с родственником. Одинокой девочкой она часами сочиняла сказки о человеке, который, несомненно, погиб, совершая

героические подвиги, и любил бы в ней все, если бы остался жив.

Как запутавшаяся женщина, она пыталась отделить свои фантазии от действительности, чувства и эмоции от логики. Она хотела узнать человека, от которого получила обладающую такой силой кровь Ле Фэй. Вчера вечером, до того, как они ушли с вечеринки, ее отец незаметно сунул ей в руку бумажку со своим телефоном. Казалось, сейчас наступило идеальное время для того, чтобы им воспользоваться.

Волнуясь, она поднялась со стула и побрела в спальню. На тумбочке она заметила телефон Маррока. И столько разброшенного вокруг кровати оружия, что можно было защитить маленькую страну.

Огромный меч был зажат между кроватью и тумбочкой. Как дань современности, у него было нечто, подозрительно похожее на пулемет, два полуавтоматических пистолета и ужасающий нож — ничего себе, набор для начинающих.

— Я же говорил, что смогу тебя защитить, — хрипло пробормотал он, повернувшись к ней лицом на кровати в утреннем сероватом свете.

Невольно Оливия перевела взгляд на свою пару. Его голубые глаза были настолько сосредоточены, как будто он направил на нее лазер.

— А этим оружием можно убить кого-нибудь из мира магии? — она кивком указала на пистолеты.

— Оно, по крайней мере, замедлит их. Победа в бою не всегда возможна. Иногда получение преимущества в тактическом отступлении может спасти тебе жизнь. Ты так и не поспала. Возвращайся в постель.

Хотя он и произносил слова мягко, они прозвучали, как требование.

— Я собираюсь позвонить отцу. Мне нужно задать ему пару вопросов и разобраться в происходящем.

Маррок сжал челюсть, негромко выругался, но мудро не стал спорить.

— Ты собралась звонить в пять часов утра?

Она прикусила губу. Ее идея казалась глупой. Но чем дольше она стояла здесь, колеблясь из-за своего решения, тем сильнее становилось ощущение, что время уходит и ей нужно действовать быстро, получить ответы и помочь Марроку обрести свободу — прежде, чем он вырвет ее сердце.

— Я оставлю сообщение.

До того, как Маррок успел что-либо возразить, она вышла за дверь и по коридору спустилась в самый дальний угол дома — на кухню. В полутемном помещении девушка набрала номер, который выучила наизусть. Теперь оставалось только ждать.

Мужской голос, хриплый и невнятный, ответил после третьего гудка.

— Прости, что разбудила. Это Оливия.

— Что-то случилось?

Сонные интонации быстро испарились, остались четкие фразы, которые она помнила по вечеринке Брэма.

— Ты изменила свое намерение остаться с Марроком?

— Нет. Не знаю... Я...

Она засомневалась. Она не могла просто так прыгнуть на корабль и уплыть вместе с отцом. Точка зрения Маррока была обоснована — она почти не знала мужчину. Было глупо так быстро поверить ему, и неважно, каким приятным он казался.

— Я бы хотела поговорить с тобой, прежде чем приму какое-либо решение.

— Я все понимаю. Обрести пару, узнать, что в тебе течет волшебная кровь, и так скоро после потери матери, — слишком многое навалилось, с этим трудно справиться.

Вот именно.

— У меня есть еще несколько вопросов о прошлом. О Дневнике и символе на обложке, о матери... обо всем. Можем мы поговорить сейчас?

— Конечно. Я приду. Некоторые моменты лучше обсуждать лично. Где ты?

Оливия сомневалась. Она совсем его не знала, но мог ли человек, обращенный в Анарки, продать собственную дочь за Дневник Апокалипсиса? Она никогда этого не узнает, пока они не поговорят. Торопясь, она дала ему требуемые указания.

— Я с нетерпением жду встречи с тобой, — сказал ее отец.

Оливия разъединила звонок, захлопнула крышку телефона и принялась ждать отца и ответов, в которых отчаянно нуждалась.

Менее чем через три минуты мягкий стук в дверь предупредил ее о прибытии гостя. Она развернулась, чтобы открыть. Но Маррок ее опередил.

Босиком, по пояс обнаженный, он дернул дверь левой рукой. В правой он держал свой огромный меч. В задние карманы своих низко висящих на бедрах джинсов он засунул те опасные полуавтоматические пистолеты.

Он бросил взгляд на Ричарда, резко развернулся и уставился на нее.

— Ты пригласила его сюда?

— Именно. Ты не хочешь, чтобы я выходила, а мне нужно поговорить со своим отцом. Я полагаю, здесь это сделать будет безопаснее всего, верно?

— Если только его не преследуют и он не притащил с собой свое прошлое.

Оливия вихрем пронеслась через комнату, одарив его взглядом разъяренного буйвола.

— Дай человеку шанс. Он здесь потому, что я позвонила и попросила рассказать свое видение ситуации.

— Для начала спроси его, как ему удалось подобраться так близко, чтобы заманить Матиаса в ловушку?

На что намекал Маррок? В ее мыслях началась настоящая путаница, она посмотрела на своего отца, который по-прежнему стоял в дверях.

— Ричард?

Ее отец не встретился с ней взглядом. Вместо этого он посмотрел на Маррока, его фиолетовые глаза выдавали внутреннее напряжение.

— Пригласи меня войти.

— На каком основании?

Маррок прислонился к двери, явно не торопясь никого пропускать.

— Почти четверть века я ждал встречи с Оливией. Я просто хочу объяснить...

— Все сразу. А не только героическую часть.

Ричард убедительно кивнул.

— Все.

Маррок все еще колебался.

— Я это делаю только для Оливии, а не как одолжение тебе.

— Она твоя супруга. Ты хочешь лучшего для нее.

— Никогда не забывай об этом, — прорычал Маррок, отступив назад. — Входи.

С дрожью Ричард переступил порог.

— Интересный магический круг. Кто его нарисовал?

— Мерлин.

Ричард поднял бровь и обвел взглядом коттедж. Оливия тоже взглянула, пытаясь увидеть все его глазами.

— Электрическое освещение, водопровод...

Он прошелся по комнате, затем заглянул за угол на кухню.

— Духовка, микроволновая печь. Мерлина уже не было в живых, чтобы создать магическую защиту вокруг этой постройки.

— Я несколько раз сносил и восстанавливал дом на этом же месте.

— Хорошая линия защиты, но не безупречная. Слабеющая. Анарки могут быть очень решительны.

— Тебе лучше знать. Итак, ты пришел сюда обсудить защиту моего жилища или поговорить со своей дочерью?

— Начало наших отношений и дружескими то назвать сложно.

В словах Ричарда сквозило осуждение.

— Ты точно знаешь почему.

Оливии уже было достаточно пререканий.

— Вы говорите, не замечая меня, вот это действительно раздражает.

Маррок обернулся к ней с горящими глазами.

— Ты заслуживаешь правды. Заставь его тебе ее выложить.

— Ты постоянно говоришь об этом. Какую правду?

Ее отец вздохнул и сел на диван.

— Я точно знал, где Матиас будет наиболее уязвимым, потому что...

— Продолжай.

Рычание Маррока показывало, что он быстро теряет терпение.

— Когда-то я был одним из Анарки.

— Ты скромничаешь, — усмехнулся Маррок.

Ричард сжал руки и посмотрел на Оливию с выражением, умоляющим его понять.

— Я был вторым после Матиаса в команде.

Оливия в ужасе вздохнула, развеяв наступившую тишину. Она попятилась назад, пока не уткнулась коленями в диван. Девушка опустилась на него, прежде чем ее ноги окончательно превратились в желе.

Ее отец, в союзе с Матиасом?

— Ты должна понять, — Ричард бросился перед ней на колени. — Я был молодым идеалистом, когда присоединился к нему. Я едва вылез из завязок детского передничка, когда его идеи равенства соблазнили меня. Он показал мне все убожество, нищету Лишенных. Их лачуги, дискриминацию, от которой они страдали, гнусную ненависть, которая переносилась даже на тех, у кого была смешанная кровь. Это привело меня в ужас. Матиас звучал как дальновидный мыслитель; в то время как люди здесь, в Англии, уничтожали себе подобных в глупой гражданской войне, он говорил о справедливости и терпимости, покончив с жестокостью правящей верхушки.

— Но он... убивал людей. Он насиловал женщин и превращал в рабов детей.

— В конце концов и я это увидел. Но когда впервые он показал все то зло, на которое был способен, совершив изнасилования и убийства, он говорил о целях, оправдывающих средства.

— А иногда просто, чтобы услышать, как кричат невинные люди, — добавил Маррок.

Ричард кивнул, но не сказал ничего.

Оливия оглянулась и посмотрела на двух мужчин. Никто из них еще не попросил сделать между ними выбор ... пока.

Тут ей в голову пришло нечто ужасное.

— Ты участвовал в жестоких развлечениях Матиаса?

На его лице застыла маска страдания, Ричард выглядел гораздо старше, чем казался накануне.

— Да.

Она отпрянула, отступая, пока Маррок успокаивающе не обнял ее за плечи.

— Сейчас ты задаешься вопросом, как я мог делать все эти вещи. Спустя века я спрашиваю себя о том же. Временами я все еще слышу их крики, — Ричард поперхнулся. — Мне хотелось верить в то, что своими делами мы меняем магический мир к лучшему, открываем новые возможности для ведьм и волшебников всех классов. Я позволил себе быть слепо ведомым. Молодость и невежество не могут служить оправданием... но это единственное, что я могу предложить.

Ну, она хотела получить ответы о ее разлуке с отцом. Теперь они у нее были. В горле почувствовался вкус желчи. Все это время она строила образ героя в голове, который на самом деле насиловал, убивал целые армии невинных людей.

Другие ее вопросы — про символ, дневник, прошлое, — были тоже важны, но не сейчас. Не тогда, когда она сама была ошеломлена.

— Теперь ты смотришь на меня как на незнакомца.

Оливия хотела успокоить его, но сама была потрясена до глубины души.

— Я пытаюсь... переварить все, что ты сказал.

— Все правильно. Надеюсь, мы сможем отложить это в сторону на несколько минут. Есть более важные для обсуждения вещи. А именно — ваше будущее. Я скрывался, и многие считают меня мертвым. Но в силу того, что Брэм продемонстрировал вас на своей вечеринке, теперь все знают о твоём существовании. Твоя магическая подпись рассказала им о кровной линии, к которой ты принадлежишь. К тому же через твои мысли многие узнали, что я жив и что Книга Судного Дня здесь, в этом коттедже. Пройдет всего лишь несколько дней или часов, прежде чем Матиас узнает об этом. Тогда, боюсь, твоя человеческая пара не сможет тебя спасти.

— Мы уже говорили об этом, — тон Маррока звучал предостерегающе. — Я не уверен, что она осознала всю важность. У меня есть знания о Дневнике. Я могу ускользнуть от Анарки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ричард уставился на Маррока умоляющими глазами.

— Она мой единственный ребенок, и я только ее нашел. Пожалуйста, прошу тебя, дай ей уйти со мной и принеси Дневник. С ним я могу снять твое проклятие, держать Матиаса на расстоянии и обеспечить вам покой.

— Или навредить моей паре и обернуть самый мощный из существующих артефактов против всего магического мира. Откуда мне знать, какой из вариантов нас ждет?

Маррок встал перед ней и как бы невзначай взялся за рукоять меча.

Одна часть девушки была до крайности шокирована и разгневана. Другая... глупая, романтичная часть любила то, что Маррок был настолько готов ее защищать.

Их прервал стук в дверь. Оливия посмотрела на время на мобильном телефоне в руке

Маррока. Еще не было и пяти тридцати утра.

Спрятав Оливию за спину, Маррок начал медленно продвигаться к двери.

— Столпотворение, как на долбаной станции метро Oxford Circus. Кто там?

— Это Брэм. У вас серьезные проблемы.

— И в самом деле. Ричард Грей под крышей моего дома, а ты стоишь на пороге.

Он взглянул на Оливию.

— Я мог бы сказать больше, но благоразумие просит меня остановиться на этом.

— Забавно. А теперь заткнись и слушай.

Сердце Оливии забилось быстрее. Появление Брэма на рассвете не сулило ничего хорошего.

— После моей вечеринки прошлой ночью я установил караул возле вашего поместья, на всякий случай.

Маррок открыл дверь с грозно поднятым оружием.

— Ты не имел права. Это целиком моя собственность.

— Опустит эту штуку, черт тебя побери.

Брэм провел рукой по своим непривычно спуганным волосам.

— Я установил охрану, потому что подозревал, что вскоре Анарки окажутся у твоей двери. И я был прав.

— Мы ничего не видели и не слышали.

— Потому что Лукан и Герцог остановили пятерых темных волшебников прежде, чем они подошли к двери. Они были посланы тебя убить.

Маррок лишь фыркнул на это.

— Согласен. Но им было приказано доставить Оливию к Матиасу. Они сказали, что она была «полезной». Ты хочешь узнать это «опытным» путем? На своей шкуре?

Учитывая грозу, пересекающую лицо Маррока, стало понятно, что сама мысль об этом разожгла его ярость.

— Анарки сказали, что должны были охранять дом и найти книгу, — налитыми кровью глазами Брэм окинул всех мрачным взглядом и продолжил: — Матиас знает, где вы и чем обладаете. И он ни перед чем не остановится, чтобы получить обоих. Так он удержит всю силу Апокалипсиса в своих руках.

— Что ты предлагаешь? — глаза Маррока сузились.

— Принесите Книгу Судного Дня и идите со мной. Немедленно.

Маррок скрестил руки на груди.

— По твоему собственному признанию их отправили двое из вашего рода.

— Это Матиас и Анарки, а не какой-то одинокий псих, размахивающий палочкой. Он вернется с целой армией, чтобы похитить Оливию и забрать книгу. Кроме того времени, когда был сослан, он никогда не уходил от выбранной им цели.

— Ублюдок не сможет пройти сквозь мой магический круг.

— Через этот? — Брэм скрестил руки и, переступив черту, вошел в дом. — Если я могу нарушить эту линию, Матиас сделает то же самое.

Маррок отпрянул.

— Как долго ты был в состоянии перейти через эту черту?

— Достаточно долго, чтобы понять, что она дерьмовая. Я позволял тебе верить в ее силу для сохранения твоего ощущения безопасности, но магия линии угасла. Времена меняются, ты тем более должен это знать.

— Магия угасает? — Маррок посмотрел скептически. — Я знаю особую книгу, которая ни капли не потеряла своих сил с того дня, когда была использована для моего проклятия пятнадцать веков назад.

Брэм посмотрел на Маррока, как на несмышленного идиота.

— Моргана излила часть своей души в этот дневник и тем самым связала его с земным миром. И по сей день ее дух продолжает вибрировать с силой, с которой вы еще достаточно намучаетесь. Мой дед создал этот магический круг как услугу, я полагаю, но без реальной страсти и силы — двух компонентов, дающих волшебству могущество. И почему мы тратим время на эту глупую дискуссию, когда Матиас и Анарки могут смести нас с лица земли в любую минуту?

— Ты можешь нарисовать еще один магический круг для защиты.

— Они придут целой армией, круг их не удержит.

— Почему я должен думать, что твои слова чем-то лучше мусорных помоев? — Маррок свирепо на него посмотрел.

— Потому что, если ты этого не сделаешь, Матиас ударит — быстро и жестко. И теперь он знает, где вы уязвимы.

Три пары мужских глаз уставились на девушку. Они намекали на то, что она была слабостью Маррока?

Мужчина вытянул руку и притянул свою пару к твердой плотине своего тела.

— Никто не прикоснется к ней.

Брэм сжал кулаки. Оливия видела, как он смеется: всегда с некоторой отстраненностью, высокомерием и дьявольски наплевательским отношением. Сегодня он был в бешенстве, пытаясь найти нечто — все, что угодно — что поможет Марроку образумиться.

— Тогда уведи ее отсюда. Пойдемте со мной. Принесите книгу. Остановитесь в моем доме...

— Или со мной, — отрезал Ричард.

— Еще до твоего возвращения я предложил взять Оливию с собой в укрытие и принести книгу. Вместе, я уверен, мы сможем раскрыть тайны книги и исправить жизнь Маррока.

— Ответ отрицательный.

— Маррок, — не обращая внимания на меч, Брэм схватил его за плечи, — послушай меня. Я тебе не нравлюсь, и ты не доверяешь мне. Но Оливия мой друг. Меня заботит то, что может случиться с ней и с книгой. Это у нас общее. Я не буду пытаться разделить тебя с ней или с дневником. Если вы не пойдете со мной сейчас, Матиас получит Оливию в свои лапы. Ты знаешь дальнейшие перспективы.

Тяжелая тишина опустилась на всех. Маррок уставился на Брэма, который отказывался идти на попятную. Он мог быть расчетливым ублюдком, но Оливия не думала, что тот был лжецом.

— Маррок, думаю, он прав.

Мужчина полоснул по ней взглядом, в его глазах пылала ярость.

Она подняла руки, чтобы притушить его гнев.

— Понимаю, ты не доверяешь ни колдуну, ни моему отцу... Но еще я точно знаю, что, доверившись магии, ты получил меня.

— Да, но что, если Брэм говорит правду и его друзья совсем недавно помешали планам Анарки? Тогда пройдет немного времени, прежде чем они вернутся. Можем ли мы позволить такое упрямство?

Маррок перевел взгляд с Оливии на Брэма, затем обратно.

— Я не хочу тобой рисковать.

Он говорил так тихо, этот огромный человек-гора, пока гладил ее по щеке. Говорил ли он слова, подобные этим, потому что она что-то значила для него, или из-за того, что она была средством достижения такой желанной цели? Сейчас не время беспокоиться об этом.

— Остаться здесь звучит так, словно мы подвергаем себя неоправданному риску. Мне страшно. Даже если мы не пойдем с моим отцом, я думаю, нам следует отправиться куда-то еще.

— Книга...

— Мы возьмем ее с собой.

Она схватила его руку, гладившую ее щеку, чтобы убрать ее. Но он согрел ее; прикосновение к его мощным запястьям, жилистым и твердым, ее успокаивали.

— Как пожелаешь.

Маррок выстрелил в ее отца потемневшим взглядом.

— Она остается со мной. Точка.

Затем он повернулся к Брэму.

— Я пойду в твой дом ради Оливии.

— Там достаточно места и сильная магическая защита вокруг. Сейчас это самое безопасное от Матиаса и Анарки место. Вы сможете покинуть его в любое время. И вы можете спрятать книгу там, где пожелаете.

Маррок вышел из комнаты и вернулся мгновение спустя с Дневником Апокалипсиса в руках. Как обычно, Оливия спиной почувствовала ту силу, что он излучал.

— Охренеть, не верю своим глазам.

Брэм смотрел на книгу с благоговением.

— Он найден! — закричал ее отец.

— Итак, что мы имеем...

Из ниоткуда в дверном проеме появился Лукан.

— Здесь Анарки, их сотни! Предстоит работенка.

прим. переводчика:

* кисмет — в исламе — неизбежность, предопределение, полная предрешенность Аллахом всех событий в мире, судеб людей. Учение о божественном предопределении, проповедуемый в исламе фатализм

Глава 11

Оливия нервно посмотрела в проем входной двери и увидела огромную толпу людей в серых одеждах, украшенных спереди кроваво-красным незнакомым ей символом.

— О, Господи, — шокировано произнесла она.

Брэм едва слышно выругался.

— Пора сваливать! Берем Оливию и Дневник, и я перенесу нас всех в мой дом.

— Я не покину свое жилище без боя.

Маррок был готов защищать все, что ему принадлежит.

— Тогда отдай мне книгу. Позволь мне ее охранять.

Своим взглядом Маррок ясно дал понять Брэму, что он ни за что этого не сделает.

— Упрямый идиот.

Брэм приблизился к двери и крикнул: — Приготовьтесь, будет сложно. В бой!

Герцог буквально влетел в толпу соперников. Неподалеку яростно размахивал своим магическим оружием Лукан. Трое Анарки упали замертво. Всех остальных также затронуло действие заклинания, но через пару мгновений они вновь поднялись на ноги, как зомби, и снова стали пробираться к двери дома. Когда они подошли ближе, Оливия ахнула. Их кожа была мертвенно-бледной. Один добрался до порога, глядя на нее своими бесцветными злыми глазами.

— Что это? — придя в себя, воскликнула она.

— Когда-то они были людьми, — ответил ее отец. — По сравнению с колдунами Анарки, эти существа не имеют души.

— Я не понимаю.

— У Матиаса не хватает колдунов для своего дела, поэтому он подбивает людей вступать в свои ряды. Он похищает способных представителей человеческой расы — чаще всего, военных. Он вырывает их души, а затем подчиняет себе их мысли и действия. Ничто не может разорвать эту связь, кроме физической смерти тела.

Еще один из этих жутких Анарки приблизился к двери. Потом еще один. Маррок и Ричард спустили их с порога. Одному удалось зайти внутрь и сильно сжать Оливию в своих гниющих руках. От его хватки ее рубашка распалась на лоскуты. Холод сочился из монстра, как из ходячего морозильника. Задыхаясь, девушка отскочила назад. От такой неожиданности у нее затряслись поджилки. Это... нечто едва коснулось ее своей гниющей плотью. Но глаза на давно умершем лице были живы — и безжалостны.

Маррок сунул книгу ей в руки и схватился за свой меч. С могучим рыком он нанизал на него трех зомби одновременно. Черная кровь стала сочиться из их носов и ртов. Хотя Оливия и обрадовалась тому, что их остановили, она в страхе крепче прижала к себе книгу. Однако Маррока, казалось, ничего не заботило. Одним ловким движением он вытащил свой меч из груди мертвых тел и затем срубил голову еще одному бездушному чудовищу, направляющемуся в сторону Оливии.

Матиас обозначил ее как цель, и этих существ было слишком много, чтобы побить их с помощью приемов самообороны и газового баллончика.

— Может, мне лучше спрятаться с книгой в задней части дома?

Не останавливаясь ни на секунду, Маррок перешагнул через тела и снова пошел в атаку.

— Нет. Они могут пойти за тобой.

Метко подмечено.

Ее мужчина подлетел к следующей паре полумертвых Анарки и снес им головы. У нее как камень с плеч свалился. Да! Ее чувства не имели под собой ни капли логики; он был бессмертен и в случае ранения все равно исцелился бы, но... что, если с ним что-нибудь случится? Без Маррока ее жизнь, казалось, снова превратится в ничто.

Интересно, когда это она начала влюбляться в этого неотесанного бессмертного?

Прямо сейчас это не имело значения. Она не бросит его, если, конечно, ее насильно не заберут сегодня эти живые мертвецы. Развернувшись, она побежала вдоль по коридору.

— Оливия!

Крик Маррока разнесся эхом во всем доме.

Спустя несколько мгновений она вернулась с парочкой пистолетов. Когда девушка

решила съехать из дома матери и жить самостоятельно, она начала ходить на курсы самообороны, где ее и научили стрелять. Там же она приобрела свой собственный пистолет. Она, возможно, и не разбиралась в видах оружия, но точно знала, как снять оружие с предохранителя, целиться и стрелять.

Маррок стоял в дверном проеме, отбиваясь от двух полумертвых существ. Он сделал шаг назад. Они, как сомнамбулы, попытались последовать за ним. Мужчина присел и махнул своим мечом, словно бейсбольной битой, разрубив тела чудовищ напополам.

Оливия постаралась сдержать рвоту, когда черная жидкость брызнула из их тел и начала обильно вытекать на крыльцо, измазывая каменные изваяния, деревянную поверхность и землю у порога. Но ее воин Темного времени несмотря ни на что снова бросился вперед. Этих ужасных созданий стало еще больше. Однако Маррок, казалось, убьет любого, кто попытается причинить ей вред, или же принесет себя в жертву, стараясь защитить свою пару.

Брэм, Лукан и Герцог, продолжали свои магические атаки, окидывая взглядами все продолжающих собираться Анарки. Ричард переместился на скат крыши и переключился на тех противников, которые еще не были порублены на куски.

Вскоре большая часть здоровых Анарки, все маги, лежали связанными у ног Лукана. Брэм вздохнул и убрал свое оружие.

Он что, ненормальный? Здесь осталось еще по меньшей мере несколько сотен этих монстров. Или он ожидал, что Маррок в одиночку сделает из них мясной фарш? Шансов на победу было слишком мало даже у такого доблестного воина как Маррок.

Мгновение спустя Брэм попытался ударить одного из полумертвых. В первый раз он промахнулся, едва удержавшись на ногах. Во второй раз треск костяшек разнесся по всему двору. Колдун скривился от боли и затряс рукой, произнося несколько отборных слов, которые повторил еще раз, когда увидел, что Анарки продолжают прибывать.

Маррок находился слишком далеко, чтобы помочь Оливии. Полумертвые существа приблизились к двери. Брэм попытался ударить одного из них. Но его удар не нанес вреда монстру. Наоборот, тот заметил девушку и начал пробираться к ней быстрее.

— Оливия! — окликнул ее Маррок.

— Я разберусь, — ответила она.

Она не хотела умирать или становиться личной игрушкой Матиаса. И будь она проклята, если позволит этому дьявольскому отродью прикоснуться к Дневнику Апокалипсиса. Тот, кто создал этих бездушных тварей, ни за что не должен получить книгу, обладающую такой невообразимой силой. Проглотив свой страх, Оливия зажала книгу между колен, взяла один из пистолетов со столика рядом с ней и сняла с предохранителя. Она направила дуло в сторону одного из зомби и постаралась прицелиться. Ее руки дрожали, пока девушка смотрела на приближающееся к ней существо — одного из целой армии, идущей за ним. Когда-то оно было человеком, у которого была семья, друзья, люди, которые оплакивали его смерть. Как она может вот так запросто его убить?

— Оливия, стреляй! — выкрикнул Маррок.

Она закусила губу. Ее пальчик оказался на курке.

— Он больше не жилец, — пронесся голос отца в ее голове. — Он не сможет снова стать человеком. Ты делаешь услугу ему и себе, избавляя его от страданий.

Возможно..., но она чувствовала себя убийцей. За ним собралось еще несколько ужасных существ, пытавшихся отрезать им пути к отступлению. Поток ледяного воздуха

охладил ее мысли. Вдруг один из предметов мебели пролетел мимо нее, и она оглянулась на Брэма, который уже снова вовсю размахивал волшебной палочкой. Диван и кресла, несколько столов — все были собраны у двери, чтобы преградить гниющим телам Анарки вход в дом.

Первый все же сумел прорваться сквозь блокаду и рванул к ней, глядя на нее своими хищными глазами с жадой убийства. Сейчас не время для сострадания.

Оливия лучше прицелилась и нажала на курок. Зомби остановился и содрогнулся. Немного дыма вокруг пулевого отверстия, и вот уже потекла его черная кровь. Спустя пару секунд он упал в кучу своих уже навсегда мертвых братьев. Несмотря на ее успех, другой Анарки стал вести себя более агрессивно. Он с ликованием в глазах отшвырнул мебель в сторону. Сейчас не было времени задаваться вопросом, поступает ли она правильно, поэтому девушка снова выстрелила.

Бинго! Прямо в голову. Черная жидкость разбрызгалась повсюду: по стенам, полу и даже ее рубашке. Мгновенно напомнил о себе рвотный рефлекс, особенно когда она увидела, что осталось от его головы.

— Дай мне пистолет, — рявкнул Брэм, который уже добрался до двери. Костяшки на его руках сильно кровоточили.

Он выглядел уставшим, его одежда превратилась в лохмотья, а волосы как будто стали жертвой урагана.

Она бросила второй пистолет через всю комнату. Брэм, схватив его, пробрался через баррикаду и стал стрелять, лишь иногда попадая по цели. Он как будто хотел перегнать всех в рейтинге по количеству выстрелов.

— Дай мне попробовать, — крикнул Лукан с другой стороны баррикады.

Брэм бросил ему оружие. Результат... тот же. Так продолжалось до тех пор, пока у них не закончились патроны.

У нее отвисла челюсть. Разве этих колдунов никогда не учили драться или использовать оружие?

Брэм проворчал: — По телевизору это занятие кажется легче.

Затем он протянул руку и схватил ее за плечо, закрыл глаза и замер. Он что, молится? Это было, конечно, хорошо, но разве сейчас ему не лучше сражаться вместе со своими друзьями?

— Прибыла еще партия Анарки, — голос Брэма прозвучал в ее голове. — Слишком много, чтобы биться с ними. Бездушных людей невозможно убить с помощью магии. Мы должны уходить!

— Маррок. — Брэм подал воину знак, что тому нужно вернуться в дом.

Она выглянула во двор, где Маррок стал расчищать себе путь к двери. Солнце уже садилось за горизонт, бросая отблески на море черной склизкой жидкости на земле.

Внезапно Лукан исчез. Герцог также последовал его примеру.

Это, должно быть, то тактическое отступление, о котором говорил Маррок. Она понимала. Шансов выйти победителями практически нет, судя по множеству рваной одежды, красных символов и мертвых лиц.

Брэм обхватил ее рукой. Мгновение спустя Маррок влетел в дверной проем и перелез через баррикады. Три дюжины Анарки последовали за ним, пытаясь заполучить в свои руки Оливию и дневник.

Брэм обратился к ней: — Держи крепче книгу!

Затем он ухватил Маррока за руку и что-то пробормотал себе под нос.

Внезапно перед глазами Оливии потемнело. Ей казалось, что земля ушла из-под ног, и она падает, падает... девушка чувствовала себя как на американских горках, когда после подъема следует резкий и быстрый спуск. Но когда она подумала, что вот-вот разобьется, тут же приземлилась на ноги. Рука Брэма, как и раньше, крепко держала ее, книга все еще находилась у нее в руках. Маррок появился с другой стороны колдуна. Он, казалось, был в растерянности, не зная, стоит ему злиться или нет. Они оказались в богато украшенной комнате, отделанной золотом, похожей на одну из опочивален дворца, которые так часто описывают в книгах.

— Куда ты нас перенес?

— К себе домой.

Маррок стиснул зубы, выказывая этим свое недовольство. Он согласился приехать сюда... но не без условий.

Огянувшись вокруг, Оливия ахнула...

— Где мой отец?

— Тоже телепортировался. Скорее всего, в свое убежище, — заверил ее Брэм. — С ним все будет в порядке.

— И что теперь? — спросила она.

— Вы сами то целы? Я имею в виду вас обоих.

Последние несколько безумных минут мгновенно замелькали перед глазами: сражение, повсюду черная кровь, отдача от пистолета в ее руках, как она отстрелила голову зомби и та покатила по полу.

— Не отключайся.

Брэм крепче ухватил ее за плечи.

— Тебя ранили?

Маррок ловко вырвал Оливию из рук колдуна и обнял ее, а затем попытался самолично удостовериться, все ли с ней хорошо.

— Оливия?

— Я в порядке. А ты? Их было так много. Я волновалась...

Он нежно коснулся пальцем ее губ, и она замолкла.

— Я цел и невредим. Я сталкивался с таким в бою и прежде... я бессмертный, запомни. Не беспокойся обо мне.

Брэм вмешался.

— Нам необходимо немедленно спрятать книгу. Я должен попросить тебя отдать ее мне, чтобы укрыть в безопасном месте.

Маррок едва открыл свой рот, чтобы отказаться от предложения, но его остановили следующие слова Брэма.

— Тем не менее, есть другой вариант. Вы проводите несколько часов здесь. Найдите место, к которому сложно добраться и невозможно угадать его локацию. Мы с Сабэль пока улучшим защиту дома, чтобы снизить вероятность проникновения сюда Анарки. Сейчас это лучшее, что мы можем сделать.

Что-то в словах Брэма — в том, как он их произнес — заставило ее задуматься.

— Что будет, если Анарки смогут проникнуть в твой дом?

Брэм послал ей тяжелый взгляд.

— Сперва помолимся, ну а потом будем драться, как никогда ранее.

Час спустя Маррок мерил шагами роскошную комнату, которую слуги Брэма подготовили для них с Оливией. Кремовые, золотые и бронзовые цвета господствовали в этой просторной спальне, украшенной в духе Людовика XIV. Ничего лишнего, но очень шикарно. Все самое наилучшее, Брэм бы не потерпел другого. Избалованный малый.

Главным предметом мебели в этой комнате была огромных размеров кровать. Ах, сколькими способами он может затащить Оливию в эту постель... Маррок тряхнул головой и продолжил осмотр комнаты в поисках подходящего места для тайника, предназначенного для хранения Книги Судного Дня.

Ванная находилась за многочисленными кушетками да стульями, где за закрытой дверью его обнаженная и влажная от воды супруга, намыливала свою шелковистую кожу... а он торчал здесь, сотрясаясь от желания чувствовать, что она жива и находится в его руках.

Стоять!

Книга. Он должен хорошенько ее спрятать. Сейчас же. "Осмотришься", — сказал Брэм. Ублюдок. Но колдун не был дураком, он знал, что Маррок не будет прятать книгу слишком далеко, она должна будет всегда находиться в его поле зрения.

Снова оценивая комнату, Маррок искал место для тайника. Здесь нет никаких открывающихся половиц, как у него в особняке. Огромный ковер размером от стены до стены делал эту задумку бесполезной. Его покров был настолько толстым, что он мог бы и не заботиться о том, чтобы уложить Оливию в постель. На полу им тоже будет мягко. Маррок мог бы широко развести ее ножки, так, чтобы ее колени устроились в изгибах его локтей, мог бы войти в нее и почувствовать, как она сжимается вокруг него...

Сосредоточься! Мебель, несмотря на свою красоту, не имела никаких потайных мест. Маррок прихватил с собой нож и мог бы спрятать книгу в матрас — но это слишком легко. И может помешать, когда они с Оливией будут спать или заниматься любовью.

Думай! Несмотря на то, что сказал Брэм, за Книгой Судного Дня могут охотиться не только Анарки. Маррок не сомневался, что Брэм будет расценивать ее нахождение в его доме как возможность заполучить древний манускрипт.

Сегодняшняя битва шокировала и обеспокоила Маррока своим масштабом и сроками. Вчера на вечеринке Оливия мысленно буквально в громкоговоритель объявила о том, что книга находится в его руках, и это определенно не осталось без внимания. Если верить Брэму, то двое его друзей отразили небольшое нападение Анарки несколько часов спустя. А вскоре после этого Оливия позвала своего отца, который сразу же явился в его дом — со сворой Анарки, наступающей ему на пятки. Совпадение?

Маррок закрыл глаза. Хотелось верить, что не внезапное появление в их жизни Ричарда Грэя послужило тому причиной. От предателей стоит ожидать только одного — перехода на ту сторону, которая выгодна им. Вопрос был в другом: какая роль отводилась Оливии в его зловещем плане?

Он не хотел верить в то, что его пара способна на предательство. Такое двуличие... даже мысли об этом причиняли боль. Но что, если она затаила обиду на него после их ссоры?

Оливия не была любительницей Анарки, отсюда и ее удивление, когда она узнала о том, что ее отец в прошлом был одним из них... Но как далеко она способна зайти, чтобы заслужить любовь своего давно потерянного родителя? Девушка переехала в другую страну, чтобы начать новую жизнь и отыскать отеческую любовь. Он не хотел верить, что она пойдет так далеко, чтобы завоевать признание своего отца... однако такая возможность

существовала.

Несмотря на сомнения, когда его пара появилась в дверном проеме ванной комнаты в одном лишь полотенце, часть воина пожелала, чтобы он снова смог списать их связь на магические козни. Но в глубине души он знал — дело было в самой Оливии. Она со своей застенчивой храбростью и очаровательной наглостью затронула что-то внутри него, что, как он думал, давно умерло. Такая красивая. Может ли она быть его ядом? Он хотел ее больше всего на свете, нуждался в ней больше, чем в воздухе. Интересно, на нее брачная связь производит такой же эффект?

Все еще влажная после душа, она вцепилась в полотенце, крепче прижимая его к своему голому телу.

— Маррок, с тобой все в порядке?

Настоятельная необходимость вновь убедиться в ее невредимости, чтобы успокоить возникшее волнение, взяла над ним верх.

Должен. Быть. В ней. Сейчас же!

Маррок сбросил полотенце со своей талии и стал приближаться к ней. Широко раскрыв глаза, Оливия смотрела на то, как он пристально ее рассматривает. Ну, и само собой на его эрекцию.

Он что, серьезно? Ее все еще потряхивало после произошедшего, ее мысли до сих пор были переполнены яростью, ужасом и предчувствием, что дальше будет только хуже.

Она произнесла первую отговорку, которая только пришла в ее голову.

— Маррок, я вся мокрая.

— Еще не настолько. Но мы это исправим.

Он пресек ее дальнейшие попытки поцелуем. Зарывшись пальцами во влажные локоны, Маррок навис над Оливией и требовательно завладел ее губами. Неудержимая страсть в его прикосновениях все ближе и ближе подталкивала ее к краю, но прямо сейчас она хотела мира, обрести способность здраво мыслить, выяснить, что, черт возьми, случилось и почему. Она не хотела снова сдаваться на милость этого человека, который жаждал ее только потому, что она могла помочь разрушить его проклятие.

Оливия вывернулась из его хватки.

— Сейчас мне не нужна энергия.

— Я хочу к тебе прикоснуться.

Он резко притянул ее к себе.

— Я не буду с тобой трахаться только потому, что у тебя подходящее настроение.

Все его тело напряглось. Глаза слегка прищурились.

— Ты совершенно обесцениваешь то, что происходит между нами. Я не хочу с тобой трахаться. Я хочу ТЕБЯ.

— Интересно, почему это? Нас преследуют очень плохие парни, и до этого мы поссорились...

— Я не могу не прикоснуться к тебе после того, как увидел, что Анарки отчаянно тебя преследуют.

Он мягко обхватил пальцами ее затылок.

— И ты, глупая, но храбрая женщина, сделала то, что было необходимо. Ты застрелила их. Мне нравится твой боевой дух. Но если бы я был простым смертным, ты точно отняла бы у меня десять лет жизни.

— Я здесь. И я в порядке.

— Слава Богу.

Он обхватил руками ее лицо.

— Как только это чертово сражение закончилось, я захотел тебя с новой силой. Я хочу знать, что ты жива и невредима. Что ты *моя*.

Она закусила губу. Его слова всколыхнули ее душу. Как же прекрасно это чувство принадлежности кому-то, желанности. Но все, о чем он говорил, могло быть всего лишь уловкой, чтобы удержать ее подле себя. Снова все упиралось в его проклятие. Маррок никогда за полторы тысячи лет не состоял в отношениях с женщиной. Он придал новое значение выражению "закоренелый холостяк". Он никого не любил, и надеяться на то, что она может быть той самой женщиной, которую он окажется в состоянии полюбить, по крайней мере, просто безрассудно.

— У нас нет времени на секс. Мы должны спрятать книгу и решить что делать дальше.

— Ты права.

Маррок разочарованно вздохнул и снова натянул полотенце. Но спустя пару секунд он вновь прижимался к ее теплому и мягкому телу.

— Но послушай меня. Да, мы поссорились до нападения. Ты была на меня зла. Но это ничего не меняет. Мы супруги. Как только спрячем книгу и будем уверены, что находимся в безопасности, мы займемся любовью.

Оливия сглотнула. Ее пульс ускорился. Безрассудно или нет, но она верила — и отвечала — ему. Уверенность в его взгляде, руках говорила о том, что, так или иначе, она имела для него значение... даже если не понимала почему.

— Это угроза?

— Клятва. Я сохраню и уберегу то, что мне принадлежит.

— Наплевав на то, чего хочу я?

— Пытаешься сказать, ты меня не хочешь?

Она не могла сказать "нет", не солгав при этом. Девушка хотела его, и это была не просто связь. Он был упрям, и с ним очень сложно... и он мог использовать ее, но это не меняло того факта, что он быстро нашел путь к ее сердцу.

— Средневековые замашки?

Его хватка усилилась.

— Ты можешь вытащить человека из Темных времен, но...

— Да, да! Ты не можешь вытащить Темные времена из человека. Прекрасно. Давай сейчас сосредоточимся на том, что нам нужно спрятать книгу. С остальным мы разберемся позже. По рукам?

Маррок заскрежетал зубами. Его не осчастливило такое заявление.

— Хорошо.

— Мы не можем вернуться в твой дом. Уверена, что Анарки практически сравняли его с землей, когда искали книгу, — Оливия скривилась, — прости.

Он напрягся.

— За что? За то, что ты позвала своего отца?

— А это принципиально важно? — она уставилась на Маррока. — Ты ведь не думаешь, что он привел с собой Анарки? Учитывая то, что сказал Брэм, они в то время уже вычислили нас, помнишь?

— Да.

Однако он, видимо, не принял во внимание ее напоминание.

— Но Ричард привел за собой еще больше.

— Мы не можем знать этого наверняка. Я просила прощения за то, что Матиас узнал о том, что книга у тебя, когда я случайно подумала об этом на вечеринке у Брэма.

— Ты не знала о том, что другие могут слышать твои мысли. Как и не знала, что твой отец сделает с полученной информацией.

Она отошла от него.

— Не думаю, что мой отец имеет что-то общее с этим нападением. Да, Ричард когда-то бился с ними на одной стороне, но он увидел, насколько ошибочны его действия, и самолично помог избавиться от Матиаса.

— Как ты можешь знать, что за двести лет Ричард Грей не поменял снова свое мнение?

Он схватил ее за плечи.

— Оливия, у него, скорее всего, есть друзья по обе стороны баррикад. С его связями он точно заслужил по отношению к себе их лояльность. Ты просто отчаянно хочешь получить одобрение своего отца, чего тебе так не хватало от матери, которая не показывала к тебе своей любви. Я понимаю...

Она снова высвободилась из его рук.

— Ты кто? Доктор Фрейд?

— Если тогда ты увидишь вероятность того, что он может и не быть отцом из твоих девичьих грез, то да.

— Именно поэтому у тебя никогда и не было серьезных отношений. Ты не заботишься о чувствах других, если они переворачивают твой мир с ног на голову.

Она резко повернулась к нему спиной. Маррок схватил ее за руку и снова развернул к себе лицом.

— Разве тебе не интересно, от кого Матиас узнал о том, что книга у меня?

Она выдохнула. Черт, хороший вопрос. Но все же зачем ее отцу рисковать своей жизнью и расправляться с Матиасом? Только для того, чтобы вернуться на темную сторону?

— Брэм сказал, что очень много людей вчера слышали мои мысли.

— Но твой отец уже однажды работал рука об руку с Матиасом.

— Я не думаю, что он может предать нас — меня — во всяком случае. Шок тоже мог прочесть мои мысли. Он сделал это, когда нас представили друг другу.

— Шок — не святой. В этом я согласен с тобой. Но твой отец имел мотив, связи и историю. Обман течет в крови рода ле Фэй.

Оливия нахмурилась.

— Но я тоже ле Фэй. Думаешь, я тоже обманщица?

Глава 12

— Я ЭТОГО НЕ ГОВОРИЛ. Я просто указал на то, что ты не знаешь Ричарда, — уклонился он от вопроса. — Возможно также, что Матиас принудил твоего отца быть уступчивым. Он настоящее зло, чьей глубины тебе никогда не постичь.

Она нахмурилась.

— Его заставили. Я полагаю, что это возможно...

— Ага, и если он добудет книгу для Матиаса, маг вполне способен простить твоему отцу его прошлые прегрешения. Он может вернуть свою жизнь. Больше не нужно будет избегать смерти, дышащей в спину. Я знаю, тебе не нравится думать, что воображаемый

отец, облик которого сложился у тебя в сознании, может не существовать, но считаю, что для спасения своей шкуры Ричард Грей, вполне вероятно, готов лишиться дочери, которую едва знает.

— Я не поверю в это без доказательств. Там, откуда я родом, люди считаются невинными, пока не доказано обратное.

Внутри него закипало разочарование. Каждый инстинкт вопил о том, чтобы сохранить ее в безопасности, но как он мог это сделать, если она отказывалась видеть угрозу, притаившуюся в собственной родословной?

— У тебя нет фактов в его пользу.

Ярость на лице Оливии напомнила Марроку о том, что спор приведет лишь к тому, что она оттолкнет его и выгонит их своей постели, в следствии чего он не сможет ни защищать ее, ни претендовать на ее тело.

— Я просто прошу рассмотреть такую возможность, — успокоил он. — Ты верно говоришь — мы не знаем его намерений. И если бы я знал наверняка, кто раскрыл местоположение книги Матиасу, я бы лучше понимал, как ее защитить.

Она потянулась к халату, что принесла Сабэль, и накинула его. Девушка обернула его вокруг себя и только потом вытащила полотенце, Маррок посетовал на то, что не смог увидеть ни кусочка ее гладкой бледной кожи.

— Верно.

Своими пальчиками, как гребнем, она стала причесывать влажные пряди длинных волос цвета полуночи. Он мечтал помочь ей в этом.

— Но мы ничего не знаем, поэтому должны спрятать книгу.

Мы. Двусмысленная формулировка. Она хотела помочь своему супругу? Интересно, Оливия сохранит информацию строго между ними?

Маррок надеялся, что дочь увидит намерения своего отца, — какими бы они ни были — до того, как своим стремлением получить его одобрение поставит на карту все. По крайней мере, она признала, что потенциально Грея могли вынудить ее предать. Маррок надеялся, что сможет поддерживать эту настороженность.

— Да, именно так мы и поступим.

Она оглядела маленький красный томик, лежащий на столе.

— Где? Не думаю, что будет разумно прятать книгу там, где мы не сможем ее уберечь. В противном случае, Брэм легко найдет ее сам.

— Я так и думал.

Включая свою пару в процесс поиска убежища для книги, он преследовал несколько целей. Это удерживало их вместе. С помощью нескольких наставлений она могла спрятать книгу магическим способом. И если до тайника доберется Ричард Грей, это покажет Марроку, как охотно она стремилась угодить отцу. В этом был ключевой момент. Защищая и нуждаясь в ней, он все же сомневался в том, что если бы она предпочла ему Грея, это ослабило бы Маррока. Он хотел верить в честность, которой лучились ее глаза.

Если она его предаст ... ну, он об этом узнает так или иначе. И его вечные страдания станут еще более нестерпимыми, чем раньше.

Раздался краткий стук в дверь, которую Маррок с размаху рванул на себя. Слуга протянул ему подогнанную под их размеры одежду, очевидно об этом позаботилась Сабэль. Оливия переодевалась в ванной, но когда он надел брюки, был вынужден признать, что сестра Брэма блестяще освоила магическое домоводство.

— Сидят идеально, — сказала девушка, выходя из ванной в джинсах и простой черной футболке с V-образным вырезом, привлекательно облежавшей ее грудь.

Он делал все от него зависящее, чтобы уважать тот факт, что сейчас его пара не хотела секса. Желание держать ее поближе к себе и вопрос, надела ли она бюстгальтер, заставляли его чувствовать возрастающее ощущение неудобства в новых джинсах.

— У тебя есть идеи, куда спрятать книгу?

— Здесь не так много мест.

— Я пришел к такому же выводу.

— Но я думала...

Маррок приготовился возражать насчет ее повторного предложения отдать дневник Ричарду на «хранение». Однако до того, как она успела сказать хоть слово, в дверь снова постучали. Маррок потянул ее на себя, открывая с растущим нетерпением. Если Брэм и его работники собирались продолжать и дальше быть костью в горле, им с Оливией придется пойти в другое место, чтобы получить хоть каплю гребаного покоя.

На пороге с нерешительной улыбкой стояла сестра Брэма. Вероятно, она была самой красивой женщиной, которую он — или любой другой мужчина — когда-либо видел. Молодая ведьма казалась добродушной и мягкой, но за этими голубыми глазами таились ум и хитрость.

— О, замечательно. Одежда подошла.

Она улыбнулась.

— Размер в размер. Мы благодарим тебя.

— Мне было несложно. Итак, кто-нибудь голоден? Анарки были очень грубы, вломившись к вам до того, как вы успели поесть.

Оливия кивнула.

— Я проголодалась.

— Завтрак подадут в столовой через четверть часа. Вниз по лестнице и налево. Следуйте на запах яиц и сосисок.

— Спасибо.

Оливия улыбнулась Марроку.

— Мы благодарны тебе и твоему брату.

— Для нас это честь.

«Естественно», — думал Маррок. Сейчас Брэм стал на шаг ближе к Дневнику Судного Дня. Сабэль отвернулась, чтобы уйти, но вдруг вернулась обратно.

— Да, чуть не забыла...

Она щелкнула пальцами, и в ее руках появился маленький кожаный томик.

— Это для тебя, Оливия. Это книга простых заклинания для начинающих. Мой брат сказал, что ты не получила магического воспитания, верно?

— Да, правильно.

— Это поможет тебе наверстать упущенное, так что ты сможешь исполнить немного колдовских трюков до перехода. Вряд ли ты сможешь создать огненное озеро, но, практикуясь, освоишь азы... например, как спрятать дневник от моего брата.

Она подмигнула и ушла. В момент, когда Маррок закрыл дверь, Оливия нахмурилась.

— Разве она не хочет, чтобы ее брат получил книгу?

— С одной стороны да, но...

Он пожал плечами.

Оливия открыла маленький том.

— Это может нам помочь. Что если я создам тебе кусок дерева? Ты можешь вырезать тайник для дневника, может что-то, чтобы... Я не знаю, пристроить к мебели или как-то прикрепить к потолку? Или, может, мы могли бы найти способ запереть его там.

Он смотрел на нее. Ничего о Ричарде. Просто они двое...работают вместе.

С растущей надеждой он внимательно осматривал мебель, в глаза бросалась масса различных возможностей. Прикрепить его внутри шкафа рядом с дверью или с комодом возле большого светлого окна — это он сможет сделать. Или под массивной кроватью. Он мог вырезать что-нибудь размером с книгу и смешать с находящейся здесь мебелью. Маррок улыбнулся. Ее решение было простым, но блестящим.

— Тебе нравится эта идея? — спросила она.

— Обожаю ее.

Он не мог сопротивляться желанию ее поцеловать.

Оливия засияла. Быть может, он и был глуп, когда так цинично ее судил, считая, что взросление без магии сделало ее слишком доверчивой? Возможно, он недооценил ее волнение при встрече с отцом, и принял его за неоправданную, бездумную преданность? Или, возможно, она пытается втереться Марроку в доверие, прежде чем решит помочь Ричарду, одновременно заслуживая его расположение.

Хоть воин и ненавидел эти мысли, но игнорирование вероятности подобного исхода событий лишь еще больше ставило их обоих и книгу под угрозу. Кровь возьмет свое. Если Оливия была типичным потомком Ле Фэй, ее принадлежность скоро завопит об этом.

— Ты зарвавшееся ничтожество! Нахрена ты меня вызвал? Мне было уютно с блондинкой и пинтой эля.

Брэм посмотрел на мага. Почти два метра ростом, горящие зеленые глаза... с Айсдернусом Рикардом шутки плохи. Но Рион не считал свой поступок глупым. Времена тяжелые... Притащить Айса под собственную крышу было, безусловно, отчаянной мерой.

В Рикардах было много коварства, к ним испытывали недоверие. На протяжении веков они ложью и обманом прокладывали свой путь к большой доле недвижимости, частью которой оказались земли семьи Брэма. Несмотря на то, что законные владельцы зачаровали почву так, что в чужих руках она была необработанной и мертвой, соперники отказались ее вернуть. Многие из них были незаконнорожденными. Но это было незначительным фактом в сравнении с личными историями, происходящими между ними. Однако в данный момент Брэм не мог себе позволить такую роскошь, как ненависть.

— Если я потребовал твоего присутствия сегодня, Рикард, это потому, что Матиас вернулся и мир магии в тяжелом положении. Ты уже слышал об этом, верно?

— Да.

Лукан пересек комнату и встал рядом с Брэмом.

— События последних дней вызывают тревогу, и все становится лишь хуже.

Колдун кивнул.

— Это правда. Дневник Судного Дня найден. Он...

— Проклятый ад, приятель! Ты захватил его? Спрятал? — потребовал ответа Айс.

— Нет.

Выражение лица Рикарда было одновременно недоверчивым и потрясенным. В этот момент Брэм мог только надеяться, что Оливия как можно скорее разрушит проклятие

Маррока. Он должен получить этот чертов дневник, пока Матиас не нашел способ его украсть.

— Когда придет время, мы обезопасим его, — заверил колдун. — В настоящее время им владеет Маррок Кэдбери. Он наверху вместе со своей парой.

— Этим утром на него напали Анарки, — добавил Лукан. — Мы боролись, едва спасли книгу и наши жизни.

Айс выругался. Его лицо, будто идеально вырезанное из камня, стало напряженным, его сузившиеся глаза полыхнули яростной зеленью.

— Нам нужна твоя помощь. Если только ты не хочешь, чтобы судьбу твоей сестры разделило еще больше похищенных страдающих женщин.

— Не смей использовать имя Джайлин, чтобы спровоцировать меня!

— Я не собирался тебя оскорблять, просто пытался помочь понять экстренность ситуации, — процедил Брэм и повернулся к остальным мужчинам.

Лукан поддержал его, молча кивнув. Герцог рассматривал окружающую обстановку от скуки, но колдун не был обманут его мнимым спокойствием. Брэм продолжил.

— Что, если он запугал детей и уже учит их создавать черную магию? Если мы не поторопимся...

— Поторопимся? — прервал Айс, стиснув челюсти так сильно, что стало удивительным, как у него еще сохранили коренные зубы.

— Он уже получил души этих детей. Сейчас мы не можем им помочь.

— Ты предлагаешь ждать, пока Матиаса обретет больше сил? Для того, чтобы Анарки собрали как можно больше магически одаренный детей и людей и околдовали их? Когда мы уже начнем принимать меры? Когда Матиас выбьет наши двери и замахнется на все, чем мы дорожим?

Напоминает то, как магическое сообщество действовало в прошлый раз. Брэм не произнес этого вслух; он и не должен был. Все присутствующие и так знали, что их люди не спешили действовать во время последнего восхождения Матиаса к власти. Никто не хотел верить в то, что среди них появилось такое зло. Только горстка отважных волшебников решилась бороться, сумев победить Матиаса и избавить колдовской мир от этой раковой опухоли.

— Все мы знаем, кто низверг Матиаса в прошлый раз.

— Братство, — пробормотал Герцог.

— Шок, ты опоздал. Ты знаешь о Братстве?

Они обернулись к человеку, входящему в комнату. Вошедший колдун хмуро посмотрел на Лукана из-за темных стекол очков, затем перевел взгляд обратно на Брэма.

— Я умею читать и знаю историю магии.

Это не все, на что он, по слухам, был способен — но то были лишь слухи. Шок, как и весь его клан, был очень замкнутым. А его длинные волосы были дополнением к сомнительной внешности. Сложенный сильным и выносливым, Шок был устрашающим ублюдком даже в лучшие дни. В худшие же... никто не смел доводить его до крайности. Потомки его родословной, как правило, рано или поздно сходили с ума. Поэтому Брэм задавался вопросом, как близко к этой грани находился Шок.

Разъяренный маг хмурился, глядя на Лукана так, словно хотел помочь ему с приобретением билета в один конец на собственные похороны. Конечно, он был бы не против, учитывая историю их взаимоотношений.

— Я не намекал на то, что ты не знаешь историю колдовского мира. Но ты едва родился, когда Матиас последний раз был у власти.

— Я в курсе насчет того, что произошло.

— После победы Братства над Матиасом Д`Арком прошло почти двести лет, — продолжил Брэм. — Они разошлись, поклявшись, что если мир магов вновь увидит наступление темных времен, они воссоединятся.

— Они наверняка все сменили образ жизни или перешли в мир иной, — возразил Айс.

— Я не предлагаю искать старых членов Братства; я предлагаю заменить их.

— Стать Братством, чтобы низвергнуть Матиаса и Анарки? — голос Айса больше не звучал раздраженно.

— Вот именно. Но в отличие от прошлого Братства, у этой группы другие задачи. Под этой крышей находится Дневник Судного Дня. Крайне важно держать его подальше от рук Д`Арка. Поэтому я предлагаю совместить старые и новые цели.

— Мы защищаем книгу и побеждаем Матиаса? — спросил Айс.

Брэм утвердительно кивнул.

— Кто со мной? Некоторые из вас уже помогли уберечь дневник, но кто официально присоединится к делу?

— Ты знаешь, что я готов, — незамедлительно ответил Лукан.

Колдун ответил другу благодарным кивком.

— Я присоединюсь. Это гораздо интересней, чем наблюдать, как мои родители планируют свадьбу брата с человеческой девушкой, — пробормотал Герцог.

Брэм выдохнул с облегчением. Вместе с Герцогом придут его мощные связи и значительное состояние. Теперь остались Айс и Шок — двое, которых трудно убедить. После первой атаки Матиаса Шок утверждал, что поможет, но с тех пор он в основном отсутствовал. Колдун был просто огромным и вселял в других животных ужас ... когда показывался на глаза. Но, появившись здесь, он бросил вызов своей семье. Это могло что-то значить.

Шок повернулся, становясь спиной к Лукану.

— Слушайте, я с вами не ссорился. Пока у меня не будет совместной работы с тем, кто украл мою пару, я...

— Украл пару? — прорычал Лукан.

— Ты и я вместе издавали воззвали к ней. Она выбрала меня. Я не крал.

— Ты медлил с Клятвой до тех пор, пока не узнал, что я уже сделал ей предложение и она думает дать мне свое согласие. В моем словаре подобные поступки значатся под грифом «воровство».

— Я не крал ничего, что не хотело быть украденным, ты, ублю...

— Господа, — прервал Брэм, в его тоне проскользнуло дружеское предупреждение.

Лукан был его другом, но Брэм чувствовал нечто похожее на симпатию к Шоку.

— Я буду держать вас двоих так далеко друг от друга, как это только возможно, — пообещал колдун.

Когда Лукан прошептал проклятие, он продолжил:

— Нам нужен Шок, и что бы плохого ни было между вами, отложите ваши разногласия в сторону. Спасение магического мира значительнее и важнее этого.

Затем он повернулся к Шоку.

— Спасибо тебе.

Тот пожал плечами, поправил солнечные очки и снова расположился в уединенном углу.

— Что насчет тебя, Айс?

— Спутаюсь ли я с кучкой богатеньких ничтожеств и сумасшедшим? — жесткий смех Айса был подобен царапанью о стены. — Блять, нет.

— Хочешь, чтобы Матиас разорил магическое сообщество?

— Я хочу защитить то, что осталось от моей семьи.

— Тогда помоги нам остановить Д`Арка.

— Кто в таком случае останется и защитит близких? У тебя есть сестра. Представь, что такое знать, что такой больной урод, как Матиас, захватил ее и заставил...

— Не вмешивай в это Сабэль.

— Почему? Матиас не исключил Джайлин из своей адской программы. Мы получили только разбитое сердце и исковерканное тело с его выжженным знаком.

— Тогда делай хоть что-нибудь.

Айс колебался.

— Мне не нужен скучающий богатенький мальчик и добрый самаритянин на этой прогулке. Я сделаю все сам.

Повернувшись, Айс направился к двери, быстро покрывая пол из итальянского паркета широкими, размашистыми шагами. Брэм знал причину, по которой нуждался в нем. Ему необходимо пустить в ход тяжелую артиллерию — и немедленно.

— В одиночку он просто убьет тебя. Неужели этого хотела бы Джайлин?

В эту минуту перед лицом Брэма раздался хлопок, и появилось облачко белого дыма. Слава Богу. Он ожидал этого: фото тела Орофы МакКинет, девушки из его видения. Магическое сообщество знало о нападении на семью, но созерцание ужасной и трагической гибели на картинке оказало гораздо большее влияние. Брэм ненавидел то, что использует жуткую гибель девочки для того, чтобы достичь своей цели, но это был один из наиболее вежливых вариантов. После того, как дым рассеялся, изображение все еще парило в воздухе. То, что он увидел, могло напугать до чертиков каждого, кто имел сердце или мозг.

— Хочешь, чтобы больше невинных женщин оказались в таком положении, как это?

Он послал изображение через всю комнату, прямо в лицо Айса. Остальные мужчины столпились вокруг.

Ноги и руки широко раскинуты, молодая ведьма смотрела с картинки с молчаливым страхом в ее незрячих глазах. Когда-то она была хорошенькой. Сейчас она смотрелась напуганной, подвергшейся насилию, оскверненной. Кровь пропитала ее бедра и землю между ними. Ее лобковые волосы были удалены, но на их месте на нежной коже красным клеймом горел символ Анарки, подпись Матиаса.

— Боже Правый, — пробормотал Герцог и опустил глаза вниз.

Лукан поморщился и отвернулся.

Шок отпрянул.

— Больной ублюдок.

— Это будет происходить снова и снова, пока мы не в состоянии объединиться, — заявил Брэм.

— Айс?

Глаза мужчины светились яростью, возмездием, чудовищной грустью, хотя он и пытался казаться равнодушным на пределе своих возможностей. Наконец, Рикард сглотнул и

закрыл глаза. Он вздохнул.

— Я в деле.

Оливия смотрела в зеркало ванной и вздохнула от разочарования. Маррок взглянул на нее из-за угла.

— Что-то не так?

— Ни косметики, ни заколок для волос, ни щетки...

— На тебе не было никакой косметики, пока на днях мы не заглянули к тебе в квартиру.

— Но я одалживала твою расческу.

— И поэтому на ней появились длинные волосы? — поддразнил ее он.

Ее сердце дрогнуло от его улыбки. Ей действительно придется строго следить за собой ... хотя часть ее боялась этого, но все было бесполезно. Она и так уже беспокоится о нем намного больше, чем должна. Но почему Маррок ее дразнит? Чтобы сгладить их недавние рассуждения о его лжи, успокоить после того, как подозревал ее отца?

— У меня здесь ничего нет, — проворчала она.

— Я выгляжу...

— Великолепно?

Боже, этот мужчина может быть таким милым, что в него почти невозможно не влюбиться.

— Как беглянка.

— Ты не заботилась о своей внешности в моем коттедже.

— Ну, это были просто мы, и ты был сексуально возбужденным похитителем. Разумеется, я не хотела сногсшибательно выглядеть.

Он рассмеялся.

— Я посмотрю, где можно раздобыть все необходимое после завтрака.

— Спасибо.

— Я хочу заботиться о тебе. Так поступает супруг. Помни, я буду защищать тебя от любой угрозы.

Включая ее отца. Прежде, чем она смогла ответить, он запечатлел короткий яростный поцелуй на губах пары, взял за руку, схватил Дневник Судного Дня и вывел ее из спальни. Они спустились по лестнице и двинулись по широкому просторному коридору с плиточным полом, отделанным с потрясающей изысканностью, обе стороны пути обрамляли ряды мраморных колонн. Когда они приблизились к столовой, Оливия увидела Брэма, ожидающего их за открытой слева дверью.

— Завтрак будет готов в ближайшее время. Могу я поговорить с тобой для начала? — спросил хозяин дома Маррока.

— Оливия, можешь пройти, если хочешь.

Воин напрягся, будто готовясь к битве.

— Рион, мы ценим твое гостеприимство, но не побеспокоим вас надолго. Я сомневаюсь, что ты вежливо станешь интересоваться продолжительностью нашего пребывания, поэтому, полагаю, предстоящий разговор связан с Дневником Судного Дня и отклоняю «милостивое» приглашение.

Оливия увидела, что его руки сжимаются вокруг книги. Он будет охранять ее всем своим существом. Может, ради бесценного артефакта он даже готов притвориться, что предан ей?

— На самом деле, это не имеет ничего общего с книгой и касается утренней битвы. Пожалуйста.

Брэм снова указал на гостиную. Вздыхнув, Маррок положил руку Оливии на талию и повел ее в комнату. Комнату? Это было больше похоже на музей. Позолоченный камин, семейные ковры. Традиции, смешанные с современностью, смотрелись эклектично и дорого. А предметы искусства? Ей хотелось заплакать от того, как красиво все здесь было. Пока она изучала каждый уголок, ее челюсть падала все ниже. Неужели это оригинал Поллока на стене? По соседству стояла статуя, которая очень сильно ей напомнила...

— Это Бернини?

Брэм рассеяно нахмурился.

— В искусстве у нас больше разбирается Сабэль, но думаю, что да. Пожалуйста, присядь.

Они опустились на небольшую бархатную софу перед огромным панорамным окном, в которое уже вовсю светило яркое солнце радостного утра. Трудно было поверить, что всего пару часов назад они сражались за свои жизни. Оливия была так ослеплена предметами роскоши, что не обратила внимания на остальных мужчин в комнате. Троих она помнила по вечеринке колдуна. Одного не знала вообще.

В дальнем углу стоял не то моряк, не то байкер, агрессивный, одетый в кожу в комплекте с темными очками и имиджем убийцы, она вспомнила, что его звали Шок. Лукан, с виду спокойный, но время от времени рычащий на грозного мужчину — хороший признак того, что драка с Шоком не станет для него проблемой, хотя тот был выше Лукана на десять сантиметров и тяжелее почти на двадцать килограммов.

Возле двери маячил самый настоящий аристократ — Герцог, проницательный, породистый и великолепный. Его дизайнерские брюки цвета хаки, свежая рубашка и бесстрастный взгляд соответствовали дворцу Брэма.

Но был еще один незнакомый человек... Он казался размером с гору, почти такой же высокий, как Маррок, но вместо того, чтобы привлекать суровой мужской красотой, он наоборот ей отпугивал. Его короткие темные волосы щетинились на голове. Настойчивый зеленый взгляд пригвоздил ее к месту. Модельные скулы были как будто вырезаны резцом скульптора на его сильном лице. Ниже шеи все было в стиле Конана-варвара: огромные плечи, бицепсы и грудные мышцы. Он был одет в черную футболку, камуфляжные штаны и покрытые коркой грязи военные ботинки.

Маррок, стоящий рядом с ней, сжал Дневник мертвой хваткой.

— Что это, черт возьми, засада? Я не откажусь от книги.

— Смотри на это, как на коллективную просьбу.

Оливия видела, что маг дразнит, высчитывает, но не без особого напора. Глаза Маррока сузились от чистой ярости — неудивительно. Оливия также почувствовала себя невольной участницей сговора.

— Я не отдам тебе артефакт.

— Я не буду этого просить. Ответ мне давно известен. Что нам нужно сейчас, так это твоя помощь.

— Моя помощь?

Колдун кивнул.

— Во-первых, спасибо, что ринулся в бой сегодня. Если бы не ты, Лукана, Герцога и меня захватили бы Анарки.

— Не благодари меня за защиту своей пары. Это ее я пытался спасти, не вас.

— Конечно. Я и не сомневаюсь, однако, раз ты не преминул заметить, что остальная часть Братства Судного Дня и я...

— Братство Судного Дня? — прервал Маррок.

Брэм снова кивнул.

— Мы волшебники, объединившиеся вместе, чтобы уничтожить Матиаса и помочь вам защитить книгу. Лукан и Герцог, с которыми вы познакомились на моей вечеринке, захватили Анарки перед вашим домом сегодня рано утром.

Они кивнули Марроку.

— Наряду с Шоком, которого вы также встречали на моей вечеринке.

Субъект в коже усмехнулся.

— И Айс — его вы пока не знаете.

— Пятерых волшебников достаточно, чтобы победить армию Матиаса? — задала вопрос Оливия.

— Нет, особенно после того, что мы видели сегодня утром. Анарки в большинстве своем состоят из числа бывших людей, чем магов. С колдунами мы можем бороться с помощью магии. Полумертвые...

Колдун пожал плечами.

— Они отражают магию. Я не уверен, как, наверное, потому что у них нет души.

Она вздрогнула. Это звучало ужасно. Они выглядели устрашающе. И она знала, что снаружи их еще много.

— Как они становятся такими монстрами?

— Темная магия. Душа не может быть удалена из тела без согласия. Он или она должны освободить ее. После того, как Матиас захватывает их, он использует свои отточенные навыки, чтобы люди сами попросили его об этом. Обещание стереть травмирующие воспоминания или прекратить невыносимую боль способно побудить практически каждого отдать ему душу. Тогда, с небольшой частицей темной магии... Впрочем, итог вы и сами могли наблюдать.

— Но как тогда можно противостоять армии этого безумца?

Брэм ответил с мрачной улыбкой.

— Я считаю, сперва нужно сократить число Анарки не-магов. Матиас сделал их невосприимчивыми к заклинаниям, чтобы Братство Судного Дня не смогло с ними бороться.

Колдун вновь обратил серьезный взгляд на Маррока.

— Поэтому нам нужен ты. Мы должны обучиться человеческой борьбе, чтобы уничтожить полумертвых. Ты сделал шашлык из нескольких за раз. Я видел, как ты их пробил. Оливия застрелила двоих. Этот метод работает. Но мы ничего в этом не понимаем. Матиас убьет нас, если мы не научимся сражаться, как вы.

Маррок откинулся на спинку стула.

— Ты хочешь, чтобы я научил вас пользоваться огнестрельным оружием, ножами, обучил рукопашному бою?

— Именно. Всему, что может быть использовано против людей-Анарки. Волшебные палочки бесполезны в их случае. Все члены Братства Судного Дня — воины до мозга костей. Я знаю, жертвы являются частью войны, но не могу отправить их в бой, если они даже не знают, как победить противника.

Маррок ничего не сказал, пауза затягивалась, и Оливия спросила себя, о чем он

задумался. Наконец, Брэм прервал тишину.

— Ты, вероятно, задаешься вопросом, что это значит для тебя, почему ты должен разделить жребий с нами. В обмен на обучение нас человеческому бою, мы клянемся, что обеспечим магическую защиту Дневника Апокалипсиса и твоей супруги.

С тихим щелчком пальцев Брэм создал три изображения.

— Это последствия нападения Анарки.

Оливия тотчас же закрыла рот руками, чтобы сдержать крик и раздражение. Кровь повсюду. Хаос. Невидящие глаза. Голые, поруганные тела. Мужчины, женщины, дети. От изображений разило болью. Ее желудок сдавило, она отвернулась. Маррок сжал челюсти. Он хотел быть равнодушным к этим изображениям, но не мог.

— Это мог быть любой из нас, — продолжил Брэм.

— Все мы мертвы, если не объединимся вместе, чтобы остановить Матиаса. Он не успокоится, пока не будет обладать книгой. И ты, — он снова взглянул на Оливию, — особенно подвержена риску. Согласно словам нашего пленника, Матиас верит, что ты ключевое звено его плана. Он убьет любого, чтобы добраться до тебя. Да поможет тебе Бог, если, конечно, сможет.

Девушка сглотнула, страх иголками пронзал тело. Увидев эти картинки, она не хотела стать жертвой Матиаса, раздетой и связанной, использованной и истекающей кровью, заклеенной и оставленной умирать.

— Что еще этот маг сотворил после своего возвращения? — голос Маррока был еле слышен.

— Бессчетные исчезновения. Число пропавших среди мужского населения Англии в прошлом месяце выросло в три раза, я только что узнал об этом. Также были произведены две атаки на магические семьи, одно покушение — на члена правящего Совета. Другое — на семью с двумя дочерьми брачного возраста. Одна девушка мертва, другая пропала без вести.

Оливия указала на одно изображение.

— Эта картинка изображает, что сделал Матиас с мертвой женщиной?

— Это называется Террифорз, — отозвался пугающий мужчина у двери.

— Скажи им, Айс, — предложил Брэм и повернулся в сторону Рикарда, пока тот пробирался между стульями Оливии и Маррока.

— Это магическое изнасилование. Матиас тащится от пыток, — голос Айса дрогнул. — Террифорз убивает медленно. Он заставляет жертву просить об этом, но оставляет в полном сознании того, что ее насилюют снова и снова. После того, как Матиасу надоедает смотреть на нее, он отдает ту своей армии. Она умирает от потери крови. Только тогда он готов перейти к следующей жертве.

Оливия ахнула, и Айс обратил свой зеленый взгляд на нее. Она почувствовала мгновенный озноб. Сказать, что он смотрел на нее, как будто она была насекомым под микроскопом, было бы преуменьшением.

— Ты — женщина Ле Фей.

— Оливия.

Может, ей следует протянуть ему свою руку? В конце концов, она этого не сделала. Он слишком пугающе выглядел.

— Кажется, вы в полном дерьме, иначе бы вас здесь не было.

— Анарки знают адрес моей супруги.

Айс взглянул на Маррока и поклонился ему коротким кивком. Воин вернул

приветственный жест.

— Как я уже говорил, — продолжил Брэм, — мы владеем умением драться, как смертные. Армия Матиаса состоит из существ, невосприимчивых к магии. Как мы можем поддерживать баланс в колдовском мире, когда попросту не в состоянии бороться с ними?

— Как много может достигнуть ваша пятерка? — спросила Оливия.

— Скорее всего — недостаточно, — признался Брэм. — Но это лучше, чем не пытаться вообще.

Маррок колебался, затем сжал челюсти.

— Я не хочу в этом участвовать. Остаться здесь, значит подвергнуть Оливию еще большей опасности.

Маррок все еще сжимал книгу побелевшими пальцами.

— Я заберу ее в другое место и...

— А если они будут преследовать вас? Найдут вас?

— Они не смогут.

— Чушь собачья! — прогремел колдун.

— Теперь, когда они знают, у кого книга, они будут отслеживать вас, где бы вы ни скрывались. И они уже это сделали.

Маррок отклонил слова Брэма взмахом руки.

— Матиасу помогли найти меня.

— Согласен. Кто-то на вечеринке подслушал мысли Оливии и пришел за тобой, но мы не знаем наверняка, кто нас предал. И это не меняет того факта, что Матиас...

— У меня есть мысль насчет того, кто нас предал, — произнес вдруг Лукан.

— Кто?

Маррок повернулся лицом к волшебнику. Оливия напряглась, надеясь, что чертова теория Лукана будет лучше, чем версия Маррока. Это не мог быть ее отец. Не мог. Конечно, она не так хорошо его знала, и он когда-то был вторым после Матиаса, но не имело смысла сначала захватывать злодея в плен, а потом помогать ему снова возвращать власть. Она доберется до сути всего этого. Скоро.

Обжигающий синий взгляд Лукана прошелся по всей комнате.

— Шок может читать чужие мысли. Он должен был услышать Оливию прошлой ночью. Его семья кишит сторонниками Матиаса. Сколько твоих братьев оказалось Анарки, Шок? Зейн, которого мы захватили, уж точно.

При звуке имени брата Шока затрясло.

— Он еще почти ребенок, мать твою.

— Достаточно взрослый для того, чтобы надеть плащ Анарки и пойти убивать людей. Ты бы хорошенько нажился, если бы тоже принял возвышенные идеалы равенства Матиаса.

Шок перепрыгнул через диван, чтобы схватить Лукана за горло.

— Ублюдок! То, что хочу, я беру сразу и без промедления. Нытье и ничегонеделанье больше по твоей части.

Лукан с трудом сдержал атаку Шока, подняв руку, которая, казалось, создавала невидимое силовое поле. Но это усилие дорого обошлось. Пот выступил у него на лбу. Он напрягся, на его шее вздулись жилы, пока он изо всех сил старался удержать контроль. И все же Шок сохранил запал и продолжил проклинать Лукана так витиевато, что у Оливии отвисла челюсть.

Наконец, Дензель вскинул руку в направлении Лукана. Комнату наполнил жужжащий

звук. Лукан начал задыхаться, как будто бы на его грудь давил вес тысячи фунтов, затем дрогнул. Он опустил руку, и Шок вторгся в его личное пространство, с рычанием оборачивая руки вокруг шеи МакТавиша.

— Слушай, ты, дрочер, я...

— Ты не чистокровный, твоя кровь смешана — прохрипел Лукан. — И вся твоя семья известна злыми помыслами. Думаешь, после возни с Брэмом станешь лучше? А может, ты потворствуешь Матиасу?

Пальцы Шока сильнее сжали шею Лукана.

— Твоя жена слишком хороша для тебя.

Лукан наклонился к лицу Шока.

— Слухи правдивы? Ты наполовину вампир? Или заражен Темной Похотью? В этом причина, по которой ты носишь темные очки, чтобы скрыть свои голодные взгляды, которые не можешь контролировать?

— Очки для того, чтобы ты не смог различить момент, когда я начну разрывать тебя голыми руками.

— Успокойтесь, вы оба! — рявкнул Брэм.

Видимо, он решил, что этого аргумента достаточно, и Оливия не могла его винить. Лукан наслаждался тем, что изводил Шока. А Дензель... Разве полувампиры существуют?

Колдун, хоть и не самый устрашающий по виду из присутствующих в комнате, взял на себя роль лидера; он был спокоен большую часть времени, но не в ситуации, когда пора было показать свое лицо — сейчас.

— МакТавиш, я знаю, что между вами с Шоком есть... спорные вопросы. Но я не верю в то, что он нас предал. Помогая нам, в первую очередь он встал против большей части своей семьи и до сих пор остается в таком положении.

— Как шпион! — настаивал Лукан.

Оливия согласилась, иначе ей пришлось бы свыкнуться с мыслью, что ее предал отец.

— Ты далек от истины, мудака, — выплюнул Шок.

Оливия не сомневалась, что за солнечными очками мага скрывался убийственный взгляд.

— Достаточно, — произнес Брэм Лукану, прежде чем обратился ко всем остальным.

— Правда в том, что мы точно не знаем, кто наш Иуда. Я отказываюсь верить в то, что это кто-то, из здесь присутствующих.

Он бросил тяжелый взгляд на МакТавиша.

— Тебе ли этого не знать. Информацию мог получить любой телепат на вечеринке. Любой из них мог передать Матиасу, и мы, скорее всего, не узнаем кто. Борьба с Анарки и уничтожение полумертвых являются нашим приоритетом. Итак, Маррок, ты присоединишься к нам и будешь нас тренировать?

Глава 13

Маррок откинулся на спинку стула. Его прожигали шесть взглядов, но ни один из них не мог сравниться со взглядом Оливии. Они были лишены возможности восполнить и усилить свою связь, поэтому на данный момент в его голове господствовал хаос. Но с этим придется подождать.

Вероятность того, что девушка была в сговоре со своим отцом, чтобы заслужить любовь

этого мужчины, не давала ему покоя. Но игнорирование того факта, что, возможно, она отдалилась от него самого, потому что была на стороне родителя, только подвергало Оливию и книгу большей опасности. Он не мог позволить себе принимать решения, основываясь на страхе, отрицании и незнании магического мира. Маррок нуждался в союзнике. Хотя он ненавидел это признавать, но долг защищать книгу и Оливию, борьба с Анарки и Матиасом были слишком тяжелы для него одного. Он был хорошим воином, и эта его часть всегда ведала, с кем объединяться. И он знал только одного человека в этой комнате, который, без сомнения, никогда не встанет на сторону Матиаса Д`Арка. Маррок оторвал взгляд от беспокойного взора Оливии и сосредоточился на Брэме.

— Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

На лице колдуна промелькнуло удивление, но Маррок умел читать эмоции. Его просьбу ждали.

— Отлично. Оставьте нас, — сказал Брэм остальным мужчинам. — Позвольте мне поговорить с воином.

Пожимая плечами, со смесью недовольства все вышли из помещения, за исключением Оливии, которая не сдвинулась ни на дюйм. Хотя ей, как никому другому, не следовало этого слышать. Маррок повернулся к ней:

— Прости, любимая. Ты не могла бы оставить нас на минутку?

Его просьба причинила ей боль. Маррок увидел оттенок эмоции в ее ослепительных фиолетовых глазах, но не стал извиняться. Если он удостоверится в том, что его опасения не верны, он найдет миллион способов попросить прощения у нее. Если нет...

Девушка сдержанно встала и вышла. Брэм тихо прикрыл за ней дверь.

— Что у тебя на уме?

— Я бы не сказал, что мы находимся в дружеских отношениях.

— Я пытался. Ты, кажется, не оценил моих тонких чувств.

— После моего горького опыта с Морганой ты должен понимать, почему я не доверяю тем, кто владеет магией.

— И теперь, я надеюсь, ты придешь к выводу о том, что не все мы — злые уроды.

Маррок слабо улыбнулся.

— После утреннего нападения я пересмотрел свои позиции. Я не доверяю никому, кроме — никогда бы не поверил, что скажу это — тебя. Когда ты пересек магический круг вокруг коттеджа, стало ясно, что ты мог войти и украсть книгу в любое время, когда бы пожелал.

Брэм кивнул.

— Почему ты сдержался?

— Чтобы выстроить твое доверие. Я не знал точно, где ты прячешь дневник. Кража не лучший выход, потому что я не был уверен, какие темные чары последуют за этим. Некоторые предметы бывают прокляты, и, если они отняты у владельцев, из-за них могут происходить плохие вещи.

— Как если бы книга закрылась и больше никогда не открылась?

— Или хуже. Болезни, смерти, трагедии...

— Только это тебя и сдерживало?

— Я продолжал надеяться на то, что если помогу тебе освободиться от проклятия, ты передашь книгу в мои руки на хранение. Такой мощный волшебный артефакт должен быть надежно защищен от Матиаса. Все это приводит нас к тому, что пока твое проклятие не

снято и связь с книгой не разорвана, ее кража может принести больше вреда, чем пользы.

Логично, предположил Маррок, с магической точки зрения.

— Ты встречался с Ричардом Греем до своей вечеринки?

— Нет. Он звонил мне однажды, много лет назад. Но само собой я о нем читал. После того, как Оливия сказала, что этот человек ее отец, я пустил слух среди представителей магического мира, что владею информацией, которая, возможно, будет полезна Грею. Когда он появился на моей вечеринке, я спросил, есть ли у него дети. Он снабдил меня именем, возрастом и лондонским адресом Оливии.

Почему ее отец так много знал об Оливии, но никогда не стремился с ней познакомиться?

— Ты просто напросился организовать воссоединение отца с дочерью? Сомневаюсь, что у тебя были столь трогательные мотивы.

— Оливия твоя пара, но она Ле Фэй. Я не считаю совпадением, что одна из женщин Ле Фей создала инструмент для твоей пытки, а другая стала твоей половинкой. Так или иначе, Оливия — ключ к твоему проклятию.

— И если ты поможешь мне найти покой, то получишь Дневник Судного Дня еще быстрее.

Брэм одарил его печальной улыбкой.

— Да, но Ричард Грей знает об артефакте больше, чем кто-либо еще.

Маррок вздохнул и откинулся на спинку стула, соединив кончики пальцев двух ладоней друг с другом.

— Мое сотрудничество, если я соглашусь на это, не будет бесплатным.

— Разумеется.

У Брэма были стальные нервы. Хотя он и выглядел спокойным, Маррок знал, что будущее Братства — по сути магического — зависит от человеческой способности к убеждению, нацеленной на воина, ненавидящего магию, для того, чтобы он обучил волшебников драться так, как дерутся смертные.

Их с Оливией жизни зависели от способности ускользать от Матиаса, Маррок был уверен, что они смогут сделать это и без магической помощи. Если прадед Брэма смог победить такую стерву, как Моргана, то воин полагал, что у его правнука есть навыки для борьбы с Матиасом.

— Оливия будет под защитой — независимо от того, кто угрожает ей, чего это будет стоить или как много людей при этом погибнет.

— Это уже данность. Она имеет решающее значение для обеих сторон. Мы допросили Зейна, Анарки, которого захватили Лукан и Герцог. Его миссией было доставить Оливию к Матиасу невредимой и вместе с книгой. Матиас назвал ее «ценной» для своего дела.

Мысли пронеслись в голове Маррока со скоростью света, кровь заледенела в жилах. Он с трудом подавил желание выругаться. Вместо этого он скрестил лодыжки, действуя так, словно его ничего не беспокоило.

— Так моя догадка насчет того, что Оливия является стратегически важной для книги, оказалась верной. Что приводит нас к бывшим союзникам Д`Арка. Я не доверяю Ричарду Грею. Если он заявится сюда, я хочу, чтобы за ним наблюдали. Ему ни при каком условии нельзя оставаться наедине с дочерью. Вдруг Брэм расхохотался.

— У тебя стальные яйца. При мысли о том, что их пара в опасности, у большинства

магов уровень паники по силе практически равен атомному взрыву. Тем не менее, ты сидишь здесь, невозмутимый, как скала. Неудивительно, что ты вписан в историю, как отличный тактик.

Кроме случаев, когда дело доходило до его члена. Оливия наверняка была ошибкой, которую он не должен был совершать, но Маррок не мог сожалеть об этом, даже зная, что из-за нее оказался в эпицентре войны; его мало заботило и то, что женщина, которую он защищал, могла в конечном итоге нанести ему удар в спину, чтобы порадовать родителя, никогда не утруждавшего себя ее поиском.

— Давай обойдемся без любезностей. Ты хочешь, чтобы я научил твоих людей драться, как воины, за... сколько недель? Дней?

Резко став серьезным, Брэм кивнул.

— У магов есть способности, позволяющие осваивать навыки быстрее людей, но мы не можем терять ни минуты. Матиас сделает все, чтобы заполучить дневник или Оливию. Нельзя допустить, чтобы он в этом преуспел.

— Именно. Это место должно стать крепостью, охраняемой всеми возможными способами.

— Здесь до сих пор действуют чары и заклинания, некоторые наложенные самим Мерлином. Оно непроницаемо.

— Назови меня старомодным, но мне нужны часовые на вершине башни, чтобы сканировать местность в любом направлении, каждую минуту каждого дня.

Ему бы хотелось иметь в распоряжении мощные винтовки или ракетные установки, но их было чертовски трудно раздобыть, да и подобное оружие было бесполезно в неподготовленных руках.

— И среди них должны быть только те, кому ты доверяешь, кто кровно заинтересован в нашем успехе.

— По рукам. Оливия и книга будут в безопасности настолько долго, насколько хорошо будут обучены члены Братства.

— Они научатся всему, чему нужно. Для этого потребуются ежедневные восемнадцатичасовые тренировки, прольется много пота. Тебе будет больно так, как никогда не было в твоей жизни. Ты будешь рыдать и молить о пощаде, но я не дам ни того, ни другого.

— Мы сами подписались на это испытание.

— Шок, возможно. Может быть, Айс. Если Лукан сможет направить свой гнев... — пожал плечами Маррок. — Герцог выглядит слишком изысканным, чтобы потеть часами. Скажи ему, чтобы оставил свои дизайнерские шмотки дома.

Брэм выдавил из себя улыбку.

— Да, сэр. А как вы оцените меня?

— Когда я с тобой закончу, ты больше не будешь выглядеть красавчиком с магическими способностями. Но ты будешь готов к схватке.

— Именно это и важно.

Брэм поднялся и протянул руку через стол.

— Мы договорились?

Маррок твердо взял руку колдуна и решительно ее пожал.

— Договорились.

После завтрака Маррок поднялся наверх, где нашел Оливию, развалившуюся на кровати

и читающую ее новую книгу заклинаний; видимо, девушка была раздражена, так как даже на него не взглянула. Итак, ей не понравилось, что он попросил ее покинуть кабинет Брэма. Это было к лучшему. Услышав от него очередное оскорбление в адрес своего отца, она бы разозлилась еще больше.

Оливия прикрыла веки, что-то пробормотала про себя, затем снова широко распахнула глаза.

— Проклятье!

— Что ты делаешь?

Она выгнула темную бровь.

— О, сейчас мне полагается впустить тебя и сделать вид, что между нами ничего не произошло.

— Прости, что оберегаю тебя от того, что, как я чувствую, станет ужасной войной.

Она взглянула на него и улыбнулась. Весь день Маррока терзало искушение накрыть ее губы своими, растянуть ее на кровати и брать до тех пор, пока она не закричит его имя и снова не признает крепость их уз. Но колдуны ждали, что он немедленно начнет их обучение. Их помощь в защите Оливии должна стартовать незамедлительно, независимо от того, насколько сильно он хотел поступить иначе.

— Я не тепличный цветок. Ты не можешь защитить меня от всего.

— Инстинкт защитника — это основа воинской природы. Я слишком стар, чтобы меняться.

— А я слишком независима, чтобы быть изнеженной.

Это была одна из тех черт, что одновременно и привлекала его, и приводила в бешенство.

— Я сделаю все возможное, чтобы запомнить это. Теперь скажи мне, почему ты выругалась.

— Ну, я догадываюсь, что ты собираешься обучать всех тех ребят драться, верно?

— Да.

— Тогда нам нужно спрятать дневник, пока ты не ушел.

Отличная идея. Он надеялся, что книга останется на время в безопасности, потому что все мужчины будут с ним... если, конечно, Оливия не связалась с отцом и не рассказала, где ее можно найти.

— Как это связано с твоими ругательствами?

Она бросила на него нетерпеливый взгляд.

— Перед завтраком мы говорили о том, что ты можешь что-нибудь вырезать, чтобы спрятать книгу в мебели. Так что я пыталась создать для тебя кусок древесины, чтобы ты смог его обработать.

— Не вышло?

— Ни хрена не получилось. Пока ты ел третью порцию яиц, я пыталась во всем этом разобраться. Я фокусировалась, представляя, чего хочу, наполняя это своей энергией. Я знаю, что мне не обязательно знать все тонкости магии, но... ох.

Он сел рядом с ней на кровать и заставил себя поцеловать ее в щеку — ничего больше.

— Я могу помочь?

Она пожала плечами.

— Я не вижу, как.

— Магия требует концентрации и желания результата?

— Да, но, может из-за того, что я еще не прошла превращение, для меня это слишком тяжело.

Он удивлялся самому себе, что, как идиот, поощрял ее занятия магией, но ему было ненавистно видеть ее в плохом настроении.

— Сабэль говорила, что эти заклинания достаточно просты. У тебя сильная кровь. Поверь в себя.

Оливия повернулась к нему и ласково на него посмотрела, этот взгляд словно ударил его в грудь... и ниже пояса. В считанные дни эта женщина буквально обернулась вокруг него, и независимо от того, как часто он говорил себе, что нужно от этого освободиться, он все равно не мог.

— Спасибо. Может быть, это поможет.

Она взяла его за руку и сжала. Закрыв глаза, Оливия сосредоточилась.

— Насколько большой кусок дерева тебе нужен?

— Достаточно такого, какой покроет поверхность дневника. Я найду способ прикрепить его к мебели.

Она кивнула и начала бормотать снова, стискивая его руку все сильнее. Черт возьми, кто мог знать, что его женщина настолько сильна? Вдруг на середине кровати появился кусок гладкого ствола вишни такого же цвета, что и остальная мебель.

Ее глаза снова распахнулись, и она пронзительно закричала.

— Я сделала это! Мой самый первый кусочек реальной магии!

— У тебя получилось.

Маррок не смог противиться шансу запечатлеть поздравительный поцелуй на ее губах. Она впервые использовала магию, чтобы помочь ему и никому больше. Он был слишком подозрительным, и поэтому ее жест в его сторону казался драгоценнее.

— В этот раз было легче. Я чувствовала больше энергии оттого, что ты рядом. Теперь можешь изготовить тайник для книги.

Маррок быстро обрабатывал кусок дерева, стоя на коленях у изголовья кровати, периодически измеряя его соответствие с нишей. Ловкими руками он мастерил до тех пор, пока брусок не вписался в угол за опорой одной из ножек кровати. Он положил книгу внутрь и закрепил ее в нижней части постели, поближе к голове. Когда он снова взял свою подругу за руку, Оливии удалось наколдовать замок и закрыть его с помощью заклинания. Если она искренне хотела ему помочь, то он должен как следует скрыть проклятую книгу. Если нет... Мужчина подавил эту мысль. Она помогла ему. Быть может, он должен оставить прошлое позади и судить Оливию по ее действиям, а не по кровной принадлежности.

Удовлетворившись на какое-то время этим результатом, Маррок сменил утреннюю одежду на футболку, спортивные штаны и кроссовки. Сейчас он был полностью готов обучать волшебников драться как смертные.

Через несколько часов Оливия закончила читать книгу простых заклинаний, теперь она больше практиковалась, ей удалось переместить картинную раму, повернуть кран, закрыть дверь — и все это силой своей мысли. Однако перемещаться в пространстве девушка пока не научилась. Она старалась не проявлять нетерпения; владение магией не придет в одночасье, как бы ей того ни хотелось. В некотором смысле быть причастной к магическому миру стало облегчением. Всю жизнь каждый человек — даже ее собственная мать — относился к ней так, словно она отличалась от них. Оказывается, это было правдой. Теперь, когда она знала

как и почему, это было просто потрясающе. За исключением того, что Маррок ненавидел колдовство.

А ведь у нее было так много вопросов, особенно о ее наследии. Пребывая в беспокойстве Оливия спустилась вниз. Она не могла избавиться от ощущения, что в том, что Маррок оградил ее от Брэма и всего процесса обучения, было что-то неправильное. Тот факт, что ее отец когда-то был правой рукой Матиаса, определенно мучил девушку. А ее супруг твердо решил не любить ее отца, основываясь только на прошлом. Она не могла его винить. Вероятность того, что Оливия покинула свой дом, чтобы найти человека, способного на страшные преступления, итак слишком давила.

Интересно, в душе отца остался отпечаток прошлых деяний? Наверняка, да, иначе бы он никогда не вышел на путь исправления. Но все ли заслуживают второй шанс? Да... однако, Маррок в этом сомневался. Оливия должна проверить каждую деталь. И пока она здесь, ей нужно узнать больше о проклятии Маррока и дневнике.

Девушка остановилась в большом холле и принялась рассматривать огромный роскошный дом. Несомненно, в таком месте, как это, должна быть библиотека.

— Вторая дверь справа от тебя, — услужливо подсказала Сабэль из-за спины.

Для начала Оливия повернулась к ней.

— Как ты узнала?.. Ох... — до нее дошла истина. — Я слишком громко думала, да?

Сабэль послала ей добрую улыбку.

— Нужно привыкнуть скрывать свои мысли. Когда появляюсь на публике, я стараюсь петь в уме какую-нибудь песню. Довольно светский способ. Люди очень быстро переключаются на другую волну, если ты пропеваешь про себя алфавит. А уж если петь мимо нот...

Оливия посмеялась над озорством хозяйки дома.

— Буду иметь это в виду.

Ведьма сократила между ними расстояние и предложила: — Нужна помощь с библиотекой? С обедом возни немного, а семейная коллекция книг весьма внушительна.

— Конечно.

Женщины дошли до открытой двери вдвоем. После того, как Оливия заглянула внутрь, у нее отвисла челюсть.

— Подумать только! Ты не шутила.

— Мой брат иногда кажется легкомысленным плейбоем, но на самом деле он прочел здесь почти все книги и постоянно приносит домой новые.

Ничего себе, Брэм — ярый читатель?

— Сколько здесь книг?

— Я перестала считать после восьми тысяч.

А почему бы и нет? Там, должно быть, вдвое или в три раза больше. Как она найдет то, что необходимо? Тревога и тикающие в голове часы подсказали ей, что начинать нужно прямо сейчас.

— Не паникуй. Что тебе нужно найти?

Проклятье, Сабэль снова прочитала ее мысли. Оливия начала напевать в голове одну из своих любимых песен и подумала, что это действительно скрывало ее опасения по поводу прошлого отца, проклятия Маррока и самого дневника.

— Еще нет, — подвела итог Сабэль. — На этот раз твои мысли было услышать сложнее. Продолжай практиковаться. О чем ты хочешь узнать в первую очередь? Вероятно, я смогу

помочь тебе с дневником. Брэм уже определил несколько книг, которые он хочет прочитать в ближайшее время.

Несмотря на докучливое любопытство женщины — и захватывающую дух красоту — Сабэль нравилась Оливии. Она была доброжелательной, умной, забавной и казалась по-настоящему хорошей. С ней было легко говорить. У Оливии было не так много друзей, поэтому такая подруга ей бы пригодилась.

— Это было бы здорово.

Сабэль пересекла комнату и достала стопку книг, положив их на огромный стол.

— Здесь все о проклятиях... Ты хочешь знать о том, которое одолевает Маррока?

— Если у нас получится открыть Книгу Судного Дня, как мы покончим с этими чарами?

— Пока не знаю точно, — ведьма шлепнула книги на диван между ними. — Давай почитаем.

Вдвоем они просматривали книги целый час. Оливия уже была готова вздохнуть от отчаяния, как внезапно нашла то, что заставило ее захлопать ресницами от восторга.

— Вот! Здесь повествуется о тех, кто видел, как Моргана использовала Дневник. Она делала в нем записи. Наш случай. Маррок говорил, что она записала в нем его проклятие. А значит, она может снять заклинание одним росчерком пера.

— Отлично. Но ведьмы здесь нет.

— Ага, — Оливия вздохнула. — В этом и проблема. Может... это смогу сделать я?

— Ты Ле Фэй. Все может быть.

Оливия прочла немного дальше, надеясь найти более подробную информацию.

— Здесь говорится, что она часто накладывала проклятия с определенными условиями, и когда эти условия выполнялись, чары разрушались. Заклятие Маррока действует по тому же принципу. Он сказал мне, что его проклятие имеет какую-то «лазейку», но он понятия не имеет какую.

Через несколько минут Сабэль заговорила.

— Человек, однажды проклятый дневником Морганы, пытался украсть его. Он клялся, что тот растворился в его руках и вернулся к хозяйке.

— Что это значит?

— Некоторые предметы не могут быть украдены.

— Но Маррок рассказывал мне, что одна из горничных Морганны украла для него Книгу.

— Правда? Моргана известна, как женщина, которая ценит мужские качества исключительно в постели. Возможно, она наложила на артефакт блокирующие чары против мужского пола.

Оливия ахнула.

— Один из моих профессоров называл его объектом женского благоговения. Как думаешь, в этом все дело?

— Все возможно.

— Пока мы не откроем его, то не сможем проверить теорию, что он реагирует только на женщин.

— Это правда, но если Матиас пришел к такому же выводу, это объясняет, почему он хочет захватить тебя вместе с книгой, а это плохо. Ты женщина и потомок Морганы, что, скорее всего, сделает книгу в разы мощнее.

Это чертовски испугало Оливию. Нападение на Маррока доказало, что Д`Арк способен на многое, чтобы получить желаемое.

— А вдруг для этого подходит любая женщина?

— Вероятность есть, но исходя из того, что мы только что прочитали, ни одна женщина еще не пробовала его открыть. Ты подходишь больше всех, и Матиас об этом знает.

Паршиво. И хуже всего было осознавать, что этот псих мог заставить ее отца завоевать доверие дочери. Если, конечно он еще не сделал этого.

— Если Матиас может превращать людей в Анарки, способен ли он с тем же успехом контролировать разум волшебников?

— Он не может никем управлять, пока не заберет его душу. Ты бы поняла это, бросив на жертву лишь один единственный взгляд.

— Потому что они похожи на бездушных тварей, гниющих монстров и все такое?

— Именно. Неважно маг или человек, он без души начинает умирать изнутри.

Оливия вздохнула с облегчением. Но это еще не означало, что Ричарда не могли принудить и немагическими способами. Ей нужно было найти что-то, объяснившее, что за человек ее отец.

— Как его зовут?

— Моего отца? Ричард Грей. Он сыграл важную роль в истории, но я пока не понимаю всех тонкостей. У вас есть книги, которые могли бы объяснить, что произошло?

— Конечно. Он помог свергнуть Матиаса, верно? Я еще не родилась в то время, но думаю, что помню имя твоего отца со школы.

— Он запомнился как герой?

Она затаила дыхание.

— Большинству — да, я думаю. Он определенно был показан с лучших сторон. Я покажу тебе.

Сабэль провела ее через всю комнату к затемненному углу и достала несколько книг.

— Они были написаны после изгнания Матиаса и содержат информацию о том, как это произошло.

Схватив их с жадностью, Оливия присела на кожаный диван. Через несколько минут она с улыбкой захлопнула одну книгу и взялась за другую. Потом еще одну. Каждый раз ее улыбка становилась все шире.

— Ну? — спросила наконец Сабэль. — Отличное исполнение «Старого МакДональда» кстати.

— Спасибо. Ты не слышала моих мыслей?

— Только фрагменты. Ты приятно пела.

Кивнув, девушка поднялась.

— В этой книге, как и во всех других, сказано, что когда Матиас начал похищать детей членов Совета, мой отец связался с ними и пообещал позаботиться об их безопасности. Предыдущие участники Братства охотились за Матиасом, и Ричард Грей предоставил им подробное расположение убежища злого колдуна, провел их через магическую защиту, сделав вид, что взял их в заложники. Затем вместе, Братство и мой отец, заманили Матиаса в засаду и изгнали. Братья одобряли его действия, родители почитали, а маги Анарки начали за ним охоту. Однако многие из его новых друзей прятали его у себя, некоторые — годами. Согласно этим источникам, хоть и поздно, но он был признан героем.

Если эти записи о его жизни были правдой, то она могла понять его отсутствие во время

своего детства, он просто не хотел привести смерть к ее порогу. Однако, если магическом миру было не чуждо ничто человеческое, то их история тоже писалась победителями, а не побежденными.

— Там есть что-нибудь еще о нем? Что-нибудь... не такое лестное?

— Да, но большинство из этого было написано сторонниками Анарки, отбросами, которые только и делали, что негодовали из-за того, что твой отец лишил их лидера. Те версии, которые ты прочла, — это то, чему учат в школе.

Теперь Оливия знала правду и была готова помочь отцу. Вероятно, она также сможет помочь и Марроку. Но что с ним случится, когда его проклятие перестанет действовать?

— Что ты имеешь в виду? — спросила Сабэль, услышав мысленный вопрос Оливии.

— Его сделали бессмертным. Но когда чары спадут...

Она не могла заставить себя произнести это, даже подумать о том, что Маррок умрет.

— Не знаю. Обычно связи пар прочнее, потому что супружество — это самая мощная магия. Но я никогда не встречала заклятий мощнее, чем творила Морганна.

Это означало, что после снятия чар было неизвестно, останется Маррок жив или нет. Даже если останется, он в любом случае хотел умереть. Боль, которая проникла в ее мысли, поведала о том, насколько близко она подобралась к тому, чтобы его полюбить. Оливия хотела позвонить отцу, поговорить с ним, выяснить, на чьей стороне он действительно находился, вывести то, что он знал о проклятии Маррока. В ней нарастало беспокойное нетерпение услышать его голос.

— Могу я воспользоваться вашим телефоном?

Сабэль щелкнула пальцами и материализовала аппарат мгновение спустя, а затем передала Оливии.

Ричард ответил запыхавшимся голосом после третьего гудка.

— Кто это?

Отец? Ричард?

— Это я, Оливия. У тебя все в порядке?

— Я сбежал от Анарки после ухода из вашего коттеджа. Они поджидали меня, когда я вернулся.

Сердце Оливии замерло.

— Но ты ушел от них?

— Я в порядке.

— Тебе есть, куда пойти?

Он колебался.

— Не волнуйся. Я найду убежище.

Кусая губы, Оливия повернулась к Сабэль.

— Мой отец нуждается в помощи. Я должна пойти к нему.

— Я слышала его, своими ушами. Тебе нельзя никуда уходить. Это слишком опасно.

Вылазка наружу была бы как неоновая вывеска для Матиаса и сигнал к тому, чтобы похитить девушку. А если в преданности ее отца были сомнения и он все же пошел на поводу у злоумышленников, ее выходка играла им на руку.

— И что? Ему нужна помощь...

— Пригласи своего отца сюда. Я разрешу ему пересечь нашу защиту на один день. Он может скрыться на некоторое время и улизнуть от Анарки.

Она сжала руки Сабэль. «Спасибо. Ты даже не представляешь, как много это для меня

значит».

— Я все слышу. Ты забыла про пение.

В течение нескольких минут с начала тренировки Маррок чертовски волновался. Маги были ужасны. Их навыки кулачного боя никуда не годились, а схватка на мечах вызывала безудержный смех. Огнестрельное оружие... он даже боялся его пробовать. Не говоря уже о том, во что — или в кого — они будут стрелять. Очевидно, со всем, что представляло такие же сложности в освоении, как боевые искусства, а тем более взрывчатые вещества или модифицированное оружие, придется подождать.

Но как только Маррок стянул потную футболку, подставив ноябрьским лучам солнца свою спину, он понял, что оказался в окружении мужчин, поклявшихся стать великими бойцами, и почувствовал с ними определенное родство.

Ему нравились те моменты братского единения с Артуром и его армией. В некотором смысле Брэм напоминал ему знаменитого короля: проницательный, справедливый... вводящий в заблуждение, когда ему это было выгодно. Воин подозревал, что у колдуна был грандиозный план помимо их союза, но он держал это в секрете, как часто делал сам Артур. Маррок ненавидел признавать это, но его мнение о Брэме сегодня значительно улучшилось. Избалованный, испорченный излишним вниманием пижон стал лидером. О, он все еще не доверял этому молодому прохвосту. Тот был волшебником и манипулировал, чтобы достичь своих целей. Но в данный момент воин знал, что приоритеты Брэма соответствуют его собственным.

День плавно перешел в начало вечера. После наступления темноты, еле волоча ноги, измотанные мужчины отправились в дом на перерыв. Огромное количество еды было уничтожено в момент.

— Вот ведь немагические ублюдки, — Айс повел плечами, преодолевая боль. — Чтобы освоить эту хрень, вы изматываете себя годами тренировок?

Герцог застонал:

— Фехтовать волшебной палочкой куда легче, черт вас дери.

— Проклятье. Не уверен, есть ли у меня еще ноги, — пожаловался Шок.

— Ты почувствуешь их завтра, — услужливо подсказал Маррок. — Большинство из вас, к сожалению, не в форме. Хотя внешний вид у вас вполне бодрый...

— Нам не полагалось размахивать двадцатикилограммовыми мечами по пять часов кряду или разносить кулаками чужие головы, — Лукан поморщился, пожав затекшими плечами.

— Подумайте, насколько лучше вы будете подготовлены к встрече с Анарки, — ответил Маррок.

— Это единственная мысль, которая заставляла меня двигаться в течение последних двух часов, — фыркнул Шок, — Я не собираюсь позволять каким-то бездушным ублюдкам с гниющей плотью дать мне пинок под зад.

— Еще, джентльмены? — прозвучал хриловатый женский голос с другого конца до безобразия длинной столовой.

Сабэль подняла блюдо, нагруженное едой. Герцог и Лукан поблагодарили ее и отказались. Шок последовал их примеру, очень медленно поднимаясь на ноги и матерясь как сапожник.

— Мне достаточно, — добавил Маррок, — мои благодарности за восхитительный ужин.

— Просто взмах моей палочки, — пожала она плечами, — это совсем не трудно.

Брэм лишь покачал головой и попытался выпроводить сестру из комнаты. Вместо этого она смотрела на Айса, по интенсивности взгляд которого мог сравниться с лазерным лучом. Сабэль подошла к нему.

— Нас не представили. Я Сабэль.

Он поднялся на ноги, его зеленые глаза вспыхнули опасным огнем.

— Айсдернус Рикард.

С ее личика исчезла улыбка.

— Большинство знакомых называют меня Айс.

Он попытался смягчить свой тон, Маррок оценил его попытку. Тем не менее, в голосе Рикарда присутствовало ничем не скрываемое рычание. Девушка отступила назад. Но Айс подошел к ней и протянул руку. Взглянув на его протянутую ладонь и яркие, сосредоточенные только на ней глаза, она медленно протянула ему свою ладошку.

Прежде чем они смогли обменяться рукопожатием, Брэм встал, широкими шагами преодолев расстояние между ними в тумане скорости, и заслонил сестру своим большим телом.

— Сабэль, ты выполнила свои обязанности хозяйки. Иди.

Отреагировав на услышанное, волшебница вскинула резкий взгляд на Брэма.

— Я женщина, а не послушная комнатная собачонка.

— Ты все еще моя сестра и моя подопечная. Я решаю, чью руку ты можешь пожимать. Выйди. Немедленно.

— Ты злоупотребляешь моей привязанностью, — предостерегла она.

— А ты испытываешь свою удачу.

В выражениях Брэма сквозила нестигаемая ярость. Сабэль разочарованно вздохнула и вышла из комнаты. Как только за ней закрылась дверь, Брэм повернулся к Айсу.

— Ты мне нужен исключительно как боец. Я обеспечиваю вам обучение и кормлю за моим столом. Поэтому не смей прикасаться к моей сестре.

— Я и не пытался трахнуть сказочную принцессу.

От холодного взгляда Айса веяло откровенной неприязнью. Брэм закрипел зубами и встал перед лицом Рикарда.

— Ты не будешь использовать слово «трахать» в отношении моей сестры, или я убью тебя. Ясно?

Фыркнув, Айс снова сел и начал ковыряться в остатках еды на тарелке.

— Придержи ружье. У меня нет видов на твою Сабэль. Поговорим о более насущных проблемах.

Маррок молча наблюдал за их обменом любезностями. Пока Брэма и Айса разделяла вражда, ситуация оставляла желать лучшего.

— Так не может продолжаться, — предостерег он, — вы должны работать вместе, выстраивать доверие, знать, что у каждого из вас за спиной друг, по крайней мере, на поле боя. Иначе вы будете не в состоянии одолеть Матиаса.

Айс и Брэм перекинулись быстрыми взглядами, но кивнули. И, к счастью, заткнулись. Все вместе они покинули столовую.

Огромные окна поместья открывали вид на темную ночь. В конце длинного коридора Брэм распахнул двойные двери. То, что когда-то было бальным залом, теперь преобразовали

в комнату для вечерних занятий. Каждый светильник в гигантской комнате ярко горел. Слуги перенесли все оборудование внутрь. Оружие и защитное обмундирование было свалено на элегантный ковер. И в центре всего бедлама стояла Оливия, беседуя со своим отцом.

Как подлому ублюдку стало известно, где их найти? И кто пригласил его внутрь?

Мужчина в возрасте держал, поглаживая, ее руку, но в его осанке ощущалась острая потребность. Даже на расстоянии Маррок мог различить его торопливое бормотание. Ричард заметил его и тут же замолчал, его лицо стало непроницаемой маской. Ах, то самое чувство вины. Оно было таким сильным, что воин мог чувствовать его запах. Едкий. Раздражающий. Каждый защитный инстинкт вырвался на поверхность, Маррок пересек комнату большими шагами. Когда он приблизился к Оливии, то обнял ее и притянул к себе. Маррок уставился на незваного гостя.

— Ричард Грей, тебя сюда не приглашали.

— На самом деле, приглашали, — отрезала Оливия, — Сабэль и я.

Итак, она впустила Иуду в свое убежище. Вдруг это было свидетельством более глубокого предательства, продуманного для того, чтобы заслужить одобрение этого ублюдка?

— Оливия позвонила мне, чтобы убедиться, что я пережил нападение Анарки. Я был рад удостовериться, что моя дочь не пострадала.

Маррок сощурился, оглядывая на свою женщину.

— Как видишь, я защитил свою пару. В то время, как ты... что? Исчез? И был готов позволить Анарки захватить твою дочь?

— Прекрати! В прошлом он помог воспрепятствовать Анарки, обманом отправил Матиаса в изгнание с большим личным риском, потому что так было правильно, — возразила Оливия. — Я прочла об этом.

Она схватила книгу с соседнего стола, отодвинутого к стене.

— Почему бы тебе не сделать то же самое?

— Я знаю, как для тебя выглядит все произошедшее, — начал Ричард, — но, клянусь, я не в союзе с Матисом. Ты хоть понимаешь, как сильно он хочет моей смерти?

Маррок заворчал:

— Я подозреваю, что они будут держать тебя в живых до того момента, пока ты не приведешь их к Дневнику Судного Дня.

— Я глубоко сожалею, что когда-то был частью Анарки. Все, чего я сейчас хочу — узнать свою дочь. Пожалуйста, разгляди причину. Матис будет искать ее здесь. Он точно знает, кто бился рядом с тобой, так что он поймет, где ты скрываешься.

Брэм фыркнул.

— С удовольствием посмотрю на его попытку войти.

— Ему лучше знать, — заверил Ричард, — Он найдет более тонкий способ. Будьте уверены, он найдет его. Ему нужна книга, и он верит, что Оливия сможет ее открыть. Отпусти девочку со мной. Я знаю, как ее защитить. Ей не следует быть...

— Нет!

В голосе Маррока ревели ярость. Пока Грей был полон решимости разлучить воина с его парой, он не был обязан отцу Оливии даже малой каплей вежливости. Маррок схватил Ричарда за горло, протащив его через всю комнату и прижав к стене: — Как ты смеешь приходить сюда, когда одно твоё присутствие уже является угрозой? Когда Анарки могут

быть поблизости? Ты глупец, если хоть на секунду поверил в то, что я отпущу ее с тобой.

— Она моя дочь.

— Она моя женщина. Попытайся разлучить нас еще раз, и я сломаю каждую косточку в твоём теле и буду делать это с широкой улыбкой на лице.

— Если Грей захочет, — прошептал Брэм, — он может вырвать твои внутренности с помощью заклинания.

— Не раньше, чем я выбью пару кусков черепа из его головы.

Стоявший неподалеку Шок рассмеялся.

— Врежь ему. Я знаю все о мистере Грее от своих братьев. Сообразительный ублюдок, который бросил Анарки, когда они оказались в глубоком дерьме. После предательства своего босса трус убежал и скрылся, как крыса в норе.

Это звучало в точности, как мысли Маррока. Он ведь сразу невзлюбил Ричарда Грея.

— Отпусти моего отца, — настаивала Оливия, — немедленно.

Девушка была в ярости. Тот факт, что она отказывалась видеть в мужчине потенциальную угрозу, снова и снова приводил его в бешенство. Тем не менее, Маррок, вздохнув, отпустил шею ее отца. Грей откашлялся и потер горло, с достоинством принимая отвращение своего «зятя».

— Он пытается защитить меня тем же способом, что и ты, — кричала Оливия. — И это мой выбор.

Его обожгло удивление от ее слов.

— Ты хочешь уйти с ним?

— Нет, здесь мы в безопасности. Я знаю это. Я просто хочу, чтобы ты выслушал.

— Как только он прекратит пытаться нас разлучить.

— Отец разговаривал со мной о дневнике. Он знает вещи, которые могут оказаться полезными, а твои попытки отделаться от него не помогут вашему делу.

Маррок метнул яростный взгляд на Грея.

Ричард произнес: — Книга не открывается, верно?

Воин безмолвно оценивал изобретательность волшебника. Его нутро подсказывало ему, что мужчина обладает информацией. И если он так желает, Маррок сыграет в игру Грея.

— Да, все правильно.

— Потому что, согласно трудам моей прабабушки, артефакт имеет ключ и требует кого-то особенного, чтобы его открыть.

— Кого?

Грей пожал плечами.

— Помимо всего прочего, Моргана была загадочной.

— Один из моих знакомых профессоров по истории назвал дневник объектом женского благоговения. Я кое-что прочла сегодня, и это позволяет мне думать, что книга будет мощнее именно в руках женщины, — сказала Оливия своему отцу. — Это правда?

— Записи Морганы никогда не говорят напрямую, но все выглядит так, будто она создала мощный артефакт только для представительниц слабого пола. Есть вероятность, что его магия сработает только в руках женщины Ле Фэй.

— Как я?

— Воистину.

— А есть еще другие женщины из рода Ле Фэй?

Ричард покачал головой. Оливия присвистнула.

— Это многое объясняет.

— Расскажи мне о ключах, — рявкнул Маррок на Ричарда. — Они у тебя есть?

— Когда я был молод, моя мать умерла. Вы видели ее картины?

Глаза Оливии широко распахнулись, и Маррок понял, что она вспомнила картину с изображением женщины с символом на шее, который был отражен и на титульной странице Дневника Апокалипсиса.

Девушка кивнула.

— Это была твоя мать?

— Картина была закончена до ее замужества и задолго до моего рождения. Но после своей смерти она оставила мне ту вещь, которая была на ее шее. Как я говорил ранее, на самом деле она состоит из двух частей. Вместе они составляют ключ, который способен открыть книгу.

Так же, как было указано в сочинениях Мерлина, о которых говорил Брэм. Оливия нахмурилась.

— Где сейчас эти ключи?

Грей сглотнул.

— Одну половину я... я отдал Матиасу, — сквозь коллективные вздохи и рычания он объяснил, — это было очень давно. Он потребовал доказательство моей верности и...

— И, как безотказный соплёк, ты дал ему половину ключа к Концу Света, — вмешался Айс.

— Я верил в равенство. В то время мне было невдомёк, что он действительно причиняет людям боль...

Маррок усмехнулся.

— Вздор! Как ты думаешь, Матиас собирался воплотить свою волю, если не через кровь?

— Я был молодым идеалистом и...

— Невообразимым кретином.

У него буквально чесались руки отправить Ричарда Грея куда подальше отсюда. От него будут одни проблемы.

— Что случилось со второй половиной ключа?

Грей вновь взглянул на Оливию.

— Я оставил другую половину твоей матери, чтобы защитить тебя. Я рассказал ей, почему это важно, и что если Анарки постучат в вашу дверь, она должна отдать ее им, чтобы спасти тебя.

— Как... как она выглядела?

Голос Оливии сорвался и Маррок повернулся к ней. Она невероятно побледнела. Он бросился от Грея к своей паре, в случае, если та начнет падать на пол.

К его удивлению, сзади подошел Айс, схватил старого мага за плечи и снова толкнул к стене.

— Ты можешь запутать нашего бессмертного друга, если постараться, но со мной это не пройдет. Я ненавиждающий Анарки ублюдок до мозга костей.

Рикард мог не нравиться Брэму, но в этот момент Маррок оценил его, черт возьми. От зеленоглазого колдуна исходила угроза. Только самоубийца мог встать у него на пути. Если Грей был действительно умен, он прислушается к Айсу. Маррок же надеялся, что Грей останется кретином.

— Все понятно?

Маррок обнял Оливию и поддержал ее.

— Позвольте ему ответить.

Она в ожидании посмотрела на своего отца. Притянув ее поближе к своему теплому телу, Маррок взглянул на Грея.

— Эта часть висит на цепочке из переплетенных нитей из золота и серебра, — его голос дрожал, фиолетовые глаза смотрели на Айса со страхом, с каким глядят на топор палача. — Это... это половина символа. Верхняя часть. Орнамент в виде буквы Л с рубинами.

Оливия стала еще бледнее. Маррок догадался, что его подруга видела ключ, возможно, даже среди своих вещей. Неужели она транслировала эту мысль? Если так, то последнее, что нужно было Ричарду Грею, это «услышать» ее. У Маррока были серьезные подозрения, что если услышит Грей, узнают и Анарки. В течение нескольких секунд.

— Этот разговор окончен.

Он поднял Оливию, перекинул ее через плечо и быстро пошел к двери бального зала.

— Подожди! — позвал Грей через всю комнату. — У тебя есть эта часть, Оливия?

— Выпроводи его немедленно, — зарычал Маррок, устремляясь к выходу, надеясь, что успеет уйти, прежде чем Оливия устно или мысленно ответит.

Прежде, чем он смог сбежать, она воскликнула: — Да!

Маррок пронес Оливию по длинной галерее и вверх по лестнице. Его жесткие плечевые мышцы вдавливались в ее живот, горячие руки были обернуты вокруг ее бедер. Кровь ударила в голову — и не только оттого, что ее перевернули вверх ногами.

— Поставь меня!

Девушка извивалась, ярость лавой разливалась по венам.

— Дьявол, немедленно!

Маррок не говорил ни слова, пересекая мраморный пол тяжелыми уверенными шагами. От него пахло потом, мужчиной и кованной из стали выдержкой. Оливия пыталась игнорировать его запах и прекрасный вид на его задницу. Лучше сосредоточиться на том, что она была зла.

— Как ты посмел вытащить меня оттуда как... как кого-то провинившегося ребенка!

— А ты подумала прежде, чем говорить? — рявкнул он, поднимаясь по лестнице. — Перед тем, как выпалила то, что может помочь Матиасу?

— Матиасу? — прокричала она в его спину, несмотря на то, что каждый его шаг отражался на ее желудке. — Ричард больше не его правая рука. Он заверил меня.

— И ты, конечно, ему поверила?

— Я прочла книги по истории магии. Три из них. Он стал героем! И он беспокоился обо мне. Я не думаю, что он собирается отдать меня Д'Арку. И он знает о книге больше, чем кто-либо другой. До того, как ты ворвался и почти задушил его, он обещал нам помочь. Отец может знать намного больше о секретах книги, которые смогут освободить тебя от твоего проклятия. Как, черт возьми, мы может что-то узнать, если ты не хочешь с ним разговаривать?

— Нужно быть осмотрительнее.

— Да правда, что ли? У тебя было полторы тысячи лет, и ты не достиг даже малейшего прогресса. Может, стоит попробовать по-моему? Ричард извинился за прошлое. У тебя нет ничего, кроме косвенных доказательств. А у меня есть фактическое свидетельство того, что он поступил правильно, но ты все равно продолжаешь верить в худшее. Почему ты не

можешь дать ему шанс?

Маррок остановился на полпути вверх.

— Мы мало знаем о нем, кроме того, что когда-то он был Анарки и до последнего момента не беспокоился о встрече с тобой. Это не внушает доверия, а я не хочу рисковать своей женщиной.

Оливия понимала точку зрения Маррока, но без доказательств она не хотела верить, что ее собственный отец лгал ей или все еще был связан с Матиасом.

— Эти книги описывают моего отца как врага Анарки номер один.

— Обман у него в крови. Я могу чувствовать его запах.

— Хм... его кровь — моя кровь. Включает ли и меня в число обманщиков твое маленькое заявление? Я спрашивала тебя об этом раньше и, знаешь, до сих пор не получила ответ.

— Потому что только ты можешь ответить на этот вопрос. Я не могу подтвердить или опровергнуть то, что ты и твой отец вынашиваете схему того, как украсть дневник.

Ее окатило волной боли оттого, что он допускал возможность ее предательства.

— Вынашиваем? Вынашиваем?! Невероятно! Ты никому не доверяешь. Ты бросаешься безосновательными обвинениями. Ты и похитил меня только потому, что у меня фиолетовые глаза, и я напомнила тебе Моргану.

— Ты Ле Фэй.

— Что не делает меня злом и лживой стервой, но ты ни во что не веришь. Отпусти меня!

Он снова начал подниматься по лестнице.

— Никогда.

Все, вот теперь он вывел ее из себя своим упорством.

— Ты выгнал меня из кабинета Брэма и пытался держать подальше от моего отца, потому что думал, что я все ему расскажу. Признайся.

— Верно. Да. Я понимаю, что ты хочешь получить от папочки одобрение, но это не может произойти за счет твоей безопасности.

— И Книги. Разве не это реальная причина? Твоя «защита» заключается в том, чтобы держать меня подальше от Ричарда и не допустить, чтобы я рассказала ему о том, что знаю. И вся твоя лживая нежность лишь позволяет удерживать меня рядом с тобой, вероятно потому, что я нужна тебе, чтобы открыть книгу. Тебе на меня наплевать.

Маррок фыркнул. Он с лихвой превосходил ее в размерах, но девушке, похоже, было все равно даже тогда, когда она висела вниз головой. Она сунула руки в его спортивные штаны, пытаясь нащупать пояс от боксеров, плавок — не важно. Оливия была не в состоянии драться с ним на кулаках, но откровенные ласки могли поставить его на колени. Когда ее ладони заскользили по гладкой, хорошо развитой мускулатуре его ягодиц, она осознала проблему: белья на нем не было.

— Ты не носишь нижнее белье?

— В Средневековье такой роскоши не было. Зачем что-то менять сейчас?

Арррр! Только не это.

— Ты не затащишь меня в спальню, чтобы типа «поговорить». Это моя судьба, мой отец, мое решение.

— Ты моя пара и разговаривала с человеком, который хочет украсть мою книгу.

Тупик. Упустив несколько возможностей, Оливия выбрала один из немногих

оставшихся вариантов: она сунула руки под рубашку и вонзила ногти в накачанную плоть его спины. Маррок напрягся, но продолжал идти через коридор, неумолимо приближаясь к двери их спальни.

— Мне должно быть больно, да? — насмехался он.

Вот, козёл! Она крепче вцепилась в его кожу. Никакой реакции. Что ж...отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Оливия скользнула вниз по его спине, пока он не вынужден был ухватить ее за коленки, чтобы удержать на плече. С улыбкой она обернулась вокруг бедер до уровня паха. Если бы она висела достаточно низко, чтобы выкрутить ему яйца, мужчина бы без сомнения рухнул на колени. Да, он был профессиональным воином, но еще он был человеком с мужскими слабостями, верно?

Девушка передвинулась на одну сторону его спины и, помогая себе коленями, смогла дотянуться пальцами до его переда. И почувствовала солидную эрекцию. О, черт. Она с трудом задышала.

— Не слишком ли ты затянул это затащи-самку-в-пещеру занятие?

— Ты держишь ответ в своих руках, — язвительно заметил он.

И еще много чего в придачу. Она ведь может использовать его возбуждение для своей пользы. Оливия схватила его за поясницу и эротично лизнула кожу спины, одновременно погладив напряженную плоть в своей ладони. Под ее руками все его тело напряглось.

— Ты играешь с огнем, женщина.

Может быть и так, но его шаги замедлились. Он запнулся. Она надеялась, что ее прикосновения пробуждают в нем ответный огонь, потому что ее пальцы, обернутые вокруг его эрекции, делали ее до неловкости влажной.

Вдруг Маррок остановился и повернулся. Он шлепнул ее по заднице своей широкой ладонью. Пока она пыталась осмыслить происходящее и болезненный шлепок, мужчина дернул ее вниз, поставив напротив себя, и ее спина неожиданно оказалась прижатой к стене. Ее футболка задралась вверх по телу. Бюстгальтер не выдержал соревнования с его решительными пальцами, и вскоре он бросил оба предмета одежды на пол.

— Я предупреждал тебя.

Он прорычал эти слова, прищурившись. Оливия судорожно сглотнула, осознав, что она оказалась полураздетой посреди коридора, по которому мог пройти любой. Маррок всегда был очень нежным любовником. Внимательным. Аккуратным. Она никогда не видела этого сексуального зверя, вырвавшегося сейчас на поверхность. Голодный хищник. Воин взял ее запястья и прижал к стене. Его глаза горели жадной обладания, казалось, переливаясь всеми цветами долбаной радуги. Ее внутренности стянуло в узел. Между ногами будто прорвало дамбу. Она вздрогнула.

— Разве ты не должен сейчас тренировать Брэма и остальных?

Он снова прищурился.

— Сразу после, как мы с тобой... поговорим.

Когда его рот обрушился на нее, вдавливая девушку в стену, Оливия втянула воздух. Очевидно, разговор будет коротким. Он был так голоден, будто не ощущал ее вкуса целый год, десять лет. Воин еще раз погрузился в ее рот, настойчивый мужчина хотел брать и отдавать с рассчитанным гарантированным удовольствием, чтобы вырвать из нее этот нуждающийся в нем всхлип.

— Маррок... — прошептала она в знак протеста и попыталась вырваться, — ты сказал

«поговорим».

Он снял рубашку, затем уперся локтями в стену, тяжело дыша, обжигая дыханием ее кожу.

— Мы это и делаем. Просто очень красноречиво.

Возможно, но они так и не обсудили...

— Думаешь, мой отец помогает Матиасу и я с ним в сговоре, да?

Его пальцы сжались.

— Он твоя кровь, и ты жаждала с ним встречи, но мы знаем как его самого, так и его мотивы. Будь осторожна.

— Черт возьми, ответь на вопрос. Ты думаешь, я в сговоре со своим отцом?

Глава 14

Маррок колебался.

— Я заслуживаю гребаный ответ!

Разрываясь между яростью и слезами, Оливия попыталась оттолкнуть эту гору мышц, которая удерживала ее на месте, раскаляя ее груди своим обнаженным торсом.

— Как и я! Ты знакомишься с человеком в одну ночь, звонишь ему следующим утром, и это приводит армию Анарки к моему порогу. Теперь я узнаю, что у тебя есть некий медальон, способный открыть Книгу, и ты не сказала мне ни слова, но сразу доверилась ему. Что еще ты скрываешь?

— Нападение Анарки на твой дом не имеет ничего общего с моим звонком отцу; они уже знали, где тебя найти. Кто угодно мог прочесть мои мысли и рассказать о местоположении дневника Матиасу. А отец сражался ПРОТИВ Анарки в коттедже, если ты не забыл. Медальон? Я не знала, что это или что он может значить, до сегодняшнего дня. Я не могла бы до этого додуматься сама, хотя тебе, очевидно, на это плевать, придурок, — девушка изо всех сил старалась освободиться от его захвата. — Ты не веришь мне.

— Почему ты так легко рассказала ему обо всем?

— Потому что единственный способ открыть книгу и избавить тебя от проклятия — это работать вместе с ним. Неужели ты не понимаешь?

Маррок тяжело на нее посмотрел.

— Дай мне уйти.

Воин напрягся.

— Нет.

— За пятнадцать веков ты так и не научился общаться с людьми. Не смей обвинять меня в предательстве. Я не Морганна.

— Ее честность — это миф чистой воды. Но ты... — он сглотнул, на его лице отразилась боль, погрузил руки в ее волосы и уставился на нее своими бездонными глазами, — не предавай меня. Ты разорвешь мое сердце.

Маррок говорил шепотом, его слова выражали мольбу. Они плавили ее, словно она была мёдом на солнце. Неужели он признавался ей в том, что она — женщина, которую никто никогда не желал, могла поставить этого свирепого воина на колени? Как часто она фантазировала о том, что у нее есть человек, которому она нужна и который бы прикасался к ней нежно, с любовью? Создавалось впечатление, что Маррок знал ее фантазии. Он мог изображать все эти эмоции, чтобы держать ее при себе, пока не поймет, как открыть книгу и

снять проклятие. Когда они встретились, он и не думал получить жену. Поэтому когда они стали парой, им двигала не только любовь. Но когда мужчина касался ее, Оливия могла поклясться, что, кроме нее самой, для него ничто не имело большого значения.

Едва сдерживая слезы, Оливия ухватила за жесткую линию его челюсти и посмотрела в его жгуче-ледяные глаза.

— Я знаю, что такое чувствовать отказ. Зачем мне специально делать тебе больно?

— Быть может, тебя возмущает твое похищение или то, что мы стали парой. Или просто потому, что у тебя есть надо мной власть.

Он дал ей власть над ним... но все, чего она хотела, — его прикосновений, его привязанности. Маррок прижимался к ней: грудью, животом, бедрами, так близко, как только мог. За этим последовали его губы, поглощая ее в одном жадном поцелуе. Ей следовало остановить его, разобраться в этом клубке мыслей, надежд и желаний, прежде чем с головой нырять в его пламя. Но ее соски горели напротив его груди, и он углубил свое вторжение в ее рот. Внутри нее все сгорало дотла. Отпустить его было невозможно.

Задышавшись, мужчина отстранился и пронзил ее горячим взглядом. Без слов Оливия знала, что он хотел быть глубоко внутри нее. Этот взгляд задвинул на задний план ее гнев и запреты. Она забылась в этот момент, когда он покрывал страстными поцелуями ее шею, а его руки передвигались к ее груди. Его член толкнулся между ногами, будто прося разрешения войти. Что-то взорвалось внутри нее, зудящее и горячее, она нуждалась в том, что мог дать ей только он. Оперевшись на него, Оливия открыла ему всю себя — свои поцелуи, свои потребности, свою душу. Он взял все это, голодный и безжалостный. Ее завораживал контраст между его нежными губами и грубой щетиной.

— Моя, — прорычал он напротив ее рта, будто бросая ей вызов.

— В данный момент.

— Навсегда.

Его утверждение было слишком решительным. Но ведь Маррок искал способ снять свое проклятие и умереть... Разве не это имело для него принципиальное значение? Как он поступит с ней?

Воин поцеловал ее, как ей это нравилось, глубоко проникая языком в ее рот. Своими мозолистыми ладонями сжал ее грудь, ущипнул твердые соски. Удовольствие, смешанное с болью, заставило ее застонать. Как только Маррок расстегнул ее джинсы и спустил по ногам на пол, он взял чувствительный сосок в рот, сначала один, потом пришла очередь другого. Оливия задрожала. Выгнулась. Потекла. Девушка не могла поверить, что стояла совершенно голая в коридоре дома Брэма, прижатая спиной к стене и тяжело дышащая, пока Маррок занимался с ней любовью. Но самым ужасным было то, что она не хотела останавливаться.

Маррок прикусил ее грудь зубами, затем нежно лизнул. Пока он повторял весь процесс с другой, мужчина стянул свои тренировочные штаны с бедер.

— Откройся для меня.

Необходимость почувствовать его глубоко в себе сильно и быстро возрастала. Оливия подчинилась, и он поцелуями проложил себе путь вниз, пока не оказался на коленях между ее раздвинутыми ногами. Когда он захватил ее мокрые складочки своим ртом, играя с ними языком, она закричала, ухватившись за темный шелк его волос, пока его губы разгоняли желание по всему ее телу. Он жадно поглощал девушку, ее жажда стремительно возрастала. Когда Оливия простонала его имя, он начал подниматься, прикусывая кожу ее бедер, целуя живот, облизывая грудь, и наконец ее губ коснулось его дыхание.

— Позволь мне почувствовать твоё желание.

С этими словами Маррок поднял свою пару, обернул её ноги вокруг своих бедер и глубоко вошел. Удовольствие от внезапного вторжения оказалось сильнее любой боли, прошедшей через её тело. Она открыла рот, чтобы закричать, но Маррок накрыл его поцелуем, подавая её бедра навстречу своим требовательным толчкам. Его поцелуй клеймил её, казалось, он длился бесконечно. Мужчина проглатывал все её стоны и крики, как будто отказывался делиться этими звуками с кем бы то ни было. Её тело поглощало каждый сантиметр его эрекции и сжимало, требуя большего. Напряжение внутри росло, накаляя, угрожая превратить её в пепел. Вся кровь, казалось, устремилась к набухшему клитору. Когда удовольствие достигло своего пика, наслаждение пронзило и накрыло её, Оливия задрожала.

Маррок открыл глаза. Свирепые, яркие, хищные. Опаляюще-синие, из-за которых она была способна потерять рассудок — и душу.

— Ещё, — потребовал он.

Его чисто мужская тяга побеждать заставляла её сдаться, поднять белый флаг в ответ на его натиск. Каждый безжалостный толчок в её истекающую чувственным соком киску усиливал их связь. Мощь их единения начала прорываться наружу, заполняя до отказа, оберегая и разрушая Оливию одновременно.

— Почувствуй меня, — прошептал он, — скажи, кому ты принадлежишь.

— Никому.

— Неверно! Ты принадлежишь мне.

Его уверенный рык прозвучал страстно и заполнил пустоту в её сердце. Разве можно ему верить?

— Произнеси это, — потребовал он, — скажи вслух.

Внутри неё он стал ещё тверже, отодвинулся назад, затем снова очень медленно подался вперед, заставляя её коготками впиваться в его спину.

— Тебе! — это слово вырвалось из неё под давлением нестерпимого удовольствия.

— Только мне. Других не было и не будет.

— Никогда!

Девушка откинула голову назад к стене. Продолжая терзать её шею, Маррок губами добрался до местечка прямо под её ушком.

— Кончи для меня, любимая. Отдайся мне.

От его слов она снова пришла к вершине, поднявшись к ней, словно на волне цунами. Покалывание прошло через неё, с примесью горячей боли и удовольствия, которое превращало все кости в желе. Маррок прикусил её плечо, его тело напряглось, дрогнуло. Её плотью он задушил собственный крик экстаза, пока в её тело изливалось горячее семя.

Между ними вновь все стало цельным ... даже если она и не понимала его упорства. Неужели она значила для него нечто большее, чем просто средство для достижения цели? Он к ней не безразличен?

Тишину нарушили аплодисменты, раздавшиеся где-то на середине лестницы. Резко дернув головой, Маррок посмотрел через плечо. Брэм. В его ухе прозвучал судорожный вздох Оливии. Прикрыв наготу супруги собственным телом, Маррок рыкнул на мага: — Какого хрена тебе нужно?

— То, каким способом ты вытащил Оливию из бального зала, навело меня на мысль проверить, не придушил ли ты её по дороге. Я смотрю, на уме у тебя было кое-что другое.

В ослепительной улыбке сверкнули белые зубы. Подобные уловки срабатывали на женщинах, но Маррок просто искрился яростью, глядя на самовлюбленного колдуна.

— Тебе не полагалось это видеть.

Каждый мускул в его теле напрягся. Он хотел схватить Брэма и превратить того в кровавое месиво за то, что он мог хотя бы на миг стать свидетелем потрясающего удовольствия Оливии.

Колдун отступил вниз с поднятыми в знак капитуляции ладонями, туда, где он уже не мог видеть супружескую пару.

— Я слышал больше, чем видел. Извините. На самом деле я шел, чтобы сказать тебе, что Грей ушел.

— Ушел? — прошептала Оливия. — Анарки снова последуют за ним. Ему негде спрятаться.

— Он скрывался от них больше двух сотен лет, — сказал Маррок, — повторит свой трюк еще разок.

— Ты планируешь продолжить тренировку сегодня вечером? Думаю, Шоку на сегодня хватило, он исчез сразу после того, как мы поели. Мне и остальных отправить по домам?

Ад и все черти!!! Маррок хотел остаться с Оливией, оберегать ее, чувствовать, как она снова сокращается вокруг его плоти, убедиться, что она знает, кому принадлежат ее душа и тело. Но Грею теперь известно, где тренировались Братство Судного Дня. В сочетании с потрясающей информацией о ключах, Маррок полагал, что сейчас не лучшее время, чтобы терять хотя бы минуту обучения.

— Через пять минут я хочу видеть всех вас в бальном зале. Мы должны продолжить. Я встречал молоденьких девушек, владеющих мечом виртуознее, чем любой из вас.

— Отвали, — послал его Брэм, со смехом спускаясь по лестнице.

Маррок обернулся к Оливии. Ее обнаженная грудь все еще прижималась к его, воин неохотно отстранился от ее тела, и на девичьем лице промелькнула уязвимость. Неужели он сделал ей больно в пылу своей ярости и страсти к ней? Его рост и габариты превышали размеры девушки раза в три, поэтому его охватил страх, когда он мягко обнял ее за плечи.

— Оливия?

— Это было унижительно, — пробормотала она ему в плечо.

— Я потерял контроль и самообладание. Я и представить себе не мог, что кто-то нас здесь обнаружит. Это моя вина.

— То, что Брэм увидел твой голый зад, прижимающий меня к стене, волнует меня гораздо меньше, чем то, что ты унес меня, как ребенка перед лицом моего отца и всех остальных. Ты открыто обвинил его в лояльности к Анарки.

— Ты... сводишь меня с ума, — признался Маррок, — я так сильно беспокоюсь, потому как знаю, что сделает Матиас, если поймает тебя. Если бы я был простачком и доверился бывшему подчиненному Матиаса, открыв ему свои объятия, ты могла бы заплатить за мою оплошность своей жизнью. Мое тело все еще будет передвигаться благодаря чарам Морганны, но все внутри меня погибнет без тебя.

Ну как можно было не влюбиться в него после этих слов?

— Маррок, — черты ее лица смягчились, в уголках глаз стояли слезы, — ты говоришь такие вещи...

— Это правда.

Оливия судорожно вздохнула.

— Я бы никогда не помогла отцу предать тебя, но я сомневаюсь, что ты мневеришь.

Прежде чем он успел сказать хоть слово, Оливия вывернулась из его объятий и исчезла в их комнате, захлопнув за собой дверь. Блять.

С тяжелым вздохом Маррок расправил свою одежду и направился вниз. Этот вопрос между ними еще не решен, даже наполовину. Встречи с отцом Оливия ждала всю сознательную жизнь, именно поэтому она противилась видеть в нем злодея. Ричард Грей вобьет клин между ними, если воин не будет осторожен.

Брэм ждал на нижней площадке лестницы.

— Все готовы? — спросил Маррок.

— Да.

Вдвоем они устремились к бальному залу. Маррок не назвал бы волшебника своим другом. Слишком хитрый и сильный. Временным союзником — да. Но что-то было не так...

— Ты, кажется, принял Грея. Почему ты ему доверяешь?

Брэм послал ему лукавый взгляд.

— Кто сказал, что доверяю? Меня тоже беспокоят его прошлые связи. Но сейчас особых причин ему не доверять у нас нет. При каждом своем появлении он производит впечатление порядочного мага и обеспокоенного отца.

Маррока царапнуло разочарование. Неужели никто его не понимал?

— Он не дал нам ни одной причины, чтобы доверять ему.

— Согласен, именно поэтому я предоставляю ему все шансы угодить в собственный же капкан. Если он в сговоре с Матисом, то прямые обвинения в его сторону лишь заставят его более плотно цепляться за свою ложь.

Маррок прикрыл глаза. Брэм был прав, а он позволил своим защитным инстинктам затуманить здравый смысл. Воин проигнорировал тактическое наступление и рано выдал свои позиции Грею. Идиот!

— Как будешь выкручиваться, если единственным пятном на репутации Ричарда Грея окажется лишь неудачное знакомство в прошлом? Ведь то же самое можно сказать и о тебе.

— Я никогда не плёл грязные заговоры против врага рады победы в войне.

— Ну, конечно, нет, ты просто станцевал со своим врагом горизонтальную мамбу.

Потерев пальцами глаза, Маррок внезапно почувствовал себя уставшим. Ну почему Брэм опять оказался прав?

— Давай представим, — продолжил маг, — что Грей пытается загладить свою вину и является единственным человеком, который дохрена знает о дневнике. Не кипятись. Если бы ты был на его месте, что бы ты сказал самому себе?

Пошел к дьяволу. Отвали. Хрен тебе. Он мог продолжать этот список до бесконечности.

— Вижу, ты въехал, — пробормотал Брэм, — что касается меня, я не доверяю этому типу. Но пока он не даст мне прямого повода для недоверия, за лучшее предоставить ему немного свободы действий.

Обычно Марроку не было никакого дела до того, что там думал себе Брэм. Но связи между Греем и Оливией должна к чему-то привести, и сегодня он справился плохо, обвиняя отца и взбесив дочь... очевидно, Маррок останется бессмертным навсегда.

— Мы спишем твоё поведение на чрезмерное возбуждение от желания обладать своей парой, — произнес Брэм, — это делает мужчину слишком агрессивным в отношении безопасности своей подруги. Надеюсь, Грей примет твои извинения.

Пусть заикаясь в процессе, но Маррок попросит прощения. Однако... поверит ли ему

Оливия?

Из-за угла появился Лукан.

— Зейн пропал.

— Пропал? — бросил Брэм.

— Если его переместил не ты, значит, он сбежал.

Брэм покачал головой.

— Я оставил его внизу после допроса. Бред собачий! — Рион сжал кулаки, — как это произошло?!

— Его кто-то освободил.

— Что?!

— Стена была взорвана снаружи, — объяснил Лукан.

— Когда?

— За последний час. Когда мы тренировались на улице, в стене еще не было дыры.

— Никто не может непрошенным ступить на мою собственность без того, чтобы не сработала магическая сигнализация.

— Час назад здесь был Ричард Грей, — обратил внимание Маррок.

Теперь отец Оливии казался действительно виновным. Но воин не мог рассказать своей супруге о новых подозрениях. Иначе они снова поссорятся, а какой бы аппетитной для него не выглядела подобная перспектива, воин не хотел расстраивать свою пару. Ему нужно помнить о стратегии.

— Мы будем его ловить? — спросил Лукан, — Зейн уже далеко. Думаю, я начинаю жалеть этого несчастного ублюдка.

Брэм покачал головой.

— То, что он нам выдал, не стоит и ломаного гроша.

— Кроме Ричарда Грея, кому еще было выгодно спасти Зейна? — Маррок сомневался в этом, но ради Оливии он задал этот вопрос.

— Шоку, — выплюнул Лукан.

Брэм предупредил: — Не начинай снова.

— Зейн его брат!

— Шок был здесь весь день и ни разу не спросил о мерзавце.

— Потому что он ждал, когда подвернется подходящий момент... И еще! Дензель не появился в ту ночь, когда мы захватили Зейна, — подчеркнул Лукан, — может, он не смог нести свой дозор, потому что рассказывал Матиасу о том, что книга у Маррока и как его найти? Шок был здесь час назад. А сейчас он исчез.

Брэм медлил.

— Я не думаю, что он наш злодей.

— Ты мой друг; я знаю твои недостатки. Худшие из них — ты всегда хочешь быть правым, и ты чертовски ошибаешься насчет Шока Дензеля.

— Это все твоя вражда с Шоком из-за Анки? Забудь о соперничестве. Ты ведешь себя хуже него. Почему? У тебя есть пара, в то время как он пережил века безбрачия. Ему пришлось красть энергию и ускользать от встреч с единокровными родственниками, чтобы выжить. Он, должно быть, голодал без возможности восполнить свою силу. А у тебя какое оправдание?

Лукан зло посмотрел на Риона, сузив глаза.

— Ты знаешь его кровную линию. Если слухи верны, он плохой кандидат в наши

союзники. Вся его семья присоединилась к Анарки, и Зейн пошел по стопам родителей. Откуда ты знаешь, что Дензель не последовал его примеру?

— Думаешь, я безоговорочно ему верю? Конечно, нет. Но я послал Герцога после того, как ушел Шок, посмотреть, не укрывает ли он Зейна.

— Мои инстинкты твердят мне, что это Грей, — добавил Маррок.

— Конечно, ты думаешь, что он виновен. Ты ведь ненавидишь эту хитроумную задницу, — почти сорвался на крик Лукан.

— Так же, как и ты ненавидишь Шока?

— Туше.

Лукан покачал головой.

— Вам нужно тренироваться, но возможно, сейчас нам важнее получить ключ от Книги?

Маррок сжал кулаки.

— Если Грей человек Матиаса, он будет обманывать или заставит Оливию отдать ее медальон и уйти с ним. Если она и оба фрагмента ключа попадут в плохие руки...

— Именно. Мы втроем должны обеспечить ей достаточную защиту, пока она занимается тайной ключа. Будем надеяться на то, что мы поступаем правильно.

— Оливия?

Короткий стук в дверь заставил ее подпрыгнуть. Маррок. Боже, этот человек запутал ее, в одну минуту обвинив в предательстве из-за желания угодить отцу, а в следующую он уже говорит ей, что она — его жизнь. Воин не доверял Ричарду, познакомиться с которым она мечтала всю свою жизнь. Но ведь он не доверял даже ей — своей паре. Тем не менее, девушка не могла опровергать подозрения Маррока. Глупая. Бесхарактерная. Она закатила глаза, пытаясь сдержать слезы. Что же им остается? Она нуждается в нем, чтобы выжить. Но Оливия начала переживать за него все больше и больше, и это не имело ничего общего с магическими узами, в игру вступило ее сердце.

— Оливия? — тихо повторил он.

Маррок открыл дверь. С момента их «свидания» у стены она успела принять душ и надела ту одежду, в которой была до этого. Прикованная его взглядом, она чувствовала себя полуголой.

— Что тебе нужно? — спросила девушка.

Он присел на кровать рядом с ней и взял ее за руку.

— Мне жаль, что у нас были зрители. Это было безрассудно и неправильно. Независимо от того, как сильно я тебя хотел ...

— Я злилась, потому что ты был груб с моим отцом и подумал, что я могу предать тебя. Ты обвинил нас в измене.

— Если твой отец не тот человек, в какого ты веришь, это причинит тебе еще больше боли. Я хочу уменьшить твои страдания, если он окажется не тем, каким ты надеешься или представляешь его. Хотя он твой отец, Ричард стремится разделить меня с женщиной, которая принадлежит мне по праву. Осознание нашей связи требует времени.

Оливия обдумывала его слова. Если он говорил правду, то это делало его виновным лишь в излишней заботе и порывистости. Маррок взял ее за руку.

— Любимая, время работает против нас. Независимо от того, в союзе твой отец с Матиасом или нет, мы должны найти вторую половину ключа от Дневника. Эта Книга

изменит мир, и далеко не в лучшую сторону. Разве мы можем позволить себе излишний риск?

— Книга может помочь и тебе. Не отрицай этого.

— Никогда даже не пытался.

Прикусив губу, Оливия отвернулась. Хотя их союз был не прочен, их общая цель была кристально ясной: обезопасить то, что может открыть доступ к оружию пугающей мощности... и то, что сделает Маррок на шаг ближе к снятию проклятия.

— Хорошо.

— Где находится медальон? В твоей квартире?

Оливия отрицательно покачала головой.

— В магазине.

— Мы должны отправляться немедленно. Если Матиас узнает, что у тебя есть часть ключа, он нападет...

— Я могу помочь, — отозвался Брэм из коридора, заглядывая в открытую дверь, — в случае, если мы столкнемся с Матиасом или Анарки. Маррок может заняться полумертвыми. Лукан и я — справимся с магических ублюдками.

Маррок помедлил, затем кивнул.

— Оливия?

Девушка вздохнула. На нее давил пережитый за сегодня стресс, казалось, что в каждой руке и ноге прибавилось по сотне фунтов. Когда ее жизнь успела стать настолько сложной? Оглянувшись на недавно произошедшие события она получила ответ на свой вопрос. Маррок. С того момента, как он вошел в ее жизнь, все пошло, как говорят британцы, кувырком. Ей чертовски все это надоело.

— Пойдем, — наконец ответила она.

В течение нескольких минут они загрузились в один из пятнадцати автомобилей Брэма, на этот раз это был Хаммер. Гладкий, черный, выглядящий так, будто бы он мог вместить десяток человек. Так или иначе, но когда Маррок и еще двое источающих тестостерон ребят сели внутрь, стало тесновато.

— А где ключи от магазина? — напомнил Брэм.

Девушка пожала плечами.

— Они были в моем кошельке в ту ночь, когда Маррок привез меня в свой коттедж, и я ни разу не доставала их до нападения Анарки... Погоди, а как Сабэль пробиралась внутрь, пока меня не было?

Она повернулась к Марроку.

— Я предполагала, ты отдал ключи Брэму, чтобы тот передал их своей сестре.

— Нет, — опроверг Брэм, — у тебя нет магической защиты вокруг магазина, было легко его взломать.

— Чудесно.

Оливия покачала головой.

— Но Сабэль заперла за собой дверь.

Рион что, совсем не врубался в то, как работают дверные замки? Оливия нахмурилась.

— А что случилось с «у тебя нет магической защиты вокруг магазина»?

— Ты же не думала, что Сабэль оставит дверь широко раскрытой, да?

Честно говоря, ей было все равно после всего, что случилось.

— Хм...так как же мы теперь попадем внутрь?

— Сабэль по-сестрински поделилась своим заклинанием со мной, я знаю пароль.

Ну, разве это не мило?

— Как думаешь, пока мы в городе, мы сможем остановиться у моей квартиры и собрать вещи? Я бы хотела взять кое-что, во что можно переодеться.

Брэм повернул голову и взглянул на Лукана, затем посмотрел на Маррока в зеркало заднего вида.

— Лучше мы займемся этим вопросом завтра. Купим тебе все новое.

— Я неравнодушна к моим вещам, знаешь ли. Мне хочется иметь собственную зубную щетку, чертов лифчик и...

— Я догадываюсь, что случилось с твоим последним.

Брэм смеялся. Скрестив руки на груди, Оливия насупилась. Все слишком много знали о ее нижнем белье и сексуальной жизни. Но это была еще не такая большая проблема. Колесить по улицам Лондона глухой ночью с тремя громадными мужиками — один из которых был ее «мужем», — скрываясь от банды злых волшебников, зная, что безделушка, которой она обладала, могла быть ключом к спасению мира от гибели... Все это было... за пределами понятия «слишком странно».

Миля за милей проносилась мимо тонированных окон автомобиля-монстра, иногда интерьер освещался фарами встречных машин. Плотно зажмутив веки, она изо всех сил пыталась настроиться на мысли Маррока. Как можно так много чувствовать к парню, который станцевал горизонтальную мамбу с ее пра-пра-бабушкой и познакомился с ней лишь для того, чтобы найти способ снять свое проклятие? Они не могли прожить спокойно вместе ни дня, так что даже если бы он не был так настроен на собственную смерть, их отношениям не суждено длиться вечно. Что же им остается?

— Почти на месте, — прошептал Брэм.

Через несколько минут они покинули автомобиль, бдительный Маррок шел слева от нее, держа ладонь на рукоятке Глока. Опасное лезвие с зазубринами было прикреплено к другому его бедру. Слава Богу, что в ее магазине не было металлодетектора. Справа от нее стоял не менее сосредоточенный Лукан с палочкой наготове, все его тело выражало напряжение. Она сглотнула. Мужчины ждали неприятностей. Это была не простая предосторожность. Впереди Брэм осторожно подходил к двери, его взгляд осматривал все вокруг. Он приложил ладони к стеклу над входом и сделал глубокий вдох. Оливия открыла рот, чтобы спросить, какого черта здесь происходит, но Лукан остановил ее кивком головы.

— Заклятье на месте.

Брэм открыл замок на двери, быстро прошептав что-то, взломал чары своей сестры, и они вошли внутрь.

— Кроме тебя кто-нибудь другой может миновать защиту Сабэль?

— Нет, — заверил Брэм, — я один знаю нужное заклинание. Если бы не подсказка сестры, я бы до сих пор ломал над ним голову. Сабэль обещает стать могущественной ведьмой.

Остальная часть «миссии» прошла без осложнений. В тишине девушка быстро достала медальон, острые края и тяжелые рубины впились в ладонь. Они вышли наружу, и Брэм, закрыв дверь, пробормотал несколько быстрых слов. Оливия не могла расслышать их, но когда он закончил говорить, она почувствовала невидимые чугунные решетки вокруг здания, которые не давали подойти ближе. Даже при том, что это было местом ее работы, она чувствовала, что находится здесь вопреки чьей-то сильной воле и должна немедленно уйти.

— Хороший мальчик. Ловкий трюк.

Брэм подмигнул: — Я еще умею отбивать мячик носом!

— А как тюлень тоже умеешь поскуливать? — Лукан рассмеялся.

— Если кто и сможет превзойти меня в мастерстве колдовства, то это ты, красавица.

Брэм флиртовал так, будто был рожден для этого. Маррок крепче ухватился за Глок.

— Прекращай попытки очаровать мою супругу. Тебе не понравится лицезреть мою ярость, когда у меня под рукой оружие.

Брэм отвернулся от Оливии.

— Договорились.

Они загрузились в Хаммер и по настоянию девушки все-таки сделали короткую остановку у ее квартиры. Мужчины снова находились по сторонам от нее, пока шли. Только открыв дверь в темную прихожую, Оливия почувствовала, что сюда кто-то наведывался с тех пор, как они с Марроком заходили два дня назад, чтобы забрать красное платье.

Щелкнув выключателем, она ощутила еще один подозрительный импульс. Каждый предмет, казалось, остался на своем месте. Стопка конвертов по-прежнему лежала нераспечатанной на кухонной стойке. Пульт от телевизора был частично спрятан за подушками ее коричневого дивана. Тарелка, с которой она ела тост прошлым утром, когда была дома, по-прежнему стояла на кухонном столе, жизнь здесь будто была поставлена на паузу. Но атмосфера квартиры буквально кричала о том, что ее пространство было нарушено.

— Кто еще чувствует странную ауру, кроме меня?

— Насколько странную? — потребовал ответа Маррок.

— Будто здесь кто-то был.

Лукан покачал головой: — Моя магия не работает таким образом.

Брэм кивнул: — Моя работает. Я тоже это чувствую.

Маррок сопровождал ее, пока они шли по коридору к ее маленькой спальне. Кровать была не убрана, вещи из прачечной лежали в корзине, но не были развешаны в гардеробе. Чувство чужого присутствия здесь было еще сильнее.

— Проклятье, — выругался Брэм, — Ну и быстро же работает Матиас.

— Думаешь? Может, приезжал хозяин, чтобы починить мою протекающую раковину?

— Возможно.

Однако голос Брэма звучал неуверенно. Если Анарки здесь были...то что они искали? Ее или медальон? Если последнее, то откуда Матиас мог знать, где у нее квартира... Неужели ему рассказал Ричард? Такая возможность разрывала ей сердце.

Оливия затолкала последние из нужных вещей в маленькую сумку. Группой они пробрались обратно по коридору к двери. Брэм запечатал квартиру магическими чарами. Что ж... о том, как сможет вернуться сюда, Оливия подумает позже... когда проклятие Маррока будет разрушено.

Снаружи заметно похолодало. Туман, голые деревья, странная тишина вокруг. Ночь была жуткой. Они сели в Хаммер и отъехали от тротуара, звучащий из колонок альтернативный металл добавлял машине-монстру Брэма Риона дополнительную пульсацию и грохот. На середине песни Лукан вжался спиной в шикарное кожаное сиденье, скрюченными пальцами впился в свои бедра и издал пронзительный крик боли.

Брэм бросился выключать музыку и выстрелил взглядом в Лукана.

— О, Боже!

Оливия наклонилась вперед. Лукан схватился за грудь, как будто агония проходила прямо через его сердце, снова и снова.

— Что? Что это?

Вцепившись в руль, колдун вел танкообразный автомобиль по темным улицам Лондона. На его лице появилось выражение ужаса, он издал недоверчивый вздох.

— В его подписи желтый и розовый, — выпалил Рион, оглядываясь на дорогу и снова поворачиваясь к Лукану, — и они быстро исчезают.

Лукан снова закричал, с силой царапая свою грудь, будто пытаясь вскрыть ее голыми руками.

— Анка... нет!

— Дыши глубже, друг. Мы тебя вытащим...

— Гони домой!

— Определенно, не очень хорошая идея.

Брэм, казалось, бормотал слова почти про себя. Оливия поймала его взгляд за рулем. Он выглядел мрачным, когда нажимал на педаль газа и гнал Хаммер сквозь ночь еще быстрее. Шум двигателя заглушал крики боли Лукана.

— Черт, что происходит? — потребовал Маррок.

Колдун еще раз посмотрел на пассажирское сиденье, где Лукан продолжал кричать, задыхаясь.

— Он теряет свет своей магической подписи.

— Что это значит? Как это связано с Анкой? — спросила Оливия.

— Она была его светом.

Ужас от догадки свернулся в ее животе, как едкий глубокий желчь.

— Ты так сказал... неужели она умерла?

— Либо это, либо порвала с ним. Одно из двух вызвало его агонию.

— Порвала с ним?

— Узы супружества. Если их разорвать, он потеряет свой свет, который может изменить магическую подпись.

— Она может разорвать их связь добровольно? Развестись?

Брэм коротко кивнул.

— Такое не часто случается в магическом мире, но это возможно.

Она осознала последствия. Ну и ну. Оливия обернулась к Марроку. Он не выглядел удивленным.

— Ты знал?

Если мужчина когда-то и выглядел так, будто хотел соврать, то это был тот самый момент. Он колебался, поймав отражение Брэма в зеркале заднего вида.

— Да, — признался он наконец.

Ее кровь вскипела.

— Когда?

— Пока ты была больна.

— И ты забыл рассказать мне об этом потому что?..

Потому что он хотел привязать ее, сохранить для себя, пока не снимет свое проклятие.

Вся его нежность и забота — вранье? Такая вероятность была подобна удару меча в грудь. Она всегда опасалась, что он просто использует ее, но надеялась... Идиотка! Маррок бросил тревожный взгляд на Лукана.

— Сейчас не время.

О, она так хотела согласиться с ним. Но Лукан закричал снова, его локти ударили в дверь, колени врезались в приборную панель. Но это никак его не остановило, будто он чувствовал только внутреннюю боль, которая разрывала изнутри.

— Проклятье, — выругался Брэм, — его подпись почти черная.

— Не понимаю о чем ты.

— Ты не можешь видеть их супружеские чары до перехода. Возможно, не сможешь и потом, и это несмотря на то, что такая способность дарована многим.

Еще один взгляд на Лукана, еще один кивок головы.

— Мы должны удержать его.

С подавленным воем Лукан разорвал рубашку на груди, раздирая мускулы. Он вцепился в лицо и грудь с такими мучительными криками, что у Оливии на руках волосы встали дыбом.

— Удержать?

— До того, как он убьет себя. Если его подпись станет полностью черной, его душа может быть потеряна.

Оливия шумно втянула в легкие воздух. Сабэль говорила, что магические узы очень мощные; ей не было нужды шутить.

— Мы можем помочь ему?

— Постарайся поговорить с ним. Женский голос должен его успокоить.

Кивнув, Оливия подалась вперед. Брэм сурово сжал ее запястье.

— Не дотрагивайся до него. Если ты это сделаешь, он может попытаться изнасиловать или убить тебя.

— Почему?

— Если он еще не слишком далеко, до него дойдет, что ты женщина, он подумает, что ты Анка, и попытается восстановить связь. Если его реакции уже примитивны, он почувствует твой запах и узнает, что ты не его пара. Тогда он может почувствовать угрозу и попытается убить тебя.

Вашу ж мать. Помедлив, она кивнула. Маррок вытянул ее руку из хватки мага и легонько сжал в своей.

— Аккуратно.

С расстановкой Оливия начала шептать Лукану слова утешения и подбадривания, тихо произнося нараспев успокаивающие слоги. Через несколько мгновений он остановился, прислушался, потянулся в ее сторону. Когда он открыл глаза, она ахнула. Его обычно голубые глаза цвета электрик сейчас были почти черными. Ахнув, она отстранилась.

— Остановись! — настоял Брэм, — держись подальше. Он уже слишком далеко. Свет почти оставил его, и Бог знает, что он сотворит. Мы почти на месте.

Маррок обнял Оливию за талию и притянул ее глубже на заднее сиденье, к себе.

— Он был такой до Анки?

Маг покачал головой.

— Такое происходит, когда очень сильно связанный семейными узами волшебник теряет свою пару. Чем глубже связь, тем тяжелее потеря. Независимо от того, сколько было

тьмы и нестабильности в его душе до супружества, сейчас они выходят на первый план и умножают боль. Через некоторое время все это, как правило, отступает. Но если этого не произойдет...

— Анка?

Требовательно спросил Лукан. Его голос вышел грубым, как будто он был одержим. Затем колдун схватил Брэма за шею и сжал.

Маррок рванулся вперед.

— Нет, — магу удалось освободиться, — не надо. Оливия...

Быстро сообразив, девушка все поняла.

— Брэма душат, он ведет машину, а ты беспокоишься обо мне?

С мрачным кивком Маррок втиснул свои широкие плечи между ней и Луканом.

— Мы не можем позволить Риону расстаться с жизнью.

Оливия потянулась к Лукану.

— Хочешь умереть? — окликнул воин, толкая ее обратно на заднее сиденье.

— А ты хочешь попасть в аварию?

Оливия обернулась от Маррока к Лукану, который отпустил Брэма и теперь смотрел на нее темными, словно преисподняя глазами.

— Женщина? Моя Анка?

Оливия застыла. Сказать правду? Солгать? Что из этого списка станет наименее вероятной причиной для ее убийства? Брэм с предупреждением посмотрел на девушку в зеркало заднего вида.

— Друг, — прошептала она.

Его жуткие глаза расширились. Он принялся к ней, и они снова сузились.

— Стоп! — предостерег Брэм.

— Его подпись стала полностью черной.

Лукан рванулся к ней, полный решимости разорвать ей горло голыми руками в тот момент, когда Брэм остановил Хаммер перед усадьбой и выскочил наружу. Маррок попытался оттащить ее от Лукана и спрятать за своей широкой спиной. Но свихнувшийся колдун держал ее руку мертвой хваткой. Его пальцы жестко впились в ее кожу. Завтра у Оливии точно появятся синяки. Покинутый супруг ринулся между сиденьями в автомобиле, чтобы добраться до нее, его свободная рука уже тянулась к ее шее. Затем он навалился на девушку. Маррок ударом отбросил обезумевшего приятеля, пытаясь перевести его внимание на себя.

— Беги! — Маррок крикнул ей, как только Брэм открыл заднюю дверь.

Оливия колебалась, но потом поняла, что двоим мужчинам и так было чертовски трудно сдерживать безумного волшебника, чтобы к тому же заботиться о ее безопасности. Она выскочила на холодный вечерний воздух.

— На помощь!

Айс выскочил из поместья мгновение спустя.

— Что за черт? Почему они выбивают дурь из МакТавиша?

Она пролепетала быстрое описание их поездки домой, затем подняла на него умоляющие глаза. Она едва знала его, да и Брэм не доверял ему, но сейчас они проигрывали битву в сдерживании безумства Лукана. Чье-то лицо врезалось в заднее окно. Брэм. Он увернулся за мгновение до того, как Лукан кулаком разбил стекло. По чистой панели побежала кровь. Оливия ахнула. Айс выругался и сорвал дверь Хаммера с петель. Маг с

трудом боролся с Луканом на заднем сиденье. Маррок теперь сидел за ним и пытался схватить его за руки. Но Лукан избежал захвата и, издав страшный боевой клич, пнул Брэма в живот.

— Моя женщина!

Айс оттащил мага от Лукана. Качая головой, окровавленный Брэм сопротивлялся. Но это было зря. Риккард невозмутимо обрушил на МакТавиша хук справа. Голова Лукана вернулась в исходное положение. Он обмяк. Айс глянул с усмешкой на Маррока.

— Хорошо, что я быстро учусь.

Мгновение спустя Риккард и Маррок вытащили Лукана из Хаммера. Когда Айс прошел мимо с бессознательным волшебником на плече, Брэм хлопнул его по руке. Айс смерил того убийственным взглядом.

— Не трогай меня!

Брэм отступил.

— Просто хотел сказать... спасибо.

— Я не бросался в драку, чтобы спасти твою извиняющуюся задницу. Если бы это зависело от меня, я бы позволил Лукану порвать тебя в клочья, пока сам готовил попкорн для шоу. Но Маррок слишком важен для дела, чтобы разрешить твоему дружку его расчленить.

Оливия затаила вздох, Маррок и Айс затаскивали их ношу в дом.

— О чем это он? — спросила она.

Брэм стер кровь со рта, затем поморщился.

— Давняя история.

Может быть, но время так и не затянуло раны, и история явно была до сих пор закрыта для обсуждения. Брэм сунул руку в карман, подбросил в воздух белый камешек, затем пробормотал: — Тетя Милли.

Несколько мгновений спустя энергичная женщина, казалось, с целой сотней фунтов светлых волос, стянутых в пучок, появилась на подъездной дорожке и бодрыми шагами направилась к ним.

— Снова, мой мальчик?

Она привстала на цыпочки, чтобы получить положенный поцелуй в щеку от Риона. Затем повернулась к Оливии.

— О, здравствуй, дорогая. Вижу, ты чувствуешь себя лучше. Чудесно.

Когда Милли вошла в дом, девушка повернулась к Брэму.

— Это она приходила, когда я была больна?

— Да. Она объяснила Марроку, почему тебе нехорошо, и предоставила ему выбор — разорвать ваши узы или сохранить их... услужив тебе в нужде. Мне следует...

Он махнул в сторону усадьбы, величественно возвышавшейся в лунном свете.

— Конечно. Присмотри за Луканом.

Следя за кружащимися бликами света, Оливия пошла за Рионом в дом. Маррок выбрал решение остаться с ней, а не разрушать их связь. Она хотела верить, что это произошло, потому что он испытывал к ней привязанность. Но, учитывая его проклятие, она спрашивала себя, не сделал ли он это по чисто эгоистическим причинам.

Войдя внутрь, она последовали за криками. Лукан снова забился в припадке. Его причитания эхом разносились по всему дому. Она вздрогнула. К тому времени, как они с Брэмом нашли остальных, ребята уже заняли одну из гостевых комнат. Кто-то расставил или

наколдовал набор ограничительных приспособлений, которые выглядели будто их стащили прямо из БДСМ клуба. Айс и Маррок работали над тем, чтобы засунуть руки Лукана в манжеты. Герцог тоже принимал участие в их несанкционированной «вечеринке», поэтому схватил одну из лодыжек безумного мага. Свободной ногой Лукан пытался достать каждого. Брэм избежал удара, схватил ногу и привязал ее к кровати. МакТавиш зарычал, звук был полон угрозы расправой. Однако, приложив немало напряженных усилий, кряхтя и злословя, им удалось удержать взбешенного колдуна. Брэм с силой провел рукой по усталому лицу.

— Ваша очередь, тетя Милли.

Маленькая женщина вышла из тени и подошла к постели. Она положила руку на лоб Лукана. Он взвыл, но она проигнорировала его и быстро начала расстегивать пуговицы на его рубашке. Женщина с закрытыми глазами принялась водить по его груди маленькими ладонями. Волшебница дышала размеренно.

— Его пара не мертва. Далеко, но я чувствую, что она жива.

— Ранена? — озадачено спросил Брэм.

Милли замерла. Нахмурилась.

— Нет. Она порвала с ним.

В комнате раздалось возгласы удивления. Тишину нарушил Герцог.

— Как думаете, может, Шок все-таки убедил ее порвать с Луканом и принять его?

— Нет. Шок спит и видит, чтобы она так поступила, но все же я сомневаюсь в его виновности. Анка была предана Лукану почти сотню лет.

— Тогда кто?..

Оливия ахнула.

— О, Боже. Как думаете, может, ее похитил Матиас и заставил?..

Брэм сжал кулаки.

— Это именно то, что я думаю.

— Мы должны начать ее поиски немедленно! — потребовала она.

— Невозможно, — отрезал Маррок.

— Ты знаешь, что он сделает с Анкой. Ты видел это.

Попытавшись и не сумев не вздрогнуть, Брэм просто произнес: — Я знаю.

— Иисусе, чувак! Нельзя оставлять ее страдать в таком ужасном положении.

— И если вы вернете ее, может, Лукан восстановится, — аргументировала Оливия.

Брэм обернулся к Марроку.

— Если бы ты был Матиасом, и три вещи, в которых ты нуждаешься больше всего: книга, Оливия и ее ключ, спрятаны в хорошо охраняемом месте, что бы ты стал делать?

Воин надолго задумался, потом чертыхнулся.

— Отвлек бы чем-то.

— Именно. Маррок, ты говорил, что вы с Оливией должны быть под защитой, не важно, что произойдет и сколько людей погибнет.

Он вздохнул.

— Я не ожидал, что мое заявление будет проверено так быстро и столь ужасно.

Прошли часы. Тетя Милли ушла, объявив, что она больше ничего не может сделать. Грубые крики Лукана отражались от стен и мраморных полов. Вспыльчивость нарастала и нервы становились все расшатанней. Маррок забрал Айса и Герцога наружу, чтобы продолжить тренировку. Выбивание дерьма друг из друга было успокаивающим средством. Со стула в углу Оливия наблюдала за Брэмом, он выглядел напряженным и бледным,

согнувшись над неподвижным телом Лукана. Его брови были нахмурены.

— Он поправится? — спросила она.

— Моя супруга? Анка?

Лукан почти проскрипел эти слова, от которых ее бросило в дрожь. Потом мужчина принялся, и его глаза расширились... черные, безумные.

— Стерва! Где Анка?

Оливия боялась, что знала ответ на свой вопрос.

— Сомневаюсь, здесь все зависит только от него самого. Мы должны позвать его ближайших родственников.

Ошеломленная наступившей тишиной, Оливия кивнула. Она не знала Лукана достаточно хорошо, но яркие воспоминания о нем и Анке на вечеринке Брэма — это было всего два дня назад? — постоянно преследовали ее. Они выглядели такими влюбленными.

— Ты уверен, что Матиас вынудил Анку разорвать их связь? Может быть... Лукан изменял ей?

— Никогда. После соединения волшебников они становятся всем друг для друга. Особенно в энергетическом плане. Он будет отвергать все остальное. Сила Лукана иссякнет в ближайшее время, и если его родственники не придут...

Он вздохнул.

— Энергия? Неужели он не ест пищу для этого?

— Только, чтобы поддерживать физическую форму. Но чтобы усилить магию, колдуны и волшебницы должны соединяться с другими, обмениваться более мощными эмоциями. Мы запасаем энергию, полученную во время секса. Но для тех, кто не связан и чья сила не столь велика, мы должны снова и снова идти по этому пути. Секс с парой более значим, поэтому энергия заряда сильнее и сам заряд дольше. Если волшебник слишком долго живет без пополнения энергетического баланса, он умирает.

Значит, Брэму, Герцогу и всем свободным ребятам приходилось часто «подзаряжаться» от множества случайных женщин?

— О. Я, я думала...

— Что ты и Маррок монополизировали рынок по необходимости секса? Нет, тебе это требуется чаще, потому что ты должна накопить энергию для перехода. Любому на пороге перехода нужно больше сил, но так как ты в паре, тебе требуется еще больше. После того, как ты достигнешь полной мощи, тебе все еще будет нужно... гм, быть «подключенной к энергоресурсу» иногда.

— Как думаешь, сколько сил еще у него осталось?

Брэм пожал массивными плечами, беспокоясь за воина и друга, отчего искажались его благородные черты.

— Если он хорошо подзарядился недавно, возможно, на несколько дней, максимум на неделю. Но темнота внутри будет быстро съедать все, что он успел накопить.

— Что ему делать без пары для поддержания энергии? Ты не можешь заставить его использовать другую женщину.

— Ты права. Можно получить заряд другими способами. Вовлечь его в то, что спровоцирует сильный гнев или радость.

— Страх?

— Еще одна возможность. Но ничто не действует так долго, как сексуальная связь, — Брэм вздохнул. — Если его семья не будет здесь вовремя, мне придется найти ту, которая

услужит ему, и надеяться, что он не убьет ее за это.

Оливия была очень рада, что не она станет той женщиной. Брэм закрыл глаза, очевидно, сосредоточив все свое внимание на решении. Через несколько мгновений в дверях появилась Сабэль.

— Лукан пришел в себя?

— Нет. Ты можешь сходить к нему домой и попытаться найти все, что подскажет, что случилось с Анкой? Возьми с собой Герцога. И посмотри, сможешь ли ты связаться с его братом. Никакого лишнего риска, Сабэль. Иди и возвращайся назад.

Сестра кивнула.

— Родители Лукана слишком слабы, чтобы справиться с этим. Но его брат... он же очень молод...

— Кейдэн близок к переходу. Но он намного сильнее, чем вся его родня за девять сотен лет.

На этой мрачной ноте Сабэль исчезла. Оливия взглянула на старшего МакТавиша, все еще бившегося в конвульсиях на кровати.

— Он сможет излечиться?

— Если будет сильное желание, возможно. У меня есть только теоретические познания в этой области, ты же понимаешь. Подобное так редко происходит.

— Есть люди, которые продают энергетический обмен? Как магические... проститутки?

Брэм выдавил улыбку.

— Мы думаем о них как о медсестрах. Такие женщины могут сделать это и без полового акта. Это то, что мужчинам без пары, принесшим Клятву и которых отвергли, приходится делать.

— Зачем?

Сейчас она абсолютно растерялась.

— Если их предложение отклонено, они не считаются женатыми. Магия работает немного по-другому. Если кто-то предлагает себя кому-то, он связан в своем сердце, независимо от того, принимают его или отвергают. Если им отказывают, они должны опираться на альтернативные формы получения энергии, чтобы выжить. Шок больше меня знает об этом.

В этот момент Сабэль сунула голову в комнату. Она была так бледна, что даже мел не мог с ней конкурировать. А ее волосы... Она выглядела так, как будто пережила торнадо.

— Дом Лукана в полном беспорядке. Анка храбро боролась.

Брэм прикрыл веки, и Оливия поняла: он осознавал, что это убьет его друга. Ей было больно за них обоих.

— Нашла что-нибудь о Кейдэне? — наконец спросил тот.

— Он не прошел переход, как ты и подозревал.

Глаза Брэма сузились.

— Ты можешь перенестись в Штаты и доставить его сюда?

— В Техас, да. Что еще мне сделать?

— Можешь взять с собой Герцога?

Она вздохнула.

— Я вполне способна...

— Мы ничего не знаем о Кейдэне. Он может быть опасен. Или в исступлении от

перехода.

— Слава Господу, пока нет. Твоя сестра миролюбива, но в данный момент я очень беспокоюсь о своем брате. Можно войти?

Оливия обернулась на звук незнакомого голоса. Волнистые светло-каштановые волосы, обрамляющие небесно-голубые, как у Лукана, глаза, разбивали ей сердце. О, Боже... неужели этот Мистер Пускайте-по-мне-Слюнки был братом Лукана?

— Кейдэн МакТавиш. А Вы? — он протянул руку в ее сторону.

— Оливия Грей, — она ответила на рукопожатие.

— Американка? Здесь? Да еще и волшебница?

— Еще нет.

— Ну, значит, собираешься. Гадкий бизнес эта магия. Надеюсь, я избежал этой наследственности.

Он повернулся к Сабэль.

— Спасибо за сопровождение.

Сестра Риона устало кивнула, ее золотистые волосы безвольно свисали на плечи. Телепортация через океан и обратно, должно быть, забрала много ее энергии.

— Сабэль нужен партнер для пополнения энергетического запаса, верно? — шепнула Оливия Брэму, пока другие двое подошли к постели Лукана. Колдун повернулся к ней с ужасом в глазах и прикрыл уши.

— Я не слышал этого!

Сабэль засмеялась. Оливия посчитала это положительным ответом, ведь ужас старшего брата был вполне обычной реакцией в таких ситуациях. Покачав головой, она направилась в сторону Лукана. Кейдэн последовал за ней.

— Здорово, братец! — негромко сказал он ему на ухо.

Лукан снова встрепенулся, открыв свои жуткие черные глаза. Он взвыл так, что его крики отразился от потолка. В словах Кейдэна прозвучал ужас.

— Где, черт возьми, Анка?

— Мы не знаем.

— Что было сделано, чтобы найти ее? Сабэль сказала, что ты знаешь — она не ранена и не мертва. Она, должно быть, подверглась принудительному разрыву связи. Она и мой брат были неразлучны...

— За исключением Матиаса, я боюсь, — ответил Брэм.

— Ты знаешь, кто он?

Челюсть Кейдэна отвисла.

— Этот монстр? Мы должны вернуть ее непосредственно до того...

— Я предполагаю, что уже слишком поздно. Я хотел отправить кого-то за ней, но мы все обсудили и пришли к выводу, что это невозможно. Матиас и Анарки являются угрозой всему магическому миру, особенно если в его руки попадет Оливия. Мы должны тренировать солдат, и даже если Лукан... может быть потерян навсегда. У меня нет и лишнего мгновения...

— Пусть катятся в ад ваши тренировки! Мой брат человек, а не бездушный винтик механизма в твоей маленькой войне! — прорычал Кейдэн.

— Еще он мой лучший друг, но это ничего не меняет. Мы сражаемся вчетвером против армии, которая намного больше нашей. Лукан может не выбраться из этого. Если я остановлю подготовку к этой «маленькой» войне, смерти среди людей из магического мира

возрастут. В сотню раз. Возможно, в тысячу.

Кейдэн сжал руки в кулаки.

— Другая причина, по которой я ненавижу магию. Люди могут завершить отношения, утолять свое горе виски пару недель, а затем начать все заново. Лукан...

Брэм пожал плечами.

— Мы привезли тебя сюда, чтобы решить, что с ним делать. Мы не можем вечно держать его привязанным к кровати.

— Полагаешь, я позволю ему опуститься на животный уровень развития?

— Это твое решение. Я просто констатирую факт, что ты никогда не сможешь вернуть брата, которого знал.

— Ты помпезный мерзавец. Он выздоровеет. Я в этом уверен. Скажи, Анка мертва?

— Пока нет.

— Отлично. Тогда я отправляюсь на ее поиски. Где живет Матиас?

— Мы не знаем. Если хочешь найти его, ты должен охотиться за ним. Но я не советую делать этого. Он один из сильнейших колдунов за всю историю. Если ты пойдешь один, твоим родителям останется оплакивать не только рассудок твоего брата, но и твою жизнь.

— Я отказываюсь сидеть здесь, плевать в потолок и ничего не делать.

— Тогда помоги своему брату, сражаясь за нас. Вместе у нас больше возможностей отыскать Анку. Лукан рассказывал, что ты прошел боевую подготовку в человеческой армии.

— Я был морпехом.

— Ты можешь быть полезен по нескольким причинам, в том числе и для твоего брата. Огромная часть Анарки не поддается магии. Мы должны бороться с ними с помощью оружия, кулаков и мечей, о чем остальные волшебники знают очень мало.

— Я практиковался в стрельбе на ранчо в Техасе. Регулярно боксирую. Освоил каратэ. Много лет назад научился фехтовать.

— Отлично. Научи и нас. Нам нужны люди, владеющие мечом, чтобы спасти Анку и ей подобных.

Кейдэн взглянул на извивающего и рычащего брата, привязанного в постели, затем снова на Брэма. Он протянул руку.

— На тот период времени, что мы будем искать Анку, мы договорились.

Несколько минут спустя Брэм, Айс, Герцог и Маррок вновь собрались вместе. Всем представили Кейдэна. Рион снова попытался связаться с Шоком. Ничего. Еще один факт добавился к подозрению, что, возможно, Лукан был прав насчет лояльности Дензеля к его семье... и к Матиасу. Несмотря на то, что было уже после полуночи, тренировка началась решительно.

Оливия полночи наблюдала за ними, периодически проверяя Лукана. Она никогда не подходила слишком близко к человеку, ставшему зверем и привязанному к кровати, но она волновалась за него — и за Маррока. Будет ли это судьбой война, если они снимут проклятие и разорвут брачные узы? Может, нет. Их связь не была вековым союзом, который разделили Анка и Лукан. Маррок не был магом. И он с удовольствием примет смерть. Эта мысль почти раздавила Оливию. Она эгоистично хотела, чтобы Маррок остался по своей собственной воле, а не по необходимости или обязанности, или чтобы избежать судьбы Лукана. За несколько дней их узы переплелись с реальными эмоциями и заполнили ее сердце. Она хотела его любви и боялась, что уже любила его слишком сильно. Да, девушка тянулась к тому, кто бы — мать, отец, — любил ее всю жизнь. Ее стремление к их

преданности бледнело по сравнению с ее потребностью в Марроке.

Смотреть на боль Лукана было слишком душераздирающим зрелищем, поэтому Оливия вышла из комнаты. Брэм и ее воин поднимались по близлежащей лестнице, глубоко погруженные в разговор. Несмотря на их очевидную усталость, они, казалось, представляли собой твердую стену из тестостерона. Поднявшись, они оба посмотрели вверх.

— Почему ты не в постели? — спросил Маррок.

Чувствуя на себе острый взгляд Брэма, она постаралась спрятать тревогу своего сердца подальше.

— Не устала. Тренировка прошла хорошо?

— Кажется, большинство из них совершенствуется быстрее обычных людей.

— Похвала? — насмешливо ахнул Брэм.

Маррок фыркнул: — Не приучай себя к этому.

— Даже и не думал, — отвернулся колдун и зашагал по коридору к своей комнате.

Положив руку ей на спину, Маррок повел девушку в их комнату. Оливия с трудом подавила желание опереться на него. Насколько же плохо и больно будет, когда он снимет проклятие и разорвет их узы? Она не хотела этого знать.

Когда они распахнули дверь в комнату, их ожидало «вавилонское столпотворение». Их одежда была разбросана, разорвана в клочья. Ящики выдвинуты из тумбочек и комода, мебель перевернута. Одеяла и простыни были утрамбованы внизу кровати, матрас разрезан. Ткань была разбросана повсюду. Окно было распахнуто, сильный ветер раздувал занавески.

— Что за черт... У тебя был припадок бешенства?

Единственное зеркало в комнате было разбито, но оно и не понадобилось бы, чтобы увидеть недоверие, появившееся на ее лице.

— Конечно, нет.

— Значит, кто-то был здесь. Книга!

Промчавшись по комнате, он приподнял ковер, прощупывая пол под кроватью. Его руки напряглись, и полный облегчения взгляд рассказал все за него.

— Тайник все еще там?

Мужчина кивнул. Она сняла свое простое заклинание, воин разжал ладонь с куском дерева и вцепился в книгу. Будущая волшебница закрыла глаза и почувствовала недавнее присутствие.

— Не так давно здесь кто-то был. Взгляни, окно широко раскрыто! Кто бы это ни был, он бежал через него.

— Что случилось? Я слышал вздох Оливии.

Брэм ворвался в комнату, в шоке глядя на комнату.

— Что за ...

Маррок страховал колдуна, когда он подошел к окну и медленно посмотрел вниз.

— Это был долгий полет.

— Для большинства магов, — ответил Брэм, — это легкий прыжок.

— Блять.

Когда она отвернулась и начала приводить комнату в порядок, Оливия услышала растерянность и страх в голосе воина. Маррок подошел к ней, она попыталась заглушить чувство, что за ней охотятся, ведь ее личное пространство еще раз нарушили. Матиас подбирался к ней жестко и быстро, и в первый раз она по-настоящему испугалась, что они не смогут его опередить.

Брэм махнул рукой в воздухе и помог исправить практически весь беспорядок в комнате. Не идеально, но уже что-то. Оливия пролистала магическую книгу, которую ей одолжила Сабэль. Она нашла простое восстанавливающее порядок заклинание, которое хорошо работало. Матрац стал целым, но швы были немного неровными. Девушка постелила простыню и одеяло, стараясь унять свое беспокойство. Если Маррок увидит это, его волнение только возрастет. Как и обычно, он смотрел на нее безжалостным взглядом, скрестив руки на груди.

— Хотелось бы знать, кто это сделал... — произнес Брэм.

— Это должен быть тот, кого пригласили Сабэль или я. Я чувствую свою защиту — она не была нарушена.

— Само собой, это не Лукан, — указал Маррок.

— Не Кейдэн, Айс или Герцог. Они тренировались с нами.

Оливия взглянула на него.

— Ты думаешь, что это сделал мой отец.

Маррок медлил.

— Давай посмотрим... он был здесь сегодня. И мы не знаем, покинул ли он усадьбу, когда скрылся с наших глаз.

— То же самое можно сказать о Шоке и о его сбежавшем брате.

— Верно, — быстро согласился Маррок.

Но Оливию это не подкупило.

— Что, если Лукан был прав, и Дензель — шпион Матиаса?

— А если нет? Я только прошу тебя быть осторожной. Конечно, сейчас ты увидела, как отчаянно Матиас стремится заполучить тебя и дневник.

Да, случившееся выглядело как большой неоновый знак. Боже, что может произойти дальше?

Прошел день, затем другой, третий, четвертый... Каждую ночь она шла в кровать в одиночестве. Каждое утро она просыпалась рядом с еще теплой подушкой Маррока. Сам мужчина уже был на ногах. Никто не знал, где Анка — или Шок. Лукан ускользал дальше в черный мрак безумия, его бешеные судороги и вой переходили в душераздирающие всхлипы. Брэм присоединился к Кейдэну в вопросе о том, что они должны найти для Лукана источник энергии. Учитывая ужасные крики с другой стороны двери, Оливия догадалась, что ничего, носящего сексуальный характер в той комнате пока не происходило. Брэм и Герцог остались внутри, на случай, если Лукан нападет на бедную женщину.

Они проводили «медсестру» менее, чем через десять минут. Когда Оливия заглянула к МакТавишу, он выглядел слегка ожившим, но еще более безумным, чем обычно. Никто не хотел произносить, что если Анку не найдут, Лукан будет потерян окончательно, но Оливия подозревала, что все думали именно так. Вдобавок к напряженной атмосфере в доме, с тех пор, как кто-то ворвался в их комнату, Маррок действовал, как жестокий вояка, час за часом изнуряя мужчин тренировками. Ближе к полуночи Маррок принимал душ, поглощал гору еды, оборачивался своим телом вокруг нее в их постели и засыпал, точно проваливаясь в кому.

Они едва обменялись и парой слов после той ночи. Оливия знала, что Маррок подозревал ее отца. Разумом она понимала, что это возможно. Но сердцем... девушка не хотела верить в это. Все находились на грани, и Оливия была к ней ближе всего. Сегодня

вечером она решила дожидаться Маррока. Его прикосновения поддерживали ее энергию, но Оливия не могла отрицать, что силы уходили слишком быстро. Тем не менее, она нуждалась в нем намного больше, чем просто в источнике энергии. Она скучала по нему. Отважится ли она сказать, что... любит его? Говорил ли он правду, когда яростно прижимал ее к стене, что его сердце в ее руках? Или его слова были очередной уловкой? У Оливии не было опыта в любви. Как она могла распознать искреннюю заботу, если была для него лишь средством для получения свободы? Как она могла просить человека, который не может ее любить, заняться с ней любовью? Боль шипами пронзала ее, когда она думала, что была ему так же в тягость, как и своей матери.

Когда Маррок скользнул под простыню, тело Оливии заныло от желания потрогать его, ощутить его объятия. Они были связаны магически, но она была соединена с ним множеством способов. Он был защищающим, задумчивым, быстрым, упрямым и жестоким. Она любила все это в нем и умилялась, что он сумел сохранить свое чувство юмора на протяжении веков. Девушка покраснела от мысли, что он так полно обладал ею. Она жаждала ощущения принадлежности и нашла это чувство в его руках. Но что он действительно чувствовал?

Оливия ненавидела это состояние — разрываться между своими мужем и отцом. Она все еще надеялась, что именно Шок — который мог читать мысли, не явился охранять коттедж Маррока, когда у их дверей собрались Анарки, который исчез в то же время, как пропала супруга Лукана, — был виновной стороной. Все вроде совпадало, и было не так уж трудно представить злодеем огромного пугающего колдуна. Семья Дензеля была связана с Анарки. Он был приглашен в дом Брэма и, возможно, вломился в их спальню, чтобы разыскать дневник. Почему Маррок не мог хотя бы рассмотреть эти подсказки?

— Ты дрожишь, любимая. Замерзла? — вдруг пробормотал Маррок.

— Прости.

Она откатилась — и почувствовала, что энергия буквально утекает из нее. Девушка прикрыла глаза от головокружения. Черт, ей придется обратиться к нему в самое ближайшее время. Может, завтра. Она просто не могла вытерпеть его прикосновений — не тогда, когда слишком хотела его сердцем. В детстве она была признательна за любое объятие своей матери, независимо от причины. Теперь она знала, что прикосновения без привязанности больно ранили ее душу.

Другая волна головокружения накатила на нее. Она сжала руками простыню. Вдруг Маррок оказался на ней, своими бедрами жестко раздвигая ее.

— Итак, ты нуждаешься во мне и не говоришь об этом, — упрекнул он, мягкими движениями поглаживая ее лицо. — Приходи ко мне, когда тебе нужно, в любое время, когда это необходимо. Я позабочусь о тебе.

"Такой нежный. Пожалуйста, пусть его слова будут правдой". Оливия закрыла глаза, чтобы он не увидел слез, уже собирающихся в их уголках.

— Я в порядке.

— Ты лжешь.

Он убрал с ее лица волосы и ласково поцеловал. Ее эмоции поднимались вверх, опускались вниз, выворачивали ее наизнанку. Жаль, у нее не хватало мужества спросить, на самом ли деле он заботился о ней, но она не торопилась разбивать собственное сердце. Вместо этого девушка ответила поцелуем, прижимая его губы к своим. Маррок хмыкнул от удивления, затем ворвался глубоко в ее рот, как будто планировал остаться там на всю ночь.

Долгие, томные поглаживания его языка, мягкое давление губ, слияние вдохов, ртов и потребностей. Что-то было иначе. Он всегда был нежным, ласковым, исключая тот раз в коридоре. И сейчас... Она не могла его понять.

— Оливия, — прошептал он нежно, — я был очень занят, и в последнее время у нас возник разлад. Мне это не нравится.

Ей тоже не нравилось это, наравне с чувством, что она оставила свое сердце открытым, и он может либо принять его, либо растоптать ради удовольствия. Но это не остановило ее от ответа на его поцелуй, когда он снова погрузился в ее рот в мягком поцелуе, распространяя вспышки удовольствия по всему ее телу.

— Если я был слишком циничен или обидел тебя, прошу простить меня.

Он бы никогда не извинился за то, что больше всего причиняло боль: за нелюбовь к ней. Он и не должен. Все глупости были по ее части. В этом Оливия была лучше, чем в любви к мужчине, чье сердце было нетронутым на протяжении полутора тысячелетий. Она не была ни милой, ни красивой — даже если считала, что становится такой в его руках. Вместо этого Маррок извинялся за то, что не мог отказаться от подозрений насчет ее отца. И Оливия не могла смириться с мыслью, что он был прав. Даже если она и отпустила свой гнев сейчас, его отвращение к Ричарду и крови Ле Фей должно было возобновиться. Быть может, они были обречены на провал с самого начала.

Она едва сумела закончить эту мысль, когда Маррок поцеловал ее так сладко, что заставил поджаться пальцы на ее ногах. Низ живота заполнило жаром. Может быть, их конец близок, но сейчас она могла раствориться в нем, оставить себе другие воспоминания. Длинные, медленные толчки его языка демонстрировали, что он собирается делать с ее телом. Огонь вспыхнул между ее бедрами; Оливия сдалась. Он проделал свой путь вниз по ее телу, постепенно приподнимая футболку, пока совсем не стянул ее, затем скинул ее на пол. Как только верхняя часть тела его пары обнажилась, он захватил ее чувствительные соски, один за другим. Она с шумом выдохнула и схватилась за его волосы, уцепившись за ощущения, затопляющие все внутри нее. Спустившись ниже, его руки остановились на ее трусиках, он сорвал и бросил их к футболке.

Его рука накрыла ее киску, он тщательно и аккуратно исследовал каждую складочку. Девушка ахнула и почти взмыла над своей физической оболочкой, так жаждущей разрядки. Ее киска потекла. Маррок пробормотал одобрение. Глупо или нет, но она хотела его, даже если для воина это ничего не значило. Почти ... Так невероятно, что она чувствовала, что вот-вот расплчется. Но он был умен и терпелив, танцуя пальцами по ее чувствительным лепесткам, позволяя ей слегка остыть, прежде чем снова заведет ее. Тогда она начала умолять. Слова вырывались из Оливии, и ее не волновало, как они звучали. Она хотела его глубоко внутри себя. Она нуждалась в нем. Немедленно.

Выражение его лица сменилось с собственнического на решительное, когда он вошел в нее одним контролируемым толчком. Удовольствие спиралью раскручивалось внутри нее, отправив ее на самый край, в пучину ощущений, которые чуть не утопили ее, отправив в экстатический рай. Но он не закончил. Маррок держал ее крепко, широко раздвинув бедра. Глубокие, размеренные толчки следовали один за другим. Внезапно удовольствие начало нарастать снова. Мольбы слетали с ее языка, пока он погружался в нее с упоением, но даже тогда она заставила себя сдерживать слова любви.

Внезапно он встал, перевернул ее и приподнял, поставив на руки и колени. Прежде чем она успела хоть что-то сказать, Маррок вошел в нее снова, погружаясь до упора, его грудь

касалась спины, а прикосновения сводили с ума. В этом положении она чувствовала каждую вену и бороздку его члена. Трение от каждого толчка заставляло ее пылать еще больше.

— Кончи для меня снова, — прорычал он, — мы сделаем это вместе.

Его горячее дыхание ласкало ее шею, по спине посылая дрожь, которая смешивалась с создаваемым им покалыванием. Ощущения сосредоточились в животе, плавно перетекая в ноги. Давление нарастало, и мощный взрыв удовольствия заставил девушку задохнуться. На мгновение ее зрение помутилось. Она упала на кровать, когда Маррок врезался в нее еще раз и несдержанно выкрикнул ее имя. Его руки выпустили ее, и он накрыл Оливию своим телом.

— Боже, женщина. Что ты со мной делаешь...

Она с трудом подавила желание заплакать. Удовольствие было удивительным, но все меньше и меньше ее заботила энергия. Она беспокоилась о его чувствах, о том, чтобы он любил ее. Однако тоска по человеку, который никого не любил в течение пятнадцати столетий, была безнадежным занятием. Она пыталась убедить себя в том, что это не так уж важно. Он хотел снять проклятие и умереть. Для этого ему нужна была она. Оливия обещала Марроку положить конец его страданиям и не хотела, чтобы человек, которого она любила, терпел это или был несчастным. Если проклятие будет снято, его муки прекратятся. Но ее личные мучения только начнутся.

Маррок поднялся и отправился в ванную. Дверь закрылась, в раковину полилась вода. Оливия уткнулась в подушку и разрыдалась. Боже, почему она не послушалась собственных опасений, прежде чем ее чувства стали настолько глубокими?

Чирик-чирик.

Станный звук прошелестел прямо над ней. Она открыла глаза и увидела маленькую белую птичку. Сумасшествие. Как птица смогла залететь в комнату?

— Оливия.

Теперь она заговорила. Голосом ее отца. Точно сумасшествие.

— Да.

— Быстрее! Я снаружи. Ты можешь пригласить меня? У меня есть кое-что для тебя, что поможет Марроку. Думаю, ты знаешь, что можешь мне доверять.

Она взглянула на закрытую дверь ванной. Вода продолжала шуметь. И отец был за окном, ожидая, чтобы показать ей что-то, что бы доказало — ее вера в него не была неуместной. Тем не менее, она должна быть осторожной.

— У меня нет сил, чтобы пригласить тебя войти.

— Понимаю. Я снаружи. Это займет всего минуту.

Накинув футболку и джинсы, она прокралась вниз по лестнице, но у главной двери засомневалась. Однако, если у ее отца было то, что поможет Марроку, ей нельзя оставаться здесь и прятаться.

Открыв дверь, Оливия увидела Ричарда Грея, стоящего на расстоянии, тяжело дышащего, будто его преследовали гончие из ада. Осторожно она начала приближаться, утешая себя тем, что помощь примчится по первому ее зову. Он схватил ее за руку и притянул ближе к себе.

— Ты один?

Он был нервным, взвинченным.

— Да.

Девушка потерла своими ладонями его вдруг похолодевшие руки.

— Посмотри!

Когда он извлек что-то из кармана своих брюк, Оливия наклонилась, чтобы разглядеть мерцающую в лунном свете вещь. Другая половинка ключа! Инкрустированная рубином, это часть была больше похожа на букву М. И вдруг Оливия поняла символ на обложке дневника. МЛ повторяло — Моргана Ле Фей.

— Как... Я думала, он у Матиаса? Что ты сделал?

— Я украл его.

Его улыбка растянулась до ушей.

— Я ждал, пока большая часть Анарки не уйдет, и проник внутрь. Я ведь знал место, где Матиас однажды его спрятал. Я думал, он сменил тайник, но нет!

— Ты знал, где находится пристанище Матиаса?

Он кивнул.

— Оно не изменилось, а чары против меня наложены не были.

— А где был Матиас, пока ты забирал медальон?

— Не знаю. Я просто выхватил его из тайника и убежал.

Оливия оторопела, гадая, что ответить.

— Это невероятно рискованно. Тебя кто-нибудь видел? Разве они не преследуют тебя?

— Никаких проблем с этим. Я планировал кражу в течение нескольких дней и теперь знаю, насколько сильно нам был нужен этот кусочек. Я не мог тебя подвести. Я хочу доказать, что ты можешь доверять мне. Я хочу, чтобы Маррок также знал это.

Ричард вдруг крепко ее обнял. Заключение в его объятия, ее сердце забилося быстрее с горько-сладким чувством. Он заботился о ней, о ее счастье. С его руками, обернутыми вокруг нее, девушка почувствовала отцовское одобрение. Но... она больше не желала этого так, как хотела того же от Маррока.

Когда он отстранился, она улыбнулась.

— Ты так сильно рисковал, зато теперь мы сможем сделать что угодно.

— Именно. А теперь что ты скажешь, если мы откроем дневник и снимем проклятие с твоего супруга?

Глава 16

— Ты знаешь, как снять его проклятие? — спросила Оливия.

— Я уверен в этом. Принеси мне книгу и вторую половину ключа. Мы сделаем все вместе.

Маррок предупреждал, что отец может сбить ее с правильных мыслей. Как сильно она ни хотела бы верить в лучшее, этот человек пока оставался незнакомцем. То, что она прочла в книгах по истории, успокоило Оливию. Отец понял свои ошибки и стал противником Матиаса, очень сильно рискуя своей жизнью. И он пытался показать свою заботу о ней, несмотря на все насмешки Маррока с их первой встречи. Ричард, имея наследие рода Ле Фей и знания о Дневнике Апокалипсиса, мог сделать свободу Маррока реальной. Даже если боль разрывала ее сердце при мысли о том, чтобы провести остаток жизни без него.

— Оливия, не хмурься. Это повод для радости!

Маррок стал бы счастливее, оставив земную жизнь. И если мужчина не любил ее, то ей будет лучше в одиночестве. Она просто не понимала, какое решение будет правильным сейчас. Девушка снова останется одна, так как ее отца все еще преследовали Анарки. Но сейчас она была сильнее. Понимание того, что она была не просто бременем для одного из

родителей и помогла Марроку исполнить его заветное желание, будет поддерживать ее в ближайшие годы.

Выдавив искусственную улыбку, Оливия кивнула.

— Пойду за Марроком.

Она быстро пробежала вверх по лестнице, замедлившись только у дверей комнаты, затем широко их распахнула. Маррок стоял там, высокий и мокрый после душа. У нее перехватило дыхание. Он выглядел таким полным жизни. Его скульптурно вылепленный римский нос смело возвышался над чувственными губами, окаймленными бородкой и солнечной загорелой кожей. Его тело было мускулистым и подтянутым благодаря ежедневным тренировкам с колдунами, которые ему не очень нравились, но только так они могли победить злодея, кто будет делать все, чтобы заполучить Оливию и дневник. Длинные черные ресницы обрамляли его голубые глаза со слегка заметными темными кругами под ними. Лунные тени очерчивали его скулы. Мужчина нуждался в отдыхе и, если сегодня все пойдет хорошо, получит его — навечно.

Она хотела, чтобы у нее хватило мужества сказать ему, что она его любит. Но, вероятно, его не заботила пра-пра-правнучка его врага — наследница, с чьей помощью он освободится от злых чар и которая была для него случайным эпизодом. Все его заботы и показная нежность были лишь для того, чтобы «сохранить лицо» и сделать счастливей ту, кто поможет снять его проклятие. Открытое признание лишь поставило бы точку в их отношениях. Он не пытался удержаться в этой жизни; почти с самого начала воин говорил ей, что хочет уйти. Это значило, что он хотел оставить и ее.

Сдерживая слезы, которые вот-вот готовы были пролиться, Оливия достала свою половину ключа от дневника из кармана джинсов, что она носила ранее, и надела на шею. Страх в ее животе стал разрастаться.

— Что ты делаешь?

Он наблюдал за каждым ее движением.

— Мой отец снаружи. Он знает способ, как открыть дневник и снять твоё проклятие.

Маррок похолодел.

— Это он тебе сказал?

— Я знаю, что ты ему не доверяешь, но он очень сильно рисковал собой, чтобы помочь тебе.

— Ты задавалась вопросом, почему он хочет это сделать?

Она колебалась.

— Потому что ты моя пара. А я его дочь.

— Последнее означает, что он думал об этом не так уж и много за последние двадцать три года. Единственная причина освободить меня от проклятия, — то, что мне больше не будет нужен дневник. После этого он предполагает, что я отдам книгу ему. И, как ты считаешь, что он планирует делать с ним дальше?

Эта мысль приходила к ней в голову, но резкий тон Маррока намекал на нечто более зловещее, чем охрана артефакта от рук Матиаса.

— Он принадлежит нашей семье, и я не верю, что Ричард все еще союзник Анархии. Может, он хочет спрятать его или уничтожить. Спроси его сам.

— Само собой, он не скажет мне ничего, кроме «правды».

Ее переполняло разочарование, разыграл природный темперамент будущей волшебницы.

— Если ты хочешь положить конец этому проклятию, то пойдешь и поговоришь с ним.

Как простой разговор может навредить?

— Оливия, никто из нас не является экспертом в магических вопросах. Мы не знаем, на что способен твой отец или что он все же выбрал сторону Матиаса.

— Я читала книги, которые мне дала Сабэль. Он выбрал добро и правду. Я немного знаю о магии...

— Твои знания почерпнуты из книги заклинаний для начинающих. В то время как твой отец и Матиас могут сотворить что-то экстраординарное.

Он погладил ее по плечу.

— Любимая, я не хочу разрушить твою веру в него, но мы должны быть осторожны.

Оливия отстранилась, желая, чтобы он не называл ее любимой, если только не говорил всерьез.

— Осторожность не снимет твоего проклятия. Если ты хочешь нормальной жизни — и смерти — то должен позволить отцу применить свою магию. Один из моих предков навредил тебе, и я пытаюсь дать то, что ты хочешь, но не смогу, если ты сам не будешь помогать себе.

Она ринулась к двери. Вот же упрямец! Когда девушка потянулась к ручке, Маррок уже был позади нее, одной рукой держа дверь закрытой. Другая обернулась вокруг ее талии.

— Шшш. Я знаю.

Когда Оливия судорожно втянула в себя воздух, она поняла, что плачет. Она отвернулась, пока горячие слезы текли по ее щекам. Маррок прижал ее к себе, притягивая в теплые комфортные объятия. Такие идеальные: его слова и мягкие прикосновения.

— Вместе. Мы пойдем к нему вместе. И ты будешь очень осторожна.

Когда он держал ее с такой заботой, ей просто не терпелось ему поверить. Но воин нуждался в ней, чтобы снова стать смертным. Ему положено было делать ее счастливой. Этот факт наполнил девушку нежелательными эмоциями. Любовью. Печалью. Отчаяньем. Открыть книгу будет равнозначно началу их конца. Если проклятие не убьет его, он с удовольствием сделает эту работу сам. И обретет мир после тысячелетия страданий. Оливия обернулась и обняла Маррока, сжимая его так крепко, что у нее заболели руки.

«Я люблю тебя». Эти слова чуть не сорвались с ее языка. Она продолжала прижимать мужчину так, будто наступит конец света, если она отпустит его. Прежде чем стиснуть его еще сильнее, девушка попыталась отстраниться. Но Маррок удержал ее своими сильными руками и снова притянул к себе.

— Все будет хорошо. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы все получилось. Больше не надо плакать.

Она отстранилась, стирая слезы со своего лица.

— Пошли.

Он быстро накинул одежду, достал дневник из тайника и повернулся к ней.

— Что не так?

— Почему что-то должно быть не так? — не поняла она, заглядывая вглубь его голубых глаз, стараясь запомнить каждый оттенок синевы.

— Скажи, чего ты боишься? — прошептал он, дотронувшись до ее щеки.

— Ничего, — «быть без тебя». — Открыть дневник — большой шаг.

— Действительно.

Он очень нежно прижался своими губами к ее. Успокаивал? Или прощался?

Маррок вышел за Оливией из их гостевой спальни, его рука на поясице направляла ее.

Возможно, они на пути к тому, чтобы положить конец его бессмертию. Или чтобы попасть в очередную ловушку Грея, который мечтает заполучить книгу в свои руки. В любом случае, назревают перемены. Воин надеялся, что это было к лучшему. Но он отказывался идти к Ричарду неподготовленным. Маррок был не в курсе магических способностей колдуна. Да, он многое узнал за те несколько дней, что находился в доме Брэма, но понимал, что задел лишь верхушку айсберга, который представляет собой мир волшебства.

— Подожди здесь, — сказал он наверху лестницы.

Получив неохотный кивок Оливии, Маррок проделал длинный путь вниз по коридору. Когда воин вошел в тень, посмотрев на девушку, он уловил незащитное выражение ее лица. Теперь мужчина увидел все без прикрас: печаль и горе. Неужели она оплакивала то, что он слишком мало присутствовал в ее жизни? Хотелось бы знать наверняка. Он скрывал свои чувства, потому что не мог понять влечения ее сердца, возможно, она делала то же самое. Помогите ему Боже, он был отчаявшимся идиотом, влюбившись в потомка той самой женщины, которая приговорила его к ужасной судьбе. И все же... Невинность Оливии и ее отвага, ее вера во врожденную доброту каждого, были как глоток свежего воздуха впервые за все века его жизни. Маррок был мертв внутри, пока не встретил ее. И если его жизнь закончится сегодня, он будет благодарен за те драгоценные дни, которые он провел с ней. Боже, только послушайте его слова... ну что за влюбленный болван?

Обеспокоенный внезапным поворотом своих мыслей, он поспешил вниз в темный коридор к комнатам Брэма. Пора доиграть эту пьесу до конца. Если утверждения Ричарда были очередной мистификацией, он будет иметь дело с ее отцом и со всем тем, что тот прячет в рукаве, хорошим или плохим. И если Маррок останется жив — даже если никогда не сможет снять свое проклятие — он останется с Оливией до тех пор, пока она не поймет, что они созданы друг для друга.

Наконец воин поднял руку, чтобы постучать в дверь Брэма. До того, как он успел сделать это, волшебник открыл дверь. Он был одет и, очевидно, недавно принял душ. Странно, учитывая то, что на часах не было и четырех утра.

— Я знал о твоём приближении.

— Заметил меня в тени?

— В видении.

Это застало Маррока врасплох.

— Ты знаешь, что здесь Ричард Грей?

Брэм, кивнув, вышел за ним в коридор. Он выглядел настолько счастливым, насколько может быть счастливым человек, у которого посреди гостиной стоит бульдозер. Маррок схватил Риона за плечо, заставляя повернуться к нему лицом.

— Что еще?

— Я связался с одним из старейшин Совета, который имел несчастье встречать Матиаса в бою, прежде чем тот был сослан. Старейшина предупредил меня, что Д`Арк может использовать такой вид колдовства, который еще никто никогда не видел.

— Что это значит?

Брэм покачал головой.

— Надеюсь, что мы не столкнемся ни с этим, ни с тем, что мне пришло в видении.

В желудке Маррока заворочалось липкое чувство опасения.

— Расскажи мне, что ты видел.

— Я не могу видеть деталей, черт их дери, только результат.

— Который?..

— Мрачный. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы предотвратить катастрофу. Сегодня вечером слушайся меня и не спорь.

Маррок поймал себя на том, что рассеянно кивает в ответ. Когда-то Брэм ему не понравился и он не доверял ему. Теперь... вектор их взаимопонимания сместился в положительную сторону. Наполовину. Рион не так уж плох. Для мага, во всяком случае.

Когда они поднялись наверх, Брэм поприветствовал Оливию. Тоска и печаль, что воин ранее заметил на ее лице, были тщательно скрыты. Но их образы выжглись в его памяти, напоминая о том, сколь много он поставил на кон. Что если это были его последние минуты с Оливией? Маррок сжал ее в объятиях.

— Мы не обязаны это делать. Если хочешь, я пошлю Брэма обсудить планы Грея и, возможно, так или иначе, избавлюсь от своего бремени. Мы можем изучить детали...

— Нет. Ты заслуживаешь немедленного избавления от проклятия. Ты столетиями жаждал только этого.

Она обхватила его щеку ладонью, и мужчина открыл было рот, чтобы возразить...

— Не спорь. Матиас скоро поймет, что мой отец украл половину ключа, и Анарки будут здесь. Сейчас или никогда.

Маррока пронзило удивление. Судя по выражению лица Брэма — его тоже. Не важно, нравилось это воину или нет, Оливия была права.

— Нам нужна стратегия.

Брэм незамедлительно кивнул.

— Следи за Оливией. Никуда ее не отпускай. Я буду отвечать за то, чтобы ничего не произошло с Книгой Судного Дня.

Они вместе спустились по лестнице и пересекли огромный холл. Брэм привел волшебника с улицы и проводил в библиотеку. Ричард сжал ключ в форме кулона в руке: большую, богато инкрустированную рубинам букву «М», с пустующей выемкой, где на ней будет лежать «Л» Оливии. Значит, у Ричарда на самом деле была вторая часть ключа. Вероятно, он сможет открыть книгу прямо сейчас. Однако Маррок все еще не доверял Грею. В его желудке словно бурлила кислота. Это чувство хорошо служило ему в бою. Что-то было не так.

— Маррок. Брэм.

Грей казался удивленным, увидев мага немало не расстроившимся.

— Ричард.

Рион фальшиво улыбнулся волшебнику, но выглядел при этом расслабленным.

— Как планируешь приступить к процессу с книгой? Ты знаешь, что может случиться, если она будет открыта?

Помедлив, тот отрицательно покачал головой.

— У меня есть идеи, но ничего определенного.

— Быть может, бросаться в неизвестность неразумно. Я могу защитить твой ключ в этом доме, — предложил Брэм. — Без приглашения на вход, поместье является настоящей крепостью.

— Я не могу позволить упустить ключ из своих рук. Если меня поймают, вернуть его обратно может стать единственным спасением. Вообще-то, мой план заключался в том, чтобы открыть книгу, снять проклятие Маррока и вернуть ключ Матиасу до того, как он заметит пропажу.

Оливия ахнула.

— Пожалуйста, Маррок. Нет причин затягивать твои страдания. Просто... Я знаю, что ты предпочел бы получить больше информации, разработать стратегию и Бог знает что еще, но мой отец так рисковал собой, чтобы принести нам эту половину ключа.

— Я до сих пор интересуюсь почему.

Ричард обернулся к нему с серьезным взглядом.

— Она моя дочь. Я потерял ее на двадцать три года, оставив матери, которая была не способна ухаживать за Оливией и создать ей комфортную жизнь. Уже слишком поздно, чтобы отмотать назад время и вмешаться в ее судьбу, как родитель, как ты верно заметил. Возможно, я смогу предложить ей будущее с супругом, не скованным проклятием.

Теперь Ричард боролся за звание «Отец года»?

— Останусь ли я жив, если чары перестанут действовать?

Оливия кивнула.

— Сабэль говорила, что связь между парой — самая мощная существующая магия, значит?..

— Возможно, он останется жив. Человек, который женится на волшебнице, принимает ее жизнь. Проклятие как бы законсервировало тело Маррока. Обращение этого наговора вспять позволит ему стать нормальным, — хорошо, нормальным с точки зрения старения магического существа, — пояснил Ричард.

— Брэм? — обратился к нему Маррок.

Маг пожал плечами.

— Природу этого заклинания не рассматривают в классических учебниках. Пребывая в бешенстве, Моргана была способна на великие и страшные подвиги, подобных которым не видели ни до, ни после ее существования.

Оливия умоляюще взглянула на Маррока. Черт возьми, когда она так на него смотрела, он был готов сделать что угодно, чтобы доставить ей удовольствие.

— Ты же хочешь быть свободным от этого проклятия, — прошептала девушка, сдерживая слезы, — я хочу, чтобы ты был волен сам решать, жить или умирать, а не так, как приказала Моргана, — умоляюще проговорила она, — воспоминания о том, что она так жестоко использовала тебя, всегда будут лежать между нами, если ты не разрушишь это проклятие. Пожалуйста...

Маррок все еще не был убежден в правильности своего решения, но потянулся за Дневником.

— Подожди! С открытой книгой у нас будет гораздо больше власти над Матиасом, — объяснил Брэм.

— Что это значит?

Его не волновал магический мир, но мысль о вреде от злоумышленника, против которого он боролся в последние дни, беспокоила его.

— После того, как мы откроем книгу и научимся ею пользоваться, сможем изгнать Матиаса навсегда. Он никогда не выберет тебя или Оливию для своей мести. Если вы провалитесь в этом деле, он откроет охоту. И ни один из вас не будет в безопасности. Никто не будет.

Эти слова отдавались эхом в его голове. Маррок с трудом осознавал их, пытаясь найти недочеты в логике Брэма, и обнаружил только один.

— С открытой книгой нас будет преследовать каждый маг с манией величия, так как

больше не будет никаких препятствий для ее использования.

— Не совсем так, — сказала Оливия, — дневник является объектом женского почитания, помнишь? В своих поисках я обнаружила, что, вероятно, он будет мощнее в женских руках. Возможно, мужчина не в состоянии применить его по назначению.

— Очень хорошо, — похвалил Ричард, — и правильно.

— И как Ле Фей, Оливия, а может, только лишь Оливия будет способна уничтожить дневник, когда достигнет расцвета своих способностей, — подтвердил Брэм. — Если она положит ей конец, то книга не сможет больше быть причиной войн и смертей. С этого дня мы будем говорить магическому миру, что артефакт превратился в пепел или что-то подобное, мы будем охранять его ценой наших жизней.

— Почему бы не подождать с открыванием книги до того, как Оливия не обретет силу и не будет способна ее уничтожить? — спросил Маррок.

Ее отец покачал головой.

— Прошло больше тысячи лет с того момента, когда у нас были все необходимые компоненты, чтобы открыть дневник. Полагаю, такая возможность может не представиться снова.

Маррок взглянул на красную книгу — такую безобидную на вид — затем посмотрел на Оливию.

— Это к лучшему, для нас и для магического мира.

Снаружи гремел гром, внутри его нутро переворачивалось. Но воин видел в этом логику. Открыв книгу, они обретут силу. Не сделав этого, они с Оливией обрекут себя на полную опасностей жизнь в бегах. Маррок стиснул зубы и резко кивнул.

— Что дальше?

— Вот как мы сработаем, Грей. Ты возьмешь свою часть ключа в правую руку. Оливия будет держать свою. Маррок встанет между вами. Я положу книгу на стол. Никто не тронет ее, пока это не будет необходимо. Затем мы обсудим наши следующие шаги, если книга откроется. Мы договорились?

— Договорились.

Ричард охотно кивнул.

Маррока съедал ужас. Грей говорил и делал правильные вещи. Он видел смысл в этих действиях. Но беспокойство его не оставляло. Воин глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и встал между Ричардом и Оливией. Он крепко обнял девушку за талию, притягивая ближе к себе. Мужчина хотел сделать больше для их безопасности, чтобы Грей не смог причинить им вред. Его глаза встретились с глазами Оливии, и глубокая печаль в них буквально вывернула его наизнанку. Снаружи начался дождь, ветер хлестал ветви деревьев за окном. Во времена его детства такую погоду воспринимали, как плохую примету. Старые суеверия не всегда плохи.

Брэм посмотрел на Ричарда.

— На счет три тыставишь свой медальон в переднюю часть книги, во встроенные пазы. Оливия, как только он закончит, ты положишь свой сверху. Она — и никто другой — откроет книгу. И я оглушу любого, кто нарушит условия.

— Кто бы сомневался, — произнес Ричард, — но мы должны поторопиться. Я чувствую, Матиас дышит мне в затылок.

— Если ты действительно что-то у него украл, — начал Брэм с гримасой на лице, — я удивлен, что он еще не пытается выбить мою дверь. Один... — Рион начал счет.

Маррок крепче обнял Оливию.

— Два...

Краем глаза воин заметил, что Ричард наклонился вперед, с медальоном в руке, потянувшись к книге. Одной рукой обнимая супругу, другой Маррок еще крепче ухватился за книгу.

— Три.

Ричард положил медальон в углубление. С легким щелчком ключ встал на свое место. Сжав губы от усердия, Оливия повторила процесс, зафиксировав свой ключ на положенном месте. Легко щелкнув, тот закрепился над «М» Ричарда. Вдруг книга, казалось, потянулась в сторону Оливии, как будто пульсируя собственной жизнью. Ритмично, как биение сердца. Маррок чувствовал каждую волну силы, проклявшей его. Его кожу словно ошпарило кипятком, девушка цепко взяла книгу и открыла ее. Этот потрескавшийся от старости фолиант все еще горел первозданной яростью. Страница за страницей — большинство пустые, — воскрешали прошлое в необъяснимом танце времени.

— Невероятно, — выдохнул Брэм.

— Я чувствую прилив энергии, — добавила Оливия, стиснув книгу, будто боясь отпустить.

Маррок смотрел, загипнотизированный. Он всегда знал, что Дневник Судного Дня обладает невероятной силой. Он всегда испытывал уважение к книге, но сейчас... Господь Всемогуший!

Вспышка света блеснула справа от него. Огненный шар боли ударил его между лопаток. Он пошатнулся, агония неслась по коже, разрывая суставы. Следующий вдох, казалось, стал практически невозможным. Его рука начала соскальзывать с талии Оливии. Неужели это было следствием того, что Моргана наказывала его за смелость, за попытку открыть книгу и разрушить проклятие? Боль разрасталась, безжалостно скручивая мышцы, ломая кости. Шея больше не могла удерживать голову, подбородок опустился на грудь, он напрягся, чтобы найти баланс и контролировать тело, чтобы оставаться в вертикальном положении. Это еще что за магический трюк?

— Грей? — Брэм выкрикнул вопрос.

«Должен... защитить... Оливию». Второй огненный взрыв пришелся на затылок Маррока. Его голова дернулась назад. Мышцы застыли. Он опустился на колени, цепляясь за талию своей пары. Он не мог позволить ей уйти, хотя никогда не чувствовал такой мучительной боли. Муки поразили его быстро, как змеиный яд, прожигая вены, что заставляло его сердце и легкие прерывать свою работу и — через несколько мучительных минут — остановиться. Воин пребывал в сознании только благодаря силе воли. Смутно он слышал, как Оливия ахнула от испуга. Маррок заставил себя взглянуть вверх, пытаясь подняться на ноги. В поле его зрения попал Ричард, с оскаленными зубами и искаженным яростью лицом. Его фиолетовые глаза вспыхнули ненавистью, когда он навел свою палочку на Брэма.

— Нет! — прохрипел Маррок.

Отец Оливии обернулся и поднял свое оружие. Снова вырвалась вспышка света, и новая волна агонии рассекла тело и чувства Маррока. Он попытался собрать все силы и противостоять боли, напоминая себе, что он бессмертный. Но его сознание ускользало... растворялось. Мужчина подумал, что магического удара от Ле Фей было достаточно, чтобы одним махом и уничтожить проклятие, и убить его. Мог ли он действительно умереть?

Воин выпустил Оливию из рук и прислонился к столу. Девушка отпустила книгу и схватила его за плечи, выкрикивая его имя, но звук казался таким далеким. Он был не в состоянии сказать ей, что с ним все хорошо. Это была бы наглая ложь.

Брэм прорычал что-то, и звук магической атаки прозвучал слева, где Рион пытался оглушить Грея. Тем не менее, прикосновения Оливии подстегнули его волю к борьбе. Он не мог оставить любимую на милость злых прихотей ее отца. С боевым кличем Маррок оттолкнулся от стола, потный, с мутным взглядом. Он толкнул Оливию за спину и замахнулся своей мощной рукой на Ричарда. До того, как удар достиг своей цели, Грей отпрыгнул в сторону, схватил Оливию и направил палочку на Брэма. Вспыхнул взрыв энергии, на это раз направленный на стол. Брэм сделал ложный выпад и рванулся вперед, хлопнув руками о поверхность перед ним. С громким звуком вокруг них взорвался другой шар темной силы, нейтрализуя в комнате свет. Маррок потянулся за своей женой. И не почувствовал ничего, кроме воздуха.

Глава 17

— Оливия! — заорал Маррок, ощущая, как щупальцы страха медленно сжимают в тиски его сердце.

В крошечной тьме, царящей в помещении, Брэм щелкнул пальцами. В это же мгновение, комнату озарил свет. Книга лежала на столе под рукой колуна, спасенная от отчаянной хватки Ричарда. Но осмотр обстановки только подтвердил предчувствие Маррока: Грей исчез. И забрал с собой Оливию.

Маррок повернулся лицом к Брэму. В его мысли закралось волнение.

— Где они?

Колдун вздрогнул. На его лице отразилась жалость.

— Исчезли.

— Ты можешь узнать где они?

— Я не GPS-навигатор. Послушай, — попытался успокоить Маррока Брэм. — Ни для кого не секрет, что Ричард хотел, чтобы Оливия держалась от тебя подальше.

— И эта встреча сработала, как большой хот-дог для того, кто на диете. Чем он и воспользовался.

— Правильно. Не думаю, что он навредит Оливии, она нужна ему, чтобы заполучить в свои руки дневник.

— А что потом?

Маррок уставился на него. В его взгляде можно было увидеть весь ужас и неуверенность, которые спровоцировало похищение супруги.

— Оливия быстро теряет энергию. Отсутствие питания убьет ее, если Ричард не сделает этого раньше. А если он заодно с Матиасом, ты и сам прекрасно знаешь, что этот монстр может с ней сотворить.

Мысль о том, что с Оливией могло произойти то, что он наблюдал в видении Брэма, заставило его поежиться.

— Тогда мы найдем ее до того, как с ней случится что-то подобное, — Брэм сделал паузу. — Ты любишь эту женщину.

Воин вздрогнул. Маррок боролся с этим чувством с того момента, как понял, что Оливия была новой личиной Морганны; он начал видеть в ней не просто девушку из рода ле

Фэй. Он видел в ней свою душу. Ее сострадание и готовность помочь, как и ее сила и потребность в нем, захватили его сердце. Но взамен мужчина отвергал ее и проявлял недоверие. Ох. Маррок хотел и брал ее так часто, как только она позволяла ему это. Но он был слишком труслив, чтобы рассказать ей о тех чувствах, которые поселились в его сердце. И сейчас может быть уже слишком поздно. Кретин! Проведя рукой по лицу, он послал Брэму полный решительности взгляд.

— Мы должны найти Оливию.

Брэм похлопал его по плечу.

— Мы найдем. У нас есть то, что так сильно хочет заполучить Ричард. Настолько сильно, что метнул в тебя три мощных заклинания убийства.

— Эти вспышки боли были заклинаниями убийства?

— Снова узнал что-то новенькое о своем будущем родственнике? Мы не простим его предательства. Мерзавец заплатит за это. Он не только бессердечный ублюдок, кто манипулирует своей дочерью ради получения оружия, которое будет использовать против своего же вида, но еще и приспешник Матиаса, кто желает того же, но только в большем масштабе.

— Какую выгоду может принести нам этот дневник, кроме использования как средство выкупа? Мы все еще должны выяснить где они.

— Возможно... есть способ.

Маррок в нетерпении вскинул руки в воздух.

— Так используй его! С тех пор, как она исчезла, с каждой секундой я чувствую, что наша связь с ней становится слабее и слабее. Она разрушается. Я чувствую боль, как будто тысячи бритв безжалостно, раз за разом проходятся по моей душе.

Колдун понимал его. Он явно что-то задумал, но у него все еще не хватало уверенности, чтобы озвучить свою идею. Хоть Маррок и ненавидел магию, в этот момент воин пожалел, что не обладает умением колдовать. Если это помогло бы вернуть Оливию, он без раздумий принял бы эти силы.

— Сделай что-нибудь! — заявил он, зная, что сейчас готов отдать Брэму даже этот хренов дневник.

Взяв книгу, Брэм пролистал первые страницы в начале и остановился на той, на которой было написано проклятие Морганны. Положив руку на артефакт, Маррок остановил Брэма и перелистнул назад к начертанным рукой Морганны строчкам. Он ожидал насмешек от Брэма, приподнятой брови или чего-то еще, однако воин никак не ожидал того, что скажет Рион дальше:

— Отпусти. Я ищу страницу, на которой написано проклятие Морганны. Но, скорей всего, эта книжонка пуста. Почему?

— Что за чепуха? Ты разве не видишь слов перед собой?

— Каких слов? — Брэм посмотрел на него так, как будто тот слетел с катушек.

Маррок выдохнул.

— Я не знаю, в какие игры ты играешь, но тебе лучше прекратить это.

Брэм пораженно уставился на него и смерил оценивающим взглядом.

— Мы должны попытаться использовать книгу, чтобы найти Оливию.

— Стоит ли играть с чем-то настолько сильным?

— Стоит попытаться. Или, может, ты знаешь другой способ найти свою пару до того, как кто-то пострадает?

— Мы не знаем, как работает эта книга.

— Легенда гласит: все, что обладатель книги напишет в ней, сбудется. Ты говорил, что видел, как Морганна пишет на ее страницах. Я где-то читал об этом. Возможно, все проще, чем нам кажется.

Ничто, связанное с колдуньей, никогда не было простым, но, если задумка Брэма сработает и он сможет вернуть Оливию парой росчерков пера, стоит попытаться. Чувствуя, как холодеют пальцы рук, Маррок кивнул. Брэм похлопал его по спине и прошел к своему столу за ручкой. Он схватил книгу и на мгновение замер.

— Может, нужна специальная ручка?

— Нет. В ночь, когда она прокляла меня, ведьма использовала перо Артура.

— Великолепно, — голос Брэма был наполнен язвительностью, — магические эксперименты всегда такие... интересные.

Интересно и магия — не те слова, которые Маррок желал бы употреблять в одном предложении. Но он слишком сильно хотел вернуть Оливию.

— Сделай это.

Вздохнув, Рион приблизил ручку к странице, следующей после проклятия. "Верни Оливию обратно к супругу. Задержи тех, кто похитил ее, и измени ее судьбу". После того, как Брэм покончил с завитушками на последних словах, Маррок затаил дыхание. Секунды ожидания, казалось, превратились в часы. Это должно было сработать. Когда его взгляд метнулся по комнате, за окна, он не увидел никаких признаков Оливии. Беспокойство сменило надежду, и он выругался. Когда воин опустил взгляд на книгу, он выругался снова. Все, что написал Брэм, исчезло.

— Ты тоже это видишь? Она снова стала чистой?

Брэм напряженно всматривался в книжные листы.

— Да. Что, черт возьми, происходит?

Маррок понятия не имел.

— И ты не видишь слов Морганны на соседней странице?

Расположив книгу перед лицом, Брэм посмотрел в нее, а затем придвинул артефакт еще ближе.

— Ничего.

— У этого дневника больше секретов, чем мы могли представить.

Как и у самой Морганны. Все еще уставившись на страницу, Брэм кивнул. Затем он поднял глаза, полные глубокого сожаления.

— Попробуй ты.

Почувствовав необъяснимый страх, Маррок схватил книгу в руки. Колдун возвращает ее ему, потому что надеется, что это вернет Оливию?

— Давай, — произнес Брэм.

Мысль о том, что его супруга в опасности, и чувство ужаса придали новых сил. Раскрыв книгу, он написал в ней слова, похожие на слова Брэма. Тот же результат. Когда строчки вновь исчезли со страницы, Маррок закрыл книгу и прижал к своей груди.

— Что это значит?

— Возможно, Оливия была права — эта книга взаимодействует больше с ведьмами, чем с колдунами. Но боюсь, Сабэль все еще слишком слаба, чтобы помочь нам.

Маррок отбросил дневник на стол. Эта вещь была источником его мучений в течение многих столетий. Почему он ожидал, что она спасет единственного человека, о котором он

заботился?

Ужас мгновенно расползся по уголкам его души. Связь с Оливией... он мог чувствовать ее на расстоянии, ощущать неудобство и слабость, которая уже давала о себе знать. И что-то еще, растущее чувство разочарования. В следующее мгновение всплеск шока заставил его побледнеть. И вдруг эхо страха — страха Оливии — стало палящим жаром растекаться по венам.

— Хочешь попробовать сделать что-нибудь еще с этой книгой? Написать другие слова? Маррок покачал головой.

— Нет времени. Мы должны найти ее сейчас же.

Иначе, Боже Правый, может быть слишком поздно.

Оливия увидела вспышку света и услышала шум. Ее бросало то в одну сторону, то в другую, желудок скрутило. Затем она приземлилась на пол в совершенно незнакомом месте. В помещении было темно, так как на окнах висели тяжелые плотные шторы. Тусклый свет освещал старую комнату с бежевым диваном, заляпанным какими-то пятнами. Она сомневалась, что в этом месте осталось хоть что-то чистое. Узкая кровать с серым покрывалом, которое явно когда-то было белым, и грязными простынями была похожа на несуразную кучу тряпок. Раскрытая коробка от пиццы с наполовину съеденным пирогом внутри лежала на столе. По всей комнате валялись пластиковые стаканчики из-под кофе. Бычками от сигарет были заполнены все пепельницы, которые попадались чуть ли не на каждом шагу. Запахи, царящие здесь, вызывали тошноту. Она едва ли могла вздохнуть. Подавив приступ рвоты, Оливия взяла себя в руки и взглянула на своего отца.

— Где мы?

В дешевом мотеле?

— В моих покоях. По крайней мере, на данный момент.

Девушка предположила, что отцу приходилось часто менять места проживания, чтобы избежать встречи с Анарки.

— Что случилось? Где Маррок? Что с ним произошло, прежде чем мы... испарились из дома Брэма? Где книга?

— Как же много вопросов, — упрекнул ее Ричард.

Наконец-то он смерил ее странным взглядом, больше похожим на злой.

— Это пройдет. Книга, несомненно, осталась у Брэма Риона. А твой супруг не придет. Если бы он не был бессмертным, то был бы уже давно мертв.

Девушка сделала шаг назад, в то время, как иголки страха начали проникать в тело.

— Я... я не понимаю.

— Конечно же, нет. С помощью магии я сделал так, чтобы никто даже помыслить не мог о настоящем положении вещей, поэтому ты можешь и не понять.

Внезапно, он откинул голову назад. Его лицо потеряло цвет и движение. Он превратился в потустороннюю серую тень, глаза которой сразу же потеряли свой цвет и свет. Мертвенно бледные ноги выгнулись под неестественным углом, будто кто-то другой буквально выходил из тела ее отца. Но это невозможно. По крайней мере, она так думала, пока из плеча мужчины не вылезла еще одна рука. Спустя минуту, перед ней предстал другой человек. Он сделал шаг вперед. Тело ее отца, как безжизненная марионетка, мгновенно упало на пол.

Оливия от удивления раскрыла рот. Ужас ледяным потоком стал распространяться по венам. Она переводила рассеянный взгляд с безжизненной фигуры на полу на незнакомца перед ней. Он выглядел моложе, чем Ричард, примерно на двадцать лет. Темные волосы едва касались его мощных загорелых плеч. На его оголенном торсе, покрытым тонким слоем пота, отчетливо проступала каждая мышца. Огромные бицепсы напряглись, когда он продел пальцы в пояс своих кожаных штанов, которые сидели так низко, что она могла видеть, как выпирают его тазовые кости и как дорожка темных волос, скрывается за краем одежды. Кто он, черт возьми?

— Оливия?

Девушка была настолько отвлечена появлением полуголого красавца, который вышел из тела ее отца, что даже не удосужилась взглянуть в его глаза. Но то, что она вскоре увидела в них, заставило ее содрогнуться. Ледяные голубые глаза так пугали, что она задрожала, даже находясь в десяти футах от него. Подведенные черным, они одновременно несли в себе угрозу и соблазнение. Все его тело было воплощением истинной угрозы, как и его резкие скулы, волевой подбородок и чувственные губы. Мужчина был невероятно сексуален, что невозможно было проигнорировать, но был лишен тепла в душе. Оливия резко подалась назад.

— Ч-что ты сделал с моим отцом?

— Я уверен, что он покоится с миром.

Он благодушно улыбнулся, подойдя ближе. Оливия почувствовала, как ее глаза становятся шире, а пульс резко ускорился. Она отступила.

— Ты у-убил его?

— Он выполнил свою задачу и стал ненужным. Внезапно, в нем проснулись мораль и отеческая забота, — незнакомец сделал вид, что зевает, — разве я мог обратить это в свою пользу?

Господи, его слова... У этого мужчины не было сердца. Чем ближе он подходил к ней, тем больше она чувствовала, как по ее спине бегают мурашки.

— Ты можешь гордиться собой: перед смертью он говорил о тебе. Грей никогда не молил о спасении собственной жизни, но он умолял вполне убедительно о том, чтобы я сохранил твою.

Мертв? Отец, которого она только обрела, был убит, защищая ее от этого... существа?

— Когда?

— Сразу же после того, как он помог вам скрыться от Анарки в коттедже твоего супруга. Прочитав его мысли, я последовал за ним. Как только он телепортировался от тебя и вернулся сюда... Ну, твой отец был мощным источником информации, но я больше в нем не нуждался. Поэтому я подарил ему вечный покой.

Оливия вздрогнула. Все происходило так быстро, что она не могла уследить за событиями.

— Почему ты его убил?

— Он собирался помешать моим планам.

Пугающий незнакомец нежно провел костяшками пальцев по ее щеке, что, даже при всей своей мягкости, страшно напугало девушку.

— Я не мог этого допустить.

Оливия отпрянула от его прикосновения.

— Кто ты?

— Матиас д'Арк, конечно же.

Колдун отвесил ей изящный поклон. Он проделал большую работу, чтобы сойти за Ричарда Грея. Имя злодея прожгло все мысли, витающие в ее голове. Матиас? О, Боже! Она отступила назад, но почувствовала, что уперлась в стену. Маг тихо рассмеялся. Его смех был таким же холодным, как и глаза. Матиас приблизился к ней и медленно провел пальцами по ее волосам, позволяя им скользить между фалангами, прежде чем усилить захват.

— Моя бесстрашная американская ведьмочка. Такая красивая.

— Отпусти меня!

Девушка начала извиваться, чтобы ослабить хватку мужчины. Д'Арк прижал ее к стене.

«Для того, чтобы прикоснуться к тебе, я мог бы разрушить вашу брачную связь, и этот ритуал ты не смогла бы пережить. Или я мог бы просто взять тебя, игнорируя твою боль, но ты, возможно, также не переживешь это, а от мертвой ведьмы Ле Фэй нет совершенно никакой пользы. Ты такая красивая. Какая жалость».

Дернув ее за волосы, Матиас притянул девушку ближе. Оливия оказалась прижатой к его телу. Ее губы оказались прямо перед его.

— Я был бы так рад тебя оттрахать, — прошептал он ей в губы, — твои стоны и мольбы подарили бы мне столько энергии и удовольствия.

Оливия попыталась ослабить хватку на волосах, но он слишком крепко ее держал.

— Однако от тебя слишком сильно разит бессмертным человеком, — прорычал Матиас, — а я не в настроении вдыхать этот запах, когда ты будешь кричать от удовольствия.

Удовольствие? Как он мог даже подумать о том, что она будет наслаждаться его прикосновениями?

— Твои мысли так легко услышать. Ты бы ощутила удовольствие, потому что так хочу я. Смотри.

Внезапно он отпустил ее и прошагал в середину комнаты. Легким жестом руки и щелчком пальцев, он явил ее взору грязную и голую женщину. Голова пленницы была опущенной, ее бледные кудри закрывали лицо, плечи и часть груди. Но Оливия заметила, что та была красавицей.

— Подойди, — он обратился к ней.

Не поднимая глаз, несчастная подошла к нему.

— На колени.

Она сделала, как ей сказали. Колени врозь, руки сцеплены за спиной. Поза сабмиссива. Увидев, что она делает, Оливия ахнула. Почему такая красивая девушка позволяет этому монстру себя подчинить? Боже, она наверное не в своем уме.

Матиас лениво убрал волосы с ее лица, а затем спустился ниже, лаская ее грудь. Он схватил ее за сосок и покрутил между пальцами. Женщина ахнула, а потом начала задыхаться. Самое время для побега. Может, Д'Арк будет так отвлечен, что у нее появится возможность сбежать. Он, наверное, убьет ее за это.

Оливия побежала, но на расстоянии в два шага от двери она почувствовала, будто на ее шею набросили петлю и резко рванули. Будущая волшебница остановилась и попыталась избавиться от удавки. Но в поиске того, что душило ее, она наткнулась только на свою кожу. Внезапно ее руки были прижаты по бокам, и она вновь оказалась лицом к лицу с Матиасом и его рабыней.

— Я настаиваю на том, чтобы ты осталась, а то пропустишь все веселье. Это даст мне столько энергии. Столько гнева, которыми я могу порадовать свой член. Не так ли, милая?

Гримасничая, Оливия почувствовала, что еще мгновение и ее вырвет.

— Встань, — приказал женщине Матиас, и затем понизил голос, — ты такая шалунья. Бьюсь об заклад, тебе также понравился бы грубый секс с твоим бывшим супругом.

Эта женщина когда-то была в паре?

— Повернись, — велел он пленнице, которая без колебаний повиновалась ему.

Вид ее лица заставил Оливию резко вдохнуть.

— Анка?

— Ах, вот как ее зовут. Я был слишком занят, трахая ее, чтобы спросить.

Матиас провел ладонью вверх по ее животу, по возбужденным соскам, а затем обратно в островок бледных локонов. Она казалась возбужденной и пахла сексом.

— Раздвинь ноги.

Анка задрожала, но выполнила приказ без промедления. Однако ее глаза, полные отчаяния и ужаса, заставили сердце Оливии проникнуться пониманием к этой женщине. Ее тело было вынуждено терпеть это, даже когда разум этому противился. Пальцы Матиаса погрузились в лоно Анки. Она вздрогнула, но изо всех сил пыталась отдышаться, чувствуя жар возбуждения и влагу между ногами. С торжествующей улыбкой незнакомец бросил быстрый взгляд на Оливию.

— Разве она не является... Нет, я должен перефразировать! Разве она не была парой одного из Братства Судного Дня?

Оливия шокировано кивнула. Плохой знак, что Матиас знал о существовании Братства. Что если он получил эту информацию из мыслей ее отца?

— Ты заставил Анку разрушить свою связь?

— Я могу быть очень убедительным.

С покрасневшими глазами Анка, казалось, была совершенно сломлена, напугана, даже когда ее бедра начали дрожать в предстоящем оргазме под лениво ласкающими пальцами Матиаса.

— Остановись. Она не хочет этого!

В ответ на что дьявольский ублюдок поднял два влажных пальца.

— А вот и доказательство обратного.

— Ты заставляешь ее реагировать.

Он пожал плечами.

— Удовольствие есть удовольствие.

Колдун махнул свободной рукой над ее головой.

— Вот так. Теперь она не может нас слышать. Не хочу, чтобы надоедливые воспоминания становились на пути. Я никогда не спрашивал имя ее супруга. Кто он?

Оливия отказывалась рассказывать. Бог его знает, что этот психопат будет делать с этой информацией.

— Скажи мне, — он медленно стал опускать руку ниже, прямо к средоточию возбуждения Анки, — или она проведет всю ночь, кончая против своей воли, и не только для меня. Я уверен, что ребятам Анарки понравится ее киска.

Отпрянув, Оливия увидела, как по щеке Анки скатилась тихая слеза. Женщина не сможет выдержать еще одно изнасилование от Матиаса. Она уже была вынуждена нарушить клятву и неоднократно. Д'Арк только усложнит ее жизнь, если она не скажет ему.

— Ее супруг...

— Бывший супруг, — исправил ее Матиас.

— Ее бывший супруг — Лукан.

Услышав эти слова, ужасающая улыбка Матиаса стала шире.

— Великолепно. Один из самых сильных. Не стоит связываться с похищением пары воина и заставлять ее разорвать их связь, если это не нанесет урон маленькому восстанию Брэма Риона.

Это все объясняло. Матиас не только знал о Братстве Судного Дня. Так как он выдавал себя за ее отца, он присутствовал на одной из их тренировок. Он знал обо всех, кто состоял в нем, кто был связан брачными узами, и решил устранить одного из ключевых персонажей, заставив Лукана обезуметь от горя.

Злодей посмотрел на Анку с выражением дьявольского восторга, что заставило Оливию поежиться.

— Я знаю, что с тобой сделать.

Что бы он ни припас для нее, Оливия уже успела почувствовать жалость к этой женщине.

Со следующим взмахом руки и щелчком пальцев Анка исчезла. Оливия стремительно обвела взглядом комнату, но все ее попытки увидеть супругу МакТавиша были напрасными.

— Где она? Что ты с ней сделал?

— Как бы мне ни было с ней весело, я отправил ее туда, где она может быть более... полезной.

Означает ли это, что он отдал ее Анарки для групповухи?

— Отправь ее обратно к супругу. Сейчас же! Он страдает и...

— Это хорошо, — Д`Арк улыбнулся, — значит, мой план, как отвлечь и ослабить маленькое собирище Брэма, работает. У Анки больше нет пары, поэтому она будет весьма дорого стоить там, куда я ее послал.

— Будь ты проклят! Не делай этого с ней или Луканом. Не...

— Я бы не стал беспокоиться так много об их проблемах, когда у тебя есть свои собственные. Теперь ты можешь либо сотрудничать со мной... либо я могу передумать и позволю тебе вкусить участь Анки.

Сама мысль об этом заставила ее кожу покрыться мурашками. Матиас касающийся ее, заставляющий ее тело испытывать желание, которое разум будет отвергать. Разрыв ее брака с Марроком прервет их связь. Девушка вздрогнула и обхватила себя руками.

— Я вижу, ты меня поняла. Так каково твое решение?

Глава 18

Прошло двенадцать туманных, заполненных паникой и неопределенностью, часов. Вскоре на землю опустились сумерки. И до сих пор Маррок не имел ни малейшего понятия или зацепки о том, где может быть Оливия.

— Герцог и Кейден снова отправились на поиски. Айс скоро их сменит. Я продолжу свои попытки разыскать твою пару. Ты останешься здесь на случай, если придут Анарки. Ты знаешь, что делать.

Маррок безразлично кивнул. Он молил Бога, чтобы они смогли найти Оливию, но его душу захватил леденящий страх. Никто не знал, куда забрал ее отец или где сам Ричард. Он не отвечал ни по телефону, ни на зов камня. Хотя Грей разбирался в том, как скрываться от Анарки несколько столетий. Вполне возможно, что он с таким же успехом сможет избежать

встреч с Братством Судного Дня. Плохо то, что Ричард не гнушается убийствами, мужчина точно был не на стороне добра.

— Что насчет Шока? — спросил воин.

— Я ничего не слышал о нем с тех пор, как пропала Анка. Остается лишь молить Бога за то, что он ничего не сделал с Анкой и их брачной связью с Луканом. Иначе наш друг потеряет свою человечность и душу.

Впервые Маррок ощущал сочувствие. Если у кого-то отбирают пару, принуждают нарушить их клятвы... Несколько часов без Оливии — и он уже чувствовал, будто теряет голову. Их связь была слишком крепка. В миллионный раз со времени исчезновения девушки он снова начал мерить шагами комнату. Его неудача в попытке уберечь ее была слишком болезненной для воина.

— Ублюдок! Хотел бы я знать куда, Ричард утащил Оливию и что у него на уме. Я с радостью выпустил бы ему кишки.

— Может быть несколько причин тому, что он не отвечает.

И ни одна из них не была хорошей. Брэм не сказал об этом вслух, но Маррок и так это прекрасно знал. Прямо сейчас он должен подготовиться к битве, попытаться на сто процентов использовать свою логику и мышление, чтобы определить место, где могла бы находиться Оливия, и вспомнить все то, что они вместе пережили.

Несколько мгновений спустя в комнату влетела маленькая белая птичка и присела рядом с Марроком.

— Приходи один в туннель на южном берегу Темзы в два часа ночи и возьми с собой Дневник Апокалипсиса.

Маррок застыл.

— Это не голос Ричарда Грея.

— Или Оливия умрет, — продолжила птичка.

На лице Брэма отразилась боль.

— Нет. Это Матиас.

Эти слова ударили Маррока так, словно в сердце вонзили кол. Несмотря на все чувства, бушевавшие в нем, он с точностью смог определить страх.

— Сукин сын заодно с Матиасом. Черт подери! Я знал.

— Либо Ричард заодно с Матиасом, либо его прошлое нагнало его тогда, когда он попытался украсть Оливию.

Маррок опустился на мягкую софу, чувствуя, как желудок буквально делает кувырок.

— Иисусе, моя супруга у Матиаса.

— Именно, — прошептал Брэм.

Да, он знал, что любит вытворять Матиас. Ему выпал шанс наблюдать за этим в видении Брэма. Воспоминания о пытках, которые применял он к женщинам, преследовали его в кошмарах. А мысль о том, что такая же участь постигнет и его пару...Его Оливию... лишь мысль об этом разрывала его сердце на мелкие кусочки. Он спрятал лицо в ладонях.

— Я должен спасти ее, — взглянув на Брэма, произнес он. Маррок ненавидел проявления своих слабостей, но сейчас единственным, что имело для него значение, было возвращение Оливии домой — целой и невредимой.

— Мы постараемся сделать это.

Маррок отрицательно замотал головой.

— Попытаться не означает сделать. Я отдам ему книгу. Передайте все этой гребаной

птице.

Брэм схватил его за руку.

— Ты не можешь.

— Черта с два не могу! Если я должен отдать ее, чтобы спасти женщину, которую люблю... — Маррок понял, что он только что сказал, и затих.

Если Брэм догадывался о его чувствах, то Ричард уж точно знал наверняка. Оливиус использовали против него.

— У нас нет никаких гарантий, что если ты отдашь книгу, он отпустит девушку. Если книга окажется в его руках, это поставит под угрозу жизни всех колдунов и ведьм. Именно во избежание этого я создавал Братство Судного Дня. Невинные начнут умирать. Хаос возьмет верх. Людей будут убивать просто для развлечения. Пожалуйста...

Каждое слово, произнесенное Брэмом, заставляло сердце Маррока обливаться кровью. Когда-то он был бы только рад мысли о том, что эти магические существа будут страдать, но после времени, проведенного в обществе с Рионом и остальными, после тренировок в духе "как стать человеком-воином", и всего такого, он не мог допустить, чтобы кто-то из них погиб.

— Все это уже происходит, — ответил Маррок.

— Да. Я даже не могу представить, насколько эта книга расширит возможности Матиаса. Он может знать намного больше о дневнике, чем мы. Если это так, у него есть все шансы привести наш мир к Апокалипсису.

— Но что я могу сделать? Я не в состоянии так просто дать моей супруге умереть в руках этого дьявольского отродья. Ты можешь заколдовать книгу, чтобы он не смог ее использовать?

Брэм замер. Его лицо озарилось искрой прозрения.

— Точно!

— Значит, можешь?

— Не совсем. Но ведь мы не можем писать в дневнике. Сомневаюсь, что Матиас сможет.

— Да, но он, вероятно, знает об этой ловушке.

— Возможно, однако... — Брэм прошелся по комнате.

Спустя мгновение перед ним появилась дверь. Брэм вошел в нее. Но, прежде чем Маррок смог последовать за ним, перед ним снова оказалась стена.

— Брэм?

Менее чем через минуту колдун снова появился в комнате. На этот раз он держал в руках старую толстую книгу.

— Что это? — спросил Маррок.

— Старые добрые дневники Мерлина. Они больше загадочные, чем полезные, поэтому я не спешил бы им верить, но... — Брэм раскрыл книгу на середине, — ох, здесь Мерлин говорит что-то о том, что он мужчина и поэтому не может использовать книгу. А я ведь всегда верил в то, что он был тем еще мачо. Но, исходя из того, что Оливия узнала о дневнике, как предмете женского поклонения, я начал размышлять... Записи Морганны были полны тирад о мужчинах и их яростном желании власти.

— Она хотела быть в центре мужского внимания. Ведьма ненавидела тот факт, что я предпочел бы развязать войну, чем заняться с ней любовью.

— Именно, — улыбнулся Брэм. — Мерлин говорил о том, что она хотела создать что-то

более мощное, чем мужчины. И снова я истолковал это так, будто она планировала создать идеальную во всех смыслах книгу, но я думаю, что она имела в виду нечто другое.

Маррок замер. Шестеренки в его голове яростно завертелись.

— Она сделала так, чтобы мужчина не смог ее использовать?

— Да. Никто из нас не сможет.

— Но почему Матиас хочет получить то, что не в состоянии использовать?

— На данный момент у него твоя супруга. Я уверен, что если он заставит нас отдать книгу, то в его руках окажется весь мир. Если нет, у Анарки есть достаточно последователей женского пола. Он найдет кого-то, кто сможет это сделать.

— Как он узнает, кто именно ему подойдет?

Брэм пожал плечами.

— Сабэль!

Спустя пару секунд девушка появилась в комнате. Немного растрепанная, со слегка припухшими губами и улыбкой. Брэм скривился, но ему удалось сохранить спокойствие и просто промолчать.

— Напиши здесь что-нибудь.

Сабэль медленно взяла ручку со стола.

— В этой книге? В Дневнике Апокалипсиса? Ты сошел с ума?

Брэм кивнул.

— Давай же.

Сабэль вздохнула.

— Ладно. Что написать?

— Желание. Самое простое.

Изобразив недовольную гримаску, будто думая, что они оба выжили из ума, Сабэль быстро написала о том, чтобы оторванная пуговица на блузке вернулась на место. Через пару секунд, пуговица оказалась прямо на том месте, где и должна была быть, а слова на странице исчезли.

Молодая волшебница удивленно моргнула.

— Невероятно!

— Напиши о том, что ты хочешь, чтобы Оливия вернулась к своему супругу, — произнес Брэм. — Пожалуйста.

— Она в руках Матиаса.

— О, Господи, — выдохнула она и затем быстро написала свое желание на чистой странице.

Спустя пару долгих мгновений Сабэль снова положила книгу на стол между ними. Страница была пуста, но Оливия так и не появилась.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю.

— Желание слишком сложное для моих магических возможностей, — произнесла Сабэль. — Я, наверное, просто недостаточно сильна.

— Возможно. Когда ты творишь какое-либо заклинание, это желание должно быть самым сокровенным для тебя.

Сабэль виновато взглянула на Маррока.

— Сожалею. Мне нравится Оливия, и я хочу, чтобы она вернулась к тебе.

— Но это не самое большое желание в твоём сердце. Я понимаю.

Однако воин все равно был горько разочарован.

— Но, Маррок, ты разве не понял о чем я? Даже без Оливии Матиас сможет найти способ как использовать книгу.

— Но с ней — женщиной из рода Ле Фэй — у него больше возможностей.

— Да.

Брэм снова принял бесстрастный вид.

— Я подозреваю, что для нее возможности книги безграничны.

— Мы должны держать ее подальше от книги.

Брэм кивнул.

— Матиас не глуп. Он подозревает, что Оливия играет важную роль в использовании дневника.

— Я не могу бросить ее на произвол судьбы. Если книга для него бесполезна... Я могу отдать книгу, но не женщину. Не мою супругу.

Мрачно улыбнувшись, Брэм похлопал его по плечу.

— Если ты отдашь книгу, то лишишь себя возможности снять свое проклятие бессмертия.

— Если что-то случится с Оливией, мне будет гораздо хуже. Я могу жить вечно, зная, что я есть в ее сердце. Она стоит любых жертв.

Как только он произнес эти слова, Маррок понял, что именно так оно и было.

— Я думаю, что нам нужно отдать дневник Д'Арку. Остальные из Братства Судного Дня позаботятся о том, чтобы мы вернули обратно и книгу, и женщину.

— Я не прошу вас рисковать собой ради меня. Я бессмертен и не смогу умереть, как бы того не хотел. Она моя женщина, и это моя битва.

— Объединение для победы над Матисом и защита книги, несмотря на риск. Именно для этого я создал наше Братство. Ты присоединился к нам, так что ты часть нас. Твоя пара не бессмертна, и ты знаешь, что Матиас может сделать с женщиной, может разбить тебе сердце и преследовать всю оставшуюся вечность.

К сожалению, он знал. Все, на что он мог надеяться сейчас, так это на то, что он вместе с Братством Судного Дня сможет спасти ее до того, как станет слишком поздно.

В два часа ночи Маррок вошел в узкий темный туннель. Тусклые огни над головой едва освещали путь, но пользы от них практически не было, так как он даже не мог видеть своих ног. Посреди туннеля фонарей не было. Перед ним простиралась беспросветная темнота. С яростно бьющимся сердцем и Книгой Апокалипсиса в сумке, он продолжил двигаться дальше. Звуки его шагов эхом отражались от стен. Воин чувствовал, что он здесь не один. В туннеле царил удушающий запах грязи и сточных вод. Мысль о том, что Оливия провела здесь все время здесь, скрутила его желудок в узел. Он — тот, кто не чувствовал практически ничего на протяжении нескольких веков — почти потерялся в тревоге и ярости, обжигающих его вены. Для того чтобы выиграть, он должен был направить свою энергию на уничтожение своего врага. Он должен покончить с этим. Предположительно, Брэм, Айс, Кейден и Герцог прикрывали его тыл — как образно так и буквально. Он ощущал на себе их пристальные взгляды, зная, что они не выйдут раньше времени из укрытия. Конечно, они будут защищать книгу до самого конца.

— Остановись, — скомандовал голос в темноте.

Маррок остановился и почувствовал, как кто-то пытается прорваться в его мозг, кто-то властный, могущественный, злой. Маррок очистил свои мысли и мысленно послал жесткий

толчок противнику.

Голос в темноте лишь рассмеялся, и мужчина почувствовал, как по спине пробежались мурашки.

— Я мог и дальше копаться в твоих мыслях, если бы хотел.

Но Маррок пришел сюда не ради игр.

— Ты хочешь книгу. Покажи мне мою женщину.

По его приказу один из мертвых Анарки появился из темноты, держа в руках Оливию. Она была бледной и растрепанной, в ее фиалковых глазах, плескался страх. Но она была жива.

— Маррок Кэдбери. Конечно, она жива. У меня нет привычки убивать женщин — по крайней мере, сразу. Для них есть более приятные варианты применения.

Он убьет это дьявольское отродье, если тот хоть пальцем тронул Оливию. Он будет преследовать этот голос до конца времен и найдет способ уничтожить его. Но не сейчас. К счастью, у него хватило выдержки, чтобы усмирить свой темперамент и промолчать. Во имя спасения Оливии он готов на все.

— Как же это трогательно. Твое желание защитить свою пару значит для тебя больше, чем своя собственная смерть. Разве нет иронии в том, что ты влюбился в женщину из той же кровной линии, которая тебя прокляла?

— Оливия — не Морганна.

— Если вера в то, что предыдущая Ле Фэй не похожа на следующую, успокаивает тебя... — издевался Матиас, — тогда мы можем перейти к делу. Дай мне книгу.

— Отдай мне мою пару.

Голос вздохнул.

— Классический тупик.

Внезапно обладатель голоса вышел на свет. Моложе, чем ожидалось. Тьма и сила волнами исходили от него, оповещая об опасности их хозяина. Маррок был выше его на добрых десять сантиметров и, похоже, превосходил по весу более чем на двадцать килограмм. Но этот мужчина был наделен магией вплоть до мозга костей. Она буквально сочилась из его кожи, посылая мурашки по спине воина. Маррок знал, что бессмертие может помочь ему в этом деле, но его враг держал в своих руках его Ахиллесову пяту — Оливию.

— Я в меньшинстве, — заметил Маррок. — И не наделен магией. Нам придется покинуть это место на своих двоих. В то время как, если я отдам тебе дневник сразу, ты сможешь обезоружить меня в ту же секунду.

— Так и есть. Ты один?

Прежде, чем он смог ответить, Маррок почувствовал, мягкое покалывание в голове. Легкое. Едва ощутимое. Он намеренно представил Брэма в его кабинете, Айса и Герцога, принимающих боевую стойку на тренировочном поле, обливающиеся потом тела.

— Конечно, — соврал он.

— Не уверен, что тебе стоит верить.

Маррок пожал плечами.

— Брэм спас меня, когда Анарки пришли без приглашения в мой дом. Я отплатил ему тем, что научил его парней драться. Мы не друзья, но сейчас мы в расчете.

Матиас, казалось, обдумывал его слова, но затем резко оглянулся через плечо.

— Это правда?

Из темноты показалась вторая фигура. Черные волосы едва касались его плеч, кожаная

куртка, темные солнцезащитные очки полностью скрывали его глаза.

— Шок, — прорычал Маррок.

Он наградил Маррока натянутой улыбкой.

— Они не друзья. Здесь он не лжет.

— Но Брэм все еще хочет заполучить себе книгу.

Кивнув, Шок подтвердил подозрения Матиаса.

— Подлец, — бросил Маррок.

Шок пожал плечами, как будто ему слишком наскучил этот разговор.

— Моя семья связана с Д`Арком и его делом. Mamочка и Папочка будут мной гордиться. Кроме того, я должен поблагодарить Матиаса за поддержку. Достаточно было ему просто отплатить нужной информацией и согласиться сражаться на его стороне. Ничего личного.

Маррок принял это слишком близко к сердцу. Ему, может быть, и удалось перехитрить колдуна, потому что Матиас не знал его. Шок, хренов предатель, знал достаточно, чтобы провалить их задумку. Лукан пытался рассказать об этом Брэму, рассказать им всем.

— Проведи нашу гостью к ее супругу и не выпускай ее до тех пор, пока он не принесет мне книгу.

— Нет, — запротестовал Маррок, — я отдам тебе книгу только, если она — целая и невредимая — покинет туннель.

— Я огласил свои условия. Прими их или смотри, как она умирает.

Пока он мог себе позволить, Маррок на мгновение перевел свое внимание на Оливию. Она делала все возможное, чтобы как можно меньше прикасаться к полумертвому трупу и не нюхать вонь его гниющей плоти. Затем дьявольский ублюдок махнул рукой. Мгновение спустя Оливия напряглась в руках Анарки, вцепилась руками в горло. Отчаянно стараясь выхватить хотя бы пару глотков спасительного воздуха, девушка начала задыхаться.

— Отпусти ее!

Усмехнувшись, злодей снова сделал взмах рукой. Оливия ахнула и, вздрогнув, смогла свободно вдохнуть. Матиас заплатит за это — и за все, что тот причинит его супруге.

— Соглашайся, или твоя женщина навсегда потеряет способность дышать.

Шок сократил расстояние и, схватив Оливию за руку, вытащил ее вперед. Маррок хотел было возразить — а точнее, оторвать Шоку голову — но вскоре понял, что колдун сможет сделать что угодно с Оливией в отместку.

Воин помчался к своей супруге. В два шага он преодолел разделяющее их расстояние и, вырвав ее из хватки Шока, мягко обнял.

— С тобой все в порядке, любовь моя?

Всклипнув, она утвердительно кивнула.

— Он убил моего отца сразу после нападения на твой дом. Матиас притворялся им в течение нескольких дней.

Значит, он был прав — и нет — насчет Ричарда, но это не принесло ему ожидаемого удовлетворения. Мужчина задвинул эти мысли куда подальше и сосредоточился на Оливии. Поглаживая ее по спине, лаская ее волосы, он попытался успокоить ее легким поцелуем в губы. Сладкие и любимые. Больше ничего не имело значения.

— В таком случае, — разрушил идиллию Матиас, — я требую Книгу. Сейчас же. Отдай ее мне.

— Дай Оливии покинуть туннель. Остальное мы решим с тобой один на один. Я не

владею магией, поэтому не смогу сражаться на равных.

Матиас замолчал, думая о чем-то о своем.

— Она может пройти к концу туннеля, но должна оставаться там, где я смогу ее видеть... на всякий случай.

Маррок не хотел этого, но эта уступка, которая давала Оливии целых шесть метров расстояния от поля боя, которое, он точно знал, станет таковым, была уже небольшой победой. Отпустить девушку было самым сложным, что он когда-либо делал, но мужчина опустил руки и попытался отвести ее подальше.

— Нет, — запротестовала она, хватаясь за его плечи, — ему нельзя верить. Он заберет книгу и совершит что-то ужасное.

— Я не позволю ему причинить тебе вред.

— Я не о себе забочусь! — она еще крепче ухватила его за него. — Он опасен, хитер. Пожалуйста... Не отдавай ему книгу. Ты никогда не сможешь снять с себя проклятье, если сделаешь это.

— Это не важно. Уходи! — возразил он и подтолкнул ее к выходу из туннеля.

В конце концов, если она будет стоять на выходе, другие смогут ее увидеть. Она одна из них. Если все пойдет не по плану, ребята смогут ее спасти. Тем не менее, девушка не сдвинулась с места.

Шок вздернул руку вверх. Маррок запротестовал и бросился наперерез — но слишком поздно. Бывший собрат отбросил Оливию в конец туннеля. Она упала спиной на камни. Ее тело озарили медный свет Луны.

— Тебе отдали приказ, ведьма. Исполни его, — прорычал Шок. — Или ты считаешь себя слишком важной персоной, потому что ты ле Фэй?

Маррок выхватил меч из ножен и угрожающе махнул им перед Дензелем. Он был бы рад воткнуть лезвие в его тело. И сделать это снова, если потребуется. Но Шок не был его главным врагом. Воин поквитается с ним позже. Сейчас же, все его внимание должно быть обращено на Матиаса и его многочисленную полумертвую армию.

— Сейчас же, — повелительным тоном произнес Матиас. — Я хочу получить книгу. Давай покончим с этим.

— Отдай мне гребаную книгу, человек, — прорычал Шок.

Колдун просто напрашивался на то, чтобы ему поскорей выпустили кишки. Сделав глубокий вдох, Маррок шагнул ближе к Д`Арку и Дензелю, но вскоре остановился.

— Встречай меня на полпути.

— Я не в настроении идти на компромиссы. Отдай ее мне!

Мысли Маррока завертелись с новой силой. В следующие несколько секунд будет определен исход всей встречи — и остаток его вечности. Пора придержать свое остроумие. Глубокий вдох. Три, два, один... Внезапно Маррок набросился на Матиаса. Он бросил книгу ему в лицо, попав тому прямо в нос. Горячая кровь брызнула на руки, и Матиас взвыл. Воин продолжил свою атаку, вонзив в живот колдуна кинжал.

— Беги, Оливия!

Он даже не позаботился о том, чтобы обернуться и убедиться, последовала ли его пара приказу. Маррок увидел, как Шок стал приближаться к книге. Воин рванул к артефакту, но тот уже был в руках Дензеля.

— Глупый человек, — плюнул Матиас. — Я не планировал пыток, ведь убить тебя не в моих силах... Но теперь...

Матиас вскинул руки над своей головой, выражение его лица было более чем устрашающим; оно было ужасающим. Голубые глаза резко покраснели, и Маррок мог поклясться, что видел дьявола во плоти. Он молниеносно выхватил свой Глок и выстрелил в Матиаса, как раз промеж глаз. Он выстрелил снова, но в этот раз поражая дьявольское отродье прямо в сердце. Злодей упал навзничь на камни.

Затем воин обернулся к Шоку, чтобы увидеть, что предатель — и книга вместе с ним — исчезли. Черт возьми, ублюдок свалил отсюда Бог знает куда. Но потеря книги взамен на свободу Оливии стоила каждого дня его бессмертия. Он терпит все ради нее. Все что угодно. Мужчина обернулся к выходу из туннеля, надеясь на то, что там никого не увидит. Но Оливия все еще стояла там. Широко раскрытые глаза становились все больше и больше с каждой секундой. Она ахнула, указывая на что-то позади него. Маррок резко развернулся в ожидании хорошей трепки, которую обязательно задаст Шоку. Вместо этого он увидел стоящего на ногах Матиаса. Кровь стекала по его лицу, попадая в глаза, окрашивая алым его белую рубашку. Маррок мог видеть пулю в его голове. Обычного человека это давно убило бы. Д'Арк определенно не был человеком. Это было понятно, когда он моргнул и пуля из раны выпала. Отверстие быстро затянулось.

— Ты испортил одну из моих любимых рубашек, мой вечер и наградил меня невыносимой головной болью.

Матиас резко взмахнул руками, и Маррок почувствовал, как что-то вонзилось в его грудь. Что-то большое, жесткое. Жжение стало опускаться ниже, угрожая выпотрошить его. Он упал на колени, и противник рассмеялся. Его маниакальный смех эхом отскакивал от стен, возвращаясь к жертве. Маррок прижал руки к животу, пытаясь остановить кровь. Он безмолвно открыл рот и в ужасе уставился на Матиаса. Неужели колдун нашел способ убить его? Потому что он мог поклясться, что жизнь стремительно покидает его тело.

— Нет! — вскрикнула Оливия, устремившись ему на помощь. — Прекратите.

— Уходи! — твердил ей Маррок. — Спасайся.

— Я не брошу тебя!

Обжигающий плоть нож практически подобрался к низу живота. Если так будет продолжаться и дальше, его внутренности в буквальном смысле увидят свет божий. Повсюду было много крови. Воин готовился к смерти. Матиас оказался сильнее, чем заклинание Морганны. Но, черт побери, он хотел умереть спокойно, зная, что Оливия была в безопасности.

— Уходи. Пожалуйста, — умолял он, а затем упал на землю в лужу собственной крови. — Ради меня. Я люблю тебя...

Маррок не мог покинуть ее и этот мир, не сказав этих слов. Спустя пару секунд все вокруг него окунулось в темноту.

Глава 19

Оливия осталась один на один с Матиасом. Раньше она была в ужасе от темной сущности колдуна, стараясь делать или же не делать то, что могло вывести его из себя. Теперь она просто-напросто разозлилась.

— Возможно, твой супруг не был так уж бессмертен, — злорадствовал Матиас, не позаботившись стереть кровь со своих рук.

Он выглядел похлеще самого страшного ужасика. Хоть его тело и покрывало

множество ран, он, казалось, совершенно не обращал на это внимания. Она будет играть по его правилам. Робость ни к чему не приведет. Он тяжело ранил ее мужа, последние слова которого были о том, что он любит ее. Она слишком сильно любила его в ответ, чтобы просто так отступить. Мысли о том, что ее родственная душа умирает, разрывали ей сердце. Почему он не смог сразу исцелиться, как раньше? Несмотря ни на что она не сдастся. Матиасу конец.

— Конец? Вряд ли, недолетка. Ты еще не научилась скрывать свои мысли, так как это умею делать я, — Д`Арк склонил голову, удивленно наблюдая за Оливией. — Ты что? Сердишься на меня?

— Я уже давно зла на тебя, — отрезала она.

Энергия копилась в ней, росла, освещала ее душу. Ее ярость застилала глаза. Страх сливался воедино с ее чувствами к Марроку. Все это смешивалось в невообразимый коктейль, который с каждой секундой все быстрее разносился по венам. Прежде чем она позволила всем чувствам прорваться наружу, едва заметное движение позади нее остановило ее.

Брэм, Герцог и Айс сбежали вниз по туннелю. Кейден следовал за ними. Его очаровательную улыбку сменило дикое боевое рычание, подкрепленное оружием в руках и зловещими саблями, закрепленными в ножнах. Взмахом руки Брэм затопил тоннель всепоглощающим ослепительным светом. Оливия ахнула. За Матиасом оказалось, по крайней мере, две сотни полумертвых Анарки, их жуткие выпуклые глаза были направлены в их сторону. О, Боже. Для Братства Судного Дня эта схватка будет очень трудной, возможно, даже смертельной.

Матиас стал приближаться, собирая свою собственную вспышку энергии. Оливия вздрогнула от вида его покрасневших от ярости глаз, но отказалась оторвать свой взор от них. Она будет сражаться до последнего. Затем с кончиков пальцев Матиаса слетели яркие вспышки. Красные, оранжевые, черные, как будто вырвались из самих глубин ада. Анарки бросились вперед прямо на нее.

— Берегись! — закричал Кейден и толкнул девушку на землю.

Звуки выстрелов эхом начали отскакивать от стен туннеля. Первый ряд Анарки пал на землю. Их место тут же занял другой. Главарь полумертвых пошатнулся от настигшей его пули, но когда Оливия обратила взгляд на него, он уже исцелил свое ранение. Однако спустя пару секунд он получил новую пулю в голову. Хотя его лицо стало немного бледнее, он все еще стоял на ногах, глядя на распластавшуюся на земле Оливию.

— Этот бой не имеет смысла. Вы не сможете выиграть. Ты уже находишься в позиции, которую будешь занимать до конца своих дней, ведьма, — на коленях у моих ног.

— Ни за что.

— Хранишь себя для супруга? — он взглянул на Маррока. — Тебе не нужно беспокоиться. Он еще не умер. Но в ближайшее время это изменится.

— Ублюдок! — зарычал Кейден. — Где, черт возьми, жена моего брата?

Матиас непринужденно улыбнулся. Брэм и Айс, щелкнув затвором своего оружия, начали стрелять в толпу. Герцог прорубал себе путь мечом. Пот и темная кровь стекали по его лицу. Он переступал разлагающиеся тела, кромсая на куски всех своих врагов. Оливия обратила внимание на то, что вся ярость и энергия, которые копились в ней до появления Братства, обрели новый всплеск.

Рион стремительно пробился к ней и встал между ней и Матиасом.

— Беги!

— Я не покину Маррока.

На мгновение опустив свой взгляд, Брэм вскоре уставился на противника.

— Он хотел умереть.

— Не так, — ответила она.

— Я не сомневаюсь, что его последним желанием было, чтобы ты оставалась в безопасности. Уходи! Не делай его смерть напрасной.

Чертов волшебник, Оливия ненавидел его за эти слова, но Брэм был прав. Маррок упустил обе возможности разрушить проклятие и свою жизнь, возложив их на алтарь ее спасения. Всклипнув, она метнулась в конец туннеля, чувствуя, как полумертвые ринулись за ней. Адреналин разлился по венам, смешиваясь с мощным порывом энергии. Прежде чем она успела выскочить из туннеля, в лунном свете девушка заметила одинокую фигуру, загородившую ей выход. Кожа, солнцезащитные очки и аура опасности. Шок. Оливия слегка притормозила, пытаясь обойти его, но Дензель поймал ее и, прижав к своей груди, повернул лицом к битве, разгоревшейся внутри туннеля.

— Освободи ее!

— Отпусти меня, предатель! — кричала она, не прекращая попыток вырваться из его рук.

Но его хватка оставалась болезненно крепкой.

— Эта энергия внутри тебя. Разве ты не чувствуешь ее? Скрой свои гребаные мысли и выпусти ее!

В нескольких футах от них столкнулись лицом к лицу Брэм и Матиас. Как ковбои на Старом Западе, они смотрели друг на друга и ждали, пока кто-то из них дернется первым. Сила вытесняла собой воздух, накаляя обстановку до предела.

— Сделай это! — настаивал на своем Шок.

— Иди к черту! Ты предал нас...

— Заткнись, — потеряв терпение, он прижал ее руки к бокам, — Маррок сейчас совсем один в агонии после столетий мучительной жизни. С тобой произойдет то же самое, как только твой супруг умрет, если ты позволишь Матиасу его у тебя отобрать. Ты этого хочешь?

— Нет!

Могло ли ее отчаяние как-то помочь Матиасу? Она изо всех сил попыталась усмирить свои чувства, но не смогла. Ярость и боль роились в ней, в то время как один из полумертвых Анарки приближался все быстрее. Энергия вновь воспрянула внутри нее и стала стремительно нарастать. Матиас, ублюдок. Похититель Анки. Жестокий монстр. Эти напоминания наполнили ее силой, вымещая собой чувство страха.

— Когда я скажу, возьми всю свою энергию и позволь ей воспарить, — прорычал ей на ухо Шок.

— Да пошел ты!

— Ты хочешь спасти свою пару или нет?

Она очень хотела, и все знали об этом. Она должна научиться лучше скрывать свои мысли. Девушка начала петь про себя одну из своих любимых песен "How many people want to kick some ass? I do! I do!". Шок усмехнулся. Брэм и Матиас вскинули руки в воздух и атаковали друг друга. Их силы столкнулись лоб в лоб, как два скоростных поезда, следовавших по одной колее. Результаты аварии были ужасны и в то же время удивительны. Огонь взвился кверху, а затем направился в сторону Брэма. Он вовремя пригнулся и,

негромко выругавшись, схватил Маррока на руки.

Затем Шок поднял ее руки и крикнул: — Сейчас!

Его слова как будто послужили ключом к ящику Пандоры. Мощный импульс пробежался по телу Оливии. Затем последовал звук грома, который заставил ее содрогнуться. Энергия, которую она накопила, выстрелила из ее пальцев, испепеляя кожу. Когда сгусток силы отлетел на небольшое расстояние от нее, она увидела его — смесь белого, золотого и фиолетового — эти лучи были похожи на лазеры и поражали только ее врагов.

— Брэм! — закричала она.

Он, казалось, не слышал ее и не сдвинулся с места. Вместо этого он потянулся к лежащему в луже крови Марроку. О, Боже. Она, наверное, ранит Риона, когда это всплеск энергии ударит ему в спину. Она может убить его, а все потому, что позволила Шоку лазить у нее в голове и использовать свою магию для насилия. Но когда импульс достиг Брэма, поток облетел вокруг него, как вода обтекает камень. Чары ударили Матиаса в грудь, тот пошатнулся, хватая ртом воздух. Его злые глаза широко раскрылись от шока. Затем он рухнул на землю, превращаясь в сплошную кровоточащую рану. Из носа, рта, глаз, и ушей стала сочиться кровь.

— Вот это да, ведьма! — остолбенел Шок.

Все замерли. Казалось, массовое замешательство повисло в воздухе и распространилось по всему туннелю. На лице Айса было написано искреннее «Что за...?». Герцог же наоборот присвистнул.

— Великолепно!

Что нахрен она сделала?

— Он мертв?

Никто не ответил. Она посмотрела на Герцога, который ближе всего находился к Матиасу.

— Сильно травмирован. Для большинства из нас подобный удар оказался бы смертельным.

— Но это Матиас, — заметил Шок.

Верно. Мудак исцелил собственную пулевую рану, поэтому, возможно, еще рано прощаться с ним, уповая на летальный исход. С другой стороны, злодей не вставал. И не двигался — совсем. Но...

— Мы должны прикончить его сейчас же, — предложила Оливия.

Она изо всех сил старалась освободиться от хватки Шока, чтобы помочь наконец разобраться со всем этим. Но Дензель отказался ее отпустить.

— Держи свои грязные лапы подальше от нее, — произнес Герцог.

— Отвали!

Айс, не обратив внимания на разыгравшуюся драму, с мечом в руках подошел к Матиасу.

— Она права. Только приспешник дьявола мог остаться жив после такого, — он замолчал, подходя ближе. — Что за... Его подпись практически не видна, как будто он не обладает магией. Блять!

— Возможно ли, что она осушила его, лишив колдовства? — спросил Кейден.

— В любом другом случае я бы сказал, что нет. Но она ле Фэй.

Все оглянулись на нее. В их глазах можно было увидеть не только долю благоговения,

но и долю страха. Неужели она настолько сильна?

Внезапно Анарки встали в защитное кольцо вокруг Матиаса, возобновляя борьбу с Айсом и другими. Своими телами они лишили Оливию возможности видеть колдуна-психопата. Братство Судного Дня бросилось в атаку. Брэм, схватив окровавленное тело Маррока, убежал. Прежде чем он смог исчезнуть, один из Анарки последовал за ним и схватил его за плечо. Стараясь удержать слишком тяжелого воина, Рион упал на колени. Он сразу же получил удар в лицо от одного из мертвяков. Другой схватил его за волосы и дернул назад. Все еще прижимая тело Маррока к груди, Брэм не мог защитить себя от сильного хука в челюсть, последующего от другого Анарки.

Оливия должна сражаться! Она снова попыталась вырваться из рук Шока, но он не сдвинулся с места.

— Стой смирно, — прорычал он.

— Клянусь, я заеду тебе по яйцам при первой же возможности!

Не имело значения, как сильно она размахивала своими руками или ногами, она все еще не могла выбраться из его невероятно сильной хватки.

— Не глупи. Как только ты окажешься там, Анарки убьют тебя.

— Тебе какое дело?

Шок выругался.

— Вот, держи.

Рефлекторно она схватила предмет, который он всучил ей, когда он ринулся в бой. Она посмотрела на небольшую, обшитую кожей вещь в своих руках. Дневник Апокалипсиса?

— Это... — Дензель уже ушел, ныряя в толпу. Но почему? Зачем он дал ей Книгу?

Кейден спустил почти все патроны на Анарки, избегая попадания в членов Братства. Медленно Брэм продвигался к выходу из туннеля, все еще держа в руках Маррока. Полумертвые пытались вернуть его обратно. Оливия засунула книгу под кофту и помчалась вперед. Она не слишком много знала о боях, но она играла в футбол в школе. У нее был неплохой удар. Девушка приблизилась к первому противнику, который нагло бил Брэма. Некогда привлекательное лицо колдуна очень опухло. Кровь сочилась из носа и рта, окропляя его волосы и скатываясь ручейками под рубашку. Но все же он не бросил Маррока на радость армии Матиаса.

Оливия оттолкнула полумертвого Анарки от Риона. Голова разлагающегося существа огрызнулась, а затем просто слетела вниз. Из тела врага стала вытекать черная слизь. Ведьма поморщилась, борясь с желанием вывернуть наизнанку свой желудок. Вместо этого она сжала руки в кулачки и с боевым кличем ударила по ребрам другого Анарки, атакующего Брэма. Грудная клетка зомби сломалась под ее кулаком. Девушка вздрогнула.

— Позаботься о себе! — едва дыша, произнес Брэм.

Он спасал мужчину, который, возможно, мог быть уже мертв. Да и сам он был на полпути к смерти. И он беспокоился о ней?

— Вы двое — найдите безопасное место. Я в порядке.

Оливия присоединилась к бою, когда Кейден расстрелял еще четырех Анарки. Она проскользнула ближе к нему, хватая один из мечей, находящихся в ножнах, и вонзила его в полумертвого солдата, который направлялся к ней. Он замертво упал на землю.

— Проклятье! — воскликнул Кейден, встряхивая пистолет.

Он использовал все пули. Плохи дела. В туннеле было еще слишком много Анарки, и Оливия знала, что им требуется вся огневая мощь, которую они только могут собрать. Но, в

конце концов, она не видела среди них Матиаса. Кейден опустил вниз огнестрел.

— Верни мне саблю.

— У тебя нет другой? — спросила она, когда еще один зомби приблизился к ним.

— Она у Дензеля.

Он отдал Шоку, предателю, оружие, чтобы помочь Анарки победить их? Супер.

Внезапно замерцали огни, а затем полностью погасли. Девушка вскрикнула. В темноте кто-то схватил ее, но она мгновенно поняла, что это не Анарки.

— Не дергайся, — прошептали ей на ухо.

Шок. Он пытался захватить ее для личных утех Матиаса. Чего же он хотел сейчас, посреди темного туннеля, в пылу сражения? Она со всей дури начала лупить ногами по его стопам, и он зашипел у нее над ухом, отпрыгивая назад.

Жуткая тишина заставила ее задрожать. Затем как будто кто-то хлопнул в ладони, и фонари вновь зажглись. Тела погибших зомби Анарки валялись по всему обугленному туннелю, истекая черной слизью. К ее удивлению, Шок и Анарки, которые не были повержены Братством Судного Дня, исчезли. Как и Матиас. Дневник Апокалипсиса все еще покоился возле ее сердца. Именно там, где она хотела бы видеть Маррока.

— Что случилось? — пробормотала она.

Герцог обвел взглядом туннель.

— Мы победили в бою. Время покажет, выиграли ли мы войну.

Вернувшись в имение Брэма, Оливия опустилась рядом с постелью, на которой лежал ее супруг. Он был пугающе бледным и спокойным. С другой стороны стояли Герцог, Айс и Кейден. Оливия знала по выражениям их лиц, что жизнь ее мужчины висит на волоске. Брэм, стоя у подножия кровати, призвал старого колдуна, который был кем-то вроде врача, только для магических существ. Старик смешал припарки, сказал несколько слов и сделал несколько пассов руками.

Молодая волшебница омыла тело Маррока от крови, а Сабэль помогла переодеть его в свежую одежду. Он исцелялся быстрее, чем обычный человек, но не так быстро, как делал это несколько дней назад. Почему так? Брэм смиренно наблюдал за целителем. Оливия застыла в ужасе. Неизвестность убивала ее. Мог ли мужчина, который держал в своих руках ее сердце, умереть ради ее спасения?

— Черт побери, что происходит? — спросила она.

Все еще окровавленный и разбитый Брэм выглядел так, как будто он сражался против стаи медведей и проиграл. К его чести, он ни разу не упомянул о том, что ей тоже стоит сменить наряд... и ни слова не было сказано о Дневнике.

— Он будет жить, — в конце концов произнес старый целитель. — Многие другие уже давно отправились бы на небеса. Но его здесь что-то держит.

Да, проклятие бессмертия. Девушка вздохнула с облегчением, когда целитель ушел; это означало, что он ничем больше не мог помочь. Брэм прищурился, и спустя пару секунд на его лице отразилось озарение.

— У меня есть идея по поводу того, как его вылечить, — Брэм взял ее за руку, подводя к Марроку. — Положи свои руки ему на грудь.

Она нахмурилась, но сделала так, как он говорил. Твердая как скала, грудь Маррока была такой теплой и... живой. Такой... родной. Оливия практически могла поверить, что он просто уснул, если бы не было этих устрашающих ран и его едва слышных рваных вздохов.

Смутившись, она взглянула на Брэма.

— Я не занесу инфекцию в его раны? Может, ему надо в больницу.

— Представь, как будто ты заполняешь его тело своей энергией.

Он прочистил горло и передразнил голос медсестры: — Возраст пациента, мадам?

Хорошо подмечено.

— Просто положи руки ближе к его сердцу и закрой глаза. Помнишь тот прилив сил, который ты почувствовала в туннеле? Как ты узнала, что нужно делать?

— Шок схватил меня, когда я пыталась сбежать. Он кричал на меня, чтобы я смогла собрать и сосредоточить энергию, а затем заставил меня выпустить ее.

Воспоминание всплыло перед глазами, и она виновато взглянула на Брэма.

— Когда я впервые позволила ей воспарить, я подумала, что она может навредить тебе. Слава Богу, сила тебя обошла.

Брэм послал ей ошеломленный взгляд.

— Как ты это сделала?

— Не знаю. Я просто надеялась, что она не коснется тебя, и так и произошло.

Выражение лица Риона заставило ее замолкнуть.

— Это ненормально, да?

— По всем законам твой всплеск должен был затронуть меня, возможно, даже убить. Шок ничего ведь не мог поделать с твоей энергией?

— От его слов я становилась все безумнее. Он провоцировал меня, чтобы я выплеснула все через гнев. И я была в ярости! Матиас причинил боль тебе, и он практически...

Оливия перевела свой взгляд на Маррока. Страх снова зародился внутри нее, круша самообладание. Стараясь сдержать слезы, она взяла мужа за руку.

— Что с ним будет?

— Ты вылечишь его тем, что сконцентрируешься на мыслях об исцелении вместо злости, а затем направишь эту энергию в Маррока.

Вздохнув, Оливия оторвала свои руки от любимого.

— Нет! Я практически убила Матиаса или лишила его магии всего одной вспышкой. Я не смогу...

— Ты серьезно ранила его, но старый хрен все еще жив, и у него достаточно магии, чтобы телепортироваться и забрать всех Анарки с собой.

— Может быть, это сделал Шок.

— Мы не знаем, какую именно сторону принял Шок, но только Матиас мог контролировать Анарки и заставить их исчезнуть. Поэтому, к сожалению, он жив и неплохо себя чувствует. Но ты задала ему хорошую трепку. Что само по себе уже победа.

Оливия не знала, как она чувствовала себя, узнав, что не смогла убить Матиаса. Сила прошла по ее телу, и она желала ему смерти, когда направляла в него свою магию. Волшебница достаточно потрясла его, когда сбила с ног и заставила истекать кровью.

— Но это не помогло.

— Я бы так не сказал. Матиас повержен, даже если ему удалось уйти. Его подпись практически полностью побледнела. Это говорит о том, что его магия слишком слаба. Это как будто ты нанесла его чарам сильный урон, возможно, от которого он даже не сможет восстановиться. Это очень хорошо. Матиас без силы — просто обозленный человек. Что делает его практически неопасным.

— Разве не странно, что я могу колдовать до превращения?

Брэм вздохнул.

— И да и нет. Большинство умеет применять простые заклинания до достижения совершеннолетия. Ответ, как ни крути, прост. Магия, которой ты обладаешь, сильна и сложна для подростков. И даже для тех, кто пережил превращение. В один прекрасный день ты станешь необычайно могущественной. И каждый в том туннеле заметил это.

— Правда, что моей силы достаточно, чтобы исцелить Маррока?

Она взглянула на своего бледного, неподвижного супруга. Ее сердце вновь болезненно сжалось от страха.

— По крайней мере, твои забота и потребность в нем должны пройти через вашу связь и дать ему жизненную силу.

— А что, если я нечаянно сделаю ему больно?

На лице Риона отразилось нетерпение.

— Ты любишь Маррока?

— Да.

— Твоя любовь поможет ему. Суть магии не только в заклинаниях. Ты можешь выучить их и должна это сделать. Но результат чар зависит от самой ведьмы или колдуна. Сила, которой ты обладаешь... она зависит от страсти и намерения. Ты собиралась причинить боль Матиасу и яростно этого хотела. Ты сделала это. Сейчас же ты намерена исцелить Маррока и жаждешь его выздоровления. Я не знаю, обладаешь ли ты магией исцеления, но, как я и говорил, в крайнем случае твое прикосновение восстановит вашу связь и укрепит его желание жить.

Оливия вновь перевела взгляд на свою пару. Его дыхание стало более затрудненным, кожа — мертвенно-бледной. Больше нет времени спорить или нервничать. Несмотря на то, что Маррок говорил о желании умереть, она знала, что он никогда не хотел бы принять свою смерть от рук дьявола. И она сделает все возможное, чтобы позволить ему самому выбрать жизнь... или смерть.

Закрыв глаза, она положила свои руки ему на грудь. Еще до прикосновения она почувствовала слабость. Но сила их связи пришла ей на помощь, наполняя ее жизненной силой. Эта энергия вернулась обратно к нему, обеспечивая замкнутый круг эмоционального обмена. Сконцентрировавшись, она попыталась сосредоточиться на мыслях об исцелении. Они крутились в голове, согревая и разрастаясь внутри нее — нежные, но такие сильные. Ее грудь, казалось, впитывала, собирала энергию из каждого уголка ее тела. Та собиралась воедино и искала место для выхода. Затем внезапно энергия достигла своей критической массы и потекла вниз по рукам. Те же шипение и палящий огонь, которые проявили себя в туннеле, присоединились к этому обмену. Она одарила ей Маррока. Он дернулся и застонал.

Девушка осела на пол около него. Внезапно Маррок схватил ее за запястье. Задышавшись, он резко поднялся на кровати и распахнул свои голубые глаза, направляя на нее испуганный взгляд. Оливия прижала его обратно к постели, осматривая грудь. Рваная рана полностью зажила. Ни следа зияющей дыры, ни покраснения, ни шрама. Ничего. Чудо!

— Ох... Ты в порядке! — Оливия обняла Маррока, ощутив, как чувство удовлетворения наполняет каждую клеточку ее тела. — Я так волновалась!

Он крепко сжал ее в своих объятиях.

— Я чувствовал твою сущность, нашу связь. Ты исцелила меня.

Она улыбнулась сквозь слезы. Любимый был цел и невредим. В этот светлый момент девушка чувствовала себя счастливой.

— Как такое возможно?

— Твоя сила, — встрял Брэм. — Когда ты переживешь превращение, ты станешь великой ведьмой.

— Но я больше не чувствую себя бессмертным, — произнес Маррок. — Я снова чувствую боль. Я истекаю кровью. Я больше не бессмертен.

Оливия вздохнула. Больше не бессмертный? Больше не проклят? Значит, он больше не нуждается в ней. Реальность смысла иллюзии, как лавина.

— Ты уверен? — спросил Брэм.

— Да.

— Маррок, Оливия великолепная ведьма, но она только что исцелила тебя, мой друг. Она не могла освободить тебя от проклятия.

— Нет, — пара ругательств слетела с губ Маррока, — не Оливия сняла с меня проклятие. Я почувствовал, что оно перестало действовать раньше. Думаю, к этому приложил руку Матиас. Что он со мной сделал?

— Ты в этом уверен? — скептически произнес Брэм. — Я никогда не слышал о применении заклинания для снятия проклятия.

Брэм посмотрел на Герцога и Айса в поиске подтверждения.

— Вы знаете о таком заклинании?

Кейден произнес: — Не имею понятия. Эта чертова магия точно не то, в чем я разбираюсь. Я вернусь в Техас.

— Превращение очень трудно пережить одному, — заметил Брэм.

Кейден в ответ пожал плечами, мысленно задавая вопрос: «И что с того?».

Герцог ответил следующим.

— Я никогда не слышал о магии, которая была бы сильнее проклятия Морганны, обрушенного на Маррока. Но моя семья более сильна в человеческом, нежели в магическом мире, поэтому...

Айс вздохнул.

— Я также не слышал о такой магии.

Брэм выругался.

— Шок может знать наверняка, учитывая, что в его семье обладают черной магией.

Он посмотрел на Оливию.

— Ты видела его последняя. Знаешь, куда он отправился?

Она покачала головой. Даже если бы она знала, то не могла просить совета у того, кто мог быть приспешником Матиаса.

— Как нам вернуть книгу? — спросил Маррок.

Оливия обошла Брэма и открыла ящик комода, расположенного за ним. Схватив ее, она протянула артефакт Марроку.

— Шок дал ее мне до того, как исчез.

— Он отдал ее тебе прямо в руки? — спросил Брэм.

— Да.

Челюсть каждого воина, казалось, повстречалась с полом. Руки Маррока приняли маленький красный предмет. Оливия была удивлена тому, как такая маленькая вещь могла принести столько мучений этому мужчине. Но она знала, что так и было, потому что этого хотела ее прапрабабушка.

Супруг распахнул книгу, перелистывая пустые страницы. Прежде чем он остановился,

его внимание обратилось к очередной пустой странице. Оливия была озадачена.

— Там что-то есть? — спросил Брэм.

Медленно Маррок кивнул.

— Каждой страницей этой книги Морганна однажды прокляла меня.

— Ну, что ж... Пора покончить с этим!

Замешательство Маррока усилилось.

«За нелюбовь я прокляла тебя и твое сердце

На жизнь без края нескончаемой нужды.

Лишь истинное чувство станет дверцей

В мир чистых и свободных помыслов души.

Теперь любовь твоя по-настоящему прелестна -

Я вижу это, в книге образ есть,

Твои самоотверженность и жертва стали всем известны.

Прощаю тебя, Маррок, прими любовь как честь».

Тишина в комнате оглушала, и Оливия уставилась на сверкающий паркет под ногами.

Он любил ее?

— Это твоя жертва, — произнес Брэм, обращаясь к Марроку, — твоя готовность отдать книгу во имя спасения Оливии.

Маррок не спеша кивнул.

— Я бросил книгу в Матиаса, и сквозь меня прошла волна. Холодный пот и головокружение я списал на нервы. Оказывается, это было концом проклятия, — воин прикрыл глаза. — Теперь я могу умереть.

Оливия проглотила всхлип, который разбил вдребезги ее минутное счастье. Спустя полтора тысячелетия одиночества кто угодно захотел бы уйти на покой. Он все время твердил, что искал смерти. Теперь, когда он может достичь желаемого, безмятежность Маррока был подавляющей для нее, даже болезненной. Она хотела прикоснуться к нему, любить его, заставить его жить, но она не будет цепляться за него, несмотря на то, как сильно нуждается в нем. Если смерть сделает его счастливым, она не может встать на его пути — ни как ле Фэй, ни как женщина. Его смерть разрушит их связь. Затем она обязательно разберется, как жить дальше. Она была сильной, его любовь делала ее такой. Она выживет, даже будет процветать. Ради него.

— Если ты хочешь умереть — да, — тихо произнес Брэм.

Оливия взглянула на Маррока, тоска разрывала ее на части. Он смотрел на нее, по его лицу невозможно было понять, о чем он думал. Никто никогда не любил ее. До сих пор. До него. Но его жизнь подчинялась его выбору, и девушка не могла его молить остаться. Тем не менее, она всегда будет скучать по нему.

Прежде чем она скажет "Прощай" Марроку, у нее оставалось последнее незаконченное дело.

— Кейден, я видела Анку с Матиасом, — Оливия закусил губу. — Она была обнажена и... он ласкал ее, заставляя реагировать. Она старалась сопротивляться.

— О, Господи, — мрачно пробормотал Айс.

— Новость о том, что она пережила Террифорз, убьет Лукана, — выдохнул Брэм. — Если, конечно, он переживет траур по своей паре, — продолжил он спустя мгновение.

— Пока Матиас слаб, мы должны направить наши силы на поиски Анки.

Оливия закачала головой.

— Матиас махнул рукой, и она исчезла. Я не знаю, отослал ли он ее к остальным Анарки или...

Она нежно коснулась рукой плеча Кейдена.

— Мне жаль, что я не смогла ей помочь.

Кейден сжал челюсти, но все же сумел покачать головой.

— Ты сама была в опасности. Спасибо за информацию.

Она надеялась, что это поможет, но учитывая то, что она видела, она не была уверена, что пара вновь сможет быть такой же, как раньше.

— Я надеюсь, ты найдешь ее, — прошептала девушка.

Брэм кивнул: — Мы разделимся. Айс и Герцог, выясните, сможете ли вы вернуться в туннель. Возьмите Кейдена с собой. Лукан упоминал, что ты умеешь обращаться с камерой?

Когда младший МакТавиш кивнул в ответ, Брэм произнес: — Возьми и сделай несколько фото. Возможно, там остались какие-то улики.

— Я собираюсь выследить Шока. Он может играть на стороне Матиаса сейчас, но я знаю, что он никогда не хотел причинить вред Анке. Мы найдем ее, — пообещал колдун.

— Я хотела бы помочь, чем могу, — предложила Оливия.

— Нет, — возразил Маррок.

— Слишком опасно, — подтвердил Брэм.

— Не только я рискую. Вы тоже каждый день жертвуете собой.

— Действительно, — ответил Маррок Брэму, озадаченно наблюдая за ними. — Я был ранен, и ты вернулся в бой, чтобы вынести меня оттуда.

— Оливия — наша героиня. Она применила магию, что позволило нам сбежать.

— Но ты заботился обо мне, несмотря на свой страх и риск.

Он протянул ему руку.

— Спасибо.

Рукопожатие длилось всего несколько секунд, но, казалось, между ними образовалась прочная связь. Маррок перевел взгляд на нее, и сердце Оливии ускорило свое биение. Его глаза не говорили ни о чем и в то же время обо всем. Ее сердце разрывалось. Он любил ее. Но этого было недостаточно, чтобы заставить его принять жизнь, в которой он испытал столько боли.

— После всего, через что тебя заставила пройти моя семья, я рада, что смогу помочь тебе обрести свободу. Я знаю, тебе пора... уйти на покой. Это то, чего ты хочешь. Я понимаю. Я всегда буду любить тебя.

Оливия успела закончить свою речь, прежде чем жгучие слезы оросили ее щеки. Она мягко поцеловала его в губы. До того, как она покинула комнату, ей на глаза попался Дневник Судного Дня. Она быстро схватила его и отдала в руки Брэму.

— Эта книга принесла слишком много страданий Марроку. И она мне не нужна. Я оставляю ее под вашей защитой. Я знаю, вы убережете ее от злых рук.

Брэм принял артефакт, но в его глазах не отразилось той ожидаемой радости.

— Ценой наших жизней.

— Мне будет спокойней со знанием, что она у тебя.

Она грустно улыбнулась ему, а затем, взглянув в последний раз на Маррока, почувствовала новую волну слез.

— Прощу прощения.

Дверь с мягким щелчком закрылась за ней. Маррок видел, как она уходит. Бессилие.

Боль. Черт, он не может причинить ей боль. Воин поднялся с постели, чувствуя четыре пары глаз на себе — поддержку своего Братства. Мужчины, которых он обучал, с которыми сражался бок о бок, в чьи руки вверил свою жизнь. После всего пережитого они стали кем-то вроде друзей, первых за все тысячелетие. Он мог оставить их всех, отбросить все связи, которые приобрел с тех пор, как Брэм прервал его сон с Оливией и заставил прийти в ее маленький магазин. Он теперь был свободен и мог беспрепятственно принять свою смерть.

Соскочив с кровати, Маррок взглянул на книгу, которую держал в руках Брэм.

— Моя жена права. Пусть книга остается у тебя. Теперь я не способен защитить такую ценную реликвию от темного колдуна. Но вместе вы сможете.

Его взгляд пробежался по Герцогу, Кейдену и Айсу. Затем он прошел к двери.

— Ты все-таки хочешь умереть? — спросил Брэм.

Положа руку на дверную ручку, воин замер.

— Нет.

Рион облегченно вздохнул.

— Тогда ты нужен нам. Мы не сможем победить Анарки без тебя. Ты неплохо вписываешься в нашу компанию. Оставайся. Сражайся на нашей стороне. Будь одним из нас.

Маррок обернулся, застигнутый врасплох проявленным не просто духом товарищества, но и дружбой.

— Это будет честью для меня. И я предпочту остаться в ваших рядах, если того пожелает моя супруга.

Герцог прочистил горло.

— Я только что услышал. Дочь Грея собралась обратно в Лондон.

Мысль о том, что Оливия покидает его, нещадно резанула по сердцу. Он не позволит ей просто так сбежать. Она не уйдет, пока он не скажет ей о том, что больше не хочет смерти или покоя. Он хочет ее.

— Сегодня можно отдохнуть. Завтра будьте готовы тренироваться так, что вы едва сможете стоять на ногах. Придется попотеть, парни.

Маррок закрыл дверь под их радостные возгласы.

Воин столкнулся с Оливией в холле, рядом с тем местом, где они однажды занимались любовью у стены. Это воспоминание заставило его кровь быстрее мчаться по венам. Он не мог смириться с мыслью, что может потерять ее навсегда.

— Погоди! Оливия...

Она развернулась, и вид ее слез блестевших в фиолетовых глазах безжалостно терзал его сердце. Маррок схватил ее за плечи и прижал ближе к себе.

— Любовь моя...

Она на мгновение прикрыла глаза и, казалось, успокоилась.

— Я рада, что ты пришел попрощаться. Ты наконец-то способен обрести покой. Я счастлива за тебя. Моя семья была виновна во всех твоих страданиях, поэтому я рада, что стала частью твоего спасения, — она нежно погладила его пальчиками по щеке, ее глаза были полны непролитых слез. — Я буду скучать по тебе каждый день моей жизни и никогда не забуду то, что именно ты научил меня любить...и дал понять, что я могу быть любима.

Оливия приподнялась на носочки. Прикрыв глаза, она снова прильнула к нему. Чувство волнения яркой лампочкой замигало в голове. Оно давило на него так сильно, что Маррок чуть не взорвался от перенапряжения. Кровь, казалось, ринулась в каждую клеточку его тела,

не преминув спустится к паху. Возьми ее, удержи. Она нуждается в тебе. Но он хотел, чтобы она осталась с ним по своей воле.

— Ты была не просто частью моего спасения, ты была ключом к нему. Я всегда верил, что ты была очень важным компонентом в разрушении моего проклятия. Я был прав... и ошибался. Ответ был не в том, чтобы принудить тебя использовать свою силу ле Фэй, чтобы снять заклятие, а в том, чтобы отпустить свои предрассудки и позволить себе влюбиться в тебя. Несмотря на то, ле Фэй ты или нет. Ты дала мне понять, что я жажду снять проклятие, не потому что хочу умереть, а потому что я наконец-то хочу просто жить. У тебя нет ни единой причины оставаться со мной, я знаю. Что ждет двадцатичетырехлетнюю современную женщину с мужчиной, который уже давно должен был превратиться в пыль? Если ты хочешь быть свободной, я не буду сопротивляться. Если пожелаешь, мы разрушим нашу связь. Но я не смогу покончить с этим. Никогда. Я хочу тебя как мою любовь и мою супругу.

У нее перехватило дыхание, и новая порция слез потекла по щекам.

— Ты не стремишься умереть?

— Не тогда, когда у меня есть столько причин для того, чтобы жить. Не тогда, когда у меня есть ты, — он нахмурился. — Надеюсь, мужчины все еще это делают.

Он встал на одно колено и взял ее руки в свои.

— Останься со мной. Будь моей женой.

Оливия ахнула, и снова слезы потекли по щекам.

— Серьезно?

— Я стар. У меня больные колени. Разве я стоял бы на них просто так?

Она рассмеялась, и свет счастья озарил ее лицо, напоминая ему об одной из многих причин, почему он так сильно нуждается в ней. Она была его светом. Его будущим.

— Я люблю тебя. Мне жаль, что я поверила своему отцу, а не тебе, — пробормотала она.

— Тебе была необходима отцовская поддержка, которой лишила тебя мать. Ты имеешь право на счастье. Я не могу изменить того, что она сделала с тобой, но я могу отдать тебе свое сердце и надеяться, что ты найдешь то, что ищешь, со мной.

Она кивнула.

— Я никогда не думала, что ты почувствуешь то же самое, что и я. Я боялась надеяться...

— Ты скажешь мне "да"?

— Да!

— Слава Богу. Я больше не могу ждать.

Маррок слегка подтолкнул ее к стене. Затем он впился в ее губы, разорвав поцелуй лишь тогда, когда они оба истратили воздух в легких.

— Наша любовь у стены войдет в привычку?

— Тебе нравится?

Он прижался своей эрекцией к своей паре, осыпая ее шейку мягкими, нежными поцелуями. Она замурыкала.

— Очень.

— Тогда — да. Я буду любить тебя так, как ты того захочешь.

Оливия нежно поцеловала в губы.

— Обещаешь?

— Обещаю. Хочешь, начнем прямо сейчас?

Конец!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

1,5 книга — Предназначенные

Ронан Вулвзи — неисправимый холостяк, пребывающий в вечном поиске женщины на одну ночь, чтобы насладиться...и забыть. Однако Кари Кесвик забыть невозможно. Он не может справиться со своей все усиливающейся одержимостью владелицей паба. Но его род был проклят еще тысячелетие назад, а это значит, что, если он поддастся искушению сделать Кари своей парой, это может стоить девушке жизни.

Вопреки тому, что Кари безнадежно влюбилась в Ронана с того момента, как он только появился в дверях ее заведения, она отказывается стать очередным трофеем его постельных подвигов. Тем не менее, неумолимая притягательность мужчины заставляет девушку сдаться на его милость, даже зная о том, что впоследствии он ее оставит. После проведенной вместе, несравнимой ни с одной из прошлых ночей любви, Ронан понимает, что жаждет получить эту женщину в свое полное владение навсегда. И тут наступает черед сделать судьбоносный выбор: позволить Кари жить собственной безопасной жизнью вдали от него, или поверить в то, что настоящая любовь сметет все преграды на своем пути.